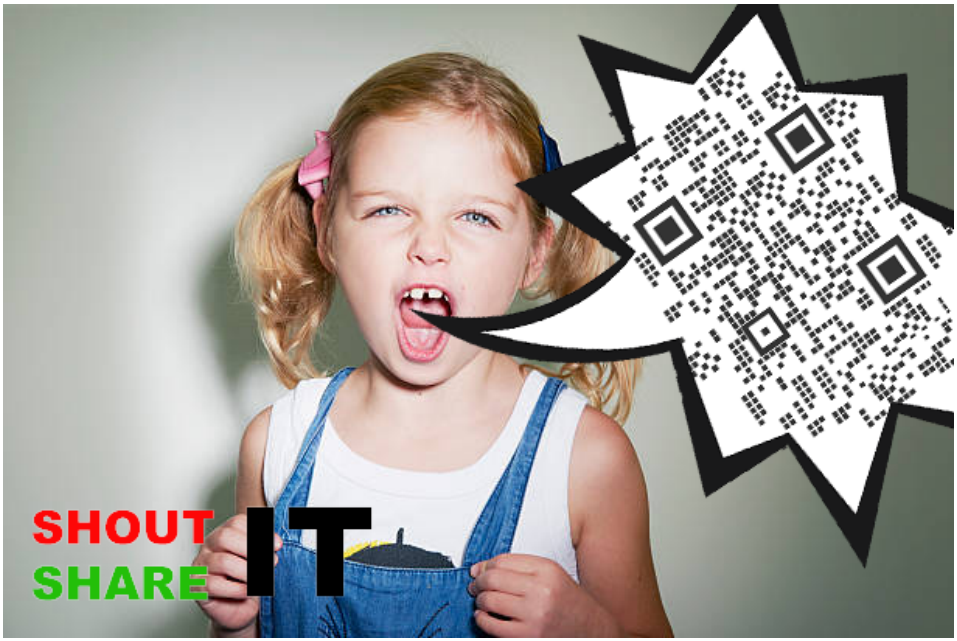
Виктор Кривопусков

Мятежный КАРАБАХ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о событиях драматического периода Нагорного Карабаха 1990–1991 годов. Автору — русскому офицеру, в то время начальнику штаба Следственно-оперативной группы МВД СССР в НКАО, удалось пробиться сквозь немоту карабахского лихолетья и с документальной точностью оставить достоверные свидетельства об участниках и лидерах Карабахского движения и подполья, а также о сотрудниках МВД СССР, офицерах и рядовых внутренних войск, сумевших в экстремальных условиях сочетать выполнение служебного долга с велением совести. Рассчитана на широкий круг читателей.

Made for library
LIBRUSEC

- Виктор Кривопусков
  - 1. От Автора
  - Авторское предисловие ко второму изданию
  - Первая горячая точка СССР
    - Первая дневниковая запись о Карабахе
    - Ашот Геворкян не дает адрес своих степанакертских родственников
    - Летим в Степанакерт вместе с Рижским ОМОНОМ
    - Странная картина в автономной области по данным официальных источников информации
    - Текущие сводки оперативной обстановки в НКАО
    - Оперативно-войсковые операции по проверке паспортного режима
    - В заложниках у армян четыре сотрудника МВД СССР
    - Народный депутат СССР Зорий Балаян
    - Роберт, Серж, Аркадий и холодная баня в комендантский час
    - Карабахский фильтропункт
    - Справка
    - Три крана

- Республиканский оргкомитет по НКАО
- «Давно не бывал я в Агдаме…»
- Роберт Кочарян возвращает солдата Руслана и автомат Калашникова
- Назик и ее земляки-аршалуйсцы
- Правдивые сведения о Карабахе в Москву в шифрованном виде
- Жанна Галстян
- Срочный вызов в Москву
- Похищение народного депутата СССР Бориса Дадамяна
- Из Карабаха только самолетом можно улететь
- Тутовка не водка, а лекарство Карабаха
- Новогодний подарок от КГБ Азербайджана
- Зорий Балаян пишет открытое письмо Борису Ельцину
- «КРИК» из карабаха в москве
- Сведения о сумгаитских событиях сократил редактор журнала «Сборник МВД СССР»
- Операцию «Кольцо» предотвратить не удалось
- О событиях в Баку 20 января 1990 года. Год спустя
- Зять Сталина: Нагорный Карабах — крутой узел солнечного сплетения Евразии
- Беседы о Карабахе с вице-президентом СССР Г. И. Янаевым
- Записные книжки генерала Старикова
- Последняя командировка в Карабах
- Шаген Мегрян
- Особый район чрезвычайного положения
- Шаумяновцы
- Бузлух

○ Из моих архивных папок

-
- Краткая историческая справка о Нагорном Карабахе
- Стратегия жить
- О чем молчит Карабах
- УКАЗ
- Перечень
- Из сообщения коменданта Района Чрезвычайного Положения
- Заявление

○ Опомнитесь, люди

- Спасибо тебе, Карабах!

Виктор Кривопусков
МЯТЕЖНЫЙ КАРАБАХ
Из дневника офицера МВД СССР

1. От Автора

Над моей привычкой упрямо записывать предстоящие дела и их результаты в блокноте коллеги обычно посмеивались. Спрашивали, какая у меня сверхзадача: сберечь записи до старости, чтобы потом издать многотомное собрание воспоминаний? Или что-то другое? Интересовались, веду ли учет приглянувшихся девушек и на всех ли стадиях знакомства? Я отшучивался и продолжал скрупулезно заполнять блокнот планами на день и на неделю, дополняя их многочисленными беглыми заметками о результатах встреч и деловых совещаний, просьбами и поручениями друзей. Более того, со временем я перестал механически выкидывать такого рода записи. И, оказалось, поступил на редкость мудро, ибо стопки исписанных листков сохранили для меня многие периоды жизни так достоверно, словно я вел настоящие дневники, с подробностями и деталями.

Позже, занимаясь научной деятельностью, я стал заводить и «обобщающие папки». Я вкладывал туда заинтересовавшие меня острые газетные статьи и другие публикации, затрагивавшие важные, на мой взгляд, проблемы. Со временем незаменимым помощником стал персональный компьютер. Собранное, углубляло и обогащало мои лаконичные записи.

Среди старых блокнотов есть один, к которому я испытываю особенные чувства. Он сохранил впечатления от трагических событий на Кавказе, воспоминания о войне, резко переменившей судьбы множества людей. В нем зафиксировано то, как события современной истории неожиданно и сильно ворвались в мою жизнь. Этот блокнот — «Карабахский». Стороннему человеку он бы показался неряшливым и не во всем понятным. Записи в нем хаотичны и торопливы. Много незаконченных фраз, сокращенных фамилий, названий городов и селений, загадочных цифр.

Но когда я сам открываю наугад страницу, мне не только все ясно, передо мной оживают знакомые, полюбившиеся мне люди, жители Карабаха, ставшие тогда жертвами террора, обожженные и оскорбленные несправедливой войной, в которую мы все невольно оказались втянутыми. Вспоминаются острейшие конфликты, напряженные ситуации, постоянно чреватые возможной гибелью множества мирных людей, в том числе — детей и стариков. И я снова до боли в сердце начинаю переживать, вроде уже забытое, так, словно оно происходило вчера.

С тех пор прошло более десятка лет. Все чаще и настойчивее

стала появляться мысль расшифровать карабахские записи, чтобы не стерлись из памяти события, факты, имена, удивительное мужество людей, их терпение и благородство, проявившиеся в нелегкие времена. Времена, по моему глубокому убеждению, достойные того, чтобы остаться в памяти истории. Так появилась книга «Мятежный Карабах».

Я должен познакомить читателя с сотрудниками МВД СССР, офицерами и рядовыми внутренних войск, которые по долгу службы были командированы в Карабах, совсем немного, а иногда и просто ничего не зная об этой автономной области, ее истории и трагических событиях, которые там разворачивались. Разобраться в происходящем было очень непросто. А ориентироваться и принимать решения следовало самостоятельно и скоро, иной раз не только по Уставу и командирскому приказу. Ибо ценой промедления становилась чья-то жизнь. Часто — многие жизни. Думать надо было быстро, полагаясь нередко на приказы совести и интуицию. Этому нас не учили. Более того, это запрещено в любой армии. Но людей на наших глазах убивали и грабили. А ведь мы были направлены в Карабах для того, чтобы действовать там, как полноправные представители Советского Союза — великой страны, ее армии, милиции, власти, наконец.

Офицеры и солдаты внутренних войск, сотрудники МВД СССР, выполняя свой долг и нелегкую миссию в Карабахе, сами ежедневно подвергались смертельной опасности. Их действиями в Районе чрезвычайного положения обеспечивался не только определенный правопорядок, но, что самое важное, массового кровопролития в Карабахе они не допустили.

Однако нельзя не признать, что, несмотря на огромные усилия личного состава внутренних войск и сотрудников МВД СССР, им не удалось в полной мере обеспечить в НКАО соблюдение законных прав граждан на безопасность, на допустимые в рамках чрезвычайного положения политические волеизъявления и социально-экономическую деятельность.

Многим из нас скоро стало ясно, что нашими руками хотят творить дела неправедные. А здесь весьма активно действовали те, кто был заинтересован в том, чтобы мы не понимали, в чем нас вынудили участвовать. Позже это непонимание больно аукнется, приведет к развалу Советского Союза. Известно, что любое противостояние добра и зла, закона и беззакония редко встречается в чистом виде. Примеры преступлений можно встретить у каждой из противоборствующих сторон. Но при этом нельзя позволять корыстолюбивым политиканам запутывать происходящее так, чтобы правду и ложь невозможно было

различить. К сожалению, всегда находится немало влиятельных людей, создающих именно на лжи свою карьеру и преуспеяние. Наша задача тогда была — не попасть под их влияние, соблюсти закон и справедливость. Для чего требовалось получать самую разностороннюю информацию и, всерьез раздумывая над ней, осознавать происходящее в регионе, в стране.

Мои карабахские записки — это рассказ о конкретных событиях, об их участниках, мало кому известных. В ряде случаев персонажи книги, сталкиваясь друг с другом, ничего не знали о дальнейшей судьбе новых знакомых. Особенно это относится к участникам Карабахского движения и тем более-подполья. Многие из них находились по вполне понятным причинам в условиях и обстановке сугубо секретной. В одних случаях я знал, в других — догадывался, что они участники подполья. Люди эти действовали как в областном центре, так и во всех районах, вплоть до отдаленных сел. Однако я конкретно общался всего лишь с некоторыми из них. Поэтому в моих записках упоминаются имена совсем немногих. Но это все — реальные события и реальные люди с их реальными поступками. Мужественные. Самоотверженные. На мой взгляд, они достойны того, чтобы о них знали соотечественники и широкий читатель. Тем более, что события в Нагорном Карабахе и в XXI веке продолжают привлекать к себе внимание мирового сообщества.

Не мне судить, справедливо это или нет, но дневник содержит записи в основном об одной стороне межнационального конфликта — армянской. В этом нет отражения моих личных симпатий. Такова была истинная картина жизни, представшая передо мной. Так тогда реализовывалась государственная политика СССР в отношении армянского населения НКАО. Я стремился изложить события честно, не конъюнктурно. Хочу верить, что читатель почувствует это.

И еще. Работа над этой книгой началась после «американской трагедии» 11 сентября 2001 года. Тогда эта трагедия показалась пределом террористического безумия. А ведь и до нее происходили террористические акты в России: Буденовск, Волгодонск, Каспийск, дома в Москове на Каширском шоссе и улице Гурьянова. И, чуть позже, вновь Москва, Россия, весь мир оплакивали жертвы чеченских и других террористов в театральном центре на Дубровке, на стадионе Тушино, в метро и у станций московского метро, авиарейсов над Тулой и Ростовской областью, при захвате Бесланской школы № 1, подрывах электрички на Мадридском вокзале, гостиниц в Турции, Египте, Лондонском метро… Число жертв — это тысячи безвинно погибших людей разных национальностей и вероисповеданий,

разных стран и континентов…

Каждый раз, читая свои дневниковые записи, я невольно задумываюсь над тем, что, если бы тогда, в конце 80-х — начале 90-х годов XX века советское руководство, главы великих держав, мировое сообщество дали бы необходимую политическую и юридическую оценку убийствам армян, погромам и насилиям в Сумгаите, Кировабаде, Баку, в Нагорном Карабахе, в Азербайджане в целом, то может быть, человечество сумело бы избежать нынешнего разгула мирового терроризма.

13 февраля 2003 года.

Авторское предисловие ко второму изданию

Мои встречи с читателями и героями книги «Мятежного Карабаха», Интернет-письма, телефонные звонки, пришедшие от соотечественников, а также из Азербайджана, Армении, других стран СНГ, США и Франции, заставили меня вернуться к моему карабахскому дневнику и подготовить второе издания. Мои читатели разделились, как бы, на две группы. Одни — и до моей книги многое знали о том, что происходило в Карабахе, знакомы с его историей. Другие, а их значительно больше — не знали почти ничего. Да это и не мудрено. Теперь-то, известно, что информационная блокада вокруг Карабаха и дезинформация о событиях в нем были обычным делом для политики Горбачева и руководства советского Азербайджана.

Пришлось более пристрастно перечитать страницы дневника, выявить «молчавшие», поработать со своими архивными папками, обратиться к другим авторитетным источникам. Прошлое предстает мне теперь еще более обогащенным данными о глубине трагических событиях в Карабахе, в том числе и последовавших за теми, в которых был участником или чему был очевидцем. Оно пополнилось достоверными свидетельствами товарищей по службе, аналитическими статьями ученых и публицистов, документами, тогда недоступных, и опытом человечества, хоронящего невинные жертвы фанатизма и жестокости.

Практически все читатели, по их признанию, впервые из моих записок узнали немало новых и важных сведений о Карабахе того времени. О некоторых из них просят рассказать подробно. Очевидно, они искренне хотят разобраться и понять, что надо сделать для того, чтобы подобные народные трагедии не повторялись, остановить терроризм в любых проявлениях, чтобы в будущем не допустить к политике людей, которые могут в угоду своим личным амбициям предать интересы собственных народов, толкнуть их на взаимное истребление.

Во втором издании книги «Мятежный Карабах» появились новые главы и иллюстрации. Смею надеяться, что они помогут читателю лучше разобраться в карабахских событиях, а также в сложных переплетениях межнациональных отношений народов в Российской империи, Советском Союзе, в нынешней Российской Федерации, в том, какую опасную роль сыграли в нашей жизни межнациональные конфликты, как опасно недооценивать, тем более способствовать их раздуванию.

2006 год

Первая горячая точка СССР
Противостояние
Подполье
Борьба с терроризмом

Светлой памяти моих родителей: отца Владимира Антоновича, храброго участника трех войн, матери Ксении Дмитриевны, заслуженной труженицы тыла Великой Отечественной войны, сумевшим сохранить в себе, передать детям, внукам и правнукам человеколюбие, ценности чести и долга.

Первая дневниковая запись о Карабахе

Первая запись о Карабахе в моем рабочем дневнике сделана 11 октября 1990 года. В этот день я был на оперативном совещании у заместителя министра внутренних дел генерал-лейтенанта милиции Стасиса Генриковича Лисаускаса. Приказом МВД СССР № 368 от 2 октября я был включен в Следственно-оперативную группу (СОГ МВД СССР), направляемую в Нагорно-Карабахскую автономную область Азербайджанской ССР на три месяца для оказания практической помощи в предотвращении и расследовании преступлений, совершаемых на межнациональной почве. Группа формировалась из опытных сотрудников различных управлений и подразделений союзного министерства, в нее вошли и сотрудники МВД Казахстана, Киргизии и Туркмении. Вместе с группой летел в Карабах взвод рижского ОМОНа.

Руководителем Следственно-оперативной группы МВД СССР был назначен полковник милиции Виктор Семенович Гудков, старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД СССР. Вылет в Карабах был уже определен: 15 октября 1990 года из аэропорта «Чкаловский».

Первые страницы дневниковых записей связаны с подготовкой к той нашей долгой командировке. Перечень вопросов большой. Немало дел надо завершить до отлета в Карабах, но главное — поручения нового руководителя Следственно-оперативной группы МВД СССР в Нагорно-Карабахской автономной области полковника Гудкова.

В Управлении профилактической службы МВД СССР я занимался вопросами прогнозирования и профилактики преступлений на межнациональной почве на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии. Попросту говоря, мне вменялось следить за событиями в горячих точках, в зоне моего внимания были Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Душанбе и т. д. Особо пристально я должен был исследовать то, как влияет религиозная ситуация, в первую очередь — ислам, на состояние криминогенной обстановки в стране.

Понятно, что первые задания от полковника Гудкова я получил, в связи с подготовкой для группы необходимых аналитических сведений о Нагорном Карабахе, народах, населяющих его, о политической и оперативной обстановке в НКАО и Азербайджанской ССР в целом. Я принялся собирать материал.

До отлета нам предстояло получить личное табельное оружие и новую форму. Аппарат МВД формировался тогда из двух служб — собственно милиции и внутренних войск. Форма у каждой службы своя. Во вновь созданной группе часть сотрудников имела

милицейские звания, а часть — звания офицеров внутренней службы. Отправляясь в Карабах, мы получили единую форму: летнюю и зимнюю омоновскую одежду. Тогда она еще только вводилась. Новое обмундирование, действительно, позволяло населению сразу выделять нас среди сотрудников милиции и офицеров-войсковиков, и это обеспечивало определенную безопасность. Оружие же в те времена полагалось иметь далеко не всем сотрудникам милиции, да и из тех, кому это было разрешено, редко, кто носил его постоянно.

Так начался длительный и чрезвычайно важный этап в моей жизни, о котором читатель узнает со страниц этой книги.

Ашот Геворкян не дает адрес своих степанакертских родственников

В дневнике сохранился список тех, с кем надо было успеть повидаться до отъезда в НКАО. Даже с самыми близкими друзьями в этот напряженный период подготовки к отлету я мог встречаться только по вечерам. Но и не встретиться нельзя: исчезаю на целых три месяца. К тому же горячие точки внутри страны стали в этот период не такие уж и безопасные. Конечно, Карабах — это не Афганистан, однако и далеко не курортное место, как мы привыкли воспринимать Закавказье.

Соблюдая добрую традицию, выработанную комсомольской практикой, перед каждой командировкой я старался связаться, а лучше встретиться с уроженцем или знатоком тех мест, расспросить про местные нравы, особенности истории и т. д. Из Карабаха был мой друг Левой Айрапетян, коллега по аппарату ЦК ВЛКСМ, в недавнем прошлом руководитель одной из крупнейшей в СССР Всесоюзной ударной комсомольской стройки по освоению нефтегазовых месторождений Крайнего Севера. Помню, как в наших совместных командировках в Новгородскую область, на Сахалин и Японию Левой рассказывал мне, что он родом из Карабаха, а главное — из села Банк, что рядом со знаменитым храмом Гандзасар. Однако разговор с ним о Карабахе в этот раз состоялся только по телефону. Он улетал в Тюмень.

В последний вечер перед вылетом в Степанакерт в популярном тогда кафе «Радуга» на Таганке собрался узкий круг моих старых друзей. Среди них братья Ашот и Самвел Геворкяны. С Ашотом я дружил около десяти лет, он был хирургом, кандидатом медицинских наук и работал в онкологическом центре на Каширском шоссе. Самвел приехал к младшему брату в гости. От братьев Геворкян я надеялся «добрать» информации о Нагорном Карабахе.

Летом 1988 года вместе с семьей я провел большую часть отпуска на родине Ашота, в городе Октемберяне. Тогда-то с ним, а иногда и вместе с Самвелом мы немало поколесили по Армении. Родители Ашота, тетя Лида и дядя Арташес, обладали особым сердечным гостеприимством и потому, наверное, их дом был полон людей: многочисленные родственники, друзья, соседи, а нередко совсем незнакомые люди, нуждающиеся в помощи и советах Ашота, уже известного московского доктора-онколога. Все они находили место за длинным хлебосольным столом под раскидистым абрикосовым деревом во дворе. Как же было

замечательно участвовать в этих бесконечных встречах и знакомствах, среди тостов и страстных дискуссий!..

Атмосфера 1988 года в Армении была горячая, митинговая. Многое в самом раскаленном варианте приносилось прямо с Театральной площади Еревана, где ежедневно шли митинги, собирающие десятки тысяч армян, специально съехавшихся, как мне казалось, со всего света. И главной темой, конечно же, был Нагорный Карабах, вернее, проблема его воссоединения с Арменией.

В доме Ашота я познакомился с его родственниками из Степанакерта. Они угощали нас настоящей тутовой водкой и очень гордились тем, что даже в период жестокой горбачевской борьбы со спиртными напитками им, карабахцам, было официально разрешено производить тутовку собственного изготовления. Я вспомнил об этих родственниках в свой прощальный московский вечер. Уже выходя из кафе, я попросил Ашота дать их адрес. Каково же было мое удивление, когда он довольно холодно спросил:

— Зачем тебе их адрес?

— Я же их знаю, они помогут мне разобраться в местной обстановке, расскажут по совести, что в НКАО происходит. Да и я могу оказаться им полезным. Не чужой же я им? Помнишь, тогда, в Октемберяне, ты говорил, что твои друзья и родственники стали моими, и наоборот. Да, наконец, они сами меня в гости приглашали.

— Так-то оно так, но адреса я не дам. Поезжай и разберись во всем. А когда выработаешь собственную позицию, позвони мне в Москву, тогда адрес и получишь.

Я стал объяснять Ашоту, что в соответствии с инструкциями связаться с ним по телефону я не смогу. По обычной междугородной связи нам звонить запрещено, так как не исключено прослушивание со стороны противоборствующих сил. Даже письма в интересах безопасности нам и нашим родственникам рекомендовано отправлять по спецпочте. И домашний адрес у всех сотрудников группы теперь в Москве один — тот, где расположено наше МВД СССР: улица Житная, 16. Деловые разговоры с Москвой ведутся только по спецсвязи «ВЧ», которая для него попросту недоступна.

Поначалу я принял слова Ашота за шутку. Затем почувствовал, что есть у него свои резоны для осторожности. Только в чем же дело? Может, я когда-то подвел его? Кому и как может помешать мое общение с его родными? Однако Ашот упрямо отказывался давать координаты.

— Ты летишь не в гости, не в отпуск. У тебя важное, ответственное, думаю, даже опасное задание. Обстановка в Азербайджане накаляется стремительно. Разрушается на глазах то, что десятилетиями всем нам казалось незыблемым. В Карабахе много смешанных армяно-азербайджанских семей. Большинство из них распались. Что будет дальше? Кто скажет, что тебя там ждет? Ты должен, ты обязан выполнить государственное поручение, свой долг, наконец. Знаешь, я ничуть не сомневаюсь в твоей порядочности. Но тебе полагается самому во всем разобраться. Не испытывая стороннего давления. Я уверен, мои родные плохого тебе не посоветуют. Но лучше, если ты к ним придешь, когда будешь в курсе всего, что там происходит. В своих решениях ты должен опираться на собственные впечатления. И не обижайся, думаю, мы с тобой настоящие друзья.

Несмотря на некоторое оставшееся между нами непонимание, мы тепло распрощались. Однако даже несколько дней спустя меня не покидала обида: почему Ашот допускает, что личные интересы способны мне помешать выполнить служебные обязанности?

Лишь много позже я осознал, насколько нравственно щепетильным и предусмотрительным был Ашот. Какой мучительный выбор не раз пришлось мне делать, чтобы занимать твердую позицию в оценке карабахских событий! Действительно, прямо на глазах разваливались, казалось бы, незыблемые устои великой многонациональной страны. Друзей у меня, благодаря работе в комсомоле и службе в МВД СССР, было много. Практически во всех союзных республиках. И в Армении, и в Азербайджане. Причем дружили-то мы все вместе, я был в этом совершенно уверен. И только значительно позже понял, что хотя наш век позволил нам познать радость счастливого братского межнационального общения, но он же заставил испить терпкую горечь неожиданно вспыхнувшей ненависти, не говоря уже о тяге немалого числа национальных лидеров к нарезанию непроходимых межнациональных границ.

Конечно, наш разговор с Ашотом в Москве выглядел странным. Казалось бы, это Ашот должен был просить меня внимательнее отнестись не только к его родственникам, но и в целом к своим соотечественникам. Но теперь, по прошествии времени, несмотря на то, что в карабахском дневнике за 1990 год адрес степанакертских родных Ашота Геворкяна отсутствует, в моей памяти хорошо сохранилась живая запись о товарищеском и гражданском поступке армянского друга. Оказалось, это не

только укрепило нашу дружбу, но и сделало возможным нам обоим быть счастливыми свидетелями трогательных московских встреч наших отцов — фронтовиков Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Летим в Степанакерт вместе с Рижским ОМОНОМ

15 октября 1990 года. 6 часов утра. Сбор личного состава Следственно-оперативной группы на первом этаже Министерства внутренних дел СССР. На наши проводы пришли первый заместитель министра генерал-полковник внутренней службы Иван Федорович Шилов, заместитель министра генерал-лейтенант внутренней службы Стасис Генрикович Лисаускас, руководители главков, управлений, чьи сотрудники направляются в Карабах.

Присутствующий на проводах первый заместитель начальника нашего Управления профилактической службы МВД СССР генерал-майор милиции Вячеслав Васильевич Огородников с января по апрель 1990 года возглавлял аналогичную группу в Карабахе, до этого он прошел Афганистан. Ему есть чем с нами поделиться. Стараюсь запомнить его дельные советы. Ситуация в Карабахе действительно осложняется с каждым днем. Нередко теперь там применяется оружие. Конечно, прежде всего, надо усилить профилактическую работу. В условиях чрезвычайного положения в регионе она, по сути, единственная демократическая форма взаимоотношений милиции с населением, с лидерами Карабахского движения.

Вячеслав Васильевич старается ничего не упустить, вплоть до мелочей. Все важно в этой ответственной командировке: и где лучше разместиться, и в чем соблюдать особую осторожность, и с кем повидаться в первую очередь. Записываю фамилии некоторых сотрудников республиканского министерства и УВД НКАО, ряда начальников райотделов милиции и кое-что еще. Вижу по окружающим, осознаю, что для нас такое внимание — явление совершенно необычное: трогательное и тревожное.

По команде руководителя группы полковника Гудкова проходит построение. Короткое напутствие первого заместителя министра Шилова. Зачитан приказ № 1 по Следственно-оперативной группе МВД СССР в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Распределены обязанности. Я назначен начальником штаба группы. Генерал Огородников удовлетворенно подмигивает мне: знай, мол, наших! Значит, назначение — не без его участия. Что ж, это не только оценка предыдущего, но и аванс на будущее. Садимся в автобусы — и к самолету в военный аэропорт «Чкаловский».

Прямо в автобусе полковник Гудков торопится обговорить со мной первые задачи: обеспечить должным образом прибытие личного состава на место назначения.

Замечу, что с Виктором Семеновичем Гудковым у нас сразу сложились добрые деловые отношения, сочетающие в себе и искренность, и требовательность. Этот уже немолодой человек был важняком в сыскном деле, имел высочайший авторитет в уголовном розыске страны. Участвовал в расследовании погромов и убийств в Сумгаите, Баку и Кировабаде. Он всегда занимал независимую и четкую позицию, что было совсем непросто в тех условиях, и не раз в трудную минуту, отстаивая наши справедливые интересы, поддерживал мои действия в Карабахе перед руководством МВД СССР.

Летим военно-транспортным самолетом ИЛ-76 ТМ, без всякого комфорта. Под нашими полками тонны мешков и ящиков с продовольствием. Маршрут не прямой, а через Ригу, где мы должны забрать отряд рижского ОМОНа (Отряд милиции особого назначения), поступающий в распоря

жении Коменданта Района чрезвычайного положения. Он будет участвовать в спецмероприятиях против вооруженных незаконных формирований, в проведении оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима в населенных пунктах НКАО и прилегающих к ней районах Азербайджанской ССР.

В аэропорт города Гянджи прилетаем поздним вечером. Чуть больше года назад этот город назывался еще Кировабадом (в царское время — Елизаветполем, в древнеармянское — Гандзаком). Нас встречают коллеги, которых мы прибыли сменить. Среди них подполковник милиции Александр Борисович Наконечников, мой товарищ и наставник по Управлению профилактической службы МВД СССР. Несмотря на суматоху, он умудряется, дать мне несколько дельных житейских советов и вручить небольшую коричневую записную книжку, исписанную мелким убористым почерком. Там, как я потом прочитал, была заботливо подготовлена специально для меня краткая характеристика обстановки в Районе чрезвычайного положения на последний момент, статистика уголовных дел, несколько имен офицеров карабахской милиции и военной комендатуры, с которыми я мог в первую очередь установить деловые контакты. Я потом не раз добрым словом вспоминал Александра Борисовича. Сведения из его записной книжки помогли мне быстрее войти в курс чрезвычайной ситуации. Скоротечный обмен приветствиями и взаимными пожеланиями. Обнимаемся, желаем друг другу удачи. Наши коллеги садятся в самолет и — домой, в Москву. Мы — в автобусы. Едем в Степанакерт, столицу

Нагорного Карабаха. Нельзя не заметить, что мы прибыли в зону конфликта. Колонну наших автобусов возглавляли и замыкали военные фургоны с автоматчиками. От Гянджи до границ автономной области нас сопровождают сначала машины ГАИ с азербайджанскими милиционерами, дальше — армянские сотрудники ГАИ.

Местом проживания в Степанакерте на три месяца стала лучшая в городе гостиница «Карабах», расположенная рядом с бывшим обкомом партии, в котором теперь Комендатура района чрезвычайного положения (далее — КРЧП).

Нашими соседями стали офицеры Комендатуры, а также многочисленные постояльцы — беженцы-армяне из Шуши, Кировабада, Баку и других районов Азербайджана. Для нас с замполитом группы — старшим инструктором Главного политического управления МВД СССР подполковником внутренней службы Николаем Александровичем Журавлевым — был выделен 412-й номер, трехкомнатный люкс, еще сохранивший прежний комфорт, с аппаратами прямой связи со штабом нашей группы и комендантом Района чрезвычайного положения.

16 октября 1990 года. 9.00. Личный состав группы собран в здании Управления внутренних дел НКАО Азербайджанской ССР, где нам предстояло работать. Знакомимся с руководителями Управления во главе с генерал-майором внутренней службы Владимиром Владимировичем Ковалевым. С этого момента мы приступили к исполнению своих служебных обязанностей в Нагорном Карабахе.

С учетом поставленных задач деятельность личного состава группы была сосредоточена, в основном, на трех направлениях:

а) проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлений на межнациональной почве;

б) проведение профилактической работы среди населения по предупреждению преступлений на межнациональной почве;

в) участие, в том числе совместно с воинскими подразделениями и местными правоохранительными органами, в проверке паспортного режима, в разведывательно-поисковых и других специальных мероприятиях по выявлению незаконных вооруженных формирований, изъятию оружия и боеприпасов.

Штаб группы организовал круглосуточное дежурство и принял от руководителя предыдущей СОГ МВД СССР, заместителя начальника Главного управления ГАИ МВД СССР генерал-майора милиции В. М. Ишутина материалы следственных дел, имущество, автотранспорт и т. п. Сотрудники группы

приступили к организации работы Степанакертского фильтрационного пункта и несению службы в двух изоляторах временного содержания (ИВС). Одного — в цокольной части здания УВД НКАО в Степанакерте, другого — в тюрьме города Шуши.

Так начался карабахский период моей жизни. Никогда — ни раньше, ни позже — у меня не было столько оснований вести регулярные дневниковые записи.

Странная картина в автономной области по данным официальных источников информации

Перед командировкой в Нагорно-Карабахскую автономную область руководство нашего Управления МВД СССР поставило передо мной четкую задачу: наряду с участием в решении общих оперативно-следственных задач группы, постоянно изучать сложившуюся в НКАО ситуацию, а также регулярно готовить для руководства министерства и страны предложения по урегулированию межнационального конфликта. Еще в Москве, анализируя оперативные сводки и другие официальные материалы, я обратил внимание на противоречивость картины конфликта. Данные, полученные в МВД СССР, порой выглядели просто странно. Число жителей-азербайджанцев в автономной области в три раза меньше, чем армян, а фактов гибели, ранений, взятия заложников среди армян, поджогов жилых и производственных помещений, угона скота из армянских сел — в два раза больше. А по некоторым правонарушениям виновников армян — все сто процентов. По логике, все должно быть наоборот: большинство диктует меньшинству свои условия.

В моей записной книжке приведены следующие данные. Они красноречивы и заставляют задуматься. За 1990 год в НКАО в результате межнациональных конфликтов погибли 45 человек, из них 28 — армяне, 15 — азербайджанцы, двое — военнослужащие. Заложниками за это время побывали 72 человека, в том числе 46 армян и 22 азербайджанца. За прошедший год с территории автономной области угнали 5 тысяч голов крупного рогатого скота, в то время как за два предыдущих года — всего 1,5 тысячи. 80 процентов скота было угнано азербайджанцами, как правило, вооруженными автоматическим оружием.

Нельзя было не заметить, что статистика уголовных дел, заведенных в области по преступлениям на межнациональной почве, имела мононациональную армянскую окраску. По данным, составленным заместителем руководителя нашей группы по следствию подполковником Игорем Дмитриевичем Пашковым, на октябрь 1990 года было возбуждено 27 уголовных дел по преступлениям на межнациональной почве. Только 2 из них — против азербайджанцев. Преступления, совершенные азербайджанцами на территории НКАО, оставались безымянными и никогда не раскрываемыми. А многие даже просто не регистрировались.

В 1990 году проведено 160 оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима и выполнению Указа Президента СССР от 25 июля 1990 года «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятии оружия в случае его незаконного хранения». Из них 156 — в городах и селах, где живут только армяне. Несомненно, все эти факты нуждались в объяснении.

Межнациональный конфликт в НКАО за два года не только не получил политического разрешения, он приобрел хронический характер, перерос в вооруженное противостояние. Было бы чистым фарисейством говорить об интернациональности отношений между двумя народами СССР. Мог ли способствовать снятию напряжения ряд решений азербайджанских высших руководящих органов, согласованных, правда, с ЦК КПСС и Верховным Советом СССР?

17 сентября 1989 года Верховный Совет Азербайджанской ССР принял конституционный закон, по которому республика провозгласила право учреждать и упразднять автономные образования на своей территории. Ничего не говорящее решение для того, кто живет далеко от Азербайджана. Но оно имело жесткую и четкую направленность: Нагорно-Карабахскую автономную область.

14 января 1990 года Верховный Совет Азербайджанской ССР объединяет два соседних района — армянонаселен

ный Шаумяновский и азербайджанский Касум-Исмайловский в один — Геранбойский. Был район исторически компактного проживания армян. Теперь его не стало. Какие могут быть притязания у армян, когда в новом административном районе они составляют всего-то двадцать процентов. Умышленно ли так решило руководство Азербайджана? Ну, разумеется.

15 января 1990 года в НКАО и некоторые другие районы вводится Чрезвычайное положение. В связи с этим приостановлена деятельность Областного и районных Советов народных депутатов НКАО, Нагорно-Карабахского обкома компартии, партийных и всех общественных организаций и объединений в областном центре Степанакерте и четырех армянонаселенных районах. Но в той же НКАО в Шушинском районе, где живут практически одни азербайджанцы, сохранена деятельность всех конституционных органов власти. При этом, в отличие от армянских населенных пунктов, в азербайджанских селах области партийные организации не упразднили, наоборот, в них созданы парткомы с правами райкомов партии.

Снабжение жителей НКАО продовольственными и

промышленными товарами осуществлялось с перебоями, было прекращено пассажирское сообщение по железной дороге, автомобильные магистрали для армянского населения закрылись, резко сократилось количество авиарейсов Степанакерт — Ереван. Других рейсов просто не существовало. Предпринимались попытки депортации армян из Гадрутского, Шушинского и Шаумяновского районов НКАО, сел Геташен и Мартунашен Ханларского района Азербайджана.

Мои записи, сделанные на совещаниях у коменданта РЧП генерала Сафонова, а также в Республиканском оргкомитете по НКАО, у его председателя, второго секретаря ЦК компартии Азербайджана Виктора Петровича Поляничко, свидетельствовали о том, что, если речь шла о снабжении продовольствием, жилищном строительстве, ремонте школ и больниц, других жизненно важных вопросах, то подразумевалось лишь азербайджанское население. А когда планировались проверки паспортного режима и оперативно-войсковые операции по изъятию незаконно хранимого оружия, это касалось только армянского населения.

Обстановка в Карабахе, как показывали официальные данные, характеризовалась, к сожалению, статистикой нарастающей конфликтности. Я понимал: готовя предложения для Москвы, мне предстоит существенно расширить круг источников информации. И осознавал, насколько это все важно.

Текущие сводки оперативной обстановки в НКАО

Сводки об оперативной обстановке по каждому району из городских и районных отделов милиции к нам поступали через дежурную часть УВД НКАО по утрам ежедневно. Это были данные за прошедшие сутки. Кроме того, мы получали сведения из штаба Комендатуры района чрезвычайного положения. Чтобы вовремя уловить тенденции развития криминальных событий, приходилось постоянно обобщать и анализировать данные. Вот, например, что произошло в НКАО с 19 по 29 октября 1990 г.

За это время было проведено семь оперативно-войсковых операций в Аскеранском, Гадрутском, Мардакертском, Мартунинском районах и городе Степанакерте. Изъято 34 единицы огнестрельного оружия, в том числе 15 автоматов Калашникова, 4 винтовки, 3 карабина, 6 охотничьих ружей, 2 гранатомета, 2 пистолета, 82 боевых гранаты, 136 магазинов к автоматам «Калашникова», 6142 боевых патрона, 83 — охотничьих, 205 кг взрывчатки, 128 запалов и детонаторов, 150 метров бикфордова шнура, 6 кг пороха, 2 кг дроби, 2 переносных радиостанции, 1 радиотелефон системы «Алтай», 2 бинокля, 15 госномерных знаков для автомашин, из них — 3 военных, 1 ящик медикаментов, 200 листовок антисоветского содержания. Задержано и арестовано 72 правонарушителя.

20 октября возле села Срхавенд Мардакертского района группой азербайджанцев в качестве заложников взяты 4

студента Степанакертского сельхозтехникума, в том числе 2 девушки. Принимаются энергичные меры по установлению их местонахождения, предотвращению бесчинств по отношению к ним.

На участке дороги Ленинаван — Мирбашир Мардакертского района (граница НКАО с азербайджанскими районами республиканского подчинения) обстреляна азербайджанская автоколонна, имеются раненые.

21 октября в пяти километрах от села Хачмач Аскеранского района обнаружен склад оружия и боеприпасов. По имеющимся данным, все это было доставлено вертолетом без опознавательных знаков лицами в форме военного образца, называвшими себя «афганцами». В административном порядке на месте изъятия оружия задержаны местный житель В. Суятян и житель города Еревана Ж. Акопян.

20–23 октября в центре Степанакерта на площади, возле здания комендатуры РЧП была предпринята попытка проведения демонстрации студентов и жителей города с требованиями немедленного освобождения азербайджанцами четырех студентов Степанакертского сельхозтехникума, взятых в заложники, и наказания виновных за насильственный захват подростков, с осуждением политики бездействия Москвы в отношении законных требований жителей НКАО о выходе из состава Азербайджана.

25 октября в селе Гадрут в доме кооператора Б. С. Амирджаняна, на основании данных оперативного источника, обнаружено и изъято 5 самодельных автоматов под патрон 5,6 мм, 106 магазинов к ним емкостью 25 патронов каждый, изготовленных заводским способом, 4 винтовки с 472 боевыми патронами, радиостанция «Клен», 15 номерных знаков к автомашинам с сериями российских территорий. По этим фактам возбуждено уголовное дело по ст. 220 УК Азербайджанской ССР (ст. 228 УК РСФСР), проводится расследование.

В городе Степанакерте на электротехническом заводе в тайнике в инструментальном цехе обнаружено значительное количество заготовок и шаблонов для изготовления самодельных пистолетов под патрон 7,62 мм. За изготовление деталей к оружию задержан слесарь завода Р. Г. Погосян. При обыске его квартиры по улице Энгельса, дом 28 обнаружены аналогичные заготовки. Возбуждено уголовное дело, ведется расследование.

Оперативно-войсковые операции по проверке паспортного режима

По оперативным данным получалось, что на осложнение обстановки в НКАО и прилегающих к ней районах наиболее негативно сказывается наличие у населения огнестрельного оружия и боеприпасов. Перед внутренними войсками и Следственно-оперативной группой МВД СССР была поставлена задача — увеличить количество оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима, выявлению и изъятию у населения незаконно хранимых оружия и боеприпасов. В зависимости от объемов выполняемых задач в операциях участвовало не менее ста военнослужащих внутренних войск, подразделений ОМОНа и личного состава нашей группы. Применялись автоматическое стрелковое оружие, боевые гранаты, гранатометы, спецсредства («Черемуха»), БТРы и другая техника.

Планы операций заранее разрабатывались штабом КРЧП, согласовывались и координировались с руководством нашей группы. Полковник Гудков эти вопросы поручил решать мне. Операции продолжались от 20 до 30 часов. Изъятие оружия и боеприпасов, задержание вооруженных лиц, а также лиц, нарушающих паспортный режим и занимающихся разжиганием межнациональной розни, возлагалось на внутренние войска и прикомендированный к ним рижский ОМОН. Наши сотрудники обеспечивали процессуальную регистрацию лиц, задержанных за нарушения Закона о чрезвычайном положении, при необходимости сразу, по горячим следам проводили следственные и розыскные мероприятия, совместно с войсковыми подразделениями доставляли правонарушителей на степанакертский фильтрационный пункт, оформляли на них протоколы, в которых предлагались меры ответственности, докладывали коменданту Сафонову. Генерал, в зависимости от степени проступка, выносил решение о привлечении виновных к административной ответственности, налагал штраф, либо отпускал на свободу.

Первая оперативно-войсковая операция с участием наших сотрудников отражена в моем дневнике более подробно. Она проводилась в ночь с 23 на 24 октября 1990 года в ряде сел Мардакертского района силами специальной войсковой группы. Цель: проверка паспортного режима и изъятие незаконно хранящегося оружия. От нас участвовали три сотрудника во главе

с замполитом группы подполковником Журавлевым. Вот выписка из его рапорта по итогам этой операции.

В поселке Джанятаг Мардакертского района около 4 часов утра между группой захвата рижского ОМОНа и вооруженными армянскими охранниками животноводческой фермы произошла перестрелка, которая потом переросла фактически в бой, длившийся около 40 минут. В темноте армяне приняли войсковиков за азербайджанских омоновцев. Во время перестрелки погиб житель Аскеранского района А. Ж. Бегларян, 1958 года рождения, находящийся в гостях у родственников. А местный житель К. А. Багдасарян, 1960 года рождения, был тяжело ранен и на следующий день скончался в больнице районного центра. По фактам применения огнестрельного оружия возбуждено уголовное дело № 32 916, проводится расследование. Разоружено 9 человек, имевших автоматическое оружие, в том числе 3 карабина, малокалиберную винтовку и 3 охотничьих ружья, 5 гранат, 2445 патронов. В административном порядке задержано 24 человека. Выясняются обстоятельства приобретения задержанными 9 автоматов, из них 4 — иностранных марок, 2 карабинов 1944 года выпуска, а также то, кому они принадлежали.

Рассказ замполита Журавлева, оказавшегося в головном бронетранспортере, а затем в эпицентре настоящего боя, был впечатляющим. Проверка фермы проводилась специально около 4 часов ночи, когда по имевшимся предположениям, находящаяся там вооруженная группа армян должна была спать. Впереди шли рижские омоновцы. Однако полной внезапности достичь не удалось. Один из сторожей фермы, бодрствующий в это время, с испугу принял надвигающиеся войска за азербайджанцев, пришедших угонять скот, закричал и выстрелил из ружья. Началась перестрелка, даже с применением гранат и БТРов. Только умение и сноровка рижан, да начавшийся рассвет спасли ситуацию, не привели к большим жертвам. Что касается фермы, то она практически перестала существовать.

По моим записям ясно, что 9 из 25 армян, участников боя, доставленных на фильтропункт, отправлены в изолятор временного содержания шушинской тюрьмы, против них были возбуждены уголовные дела. Этих людей задержали непосредственно с оружием в руках. У остальных стволов, дышащих пороховой гарью, хозяев не обнаружилось. 16 человек, несмотря на ежедневные грозные требования руководства МВД Азербайджана предъявить обвинения за незаконное хранение оружия и вооруженное сопротивление представителям власти, мы, после истечения тридцатидневного административного

задержания, выпустили на волю. Им, конечно, повезло.

На вынесение следственных решений повлияла суматоха. На выстрелы к ферме прибежали практически все жители села от мала до велика. Это не позволило значительную часть оружия «привязать» к конкретным лицам и тем доказать их участие в перестрелке. Надо заметить, что нашим следователям при определенном рвении не составило бы большого труда подготовить обвинительные заключения на каждого задержанного армянина. Но стиль ведения оперативно-следственных действий и нравственная атмосфера, сформировавшиеся за короткое время в нашем коллективе, в первую очередь благодаря полковнику Гудкову, исключали у наших офицеров сделки с совестью и нарушения законности. Следователи из Баку, которые работали с нами в этот раз, а это были русские, украинцы, белорусы, просто ссылались на определения наших специалистов, как более профессиональные.

На допросах большинство задержанных уверяли, что приехали к своим родственникам в отпуск или к больным родителям. Одни говорили, что на ферме оказались случайно, пришли к сторожам как старые друзья, поиграть в нарды, немного выпили, остались до утра. Оружия в руках не держали, от страха прятались под кормушками или за коровами. Другие доказывали, что прибежали на выстрелы вместе с односельчанами и ничего не видели, ничего не знают. Многие офицеры и солдаты внутренних войск, участвовавшие в операции, отказывались опознавать боевиков среди задержанных, давать против них показания. Ссылались на то, что было темно, в лицо этих людей не помнят, боятся ошибиться.

Результаты операции, рассказы наших коллег, следственная работа с арестованными, среди которых оказалось немало жителей не только из других районов НКАО, но и из Армении, а один был даже из Волгоградской области, произвели большое впечатление на офицеров нашей группы. Мы стали понимать, что отсутствие справедливых политических и правовых мер при решении карабахских проблем со стороны союзного руководства переводит межнациональный конфликт в явно разворачивающееся вооруженное противостояние.

В заложниках у армян четыре сотрудника МВД СССР

Операция 24 октября возле села Джанятяг потянула за собой еще одно тревожное событие. Фактически сразу после боя на ферме, а точнее, в 10 часов утра того же дня в городе Мардакерте — центре одноименного административного района НКАО — в заложники были взяты четыре сотрудника нашей Следственно-оперативной группы МВД СССР: старший оперуполномоченный по особо важным делам Шестого управления МВД СССР полковник милиции Виктор Иванович Коровин, старший оперуполномоченный Восьмого Главного управления МВД СССР майор милиции Вячеслав Леонидович Блохин, инспектор Главного управления ГАИ МВД СССР старший лейтенант милиции Владимир Васильевич Михалюк и милиционер-водитель центральной автобазы ХОЗУ МВД СССР младший сержант Валентин Владимирович Коваленко со своей служебной машиной УАЗ-469, госномер 80–58 ЯРА.

Дело обстояло так. Накануне проведения проверки паспортного режима в селе Джанятяг наши сотрудники были командированы в Мардакертский район для оказания помощи местному РОВД в раскрытии вооруженных нападений жителями армянских сел на колонну автобусов и автомашин с азербайджанцами на шоссе Ленинаван-Мирбашир, имевших место 11 июля и 22 октября. Это была ответная акция на аналогичные расстрелы азербайджанцами нескольких армянских автобусов и грузовиков на том же шоссе. А утром 24 октября, в связи с гибелью в ночной перестрелке с военнослужащими внутренних войск одного охранника фермы села Джанятяг и тяжелым ранением другого, по моему распоряжению наши сотрудники направились в районную больницу. Они должны были провести неотложные оперативно-следственные действия. К этому времени у морга собралась толпа приблизительно в пятьсот местных жителей, которые остановили и окружили нашу автомашину.

Короткий импровизированный митинг. Возмущения и обвинения в адрес союзных властей. В безутешном горе родственники погибшего и тяжело раненого участника ночного боя. Естественно, гнев их обрушился на представителей МВД СССР. До расправы, правда, дело не дошло. Несколько молодых мужчин вытащили из машины сотрудников МВД СССР, отобрали у них четыре пистолета Макарова и на своих автомобилях увезли

в разные места. Наши товарищи при захвате сопротивления не оказали, понимая, что могут пострадать невинные люди. Как потом показало следствие, акция армян была хорошо спланированной операцией карабахского подполья, поскольку тут же из Мардакерта поступило сообщение, что наши сотрудники взяты в качестве заложников и будут освобождены сразу, как только азербайджанцы отпустят четырех армянских студентов.

Для нас это было ЧП. Москва требовала немедленного возвращения сотрудников министерства, применения самых решительных мер, в том числе проведения широкомасштабных войсковых операций. В Степанакерт прибыли первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Иван Федорович Шилов, первый заместитель начальника штаба внутренних войск генерал-майор Валерий Петрович Стариков, начальник Управления внутренних войск на Северном Кавказе и в Закавказье генерал-майор внутренней службы Анатолий Сергеевич. Куликов. Под их руководством был разработан план конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Розыск заложников возглавил заместитель руководителя нашей группы по розыскной работе, полковник милиции Василий Степанович Ткач, а операцию по освобождению — заместитель начальника штаба КРЧП полковник внутренней службы Владимир Васильевич Кузнецов. Мардакертский РОВД тотчас возбудил уголовное дело № 34 108 по статьям 120, часть 1 и 220, часть 2 УК Азербайджанской ССР.

Начались длительные переговоры, в которых принимал участие Вазген Саркисян, советник по безопасности председателя Верховного Совета Армянской ССР Левона Тер-Петросяна, специально прибывший из Еревана. Тогда мне это показалось довольно странным: почему руководство МВД СССР при освобождении заложников прибегло к помощи одного из лидеров Армянского общенационального движения «Карабах», правда, недавно безоговорочно победившего коммунистов на выборах в Верховный Совет Армении. Разве в Карабахе не нашлось авторитетной личности? Но полковник Гудков разъяснил, что пришлось исходить из реальной ситуации, которая сложилась на территории НКАО с армянским населением, где, как известно, деятельность конституционных органов власти Указом Верховного Совета СССР от 15 января 1990 года приостановлена. Обращение же в этом случае к любому неформальному лидеру Карабахского движения, по мнению Москвы и Баку, было недопустимо. О каком-либо влиянии азербайджанских властей среди армян и речи не могло быть. Внутренние войска по Закону о чрезвычайном положении, естественно, выполняют здесь только

охранно-карательные функции. Оргкомитет по НКАО под руководством второго секретаря ЦК Компартии республики Виктора Петровича Поляничко, состоящий лишь из азербайджанской стороны, находится только в Степанакерте и то под неусыпной охраной внутренних войск. Переговоры с армянской стороной при участии в них Вазгена Саркисяна должны закончиться благополучно, он не даст разгуляться местным армянским неформалам и экстремистам.

На совещании руководителей предприятий и организаций, а также представителей неформальных общественных объединений Мардакертского района было выдвинуто требование — освободить наших сотрудников в самые кратчайшие сроки и независимо от времени освобождения студентов, захваченных азербайджанцами. Об освобождении студентов мы тоже не забыли ни на час. В нескольких азербайджанских селах провели встречи с самыми авторитетными людьми, добиваясь выдачи захваченных. Надо сказать, были достигнуты изрядные успехи: две студентки — Нана Петросян и Зоя Аракелян — были возвращены родителям в тот же день. Двух парней-заложников азербайджанцы пообещали освободить назавтра при условии, что им вернут стадо из 40 баранов, угнанное у них ранее армянами.

Утром 25 октября нашему сотруднику, старшему лейтенанту Владимиру Михалюку удалось сбежать из плена, воспользовавшись ослаблением внимания охранников. Он самостоятельно пришел в военную комендатуру Мардакертского района и даже со своим табельным пистолетом. Михалюк рассказал, что от городской больницы на машине «Нива» его с завязанными глазами отвезли в горы, а затем поздним вечером перевезли в город и поместили в подвале дома возле кладбища. Мы нашли этот дом и установили, что его владельцем являлся С. Ю. Андрян.

26 октября переговоры с азербайджанской стороной завершились тоже совершенно благополучно. Им передали стадо баранов, обнаруженное в одном армянском селе, а студенты-заложники — Валерий Овсепян и Валерий Арушанян — вернулись под родной кров. Местонахождение трех других наших сотрудников к тому времени тоже было установлено. Началась подготовка к их освобождению. К 15 часам в процессе проведения поисковых мероприятий недалеко от военной комендатуры обнаружили майора Блохина, которого охранял в своем доме гражданин А.М. Кочарян, работающий электриком в районной больнице. Для вызволения двух оставшихся заложников была готова группа захвата. Но руководители операции имели основания не торопиться с применением спецназа и не ошиблись.

В 21 час в Мардакертский отдел милиции прибыли полковник Коровин и младшей сержант Коваленко, отпущенные из заложников без табельного оружия. Они содержались вместе в заброшенном доме в горах гражданином Г. Ш. Оганяном, проживающим с родителями в городе Мардакерте.

Таким образом, четыре сотрудника МВД СССР были освобождены из заложников бескровно в течение двух суток.

Народный депутат СССР Зорий Балаян

С первых дней пребывания в Карабахе я старался, как можно глубже, вникать в жизнь, события, окружающую обстановку, чтобы достоверно и справедливо оценивать происходящее между армянами и азербайджанцами, объективно ориентировать Москву. Это было главное, моя сверхзадача. Очень, надо признаться, не простая, так как мои личные наблюдения и сведения, поступающие от офицеров нашей группы, во многом не совпадали с официальными данными военной комендатуры и властных структур Азербайджана. Над этим я думал постоянно: и в Степанакерте, и когда бывал на местах преступлений, и когда посещал отдаленные районы, встречался с жителями армянских и азербайджанских сел и городов.

Со временем появилась потребность в знакомствах и встречах с людьми, занимающими иные позиции, нежели официальные. Я уже знал много подробностей об организаторах Карабахского движения. Многие из них родились и выросли в Нагорном Карабахе, имели здесь глубокие родовые корни. На первых порах активисты движения действовали открыто в составе общественного комитета «Крунк». Но вскоре властями Азербайджана Крунк был объявлен верхушкой «коррумпированных кланов». Один из его лидеров А.М. Манучаров, директор Степанакертского комбината строительных материалов, по решению Прокуратуры СССР был арестован по обвинению в хищениях в особо крупных размерах и провел в тюрьме под следствием бездоказательно более полутора лет. С установлением в области Чрезвычайного положения руководство движением стало осуществляться подпольными методами. Вот с этими карабахцами я и намеривался встретиться.

Еще в Москве я был наслышан о Ереванском комитете «Карабах», который возглавлял Армянское Общенациональное Движение (АОД) за воссоединение Нагорного Карабаха с Арменией. Его члены, как я теперь понял, в основном — жители Армении. А жители Карабаха и жители Армении — это, совсем не одно и то же, хотя те и другие — армяне. Против членов комитета «Карабах» Прокуратурой СССР также предпринимались репрессивные меры, вплоть до ареста и содержания их около полугода под следствием в московской тюрьме по обвинению в организации массовых действий, нарушающих общественный порядок, в неисполнении указа о порядке проведения митингов и демонстраций, в разжигании национальной розни. Однако 3 августа 1990 года, после выборов в Верховный Совет республики

и прихода к власти в Армении представителей АОД «Карабах» во главе с Левоном Тер-Петросяном, многие члены комитета стали министрами и государственными деятелями. А в Карабахе армяне продолжали испытывать на себе все сложности и трудности чрезвычайного положения.

Первым в список тех, с кем, на мой взгляд, было необходимо встретиться, я записал народного депутата СССР Зория Гайковича Балаяна. Правда, с ним я встречался неоднократно, но всегда в официальной обстановке. Последний раз это было перед командировкой в Карабах в кабинете начальника нашего Управления профилактической службы МВД СССР генерал-майора милиции Бориса Васильевича Воронова. Депутат пришел в министерство, чтобы обсудить с нами вопросы, поднятые в одной из его гневных телеграмм, присланных из Степанакерта. Генерал Воронов тогда заранее предупредил меня:

— Прошу к встрече с Балаяном подготовиться всерьез. Он человек основательный, слов на ветер не бросает. Факты можешь не проверять, они имели место быть. Это точно. Ну, а что касается эмоциональности, так на то он и маститый журналист «Литературной газеты». Лучше уточни, что уже сделано по устранению перечисленных им проблем, продумай, что можно еще сделать, чтобы подобные безобразия там больше не повторялись. Неисполнимых обещаний не давай, он запомнит каждое слово, потом с живого не слезет.

Я, знал, что Зорий Балаян не только популярный журналист, но и интересный писатель, следил за его книгами и публикациями в союзной прессе, а потом стал внимательно относиться к выступлениям на сессиях Верховного Совета. Когда Зорий Балаян находился в Степанакерте, не было дня, чтобы в оперативных милицейских сводках не отмечались провокации против него, устраиваемые азербайджанскими спецслужбами, которых, очевидно, не останавливал даже иммунитет народного депутата СССР. А сам он то и дело выступал с обращениями к властям, приводя примеры попрания в Азербайджане законных прав армянского населения. Мне приходилось неоднократно разбираться с его заявлениями и депутатскими запросами. И каждый раз я вынужден был признать справедливость и точность приводимых фактов и обоснованность требований.

Как только народный депутат СССР в очередной раз прилетел в Степанакерт, я попросил заместителя начальника Степанакертского городского отдела внутренних дел капитана милиции Маврена Егишевича Григоряна устроить мне встречу с ним. И в тот же вечер, точнее, сразу за полночь в мой гостиничный номер позвонил капитан Григорян. Извинившись за

поздний звонок, он сказал, что выполнил мою утреннюю просьбу и предложил поехать попить чайку. Чуткость моего сна позволила быстро сориентироваться. Я понял — едем на встречу с Зорием Балаяном.

К разговору с Балаяном я приготовился, памятуя, что у него по утверждениям коменданта РЧП генерала Сафонова и руководителя Республиканского оргкомитета по НКАО, второго секретаря ЦК компартии Азербайджана Поляничко, скверная репутация главного сепаратиста и межнационального провокатора. С февраля 1988 года по сводкам МВД республики Балаян проходил как основной зачинщик и трибун многотысячных митингов в Степанакерте и Ереване. Помнил я, что именно Зорий Балаян вместе с известной армянской поэтессой Сильвой Капутикян 26 февраля 1988 года был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Предметом встречи были проблемы хронического и крайне низкого уровня социально-экономического и национально-культурного положения армянской автономии, традиционно сложившегося в условия советского Азербайджана. Именно на встрече с Горбачевым Зорий Балаян и Сильва Капутикян бескомпромисно поставили вопрос о спасении Карабаха, заявили о решении местных армян за выход НКАО из состава Азербайджанской ССР и присоединении ее к Армении. Чуть позже, 29 февраля 1988 года на заседании Политбюро ЦК КПСС Горбачев даст ему такую характеристику: «…Балаян, у него мозги быстро работают, молодой такой, матерый… Личность националистическая, причем ярко националистическая. Талантливая личность… Очень известный у них и немного разнузданный, самоуверенный и очень карьерный».

Тут же на память приходили выдержки выступлений Балаяна на сессиях Верховного Совета СССР. Да, они были жесткими и обличающими, когда речь шла о действиях властей Азербайджана и Кремля по отношению к армянскому населению Карабаха, о восстановлении законных прав на единство с Арменией. В них содержались, по-моему, и не совсем реальные предложения по изменению статуса НКАО. Но я не припоминал, чтобы он произносил антисоветские лозунги, или обличительно выступал против России, как это делали представители прибалтийских республик. Впрочем, как знать, может быть, политические амбиции и сепаратизм у этого человека, как и у многих других «прорабов перестройки» действительно бьют через край? Словом, надо держать ухо востро, чтобы не попасть впросак. Мысленно я настроился на оборонительно-наступательный вариант встречи. И, признаюсь, изрядно волновался.

Однако когда я узнал, что наша ночная встреча будет проходить в квартире матери Зория Балаяна, то к моему понятному волнению прибавилось и немалое чувство сомнения. А правильно ли я поступаю, что еду в столь неурочное время на встречу с ярым оппозиционером? Ради чего и для чего? Разве я не смогу его пригласить к себе в штаб Следственно-оперативной группы МВД СССР или, наоборот, сходить к нему на прием как к народному депутату и получить ответы на мои заготовленные вопросы? А не ловушка ли это? Ведь всего несколько дней назад как мы освободили из заложников четырех наших сотрудников, захваченнных армянами в Мардакертском районе. Но и он, надо отдать должное, для себя принял достаточно рискованное решение. Мне ли не знать из оперативных милицейских сводок, что когда Зорий Балаян находился в Степанакерте, не было суток без провокаций против него, устраиваемых азербайджанскими спецслужбами, которых, очевидно, не останавливал даже иммунитет народного депутата СССР. Здравый смысл подсказывал, что за приглашением Зория Балаяна провести со мной именно в квартире своей матери фактически подпольную встречу, нет коварного умысла, скорее всего — знак рискованной открытости и демонстративной лояльности ко мне как к человеку, запрограммированному Москвой неправедно решать судьбу его соотечественников и Карабаха. Я немного успокоился, настроился задавать вопросы и слушать.

Спустя короткое время я сидел с Зорием Балаяном в шестиметровой кухне однокомнатной квартиры его матери — тетушки Гоар. Она сразу стала угощать нас пирогами, и чаем с ароматным и кисленьким кизиловым вареньем. Похоже, что она ничуть не удивилась моему столь не урочному визиту. Кстати, пока мы ехали на эту встречу, капитан Григорян успел рассказать мне, что Зорий родился здесь в Степанакерте, но рос без отца и матери в семье сестры отца, а ее муж стал для Зория дедом — дедушкой Маркосом, о мудрых жизненных уроках которого он писал даже в Литературной газете. Отец же его — Гайк Абраамович Балаян, нарком просвещения Нагорно-Карабахской автономной области, в 1937 году был репрессирован и пропал в каком-то из лагерей НКВД. Мама Зория, как жена врага народа, тоже была осуждена, отбывала свой срок по сталинским тюрьмам и лагерям до 1953 года. Зорий к этому времени уже учился в Ленинградском военно-морском училище. Глядя на тетушку Гоар, я с удивлением для себя отметил, что тюремные застенки и невзгоды не стерли природной красоты и обаятельности, женской изящности и душевной теплоты. Заметил ее трогательную нежность к сыну, готовность выполнить любую его просьбу.

Накрыв на стол и пожелав нам приятного аппетита, она бесшумно удалилась, но до окончания нашего с Зорием Гайковичем разговора бодрствовала в своей комнате, дверь которой оставила открытой, чтобы, если понадобится, в любой момент оказаться рядом с сыном.

Наша первая встреча закончилась под утро, когда уже светало. Но для меня время пролетело незаметно. Беседа началась непроизвольно легко, как между старыми знакомыми. Конечно, сказалась взаимная заинтересованность во встрече. Но значительная заслуга в этом принадлежала моему собеседнику, обладавшему завидными профессиональными качествами журналиста-психоаналитика. Было видно, что одни мои вопросы пришлись ему по душе, другие — вызвали удивление от моей своеобразной осведомленности третьи — реакцию любопытности и каскад встречных вопросов. В целом разговор принес, по-моему, изрядное взаимное удовлетворение. Мы оказались единомышленниками не только в оценке многих событий в Карабахе, но и во мнениях по разнообразным политическим, геополитическим, философским и просто жизненным проблемам. Доставили друг другу удовольствие темой исторической связи России и Армении, многовековой дружбы наших христианских народов. Несмотря на глубокую ночь и множество моих вопросов, мой собеседник не скупился на ответы. Со многими оценками ситуации в Карабахе я должен был безоговорочно согласиться. Нередко приводимые им факты совпадали с имеющимися у меня данными, словно мы их брали из одних источников. Факты, факты, факты… И только после их логического анализа оценки и выводы.

Я слушал Балаяна и мне становилось понятнее, почему этот человек воспринимался руководством СССР и Азербайджана не просто как зачинщик современного Карабахского движения, как его стратег, как идеолог и организатор, наконец, как создатель главного символа Карабахского движения — поднятой руки со сжатыми в кулак пальцами. Он был более опасным противником, так как являлся властителем миллионов читательских душ, сотен тысяч митингующих на площадях Еревана и Степанакерта, всего армянского народа. Его имя фактически стало символом Карабаха, символом единства всех армян, в том числе и многочисленной зарубежной диаспоры. Не умаляя достоинства других лидеров Карабахского движения, Балаян, по моему мнению, сегодня стал для армян обобщающей и сплачивающей личностью за воссоединение Карабаха с Арменией, ее самостоятельность и государственное возрождение, нерушимость христианского единства и дружбы с Россией. Азербайджанские

власти не зря как огня боятся силы выступлений Зория Балаяна на сессиях Верховного Совета СССР, международных конгрессах и конференциях, особенно его публицистических статей в печати, настойчиво и непрерывно устраивают охоту на него.

Поглядывая в сторону комнаты, где вынуждена бодрствовать его мама, Зорий Гайкович приглушенно говорил:

— Мало того, что положение жителей НКАО из года в год все ухудшается, наше будущее становится совершенно непредсказуемым. В апреле 1988 года было принято специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по социально-экономическому развитию НКАО. Оно не выполняется. Деньги, выделенные для экономического подъема в НКАО, руководством республики бессовестно направляются лишь на нужды азербайджанского населения. Мы же в замен получили чрезвычайное положение, полное ограничение гражданских прав и свобод. Неоднократная смена партийного руководства Азербайджана армянам Карабаха ничего не дает. Вы, наверное, успели уже заметить, что националистический антиармянский психоз стал ведущим фактором в борьбе за власть в республике, и, прежде всего тех сил, которые под видом демократизации общества, протаскивают идею превращения республики в исламское государство.

Да, теперь здесь Чрезвычайное положение, более шести тысяч солдат внутренних войск. Но для кого все это? Только для еще большего ущемления прав армян. Вроде бы никто не принимает во внимание, что многие генералы и офицеры внутренних войск были воспитаны еще в годы культа Сталина и хрущевского авторитаризма, а более молодые — прошли Афганистан. Не их вина, что они не знают нашей истории и не имеют опыта организации системы жизнеобеспечения региона. До сих пор войсковые командиры, прибывшие в НКАО, не считали нужным налаживать отношения с гражданским населением. Некоторые из них воспринимают карабахский регион как лагерь с преступниками. При проверках паспортного режима в иных армянских населенных пунктах применялись принципы и методы афганской войны. При попустительстве командного состава в отдельных случаях после таких проверок армянские села оказывались совершенно разоренными. Двери и окна в домах выбиты, постели распороты штыками, зерно рассыпано, драгоценности и деньги украдены. Кому можно пожаловаться в этой ситуации?

Зорий Балаян рассказывал удивительные вещи. Известно, что после введения в НКАО Чрезвычайного положения, ЦК КПСС официально лишил права армянских коммунистов участвовать в

общественно-политической жизни страны, расформировал первичные, районные и областную партийные организации. По указанию Баку силами азербайджанского ОМОНа были попытки разгромить райкомы партии, уничтожить партийные документы. Так вот, местные жители, в том числе женщины и дети, чтобы не допустить разгрома партийных органов сутками дежурил вокруг их зданий, организовав живое кольцо. И сейчас, по-прежнему проводятся партийные собрания и пленумы, собираются партийные взносы. А первые секретари Мартунинского и Мардакертского райкомов партии Валерий Григорян и Ваган Габриелян избраны народными депутатами СССР.

От Балаяна я впервые услышал, что азербайджанские власти готовы пойти на все возможное и невозможное, чтобы закрыть Степанакертский аэропорт. Для меня это было совершенно неожиданно. Поначалу я даже не согласился с ним. Еще недавно я ездил в аэропорт, и он, как мне казалось, нормально функционировал под контролем внутренних союзных войск. Но Балаян стоял на своем: прилегающий к территории аэропорта азербайджанский поселок Ходжалу спешно застраивается в сторону взлетно-посадочной полосы. Новые дома уже просто на нее наступают. Я взял себе на заметку, что со строительством в районе аэропорта надо разобраться. Мы договорились в ближайшее же время вместе побывать там и объективно оценить обстановку.

Зорий Балаян привлек мое внимание к еще одному важному аспекту карабахской ситуации, над которым вряд ли кто из нас, русских, серьезно задумывался. Свои карательные меры официально против армянского населения азербайджанские власти ухитряются осуществлять не своими силами, а руками русских. Выходит, что официально терроризируют армян не азербайджанцы, а русские. Изощренный прием для разрушения вековой веры армян в русского солдата освободителя, христианского единства и дружбы русского и армянского народов. К сожалению, не все посланцы Москвы понимают это и с простодушной добросовестностью выполняют политический заказ Баку. Прежде всего, по его мнении, это относится ко второму секретарю ЦК компартии Азербайджана, народному депутату СССР Виктору Петровичу Поляничко, который возглавляет Республиканский Оргкомитет по НКАО и олицетворяет для местных жителей азербайджанскую власть:

— Он Москвой-то в Азербайджан послан, прежде всего, для того, чтобы следить за межнациональными отношениями, развивать интернационализм и сплачивать народы, не допустить проявлений национализма и сепаратизма в республике. Кстати,

уважаемый Виктор Владимирович, Поляничко ваш земляк — ростовчанин, из многонационального города Ростова-на-Дону. А что на деле? Из официальных выступлений и заявлений можно сделать один вывод, что товарищ Поляничко самый ярый азербайджанский националист. С его одобрения и под его именем в Карабахе против армянского населения осуществляются все карательные меры. А ведь, должен признаться, мы с Виктором Петровичем были дружны, семьями неоднократно встречались, он даже гостил у меня в Ереване, как и я у него на Урале. У него практически все мои книги имеются. Мои взгляды на проведение Азербайджаном своеобразной национальной политики в отношении армян давно знает. И, как я помню, он, по крайней мере, их не отрицал. Но как только стал в Азербайджане вторым секретарем ЦК партии, перестал общаться, а теперь, очевидно, я для него стал просто врагом. Комендант же Района чрезвычайного положения генерал Сафонов со слепой преданностью служит Поляничко, а значит исполняет любые поручения Баку. Между прочим, известно, что генерал изрядно задобрен азербайджанским руководством дорогостоящими подарками. Глядя на них, стараются не отставать и многие их подчиненные.

Зорий Балаян горячо говорил о чрезвычайной опасности воинствующего исламского фундаментализма в Азербайджане и некоторых других республиках страны. Не только для армянского народа или народов СССР, но для всей планеты. Его адепты хитро и ловко используют отдельные суры Корана, вырывают их из контекста. Особенно опасен ваххабизм. Создается впечатление, что правоверный, убивая неверных, сжигая дома, насилуя женщин, тем самым открывает ct6e дорогу в рай. Громадные массы азербайджанцев, особенно молодежи на всей территории Азербайджана вовлечены в антиармянские бойни и погромы, познали вкус крови и безнаказанности. Задумываются ли над этим сами идеологи-исламисты? Получается, что они вполне осознанно стремятся к достижению таких результатов? И что делать нам? В памяти армян навсегда сохранятся черные дни Сумгаита, Кировабада, Баку… Почему союзное руководство не может понять, как далеко в Азербайджане зашел разрыв межнациональных отношений между двумя народами?

Нет оправдания турецкому геноциду армян, который воскрешен в современном Азербайджане, стремлению привить азербайджанскому народу известный всему миру религиозный фанатизм турок — патологическое рьяное выполнение турецкой толпой любых, даже самых диких, самых бесчеловечных установок начальства. В том числе, религиозную нетерпимость,

истребление руками толпы, так называемых, неверных, включая детей, женщин, стариков. Турецкий народ сам является заложником геноцида армян.

Обвинять надо имена конкретных палачей, конкретные организации, выработавшие идеи геноцида армян, и не только армян в Османской империи. При этом мой собеседник не скрывал уважения, скажем, к исламской республике Иран, не приемлющей преступных корней пантюркизма. Я вспомнил, что несколько лет назад читал об этом в книгах Зория Балаяна «Очаг» и «Крылья». Но тогда так остро эти проблемы я не воспринял.

Что еще я вынес из этого ночного разговора, а потом и других встреч с Зорием Балаяном? Те, кто читал книги, статьи специального или собственного корреспондента Балаяна в популярных газетах Советского Союза «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Известия», миллионных журналах «Смена», «Новый мир», «Современник», «Дружба народов» помнят его, как острого публициста-аналитика, глубоко исследовавшего внутренний потенциал и нравственные людские качества представителей разных народов нашего многонационального Союза, как писателя, умевшего предвидеть многие актуальные проблемы современности, страстно подчеркивающего самобытность и преданность своей малой родине. Недаром он был лауреатом Всесоюзной премии Николая Островского и премии Союза журналистов СССР. В ту ночь я понял, что он еще и талантливый рассказчик с прекрасным чувством юмора, хорошо знающий русский язык и русский фольклор, плодотворно укрепившийся в нем в рязанские годы студенческой учебы и есенинских паломничеств. Нельзя было не заметить, какая у него великолепная память, какая выразительная и сильная логика убеждения, внутренняя нетерпимость к тем, кто проявлял жестокость, грубость, националистическое высокомерие, нравственную неразборчивость, готов был лгать и угодничать. Балаян остро реагировал на равнодушие, небрежение к вековым народным традициям и в отношении родного Карабаха, и в отношении к России, ставшей ему второй родиной. Он прожил в ней почти четверть века, из них ровно десять лет, работал главным невропатологом областной больницы на далеком полуострове Камчатка. За эти годы он стал еще и известным путешественником, с русскими друзьями на самодельной лодке совершил плавания по внутренним водным путям СССР протяженностью 32 тысячи километров, в том числе по Охотскому, Черному, Азовскому, Балтийскому морям, по озерам Байкал, Ладога, Онега, рекам Амур, Ангара, Обь, Енисей, Кама,

Волга, Днепр, Дон, Днестр, Неман и другим. На его счету и четырехмесячный переход на собачьих и оленьих упряжках по камчатской и чукотской тундре до Ледовитого океана, совершенный вместе с известным уже в то время киноактером Никитой Михалковым. Стал мастером спорта СССР, отличником здравоохранения СССР.

Выходило, он в своей жизни не упустил ничего: в родовую твердость воли и верность Арцаху-Карабаху щедро прибавил российской четырехлетней матросской закалки, многогранность познаний и интерес к различным наукам, особенно естественным. В нем легко угадывалось удивительно гармоничное сочетание разных профессиональных и человеческих качеств и навыков: широкая и многранная практика врача, надежная хватка альпиниста и путешественника, быстрота и четкость мысли журналиста и политика, прозорливость, терпимость, глубокая внутренняя убежденность и праведность мудреца. Все это щедро дополнено мировой энциклопедичностью и многоцветием армяно-русской культуры, высокой интеллигентностью в общении, умением выслушать собеседника, внять его доводам.

Стало ли мне легче ориентироваться в карабахской обстановке после встречи с Зорием Балаяном? Да нет, конечно. И дело было совсем не в том, что в блокноте обозначился длинный перечень новых проблем. Просто сразу принять на веру доводы Балаяна, как человек достаточно осторожный, я не мог. Довлели и московские установки. Но и отвергнуть сказанное Балаяном тоже оказалось невозможно. В одном я был уверен: отправившись на эту встречу, я поступил правильно. Буду думать и разбираться с тем, что узнал, а остальное покажет жизнь и время.

Завершая нашу ночную беседу, Зорий Балаян пошутил, что он оценил мою готовность встретиться с ним, особенно после недавней провокации, когда рижские омоновцы по приказу генерала Сафонова пытались выбить дверь в квартире тещи, чтобы задержать его и передать азербайджанским милиционерам для расправы. Нам обоим показалось, что наша встреча будет залогом будущих справедливых и доверительных отношений. И, конечно, мне надо чаще встречаться с представителями различных слоев населения Карабаха, побывать в облисполкоме, который решает задачи жизнеобеспечения области. Зорий пообещал в ближайшее время помочь в организации встреч с людьми, участвующими в Карабахском движении, в том числе с моими коллегами по комсомольской работе в прошлом: Сержем Саркисяном и Робертом Кочаряном. По-настоящему я могу рассчитывать и на Маврена Григоряна, которому Зорий доверяет как себе самому.

По дороге со встречи с Зорием Балаяном до гостиницы капитан Григорян, ждавший меня все это время в полудреме в милицейской машине, поинтересовался, как меня встретила тетушка Гоар, и добавил, что она наверняка довольна, так как сегодня Зорий ночь провел у нее. В ответ на мой удивленный взгляд, Григорян рассказал, что Балаяну приходится избегать провокаций, постоянно устраиваемых спецслужбами Азербайджана, иной раз весьма серьезных, с угрозой для жизни. Из-за этого Зорий, теперь редко бывает в доме мамы, а ночует там еще реже. Вообще-то в Степанакерте Зорий Балаян прописан по улице Дзержинского у своей тещи, известного врача-гениколога тетушки Марго. И это ни для кого не тайна. Не были тайной и неоднократные провокации азербайджанцев против ее зятя, неугодного властям. Пришлось в квартире матушки Марго заменить обычную деревянную дверь на железную. А вот где он будет ночевать в очередной раз, и сам Зорий обычно не знает до наступления темноты. Определиться в этом ему каждый раз заботливо помогают друзья по Карабахскому движению. Конечно, бывали случаи, что ночевал у своей мамы на улице адмирала Исакова, либо у главного хирурга областной больницы Валерия Марутяна, друга и родного брата жены. Но чаще всего ночлегом Балаяна становится квартира кого-то из многочисленных сподвижников по Карабахскому движению.

В конце 1990 года мне станет известно, что против народного депутата СССР азербайджанские спецслужбы готовили строго засекреченную и коварную акцию. Идея была до примитивности проста. Чтобы обезглавить Карабахское движение, предполагалось убить Зория Балаяна и руководителя боевого крыла Карабахского подполья Роберта Кочаряна, их тела бросить на территории Иджеванского района Армении недалеко от границы с Казахским районом Азербайджанской ССР. Затем распространить слух, что ярых армянских националистов убили сами армяне, считавшие их главными виновниками нынешних армянских несчастий. Но этого, к счастью, не случилось!

Здесь, думаю, уместно сделать и укор бывшему генсеку ЦК КПСС, первому и последнему президенту СССР. Не сумел Горбачев не только разобраться в Карабахской проблеме, но и дать достойную характеристику Зорию Балаяну. И здесь ошибся. Зорий Балаян никогда свою веру в гуманистические идеалы человечества, в справедливость и свободу Карабаха, искреннюю и преданную дружбу с Россией, способность посвятить этому всю жизнь не прикрывал самоуверенностью и разнузданностью. Что касается карьерности, то она у него, как оказалось, в двух пожизненных ипостасях: врача и талантливого писателя-

журналиста. И все это, как говорится, от Бога!

Роберт, Серж, Аркадий и холодная баня в комендантский час

Именно Зорий Балаян предложил мне встретиться с тремя молодыми, известными в Карабахском движении людьми, которые досконально владеют сложившейся ситуацией и честно ответят на мои вопросы. Смогу ли я понять, как он сказал, их сермяжную правду, покажет время. Обо всех практических деталях договорится Маврен Григорян.

Помню, на следующий день после этого разговора капитан Григорян спросил меня:

— Есть желание попариться в бане?

Я приятно удивился такой заботе. Дело в том, что холодная вода, не говоря уже о горячей, подавалась в Степанакерте раз в день на один-два часа, причем в самое неопределенное время, обычно, когда мы были на службе. Воду мы накапливали в ванне, никогда не закрывая кран. Банные дни для личного состава группы проводились в городской бане не чаще, чем раз в семь — десять дней. Предложение я принял сразу, при этом сказал, что со мной будет наш замполит подполковник Журавлев, с которым я был знаком много лет и доверительно дружен.

Как и в прошлую ночь, Маврен пригласил меня по телефону на чай. Кстати сказать, этот пароль у нас сохранился навсегда. Я потихоньку выходил из гостиницы, садился в машину, и мы ехали на очередные встречи. То с Зорием Балаяном, то с другими оппозиционерами, с кем в дневное время наши свидания могли вызвать нежелательные для обеих сторон оценки в Оргкомитете по НКАО, комендатуре РЧП или у азербайджанских спецслужб. Следует заметить, что о моих встречах всегда знал полковник Гудков.

В этот раз наша машина поехала знакомым со вчерашней ночи маршрутом: сначала по улице Кирова, далее по кругу и вправо к дому на улице адмирала Исакова, где, как я теперь знал, живет мама Зория Балаяна. Уже в машине Маврен сказал, что в бане нас ждут три товарища. Я понял: выполняется мой заказ. Коля Журавлев, человек добродушный и жизнелюбивый, откровенно обрадовался — вшестером будет веселее! — потом запоздало озаботился:

— А есть ли в это время вода в бане?

Григорян очень серьезно стал объяснять ему, что дом стоит под горкой и потому вода набирается туда самотеком. Когда выходили из машины, я заметил во дворе на некотором

расстоянии друг от друга группы мужчин по два-три человека. Журавлев тут же поинтересовался:

— А что это в комендантский час народ на улице?

— Думаю, жители дома вышли после сауны, — предположил Маврен Григорян и вполголоса, как бы про себя, проговорил, что сауна, видать, знатная, если народ рискует собой ради такого удовольствия.

Мы спустились в подвальные помещения, хозяин которых представился директором спотркомплекса «Атналант» Гамлетом Григоряном. И действительно, пока мы шли по длинному узкому коридору при тусклом свете горящих в полнакала электрических лампочек хорошо просматривались комнаты со спортивными снарядами, тренажерами, залы для спортивной борьбы, а конце была в наличии и условная цель нашего интереса — сауна. В предбанной комнате нас уже ждали трое любителей легкого пара. Капитан Григорян познакомил нас. Это были Роберт Кочарян, Серж Саркисян и Аркадий Гукасян.

Как и подобает в бане, скоро мы оказались опоясанными простынями и в резиновых шлепанцах. И тут все сразу ощутили, что в помещений довольно прохладно — даже батареи, казалось, источали холод. Пикантность ситуации для нас с Журавлевым состояла в том, что у нас под простынями прятались пистолеты Макарова, которые мы не могли нигде оставить. Как раз накануне из заложников в Мардакертском районе были освобождены четыре сотрудника нашей группы, причем табельное оружие при освобождении им вернули не сразу. После этого из министерства к нам поступил приказ — табельное оружие иметь при себе постоянно.

Конечно, в условиях жесткой экономии электроэнергии в мятежной области тепло в спортивный комплекс не подавалось. Спросить, греется ли тэн в парилке, у меня язык не поворачивался. К тому же Маврен предложил сначала поговорить и пригласил в комнатку, где стоял дощатый стол с длинными скамейками, накрытый для обычного в банных условиях перекуса, с традиционными национальными овощными и мясными блюдами домашнего приготовления. Как потом оказалось, Роберт, Серж и Аркадий принесли кое-что с собой из дома. Кто-то прихватил и бутылку тутовой водки, приготовленной специально «как для брата».

Первые минуты разговор не особенно клеился: мы испытывали неловкость, настороженность и внимательно присматривались друг к другу. Для каждого из нас эта встреча была по-особому важной и ответственной. Я не мог не думать о том, что с формальной точки зрения передо мной те люди, с кем

я, по идее, должен бороться: экстремисты, ослепленные национальными и политическими амбициями, организаторы массовых преступлений на межнациональной почве. Если верить оперативным материалам и характеристикам, которые давали им Поляничко и генерал Сафонов, все трое относились к самой агрессивной и непримиримой ветви Карабахского движения и заслуживали только одного — тюрьмы. Очень бы полезно было посидеть им в тюрьме и подумать: какую свободу лучше иметь? Они считались едва ли не главными лицами в межнациональной бузотерне. Но я помнил, что до начала карабахских событий все они прошли комсомольскую школу, поработали в партийных органах. Да и то, что я успел увидеть сам, совсем не подтверждало заявлений азербайджанской стороны.

Насколько непримиримы наши позиции теперь? Можно ли вести с ними диалог, попробовать разрешить конфликт на правовой основе? Как оценивают они сложившуюся ситуацию, какой выход предлагают? Как сложатся у нас отношения? Этой встречей я брал на себя большую ответственность. Дальнейшие служебные действия, мои позиции в карабахском вопросе, несомненно, во многом будут зависеть от ее результатов. Ошибаться было нельзя. И времени на раздумья не оставалось. Я, может, впервые в жизни ощущал себя посланцем России. Тайным. Почти тайным.

Думаю, у наших собеседников вопросов было не меньше. Их не могло не настораживать, что инициатором встречи оказался я. А ведь с момента моего прибытия в Карабах прошло всего несколько дней. Обычно они сами выявляли лояльных сотрудников правоохранительных органов или офицеров, устанавливали с ними возможные отношения. Но на ожидания и проверки у них тоже особого времени не было. Все складывается в Карабахе на редкость трудно. А за их спиной — Родина, бесправная и разрушаемая… С другой стороны, неизвестно, чего ждать им от встречи с двумя полковниками МВД СССР? Да все может быть! Не исключалась и самая примитивная провокация. И в то время, пока они ежатся в банной прохладе по указке этого московского эмвэдэшника, дом окружили омоновцы, и их сейчас арестуют в отместку за недавнее взятие в заложники четырех их коллег, а дальше тюрьмы, этапы… Самое страшное, что карабахскому подполью придется туго, потребуется время на восстановление связей, управления.

Ну, вообще-то, здраво рассуждая, по-тихому их взять невозможно. Двор дома с сауной находится под мощным контролем «своих», не будем скрывать. Хотя, конечно, рискнули

они с лихвой! Зато вдруг окажется, что этот бывший комсомольский собрат действительно разумный и влиятельный в определенных кругах парень, как говорили о нем Зорий Балаян и Маврен Григорян? Словом, несомненно, и Роберт, и Серж, и Аркадий задавали себе в это время немало тревожных вопросов… Как потом оказалось, в соседнем подъезде, в квартире своей мамы, ожидая результатов, нервно расхаживал Зорий Балаян, туда — сюда, туда — сюда. Один ли он?

Постепенно сам собою завязался разговор, и мы поняли, почувствовали, что мы действительно из одного племени, что в нас живет наше прошлое. И если мы с Николаем Журавлевым работали на разных уровнях комсомола, вплоть до ЦК ВЛКСМ, то Серж и Роберт были руководителями Степанакертской городской комсомольской организации. Аркадий — заместителем редактора областной русскоязычной газеты «Советский Карабах». Обнаружилось множество общих знакомых, в памяти всплыли совместные комсомольские мероприятия. Наконец, перешли к реалиям жизни. Пошли вопросы друг к другу. Самые главные.

Многие детали этого банного разговора я потом записал по свежей памяти в своем дневнике. Встреча продолжалась около трех часов. После осторожного прощупывания друг друга мы поняли, что если и есть в наших позициях острые углы, то мы не должны возводить вокруг них непреодолимую китайскую стену. В чем-то мы были оппонентами, но такими, которые должны были вместе выработать лучшие, самые разумные и справедливые решения и добиваться выхода из сложившегося тупика. Мы должны были выслушать друг друга и искать возможные совпадения позиций, ничего не отвергать из того, чего нельзя было принять сразу. Проявлять терпение и мудрость. Перед нами стояли сложнейшие вопросы, и цена у них была самая высокая.

Честно признаться, по определенным проблемам я был не готов к серьезному, аргументированному диалогу. Надо мной, конечно же, тяготела официальная, вроде бы всеми вокруг признанная, точка зрения. И как было сразу освободиться от привычных высоких понятий — «историческая сущность интернационализма», «братская дружба народов СССР», новая общность «советский народ»? Но зато я собственными глазами видел криминальную сторону конфликта, которая жестоко отражалась на жизни и быте простых людей и с армянской, и с азербайджанской стороны. И это обязывало меня не принимать на веру привычные догмы, а внимательно смотреть, думать и стараться быть справедливым.

В разговоре наши собеседники приводили множество фактов, которые подтверждали неизбежность появления карабахского

конфликта в СССР из-за недальновидной межнациональной политики, в данном случае-политики ущемления прав и интересов коренного армянского населения, проводимой руководством Азербайджанской республики на протяжении практически всего советского периода в Карабахе и, особенно, в Нахичеванской АССР.

Жестокие преступные отзвуки недавних событий в Сумгаите, Шуши, Баку, Ханларе и Гяндже стали привноситься и в карабахское противостояние. Как мог Центр этого не заметить? Упразднение в НКАО конституционных органов управления, одностороннее репрессивное давление только на армянское население со стороны Комендатуры района чрезвычайного положения и т. д. Если Азербайджан устремленно ведет такую политику, значит, есть политические силы, которые ее целенаправленно формируют и реализуют. А кто-то их поддерживает. По неведению? Сознательно? И к чему это приведет, в конечном счете?

Естественно, раз союзное государство позволяет разворачиваться такому процессу, обязательно появится сила, защищающая законные права и свободы обиженых. Центр обязан быть объективным и справедливым. До тех пор пока этого нет, карабахцы будут собственными силами и средствами защищать себя, отстаивать законность.

Заводилой разговора в карабахской троице был Роберт Кочарян. Правда, поначалу он был насторожен больше, чем его друзья. Потом успокоился, отошел, хотя остался удивительно собранным. Это, как я потом убедился, его всегда отличало. В разговоре он был до сухости конкретен, оценки событиям давал кратко, порой жестко, но без агрессивности. И вопросы умел задавать четко, не слукавишь, отвечая. Чувствовалось, что он основательно осведомлен о положении дел в Карабахе. Роберт приводил конкретные факты, которые я не мог опровергнуть, я знал о них из официальных источников. Но были и такие, которые настораживали, ибо за ними угадывалась новая негативная тенденция. Государству как бы незаметная, незначительная, и потому — вроде такого явления и не было. Иногда — совершенно локальные вещи. Например, речь шла о незаконном формировании официальным Баку дополнительных подразделений республиканского ОМОНа, не санкционированных Москвой. Эти подразделения дислоцировались в азербайджанских населенных пунктах области или в приграничных районах. Их силами теперь все чаще осуществлялись вооруженные нападения на армянские села.

Серж Саркисян отличался удивительной

доброжелательностью и на редкость удачно дополнял Роберта. Он рассказывал об историческом развитии карабахской ситуации, причем, как мне показалось, с позиций совершенно объективных. Помню, я тогда подумал, что это наверняка следствие его длительной работы советником у Председателя Комитета особого управления НКАО Аркадия Ивановича Вольского. Не мог я тогда не обратить внимания на то, с каким почтительным уважением относились к Сержу не только в его ближайшем окружении, но и в самых разных компаниях. При его появлении вокруг становилось словно бы спокойнее и теплее. Как теперь принято говорить, он обладал особой харизмой.

Помню, что именно Серж в этот вечер порекомендовал мне посетить Исполком упраздненного Облсовета народных депутатов НКАО, посмотреть, какими средствами, в каких условиях этому Исполкому приходится решать насущные вопросы населения Нагорного Карабаха. Тогда я не придал должного значения его вежливому приглашению. Даже подумал: а не была ли это с их стороны попытка проверить меня — придет или уклонится, испугавшись будущей взбучки за открытое посещение логова национальных экстремистов? Потом, через день, когда я действительно побывал в здании Облисполкома, на меня с большим изумлением смотрели все, кого я встречал в коридорах и кабинетах этого «прокаженного» здания. Оказалось, уже почти год, еще со времен Вольского, никто ни из Оргкомитета, ни из Комендатуры РЧП, ни из предыдущих составов Следственно-оперативной группы МВД СССР туда не заходил. Мое посещение было явлением неординарным не только для руководителей и сотрудников, работающих в здании Облисполкома, оно вызвало некоторый переполох в соседнем, главном учреждении Степанакерта и области, то есть в бывшем обкоме партии, а ныне — в Комендатуре района чрезвычайного положения и Оргкомитете по НКАО.

Аркадий Гукасян скорее, чем кто-нибудь из нас, обрел банное настроение. Он тогда запомнился мне своим веселым нравом. Шутками и прибаутками, особенно в начале встречи, он привнес ту самую разрядку, которая позволила сделать разговор откровенным и доверительным. И это при том, что Аркадий не так давно в полную силу испытал на себе произвол военной комендатуры. 19 января 1990 года по приказу генерала Сафонова Аркадий Аршавирович Гукасян, заместитель редактора областной газеты «Советский Карабах», был арестован в своем рабочем кабинете за статью, напечатанную в этой газете накануне введения в НКАО чрезвычайного положения. В ней излагались факты о погромах, убийствах и вандализме в Баку и других

районах Азербайджана. За это он без каких-либо предъявления обвинений, был вертолетом доставлен в Тбилиси в Управление внутренних дел на транспорте. Только там обнаружилось, что в деле Гукасяна нет ни протокола задержания, ни постановления об аресте. Ничего кроме газетной статьи, которая излагала известные текущие события в Азербайджане и НКАО. Два дня Аркадий провел в изоляторе временного содержания, а затем без каких-либо объяснений самолетом перевезен в Новочеркасск, где отсидел в тюремной камере еще 15 суток. Даже немало повидавшие офицеры МВД СССР не могли скрыть изумления столь беззастенчивым и грубым нарушением гражданских прав журналиста. Гукасян еще находился в тюрьме, а генерал Сафонов 31 января 1990 года издал приказ № 19, в соответствии с которым редактора и редколлегию газеты «Советский Карабах» подчинил себе и начальнику политического отдела своей комендатуры. В газету был назначен специальный цензор в ранге военного коменданта, без визы которого не мог печататься ни один материал. Областное отделение Союза журналистов по этому поводу направило обращение в Верховный Совет СССР. По привычной советской традиции жалобу Союза журналистов направили тем, кто нарушил законы — в Главное управление внутренних войск МВД СССР. В ответе заместителя начальника политуправления внутренних войск, генерал-майора Нечаева признавалась неправомерность приказа генерала Сафонова, но на деле в НКАО все осталось по-прежнему.

Роберт, Серж и Аркадий обнаружили хорошее знание обстановки и подлинную справедливость оценок в отношении азербайджанского руководства. Они называли имена высоких начальников, в том числе и работников правоохранительных органов, которые не разделяют официальной точки зрения на проблему НКАО, переживают из-за отсутствия личных контактов с армянскими друзьями. По работе они знали немало людей, готовых участвовать в урегулировании конфликта, как только Москва будет этому способствовать.

То, о чем мы говорили в бане и предыдущей ночью с Зорием Балаяном, не было разговором на узко национальную тему. О проблемах, нами поднимаемых, тогда еще невозможно было прочитать нигде. Официальная политическая мысль не обсуждала в такой плоскости эти вопросы. Передо мной сидели люди, понимающие новую ситуацию, возникшую на их глазах, собственную, личную роль в ней. Они смело и осознанно отмечали историческую ответственность перед своим народом, что очень важно — за его будущее. И не только перед своим, но и перед другими народами нашей страны. Будущее СССР, русского

народа, по нынешним временам — России, — все это неразрывно увязывалось ими с теми процессами, которые происходили в Карабахе.

Сегодня с улыбкой вспоминаю, что тогда в бане участники разговора обнаруживали явно разные интересы. У Роберта, Сержа, Аркадия и меня цель была понятной, и я изложил ее весьма подробно. Перед Мавреном Григоряном стояло, по-моему, не меньше трех задач: во-первых, быть все время начеку, обеспечивая безопасность и нашу с Журавлевым, и троих его армянских друзей; во-вторых, максимально не упустить суть разговора и завтра изложить присутствующим сторонам свое мнение о встрече; в-третьих, по возможности занять Журавлева, который, хотя и изображал глубокую заинтересованность и время от времени поддерживал знакомые ему темы, но все чаще нетерпеливо поглядывал на нетронутые закуски, тутовку и дверь в парилку.

Когда дошла очередь до парилки, стало ясно, что никакого жара там быть не может, лампочка над нами и та едва светила. Но, как оказалось, какой-то сердобольный человек поставил там большую кастрюлю с нагретой водой. Наверное, когда мы пришли, вода была еще горячей, но за время разговора она остыла до температуры парного молока. Нам, гостям, хозяева предоставили право первыми поплескаться. Плескались мы с Журавлевым по очереди, карауля наше оружие. Выглядело это со стороны, наверное, странновато. Но что было, то было.

Завершив в небольшой комнатке, называемой парилкой, прохладную и мокрую процедуру, мы подняли по первой — «с легким паром». Но не успели мы почувствовать желанную внутреннюю теплоту от тутовки, как из-под моей намокшей после обтирания простыни, обмотанной вокруг пояса, выскользнул родной табельный пистолет «Макаров». С грохотом, усиленным скольжением по кафельному полу, он оказался в противоположном от стола углу комнаты. Все примолкли в ожидании выстрела. Но, обошлось, выстрела не последовало! Сказать, как мне было совестно, — значит, не сказать ничего. Я встал, поднял с пола холодный пистолет и, уже не пряча, положил его на скамью рядом с собой. Все притворились, будто ничего не заметили. Пришлось мне натужно шутить и принимать независимый вид. В завершение банного ве

чера мы подняли еще по одной, пожелали друг другу успехов и условились о сотрудничестве в справедливом решении карабахских проблем.

Мое удовлетворение от встречи сменилось тревогой: а как

наши собеседники доберутся до дома? На дворе ночь, комендантский час. Первый же патруль их задержит. Последствия вполне предсказуемы. Азербайджанские правоохранительные органы просто мечтали заполучить любого из них. Маврен предложил развезти наших новых знакомых по домам на машине, на которой мы приехали, служебной, обладающей пропуском за подписью самого генерала Сафонова «без досмотра». Серж и Роберт отказались от наших услуг, сослались на то, что живут почти рядом и пройдут к своим домам дворами. Попросили только довезти Аркадия Гукасяна, живущего в другом конце города. Мы так и сделали.

Разумеется, тогда мне в голову не могла придти мысль о том, что годы спустя этим молодым людям (Роберту Кочаряну и Сержу Саркисяну было по 36, а Аркадию Гукасяну — 33 года) придется нести на своих плечах тяжкий груз высших государственных должностей в Нагорном Карабахе и Армении. Но когда это случилось, я ничуть не удивился.

Карабахский фильтропункт

Фильтрационный пункт Района чрезвычайного положения (фильтропункт) — новинка в нашей милицейской службе. В качестве структурного подразделения органов МВД он появился впервые на территории СССР в Степанакерте именно с прибытием нашей Следственно-оперативной группы МВД СССР. Создали его для приема лиц, задержанных за нарушение Закона СССР о чрезвычайном положении. В данном случае для тех, кто занимался разжиганием межнациональной розни. На фильтропункте проводилась оперативная проверка благонадежности задержанных или подтверждалась степень их вины. Благонадежных граждан от

пускали домой, что было чрезвычайно редко. Остальные направлялись в изоляторы временного содержания (ИВС) сроком до тридцати суток, необходимых для проведения оперативно-следственных действий.

Нам пришлось первыми в условиях чрезвычайного положения определять формы, методы и механизмы деятельности фильтропунктов в структуре военно-милицейских отношений с населением Карабаха. Учреждение фильтропунктов и организация их работы были вызваны даже не тем, что к нашему прибытию количество задерживаемых приобрело масштабные размеры, а городские и местные военные комендатуры и органы внутренних дел с этим не справлялись. Увы! Характер задержания и применения репрессивных мер к армянам (да-да, в Карабахе только к армянам!) стал угрожающе агрессивным и демонстративно неконтролируемым. Проверки паспортов у населения, войсковые операции по изъятию незаконно хранимого оружия — все это проводилось исключительно в армянских населенных пунктах, сопровождалось грубыми нарушениями законности, жестоким избиением ни в чем не повинных людей, вплоть до нанесения им настоящих увечий.

До нас в Карабахе с незначительным числом нарушителей комендантского часа разбирались местные комендатуры, а с лицами, подозреваемыми в совершении преступлений, — правоохранительные органы. К нашему прибытию в Карабах можно было отметить мощный поток операций против армян, по сути заказанных Баку, а значит, и огромное количество репрессированных. И чтобы это осталось по возможности незаметным, требовалось тщательно скрывать факты беззакония, и не только от широких масс населения, но даже и от сотрудников местной милиции. Следует отметить, что

прокурорский надзор при этом отсутствовал полностью.

Карабахский фильтропункт был размещен в небольшом двухэтажном кирпичном здании, одиноко стоящем на северо-восточной степанакертской окраине. С одной стороны дорога Степанакерт — Агдам, а с другой — скалистый спуск поймы реки Тар-Тар. Здание было обнесено забором из колючей проволоки. Круглосуточно фильтропункт охранялся отделением автоматчиков с приданным ему бронетранспортером с крупнокалиберным пулеметом. На первом этаже стыли без отопления две длинные комнаты, они предназначались для краткосрочного содержания правонарушителей. Срок пребывания в них ограничивался временем разбора нарушений, совершенных каждым конкретным лицом. На втором этаже было три небольших комнаты. В одной размещалась охрана. Во второй, самой большой, работали дежурные сотрудники нашей группы. Они принимали задержанных лиц, вели разбор предъявляемых им правонарушений, составляли процедурные материалы. Третья служила кабинетом для начальника фильтропункта, функции которого выполнял заместитель начальника Степанакертского городского отдела внутренних дел капитан милиции Григорян.

Маврик, как звали его офицеры, за короткое время руководства необычным милицейским подразделением, зарекомендовал себя настоящим профессионалом, смелым и мужественным. Его уважали, ему доверяли, ценили за высокую порядочность. Истинный патриот своего народа, он по долгу службы, практически 24 часа в сутки, находился в предельно экстремальных ситуациях, о которых знали, я убежден, очень немногие даже из близких его сослуживцев.

Быть начальником фильтропункта значило обладать сверхсекретной информацией. Практически он был единственный из высоких армянских руководителей, допущенный без ограничения в Оргкомитет, военную комендатуру, а это значит и к Поляничко, и к генералу Сафонову. Он присутствовал на многих совещаниях, в том числе секретных. Капитан Григорян, несомненно, не мог не понимать, что постоянно находился под подозрением. Многие представители Москвы и комендатуры, а, тем более, азербайджанские руководители и сотрудники спецслужб, скорее всего, видели в нем лазутчика армянских сепаратистов.

Часто председатель Оргкомитета по НКАО Поляничко, комендант РЧП генерал Сафонов, замминистра МВД Азербайджана полковник Мамедов, другие руководители республиканского масштаба нелестными высказываниями в адрес армянского народа и известных лиц автономной области просто

провоцировали капитана Григоряна. Но он мужественно переносил это. Я удивлялся, как в такие минуты ему удавалось оставаться уравновешенным, не сорваться. Мне приходилось наблюдать, как Маврен подавлял в себе гнев и негодование, с достоинством и корректно выходил из разных щекотливых ситуаций.

В то же время ему не могло не приходить в голову, что многие карабахцы, видя, как капитан Григорян, единственный из армян, каждый день заходит в здание Комендатуры и возглавляет фильтропункт, считают его предателем интересов своего народа. Одна группировка карабахских патриотов даже готовила против него теракт. Он был бы приведен в исполнение, если бы загодя об этом не узнали и не предупредили возможную беду Роберт Кочарян и Серж Саркисян, по поручению которых капитан Григорян выполнял свою секретную миссию. И никто, кроме этих руководителей Карабахского подполья об этом не знал. С Робертом Кочаряном они были одноклассниками. Маврен возглавлял комсомольскую организацию горотдела милиции, когда Серж Саркисян и Роберт Кочарян руководили комсомолом города Степанакерта. Зорий Балаян тоже хорошо знал Маврена как мужа своей двоюродной племянницы, был уверен, что он достойно выполнит все порученные ему подпольем дела.

Часто капитан Григорян первым оказывался информированным о предстоящих операциях против армянского населения. С одной стороны, ему, несомненно, хотелось тотчас же сообщить об этом подпольщикам, что он, конечно, успевал сделать. А с другой — он не имел права вызвать на себя подозрения из-за утечки информации. Его постоянно проверяли и провоцировали на этом. И то, что он ни разу не провалился, не подвел своих товарищей по подполью, говорит о его редкой проницательности и выдержке.

Только по фактам, известным мне, десятки руководителей и участников Карабахского подполья, целые отряды самообороны, доставленные на фильтропункт, благодаря умелым и мужественным действиям Маврена Григоряна смогли избежать азербайджанских тюрем. Сотни армянских семей из разных уголков Карабаха и Армении до сих пор знать не знают, что спасение их жизней, жизней их родных и близких зависело тогда от гражданской смелости капитана милиции Маврена Егишевича Григоряна.

Я уже писал о том, что единственным контингентом правонарушителей, который доставлялся на фильтропункт, были армяне. Нет в моей памяти, а соответственно, нет записей и в дневнике хотя бы об одном доставленном на фильтропункт

азербайджанском жителе Карабаха. Почему? Да потому, что, хотя чрезвычайное положение действовало на всей территории НКАО и прилегающих к ней районах Азербайджанской ССР, комендантский час был только в Степанакерте и армянских населенных пунктах, а оперативно-войсковые операции проводились опять же исключительно только в них. Фильтропункт функционировал круглосуточно. Однако основное время его деятельности приходилось на вечер после 20 часов — с начала комендантского часа, когда военные патрули задерживали лиц, не имеющих специальных пропусков для передвижения по юроду. В любое время суток на фильтропункт могли доставить армян по итогам проведения массовых проверок паспортного режима или после изъятия оружия с любой территории Района чрезвычайного положения.

Нарушителей комендантского часа доставляли военные патрули. В основном попадались горожане, по разным причинам оказавшиеся на улице без документов. Обычно они вступали в словесную перепалку с патрулем, а при задержании иной раз оказывали физическое сопротивление. Случалось, бывали в нетрезвом состоянии. В зависимости от того, как они вели себя при разборе ситуации, а также от позиции старшего патруля на фильтропункте принималось решение. Самый простой вариант — когда личность гражданина быстро устанавливалась, и к нему не было других претензий. Правда, до утра ему все равно приходилось ночевать на нарах в одной из двух камер фильтропункта. Отпустить сразу значило, что он тут же попадет в руки другого патруля и вновь окажется на фильтропункте.

К ретивым сопротивленцам применялись более суровые меры. Денежные штрафы или содержание под административным арестом до тридцати суток в изоляторе временного содержания (ИВС). Для этого было необходимо, а скорее, достаточно, чтобы от личного состава патруля поступило два письменных рапорта о том, что данный гражданин своими действиями разжигал межнациональную рознь, оскорблял наряд, оказывал физическое сопротивление и тому подобное.

Во времена, когда комендантом Карабаха был генерал Сафонов, действовали установки о беспрекословном подчинении армян требованиям комендантских нарядов. Оценки качества работы ночных военных патрулей зависели от количества вечерних «поставок» горожан на фильтропункт. На наших глазах развернулось соревнование патрулей: кто сумеет задержать больше жителей Степанакерта. Некоторые даже задерживали прохожих загодя, еще до наступления комендантского часа, чтобы успеть за ночь доставить их побольше на фильтропункт.

Многочисленными были случаи вымогательств и поборов со стороны бесконтрольных патрулей. У степанакертцев же при отказе платить патрулю была прямая дорога на фильтропункт.

В первые дни работы нашей группы предложения по освобождению людей, необоснованно задержанных в комендантский час, генералом Сафоновым нередко не поддерживались. Он накладывал более суровое наказание. Тогда мы проанализировали количество и причины задержаний в комендантский час и были вынуждены официально направить соответствующий рапорт генералу Сафонову и военному прокурору Степанакертского гарнизона Игорю Александровичу Лазуткину о многочисленных фактах злоупотреблений зональных комендатур и военных патрулей при проверке документов жителей Степанакерта. Довели эти данные и требования о соблюдении законности до командиров всех частей и подразделений на одном из офицерских совещаний. Наши действия по соблюдению законности в отношении граждан НКАО, а затем замена генерала Сафонова на посту коменданта РЧП на полковника Шевелева сразу оздоровили обстановку в городе Степанакерте, а значит, и на фильтропункте.

Сложнее и напряженнее строилась работа фильтропункта в период проведения оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима и изъятия у населения НКАО незаконно хранимого оружия и боеприпасов. В этих случаях на фильтропункт поступала сразу большая группа задержанных. Мало кто из армян, доставленных для официального оформления факта задержания, был, что называется, в приличном виде. Ссадины и синяки на лице, руках, теле, вывихи плечевых суставов, выбитые зубы, многочисленные раны различной тяжести, вплоть до увечий, по мнению конвоиров, должны были свидетельствовать о жесточайшем сопротивлении армян представителям власти. Закономерно предположить, что и у проверяющих должны бы иметься травмы. Однако таких примеров мой дневник не содержит. Характер проверок как бы предусматривал яростное сопротивление проверяемых. Войскам была дана установка: действовать опережающе и на поражение. Поэтому окруженный глубокой ночью войсками населенный пункт воспринимался офицерами и солдатами как укрепрайон, который предстояло взять штурмом.

Солдаты врывались в спящие дома, любое движение хозяев оценивалось как боевое сопротивление, которое надо подавить. На рассвете становилось ясно, что практически пострадало все село. Материальный ущерб не подвергался подсчету, морально-

психологический урон всегда был невосполним. И все это совершали те, на кого армяне искренне возлагали надежду на защиту от вооруженных посягательств азербайджанцев. Доставалось всем. Больше, конечно, тем жителям, кто в эту ночь должен был нести охрану села. Разведка их местонахождение определяла заранее, как правило, эти люди брались первыми. На задержание выделялись бойцы из спецназа или рижские омоновцы чей профессионализм позволял действовать быстро и особенно жестко. Конечно, у армян обнаруживалось оружие и боеприпасы. Чаще всего оно хранилось без затей, в каком-нибудь одном месте и изымалось впервые же минуты операции.

Избитых, покалеченных и измученных дальней дорогой людей доставляли на фильтропункт в самом жалком состоянии. Большинству из них требовалась срочная и серьезная медицинская помощь. Постоянно закрепленного за фильтропунктом медицинского персонала не было. На первых порах работы нам приходилось вызывать «Скорую помощь» из областной больницы. Видя изувеченных земляков, а нередко среди них — своих родственников и знакомых, врачи практически всем предписывали немедленную госпитализацию. Чаще всего на фильтропункт по нашим вызовам из областной больницы приезжали заведующая кардиологическим отделением Людмила Григорьевна Григорян и заведующий хирургическим отделением Валерий Марутян.

Для тех, кто попадал после фильтропункта в областную больницу, это практически был путь на свободу. Едва только административно задержанный доставлялся в больничную палату, для нас он оказывался потерянным навсегда. В больнице действовала группа Карабахского подполья из медперсонала, которая с помощью городских подпольщиков умело переправляла задержанных из больничных палат на конспиративные базы. Даже когда мы ставили у палаты вооруженную охрану, они умудрялись выкрадывать больных.

Когда побеги из больницы стали массовыми, то руководство МВД Азербайджана, Поляничко, а под их давлением и генерал Сафонов стали в категоричной форме требовать от руководства нашей группы не направлять армян, даже остро нуждающихся в медицинской помощи, в больницу, а доставлять в ИВС Шушинской тюрьмы. Эти упреки и требования, в основном, были обращены в мой адрес. Но тут на моей стороне оказались важные аргументы: речь шла о соблюдении законности и защите прав советских граждан. Можно было проявить и настойчивость, и твердость.

Полковник Гудков, в свою очередь, всегда занимал твердую

позицию и требовал от генерала Сафонова, чтобы административно задержанных лиц с жестокими побоями, нуждающихся в медицинской помощи и стационарном лечении, размещали в Степанакертском военном госпитале. Мы понимали, что генерал ни за что не допустит, чтобы армянские сепаратисты не только лечились, но и официально получили возможность проводить подрывную агитационную работу с солдатами и офицерами в госпитале военной группировки.

Мы же всякий раз повторяли генералу Сафонову, что если с человеком, утратившим здоровье в результате проверки паспортного режима, что-то случится, отвечать придется тому, кто настоял на отказе в медицинской помощи. Скрипя зубами, генерал Сафонов давал указание направить на фильтропункт военного врача из гарнизонного госпиталя для освидетельствования больного и назначения формы лечения. Надо признать, военные врачи были не менее сердобольными, чем местные. Они настойчиво требовали от нас вызова машин «скорой помощи» для доставки в ту же областную больницу наших узников, нуждающихся в лечении. Конечный результат оказывался таким же, как и ранее. В следующие дни ни одного из наших подопечных не было не только в больничной палате, но и в Степанакерте. Виновных в бесследном исчезновении больных, имевших перспективу уголовной ответственности, в этой ситуации найти оказывалось невозможно.

Видимо, понимая, что установка на жестокость при проведении войсковых мероприятий не приносит желаемых результатов, генерал Сафонов, после согласования с Поляничко, предложил мне выступить на очередном совещании офицерского корпуса группировки внутренних войск и начальников районных отделов милиции НКАО. Я не только изложил многочисленные факты превышения полномочий военными патрулями, зональными комендатурами, участниками оперативно-войсковых операций при проверках паспортного режима в армянских населенных пунктах, но и потребовал строгого соблюдения законности. После этого факты поборов, краж денег и ценностей, необоснованной физической расправы над армянами резко сократились.

Об интенсивности работы фильтропункта свидетельствует одна из справок, которая сохранилась в дневнике. О национальности лиц, доставленных на фильтропункт, говорить нет необходимости. Все они армяне.

Справка
о работе Фильтрационного пункта Района чрезвычайного положения Нагорно-Карабахской автномной области за октябрь — декабрь 1990 года

На фильтрационный пункт доставлено 3569 человек.

Из них: За нарушение комендантского часа 1027

За злостное неповиновение законному требованию работников ОВД и военных нарядов 193

За нарушения паспортного режима 563

Для установления личности 1261

За другие правонарушения 525

В том числе: Подвергнуто административному штрафу 559

Подвергнуто административному аресту 263

Направлено материалов в ОВД, комендатуры, другие организации и предприятия для дальнейшего реагирования 217

Предупреждено в ходе профилактических бесед 2548

Начальник фильтрационного пункта

капитан милиции М. Е. Григорян

Изоляторы временного содержания

В ведении нашей группы было два изолятора временного содержания (ИВС). Один находился в шушинской тюрьме, другой — в подвальной части здания УВД НКАО в Степанакерте. Азербайджанцы при задержании за правонарушения на межнациональной почве должны были направляться в ИВС шушинской тюрьмы. Правда, за всю свою практику я не помню ни одного случая, чтобы к нам в числе задержанных лиц доставили какого-нибудь азербайджанца.

Степанакертский ИВС был предназначен для армян и граждан других национальностей СССР (кроме азербайджанцев), задержанных в административном порядке сроком до 30 дней за нарушения Закона СССР от 3.04.90 «О режиме Чрезвычайного положения в НКАО и прилегающих к ней районах Азербайджанской ССР». В случае если затем этим гражданам будут предъявлены обвинения в уголовном преступлении, они

должны быть переведены в тюремные камеры предварительного заключения. Место заключения определялось по усмотрению следователя в тюрьмах Азербайджанской республики. В наших условиях, значит, в Шуши или Баку.

В Степанакертском ИВС для армян мест всегда не хватало. И тогда задержанные армяне доставлялись в ИВС шушинской тюрьмы. Пребывание в ИВС этой тюрьмы для армян считалось трагедией. Охрану в шушинском ИВС осуществляли сотрудники нашей группы. Но многие моменты пребывания в изоляторе сопровождались для задержанных контактами с тюремным начальством и сотрудниками-азербайджанцами: охрана во время доставки на допросы к следователю, прогулки, лазарет, раздача пищи и т. д. Большинство этих сотрудников старалось разными изощренными способами ущемить элементарные права армян.

Когда в шушинский изолятор доставлялась большая группа задержанных, а наших сотрудников не хватало, то к сопровождению от автозака (машины, оборудованной для перевозки заключенных) до камеры ИВС привлекалась охрана тюрьмы. Так вот, даже просто при разводе по камерам азербайджанские охранники успевали жестоко избить армян. Мы всячески старались не допустить ничего подобного. Требовали от начальника тюрьмы строгого соблюдения законности. Однако полностью исключить такого рода случаи не могли. Более того, в шушинском ИВС дела армянских узников часто расследовались следователями МВД Азербайджана. И вот тут события всегда развивались по одной схеме.

Народные депутаты СССР от Нагорно-Карабахской автономной области постоянно настаивали, чтобы отбывание административного наказания, предварительное заключение и сроки наказания за межнациональные преступления их соотечественники проходили в российских тюрьмах, так как, было известно, что в Шуши и Баку армян-карабахцев постоянно избивают, насилуют, унижают их человеческое достоинство.

Правоохранительные органы Азербайджана выступали категорически против. Они убеждали союзное руководство в том, что преступники должны отбывать наказание только в тюрьмах республики. Перенос предварительного следствия на российские территории считали не целесообразным, в том числе по финансовым соображениям.

Три крана

Действие в НКАО Закона о чрезвычайном положении приостановило не только деятельность органов конституционной власти. В Степанакерте закрыли драматический театр, музеи, кинотеатры, запретили проведение культурно-развлекательных и спортивных мероприятий. Запрет распространился даже на дни государственных праздников.

Единственное, что военные комендатуры Района чрезвычайного положения оказались бессильны запретить, были похороны. Длинные скорбные процессии все чаще собирались в селах и городах. Люди шли к родным, друзьям, знакомым погибших в межнациональном противостоянии или во время проверок паспортного режима. Были еще очереди за продуктами, особенно за хлебом, которого часто не хватало из-за перебоев в поставках муки. Городской рынок стал совсем малолюдным. Блокада дорог привела к тому, что на прилавках остался самый скудный выбор товаров. Магазины в Степанакерте стояли пустые, продавались только предметы первой необходимости.

Правда, было в Степанакерте одно местечко, куда всегда можно было прийти, откуда угодно, хоть с самой окраины города, не опасаясь ничьих запретов. Оно называлось «Три крана». Там всегда текла холодная ключевая вода, чистая и удивительно вкусная, за что любили ее горожане и гости города. С далекого горного источника вода самотеком врывалась почти в самый центр Степанакерта по искусно проложенному еще в давние времена водоводу. Круглосуточный звон весело льющейся сразу из трех кранов воды, привлекал всякого прохожего. Три крана располагались на улице Кнунянца.

В верхней части этой недлинной улицы размещалось здание Управления внутренних дел НКАО, а значит, штаб нашей Следственно-оперативной группы, внизу — комендатура Района чрезвычайного положения и гостиница, где мы жили. Так что каждый день в Степанакерте для наших сотрудников начинался и заканчивался естественным ритуалом — неоднократным прохождением мимо «Трех кранов». Понятно, что и мне мимо «Трех кранов» приходилось проходить или проезжать на машине по нескольку раз в день.

К источнику кроме горожан, приходящих специально за ключевой водой для дома или для работы, заворачивал практически каждый прохожий. Все обязательно пили ее прямо у источника. И в жаркий день, и в студеную зимнюю пору. Пили с откровенным удовольствием, даже наслаждением. Было заметно

— вода действовала на всех одинаково. Кроме благотворного физического воздействия, она словно бы духовно очищала, успокаивала, поднимала настроение, возвращала на мгновения в добрые и благополучные времена. На какие-то минуты она делала людей добрее и счастливее.

За источником был небольшой уютный скверик, а чуть дальше — здание областного драматического театра имени Максима Горького. Театр закрыли с введением в Карабахе чрезвычайного положения. Помню, что у меня, возле «Трех кранов», появлялось чувство особой торжественности, такое редкое в это время. И я подольше старался сохранить его в себе… Со временем я стал назначать здесь встречи со знакомыми жителями города. У пришедших испить воды из горного источника как-то само-собой завязывались разговоры, а иной раз и услышать мнения карабахцев о событиях, которые были, скажем, следствием мероприятий, осуществленных незадолго до того нашей группой. Об одном из них напоминает моя очередная дневниковая запись.

В начале ноября 1990 года мы освоились в карабахской ситуации и организовали нормальный режим следственно-оперативной работы. В руководстве и в целом в группе сложилось деловое взаимопонимание, а главное — появилось общее требовательное отношение к обязательному соблюдению законности не только при расследовании преступлений и других противоправных действий, совершенных на межнациональной почве, но и при проведении войсками любых действий на территории Района чрезвычайного положения. Материалы о нарушениях прав жителей НКАО отдельными командирами внутренних войск, комендантскими патрулями, превышения к ним полномочий, о фактах поборов и краж солдатами денег, ценностей, другого имущества у местного населения при проверке паспортного режима были направлены коменданту РЧП генералу Сафонову, председателю Республиканского оргкомитета по НКАО Поляничко, прокурору НКАО Василенко и военному прокурору Степанакертского гарнизона.

Когда я вместе с нашим сотрудником, инспектором Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР капитаном милиции Иваном Васильевичем Нечаевым проанализировал дела на лиц, содержащихся под административным арестом в изоляторах временного содержания по итогам войсковых паспортных проверок, то оказалось, что многие из них арестованы необоснованно. Только среди тех, кто в данный момент находился в Степанакертском изоляторе, таких набралось более десяти человек, то есть, практически каждый четвертый. Они не

были социально опасными, не являлись организаторами разжигания межнациональной розни, не вели никакой подрывной работы. Рапорты войсковиков с большой натяжкой квалифицировались как нарушение Закона о чрезвычайном положении. Просто так патрули выполняли свой «план». Один наш арестант, например, был задержан в районе городского рынка в дневное время, он нес в руках картонную ячейку с куриными яйцами. На требование патруля предъявить паспорт, он попросил подержать яйца кого-то из патрульной группы. Лейтенант — старший патрульного наряда — эту просьбу расценил, как унижение его офицерского достоинства, причем, на межнациональной почве. В рапорте молодого офицера указывалось, что он «…отказался держать в своих руках армянские яйца».

В другом случае в ИВС одновременно оказались два родных брата. Административные дела, заведенные на них, свидетельствовали, что младший брат жил со старой больной матерью. В субботний вечер, как всегда, старший брат пришел к родным, чтобы помочь младшему ухаживать за старушкой. Приближался комендантский час, а у больной разыгрался астматический приступ. Оказалось, что лекарство закончилось. Старший сын кинулся в аптеку, документы впопыхах взять забыл. В ближней аптеке нужных таблеток не оказалось, пришлось бежать в другую. На обратном пути его задержал патруль. Как ни доказывал, ни просил, ни умолял — не отпустили, не разрешили забежать домой за документом, хотя дом был рядом.

Младший, не дождавшись ни брата, ни лекарства для матери, отправился на поиски. Его уже другой патруль задерживает как нарушителя комендантского часа. И ему, понятно, тоже не помогли никакие просьбы. При этом младший брат оказался менее выдержанным человеком и высказал все, что он думал о патруле, Законе о чрезвычайном положении, комендантском часе, матерях офицера и этих солдат и т. д. Рапорт командира патруля содержал длинный переченьего высказываний и выражений. Их действительно хватило бы на два административных срока. Но представьте себе состояние бедной больной матери, когда в одночасье пропали оба сына!

Третий пример мог бы показаться забавным, если бы речь не шла о старом и больном человеке. В камере ИВС оказался участник Великой Отечественной войны, бывший фронтовой разведчик. Его многочисленные орденские колодки показывали, что в боях он был смелым и удачливым. Беженец из Гянджи, он с многочисленной семьей ютился в одном из номеров гостиницы «Карабах». Возраст, лихолетье, безработица сделали его

любителем тутового напитка. Нет, он не набирался до беспамятства. Но держал себя постоянно на взводе. Несправедливости не терпел. А здесь за ней далеко ходить не надо, стоит только порог гостиничного номера переступить. В вечернее время бывший фронтовик любил посидеть на ступеньках гостиницы, поговорить по душам с кем-нибудь из военных постояльцев. Равнодушие к его персоне делало его задиристым и неразборчивым в выражениях. Однажды он нарвался на новенького коменданта нашей гостиницы, решившего навести во вверенном ему хозяйстве свой порядок. Старожил дал соответствующий отпор. Был вызван патруль. Не помогли ни уговоры офицеров, знающих деда, ни плачь родни.

Вместе с капитаном Нечаевым мы пришли к полковнику Гудкову с предложением пересмотреть меры административного наказания более чем десяти человек и немедленно освободить их из ИВС. Он без колебаний одобрил нашу инициативу и подписал соответствующие решения. Надо было видеть радость этих безвинных, тем более что их освобождение пришлось в канун празднования Великой Октябрьской социалистической революции. И вот вечером того же дня, когда мы с Виктором Семеновичем возвращались в гостиницу, с балконов комнат, где проживали беженцы, раздались громкие аплодисменты и звонкое голосистое «Гудкову спасибо!», «Гудкову ура!», «Да здравствует Великая Октябрьская революция!». Громче всех кричал наш подопечный ветеран. Его дружно поддерживала вся семья.

Весть о праздничной «амнистии» быстро облетела Карабах. После этого местные жители стали первыми здороваться с нашими сотрудниками, а у «Трех кранов» старались уступить нам место у воды. Чтобы обсудить с кем-то из нас актуальные для себя вопросы, они заранее приходили к зданию УВД НКАО и терпеливо ждали, когда нужный им офицер направится вниз по улице. Буквально по пятам они шли до «Трех кранов», а уж там, что называется, затевался разговор.

Республиканский оргкомитет по НКАО

В. П. ПОЛЯНИЧКО

Председатель Республиканского оргкомитета по НКАО, второй секретарь Центрального Комитета Компартии Азербайджана, член ЦК КПСС, народный депутат СССР Виктор Петрович Поляничко в карабахских событиях играл чрезвычайно важную роль. Я это знал. И, когда прилетел в Степанакерт, с нетерпением ожидал встречи с ним.

С Виктором Петровичем мы были знакомы давно, с 1969 года. Тогда, в августе, в Пятигорске и Домбае в составе делегации от комсомольских организаций страны я неделю участвовал в ставропольском краевом празднике молодежи «Слава труду». Помню, делегацию возглавлял второй секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Пастухов, а в ее составе были известные всему миру олимпийские чемпионы: боксер Борис Лагутин и борец Александр Медведь. Виктор Поляничко представлял Челябинскую областную организацию ВЛКСМ и, как ее руководитель, был очень популярен среди молодежи. Я же в то время был совсем молодым инструктором Ростовского обкома комсомола. И хотя между нами была изрядная разница в возрасте, мы, как это водилось в комсомоле, сразу же подружились. Еще бы, у нас было так много общего: Виктор Поляничко родился и вырос в Ростове-на-Дону, до учебы в МГУ три года работал слесарем-сборщиком на заводе «Ростсельмаш». Его младший брат учился в техникуме сельхозмашиностроения — в базовом учебном заведении первенца советского машиностроения завода по производству зерновых комбайнов «Ростсельмаша», в котором я с удовольствием работал до перевода в Ростовский обком комсомола. А здание школы № 75, где учился Поляничко, находилось рядом с нашим техникумом, и он хорошо был знаком с преподавателями, однокурсниками брата, любил участвовать в их студенческом веселье. Даже когда брат был уже одним из руководителей Ростсельмаша, он оказывал коллективу техникума разностороннюю помощь и поддержку. Мы нередко встречались на различных комсомольских или партийных мероприятиях в Москве. Как истинный ростовчанин, Виктор Петрович всегда был приветлив и доброжелателен. Мы с удовольствием вспоминали ростовские времена, рассказывали друг другу о своей жизни, о делах друзей и общих знакомых.

Первая официальная встреча в Степанакерте с Виктором Петровичем Поляничко, на которую я пришел вместе с руководителем нашей Следственно-оперативной группы полковником Гудковым, началась тепло и весело. Мы привычно обняли друг друга и тут же ударились в воспоминания о былом. Виктор Петрович произнес добрые слова в мой адрес. Помню, как было приятно, что один из главных руководителей Азербайджана, первое лицо в Карабахе — мой старый хороший знакомый. Разговор наш был продолжительным, причем мы оба то и дело отвлекались на воспоминания.

Характеристика ситуации в НКАО, данная Поляничко, была пространной и жесткой:

— Деятельность республиканского руководства, Оргкомитета по НКАО при поддержке Михаила Сергеевича Горбачева многогранна и плодотворна. Мы стараемся нормализовать межнациональные отношения. А вот оголтелые армянские националисты загоняют свой народ в тупик. Только ужесточение мер к экстремистам может сломить армянское противостояние и вернуть народ Карабаха к прежней жизни: нормальным взаимоотношениям, общечеловеческим ценностям, интернационализму. Надо раскрыть нашумевшие преступления, довести дела до суда, провести показательные процессы. Народ должен видеть истинные лица национал-карьеристов, ослепленных политическими амбициями. Идеологи и организаторы так называемого Карабахского движения пока ходят на свободе. Но их следует арестовывать, судить и выслать из Карабаха туда, куда «Макар телят не гонял». Чаще всего в качестве примера приводил имя «зачинщика Карабахского движения» — Зория Балаяна.

Прощаясь, Виктор Петрович повторял слова о важности и необходимости наших постоянных контактов, усилении взаимодействия с МВД Азербайджана, рекомендовал регулярно информировать его о деятельности группы, еженедельно участвовать в оперативных совещаниях Оргкомитета. Виктор Петрович предложил мне на следующий же день встретиться у него снова, чтобы подробнее поговорить о задачах группы, так как он через день улетает в Баку, а затем в Москву по депутатским делам. Пообещал зайти к нашему общему комсомольскому товарищу Борису Карловичу Пуго, на днях назначенному министром МВД СССР вместо Бакатина, рассказать о нашей работе в НКАО. Что касается взаимодействия с комендатурой РЧП, то он обязательно передаст генералу Сафонову, чтобы тот оказывал нам всяческую помощь.

В ходе нашей встречи я не раз обращал внимание на то, что разговаривал Виктор Петрович громче, чем следовало бы при общении трех человек. Это, видимо, у него так проявлялись последствия от недавней контузии. В Карабахе армянами на него было совершено три покушения. Первый раз его служебный автомобиль на горной дороге столкнули грузовиком в пропасть. Поляничко в машине в тот момент не было. В следующий раз на железнодорожной станции Степанакерт был взорван штабной вагон, в котором он должен был находиться, но перед взрывом Поляничко вышел из него за несколько минут. Третье покушение чуть не стоило ему жизни. Во время очередного совещания Оргкомитета по НКАО в кабинет, в котором мы сейчас беседовали, из парка, расположенного напротив, выстрелили из гранатомета. Только чудо спасло Виктора Петровича и других участников совещания. Он был сильно контужен, что отразилось на его слухе. Тогда я не мог предполагать, что Виктор Петрович погибнет в результате четвертого покушения. Это случится в зоне уже российского межнационального конфликта 1 августа 1993 года в окрестностях села Терское Пригородного района Республики Северная Осетия. Автомобиль «Волга», в котором ехал вице-премьер Правительства России и Глава Временной администрации в Республиках Ингушетия и Северная Осетия В. П. Поляничко, и автомобиль УАЗ, сопровождавшей его охраны, были обстреляны из засады автоматно-пулеметным огнем. Виктор Петрович Поляничко и ехавший с ним командующий объединенными миротворческими силами генерал-майор Корецкий были убиты. От ран в госпитале скончался и командир охраны старший лейтенант Кравчук. К слову сказать, теперь в Ростове-на-Дону в техникумовском музее боевой славы есть уголок памяти Виктору Петровичу Поляничко.

Выйдя от руководителя Оргкомитета по НКАО, я не сразу заметил угрюмую молчаливость и сухость полковника Гудкова, вдруг появившиеся в общении со мной. На вопрос, как он оценивает наш разговор и какую помощь попросить у Поляничко для улучшения организации работы группы, Виктор Семенович с изрядным ехидством в голосе ответил, что он и подумать не мог, каким близким знакомым и комсомольским другом является для меня Виктор Петрович. Что же касается помощи, то он сам в состоянии решать все вопросы. Мы — сотрудники МВД СССР, у нас есть свое непосредственное руководство в Москве. Азербайджанским властям мы не подотчетны. Тем более по таким деликатным вопросам, как межнациональные отношения. И, вообще, он хорошо, не понаслышке знает, какие они серьезные специалисты по межнациональным проблемам, особенно в

отношении с армянами. Насмотрелся на них в период сумгаитских и бакинских событий, в том числе на самого Виктора Петровича. Ничего, кроме откровенно грубого проазербайджанского вмешательства в наши дела и помех, он от него не ждет. А так как я оказался другом самого руководителя Оргкомитета, то мне и козыри в руки, буду отныне представлять группу на этих совещаниях. Вам, мол, будет взаимно приятно почаще встречаться.

Мои записи не в полной мере отражают сказанное тогда полковником Гудковым. Но и этого достаточно. Я попросил прояснить, какими должны быть наши отношения с республиканским Оргкомитетом и Поляничко и получил от Гудкова ответ приблизительно такой: решай сам, не маленький, глаза и уши есть — смотри, слушай, думай, работай. Но вредить делу он не позволит. Так и знай!

Помню, поначалу я подумал, что Виктор Семенович просто обиделся. Поляничко всю встречу разговаривал только со мной. На Гудкова не обратил никакого внимания, будто его и не было. Мне стало неловко. Я-то оказался хорош: увлекся комсомольским воспоминаниями и даже не попытался достойно представить Виктора Семеновича. Но потом понял: не надо их знакомить. Они давно знакомы. Поляничко не случайно не заметил полковника Гудкова. Видимо, на предыдущих встречах точка зрения полковника откровенно не совпадала с позициями второго секретаря ЦК компартии Азербайджана. Надо по возможности узнать, что именно между ними произошло? А может, я смогу помочь этим двум уважаемым мной товарищам установить нормальные отношения? Так к большой группе неясных мне вопросов, накопившихся в Москве, добавились не менее существенные, касающиеся роли конкретных личностей в бывших и будущих карабахских событиях. В этом тоже предстояло разобраться.

На следующее утро после обязательного оперативного совещания в штабе группы Гудков ушел к начальнику УВД генералу Ковалеву. На встречу с Поляничко я отправился с великой неохотой. Цифры, которые я подготовил по уже отработанным уголовным делам, у него, несомненно, имелись, он их знал. Его будет интересовать ход расследования новых дел и конечные результаты. Особенно — наше мнение о сложившейся ситуации, оценка ее, то, о чем мы собираемся информировать свое министерство.

Мои опасения оправдались лишь частично. Как и вчера, Виктор Петрович с энтузиазмом рассказывал о структуре своего детища — Оргкомитета по НКАО, о намерениях наращивать

усилия по ограничению этнического вольнодумства армян, расширению экономической помощи азербайджанцам, как национальному меньшинству НКАО. Армяне должны видеть, что если они прекратят бессмысленные выступления за воссоединение с Арменией, не станут выдвигать завышенные требования по вопросам социально-экономического развития региона, то они могут получать то же, что и азербайджанцы: льготное финансирование строительства жилья, медицинское обеспечение, развитие социальной сферы. Все то, что предусмотрено Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 годах» от 23 марта 1988 года.

Когда Виктор Петрович перешел к нашим вопросам, раздался телефонный звонок по аппарату спецсвязи «ВЧ». Звонил из Баку его помощник. Поляничко, выслушав, пояснил мне, что по просьбе первого секретаря ЦК КП Азербайджана Муталибова он сегодня должен быть в Баку, а на следующий день — в Москве. В связи с этим он через 40 минут вылетает из Степанакерта и вернется, видимо, через неделю. Договорились встретиться сразу же.

Полковник Гудков, как оказалось, несмотря на продемонстрированное им утром безразличие к нашей встрече с Поляничко, ждал моего возвращения. На его немой вопрос: «Ну, как?» — я поведал о незавершившемся разговоре. Он с облегчением вздохнул, сказал, что мне повезло, что теперь есть фора до очередной встречи. Хорошо бы еще, чтобы к этому времени у меня появился свой взгляд на события в Карабахе.

В третий раз мы встретились с Виктором Петровичем 10 ноября по случаю празднования Дня советской милиции. У него в кабинете собрались представители органов внутренних дел НКАО. Среди них были и мы с полковником Гудковым. После короткого приветствия Поляничко вручил всем присутствующим небольшие подарки. Когда официальная часть закончилась, и люди стали выходить из его кабинета, он попросил меня остаться. Сразу перешел к делу. Сказал, что по мне заметно — за короткое время освоился, что он наслышан о моей активности, знает о посещении мной «осиного гнезда» — облисполкома, встречах там с уже известными читателю Зорием Балаяном, Робертом Кочаряном, Сержем Саркисяном, Аркадием Гукасяном, а также Валерием Атаджаняном — первым секретарем упраздненного Степанакертского горкома компартии, Олегом Есаяном — заместителем председателя облисполкома, Максимом Мирзояном — председателем Степанакертского горисполкома, Ваганом

Габриэляном — народным депутатом СССР, первым секретарем Мардакертского райкома партии. Назвал даже Альберта Газаряна — председателя областного добровольного общества автомобилистов, местного правозащитника. Я ожидал, что он перечислит другие мои ночные встречи с армянскими подпольщиками. Но, видимо, о них либо не знал, либо считал незаслуживающими его внимания.

Виктор Петрович тут же выразил мне свое недовольство решением полковника Гудкова о досрочном освобождении из Степанакертского ИВС 6 ноября армян, находящихся под административным арестом. Оказывается, этот вопрос надо бы вначале согласовать с ним. Мне полагалось бы ему позвонить.

— Зачем тебе это надо? Если не хватает собственной информации, приходи, получишь в любом объеме. До тебя все уже изучено. Армянские экстремисты должны чувствовать твердость власти.

Я попытался возражать:

— Но это мои прямые обязанности, я должен владеть ситуацией, обязан выслушать все стороны конфликта. К тому же я считаю, что и для вас это должно представлять интерес. Получается, в Москве я могу с ними встречаться, а здесь нет. Они наши сограждане и пока не преступники. Ну и что, что у них другие взгляды? Время теперь такое. Изолировав их, отгородившись комендатурой, мы, наоборот, загоняем в тупик решение многих даже совсем простых проблем. И потом, ведь не все армяне занимают экстремистскую позицию. Несомненно, есть проблемы, в решении которых всем надо объединяться, искать взаимоприемлемые варианты. Могу по итогам моих встреч подготовить соответствующие предложения.

Виктор Петрович будто и не слышал меня.

— У нас по этим вопросам должна быть единая точка зрения. Советую прислушаться. Что могут сказать тебе эти политические авантюристы? Они ведь непримиримые враги советской власти. Только нынешний либерализм позволяет им еще трепыхаться. Будь моя воля — они бы навсегда забыли о своих бредовых идеях. Сейчас готовится ряд новых мер, которые ужесточат межнациональную политику в НКАО. В самые ближайшие дни буду обсуждать их с Геннадием Ивановичем Янаевым (Вице-президентом СССР). Знаю, вы хорошие знакомые, могу передать привет. Давай действовать вместе. Будет желание — в любое время приходи, обсудим, посоветуемся.

Не пройдет и десяти дней, как встречи с Виктором Петровичем Поляничко у меня будут проходить только в случае самой острой необходимости.

«Давно не бывал я в Агдаме…»

Этот день был спланирован накануне, вечером. 21 ноября мне по аппарату «ВЧ» позвонил Зорий Гайкович Балаян и спросил:

— Когда мы сможем поехать в Аскеранский район? Ты должен увидеть собственными глазами, какие действия затевает Азербайджан против Карабаха. Вам ведь никому такое и в голову не придет. А действия четкие, целенаправленные. И еще. Мы договаривались вместе побывать в районе степанакертского аэропорта. Ты должен увидеть, как в поселке Ходжалы ведутся жилищно-строительные работы в сторону аэропорта Степанакерт. Это делается тоже целенаправленно, чтобы впоследствии закрыть аэропорт, лишить армянское население Карабаха единственной транспортной связи с внешним миром. Потом мы побываем на границе Аскеранского района. Там со стороны Агдамского района создается обстановка для блокирования НКАО и обеспечения будущей депортации армянского населения из Аскерана, Степанакерта и прилегающих сел. В ответ я сказал Балаяну:

— Думаю, мы сможем поехать в Аскеранский район завтра, сразу после оперативного совещания, часов в десять.

Утром следующего дня, когда ко мне в машину УАЗ-469 с ярославским номером «80–65 ЯРА» у здания облисполкома вместе с Зорием Балаяном сел и Роберт Кочарян, я был определенно озадачен. Об участии Роберта в поездке разговора накануне не было. С полковником Гудковым я согласовал свою поездку в Аскеранский район лишь с народным депутатом СССР Зорием Балаяном. Правда, сев в машину, Зорий Гайкович сразу же спросил:

— Виктор, не будешь против того, чтобы Роберт поехал с нами?

Не выдав своего удивления, я ответил:

— Не возражаю.

Мы сразу двинулись в путь, делясь утренними впечатлениями. А они, в соответствии с оперативными сводками из райотделов милиции НКАО и из военной комендатуры, были, как обычно, тревожными. Опять ночные нападения на армянские села, угон скота, поджоги. Одно из нападений со стороны Агдама на животноводческую ферму недалеко от горного села в Аскеранском районе было осуществлено прошедшей ночью группой вооруженных азербайджанцев. Был убит ночной сторож.

Подъезжая к повороту дороги на степанакертский аэропорт, Зорий попросил нашего водителя, младшего сержанта милиции Андрея Червакова, ехать медленнее. Ему хотелось лучше

рассмотреть все самому и нам показать, как меняется обстановка в азербайджанском поселке Ходжалу. Увиденное — впечатляло. Новые кирпичные дома вырастали, как грибы после дождя. И чем ближе к зоне аэропорта, тем дома строились крупнее и выше, словно для того, чтобы с их крыш можно было руками достать взлетающие самолеты. Роберт Кочарян попытался сосчитать количество новостроек, но сбился и заметил, что в целом Ходжалу увеличился не менее чем на треть. И это только за последние три месяца. Масштабы возводимых объектов, горы кирпича, пиломатериалов, мешков с цементом, изобилие других строительных материалов казались тем более удивительными, что все это полностью отсутствовало не только в армянских селах, но и в столице НКАО городе Степанакерте, находящемся на расстоянии 10 километров от Ходжалу.

Проблему степанакертского аэропорта и развернувшегося строительства новых улиц азербайджанского поселка Ходжалу накануне этой поездки мы обсуждали с Сержем Саркисяном и Робертом Кочаряном. Азербайджанские власти, как бы реализуя программы социально-экономического развития НКАО, целенаправленно использовали в одностороннем порядке союзные и республиканские средства для льготного безвозвратного финансирования индивидуального строительства в этом поселке, переселяя в него не только беженцев из Армении, но и всех желающих из других районов Азербайджана. Таким новоселам кроме льгот на строительство жилья выдавались денежные пособия, а их детям предоставлялась возможность поступления в вузы республики без сдачи вступительных экзаменов. Преследовалась очевидная цель. Увеличить в Карабахе численность азербайджанского населения. Задача эта, по имеющейся информации, осуществлялась не только в Ходжалу, но и в других азербайджанских населенных пунктах НКАО.

Но еще более изощренной была другая задумка: произвести застройку прилегающей к аэропорту территории с грубыми нарушениями градостроительных норм. Расчет был на то, чтобы близость жилья к аэропорту сделала бы опасными взлеты и посадки самолетов. Закрытие аэропорта становилось неизбежным. Впрочем, это был уже и не Степанакертский аэропорт. Азербайджанский Верховный Совет недавно переименовал его в Ходжалинский. Функции союзных внутренних войск по охране аэропорта, досмотру груза и личных вещей пассажиров, в основном армян, были переданы подразделениям азербайджанского ОМОНа. Сделано это было в результате настойчивых предложений руководства Азербайджана, при поддержке коменданта Карабаха генерала Сафонова, и с согласия

тогдашнего министра внутренних дел СССР Бакатина.

Кстати, первый захват аэропорта азербайджанскими омоновцами не состоялся. Они появились неожиданно для подразделений внутренних войск, осуществлявших контроль над аэропортом. Азербайджанские милиционеры потребовали от командиров подразделений внутренних войск сдать посты. При этом никакого приказа им ни от командования группировки войск, ни из Комендатуры РЧП не поступало. Генерал Сафонов в это время в НКАО отсутствовал. Его обязанности исполнял начальник штаба полковник Владимир Викторович Овчинников. Ему тоже не было указаний о сдаче аэропорта, и он приказал очистить его территорию от азербайджанских омоновцев. Войсковики выполнили приказ не без удовольствия, ибо у них к этим омоновцам, мягко говоря, симпатий не было. Выдворять непрошеных гостей пришлось фактически с помощью БТРов.

Об этом мне очень красочно рассказывал закрепленный за аэропортом представитель нашей группы, старший оперуполномоченный Главного управления внутренних дел на транспорте МВД СССР подполковник милиции Борис Иванович Бондаренко. Полковник Гудков отправил в МВД СССР соответствующую телеграмму. Инцидент, конечно, не прошел не замеченным. В Москве разгорелся скандал. Но через день в Степанакерте появился генерал Сафонов, и внутренние войска по его приказанию покинули аэропорт. Нетрудно было представить, как в ближайшем будущем по «настоятельной просьбе жителей Ходжалу» аэропорт закроют. Тогда армянские жители Карабаха лишатся единственной транспортной артерии, связывающей их не только с Арменией, но и со всем внешним миром. Карабах окончательно станет резервацией.

Живо обсуждая проблему аэропорта, мы не заметили, как оказались возле здания Аскеранского райкома партии, который, несмотря на решение ЦК КПСС о запрещении участия армянского населения на территории НКАО в коммунистической партии, продолжал функционировать. Вместе с первым секретарем райкома, начальником районной милиции и местным прокурором мы по предложению Зория Балаяна отправились в горное село Норашен, на которое предыдущей ночью со стороны азербайджанского города Агдам было совершено вооруженное нападение, и был убит сторож животноводческой фермы.

Около правления колхоза уже собралась большая толпа жителей. Скорбная, понурая. Узнав среди приехавших Зория Балаяна, люди потянулись к нему. Разговор начинался сумбурно. Негодовали мужчины, плакали женщины. Всем хотелось излить

накипевшее, пожаловаться на произвол и беззащитность. Участковый милиционер, работник уголовного розыска и следователь прокуратуры, побывавшие на месте гибели сторожа, показали нам собранные там гильзы. Они были в основном от автоматов Калашникова, которые у армянских милиционеров были изъяты. Стало ясно: на ферму сделал набег азербайджанский ОМОН.

Понемногу разговор стал входить в нужное русло. Люди перестали перебивать друг друга. Рассказали о ночном ЧП. В полночь на ферму, что находится в горах, приблизительно в километре выше села, со стороны Агдама напала группа азербайджанцев, вооруженных автоматами. В эту ночь ферму охраняли два сторожа. Один лет шестидесяти, другой — молодой колхозник. Отару овец на всякий случай отогнали в дальнюю от агдамской стороны кошару. Пока нападавшие рыскали в пустых помещениях, старший велел молодому сторожу бежать в село, поднимать людей на помощь. Молодой предложил бежать в деревню вместе, все равно защищаться нечем. Старик прикрикнул на него:

— Вместе будем бежать дольше. И сил для быстрого бега у меня нет. А так постараюсь разговорами да уговорами задержать бандитов как можно дольше.

Молодой стал противиться:

— Уходить нам вместе полагается, убьют тебя азеры.

— Убьют, но одного. А тебе жить надо, ты молодой, еще сколько раз тебе придется защищать наше село, беги скорей!

Односельчане успели помешать угнать азербайджанцам овец. Но не успели спасти старого сторожа. Бандиты его не только убили, но и, как обычно, надругались над старческим телом.

Выразив соболезнование родным и близким, мы приняли участие в разговоре с сельчанами. Все вопросы жителей села были об одном, когда же прекратятся ночные нападения азербайджанцев на армянские села? Найдут ли убийцу? Можно ли надеяться на справедливый суд? Зорий Балаян все сказанное переадресовал мне. Я пообещал, что данный случай будет расследовать наша Следственно-оперативная группа МВД СССР, что мы приложим все силы, чтобы найти преступников и привлечь их к ответственности. И очень коротко перечислил меры, которые принимаются по урегулированию межнационального конфликта со стороны союзных органов, и, прежде всего, МВД СССР.

Потом мы, как и планировали ранее, поехали в армянское село Ханабад. Оно находилось километрах в трех по левую сторону от шоссе Степанакерт — Агдам. Это красивое село теперь

как форпост Карабаха и располагалось на небольшой возвышенности. Фасады домов, привольные живописные сады свидетельствовали о былом благополучии. В этот ясный солнечный день окраины города Агдама были видны с улиц села как на ладони. До города километра на три простирались ухоженные земли Агдамского района Азербайджана. Село за время карабахского конфликта так часто обстреливалось со стороны Агдама, что жители первого ряда домов заложили все окна, выходящие в сторону города, а недавние постройки возводились сразу с глухи: ми стенами.

Беседа с руководителями села и жителями только дополнила наши первоначальные впечатления. Раньше живущим в селе завидовали: земли у них были самые щедрые, сады всегда плодоносили, и покупатели рядом. Богатый Агдам и теперь под рукой. Но все в прошлом. Опаснее места — поискать! Днем оттуда нередко свистят пули, а вечером, говорить нечего, село постоянно обстреливается, подвергается набегам вооруженных людей. Отражать нападение нечем. Охотничьи ружья давно забрали. Кроме топоров и вил ничего нет. Рай превратился в ад. И, несмотря на все это, жители твердо заявляли, что никуда с родной земли не уйдут. И будут биться за свой дом до последнего дыхания.

Многие жители села Ханабад побывали в заложниках, немало семей потеряли своих близких. Защиты никакой. Просили у командования разместить в селе постоянный блок-пост. Им ответили, что блок-пост внутренних войск находится почти рядом, на шоссе. Но от него до села далеко. Пока просьба о помощи дойдет до аскеранской комендатуры, пока приедет войсковой наряд, от бандитов уже и след простыл.

Конечно, упреки в адрес союзного руководства были совершенно справедливы. Наш приезд люди восприняли с надеждой. Если с Зорием Балаяном и Робертом Кочаряном приехал представитель из МВД СССР, может, что-то изменится в лучшую сторону. Было стыдно за полную неспособность власти обеспечить людям нормальное житье. И я был здесь ее, этой власти, представителем. Что я мог, что обязан был сделать? Вывод один — бездействовать нельзя.

Возвращались из Ханабада в Аскеран в том же порядке, как и ехали сюда. Впереди нашей машины шел «УАЗик» первого секретаря райкома партии, в котором вместе с ним сидели начальник милиции и прокурор района. Я расположился, как обычно, на сидении рядом с водителем, вполоборота к моим попутчикам. Мы живо обсуждали агдамские впечатления, спорили, старались предугадать, как будут развиваться события

дальше. Я больше настаивал на компромиссных подходах для решения межнационального конфликта. Роберт Кочарян высказывался за полную бескомпромиссность в отстаивании интересов и свобод карабахских армян, подчеркивал бессмысленность полумер, предсказывал усложнение ситуации: Карабах должен выйти из Азербайджана. Он был в этом уверен. Зорий Балаян больше слушал нас и очень удивил меня и Роберта своими неожиданными вопросами:

— А куда мы едем? По-моему, мы приехали в Агдам?

Когда я повернулся в сторону дороги и посмотрел вперед, то увидел, что наша машина находится приблизительно в ста пятидесяти метрах от первых городских домов, а чуть правее возвышается знаменитая агдамская Чайная башня. Я попросил водителя остановиться и спросил его:

— Андрей, каким образом ты привез нас в Агдам? Где первая машина, когда ты ее потерял?

Оказалось, что Андрей все время ехал следом за аскеранской машиной, потом она по какой-то причине остановилась, а он поехал дальше. Он считал, что едет дорогой, по которой утром приехали в село Ханабад.

Я спросил сзади сидящих Зория и Роберта:

— Знаете дорогу назад? И что нам делать? Ехать вперед, значит, ехать через Агдам, а это километра три-четыре по городским улицам.

После некоторого молчания Зорий Балаян сказал задумчиво:

— Давно не бывал я в Агдаме. Проедем по городу, посмотрим, когда-то еще приведется здесь побывать.

Посмотрев на Роберта Кочаряна, я понял, что и он так считает.

— Ну что, вперед, Андрей? Сможешь без остановки проскочить город?

— Моя «Ласточка» проскочит без остановки, не волнуйтесь, товарищ подполковник, — ответил мне Андрей, поправляя лежащий между нами автомат Калашникова. Вслед за ним я расстегнул кобуру своего Макарова.

Надо сказать, Андрей среди водителей, командированных с центральной автобазы МВД СССР, в составе нашей группы выделялся не только красивой внешностью. Высокий блондин, он всегда элегантно выглядел даже в одной и той же омоновской форме, отличался собранностью и педантичной исполнительностью. Еще лучше он смотрелся рядом со своей машиной, которая будто только что сошла с заводского конвейера. Да и поломок я у него не помню. Андрей обращался с машиной, словно с любимой девушкой. Находясь на стоянке, он

не сидел без дела, все что-то мудрил под капотом или протирал стекла, а то и всю автомашину. Видимо, она платила ему тем же, никогда не подводила и считалась самой быстроходной, будто оправдывая внимание своего хозяина. Одним словом — «Ласточка». Водил Андрей профессионально лихо, но без риска и ухарства.

— Ну, вперед так вперед! — сказал я, как бы отдавая команду водителю.

Мы въехали в Агдам. Наш путь лежал через восточную часть города, мимо центральной площади, Чайной башни, зданий Агдамского районного комитета партии, исполкома горсовета… Справа проезжаем знаменитейший агдамский рынок. По рассказам бывалых людей на нем во все времена при желании можно было купить все, что благословил бог для продажи. В условиях жестокой дефицитности, действующей в СССР повсеместно, этот рынок представлялся изобильным раем. Ограничений в удовлетворении покупателя практически не было. Глаза разбегались, а сердце замирало. Предприимчивость агдамских рыночников не знала границ. Него только не продавалось из-под полы, по, так называемым, индивидуальным запросам. При жесткой государственной монополии на торговлю промышленными товарами им здесь прощалось даже собственное ценообразование. Если коробка спичек в магазине, расположенном рядом с рынком, как и везде по стране, стоила одну копейку, то здесь — десять. Горы бутылок «Советского шампанского» — вожделенного дефицита того времени, а здесь доступные каждому, не только опустошали кошельки покупателей, но и немало удивляли своей тройной ценой, чем в обычном магазине, где оно всегда отсутствовало. Эта часть города была самобытной и очень симпатичной. Далее наше движение продолжилось по широкой асфальтированной улице прямо в сторону Аскерана. Всюду чувствовались преуспевание и достаток. Дома вдоль дороги были частные, многокомнатные, в основном двух- и трехэтажные. Они как бы соревновались в красоте и оригинальности фасадов. Колонны, балконы с металлическими решетками арабской вязи, башенки на крышах и т. д. Возле многих домов паслись овцы, куры и утки деловито выклевывали что-то в траве. Из магазинов и кафе выходили довольные посетители с сумками, наполненными свертками и пакетами. Производили впечатление масштабные строительные работы. Ничего похожего на армянскую часть НКАО.

Поворачиваясь периодически то к Зорию Балаяну, то к Роберту, я думал о том, что они видят сегодняшний Агдам совсем не так как я. Какие-то улицы города ими хожены-перехожены

множество раз. И в домах, мимо которых мы проезжали, им доводилось переживать счастливые встречи, дружеские застолья, сокровенные беседы.

Теперь Агдам для армян стал другим. Мне вспомнилась фраза Роберта Кочаряна, что Агдам сыграл роковую роль в превращение Нагорного Карабаха в первую горячую точку СССР, произнесенная в ходе недавней нашей подпольной встречи в холодной бане. Увидев мой вопросительный взгляд, Роберт тогда пояснил:

— Не удивляйтесь, это действительно так. 22 февраля 1988 года сессия областного Совета народных депутатов НКАО обратилась с просьбой к Верховным Советам Азербайджанской ССР и Армянской ССР — проявить чувство глубокого понимания чаяний армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. А через два дня, утром, более 2 тысяч молодых азербайджанцев из Агдама неожиданно принялись «наводить порядок» в ближайших армянских населенных пунктах Аскеранского района НКАО. С разной степенью тяжести было ранено более 50 армян, разгромлено или сожжено несколько промышленных предприятий, школ, сельскохозяйственных строений и т. д. Лишь к вечеру при поддержке подразделений милиции аскеранцы выдворили погромщиков со своей территории. Сами агдамцы на погромы пойти не могли. Их обязали из Баку. По нашим данным Муталибов накануне был в Агдаме и провел секретное совещание с руководителями района из числа азербайджанцев. При невыясненных обстоятельствах двое погромщиков погибли. Армяне к их гибели отношения не имели. Убийства — дело рук спецслужб Азербайджана, провокация чистой воды.

По факту нападения на Аскеранский район и гибели двух человек Прокуратурой СССР было заведено уголовное дело, которое не было своевременно и объективно расследовано. Следствию практически сразу было известно, что двадцатидвухлетнего фрезеровщика Агдамского станкостроительного завода Али Гаджиева застрелил азербайджанский милиционер, в ходе спора, разразившегося между ними. Об этом следователю Генеральной Прокуратуры СССР Николаеву заявил Ариф Гаджиев — родной брат погибшего. Журналист Александр Василевский опубликовал его признание в десятом номере ленинградского журнала «Аврора» за 1988 года. Вначале информация о причине гибели двух агдамцев почему-то умалчивалась. Потом в центральной прессе без разъяснений появились сообщения лишь об убийстве двух азербайджанцев в

столкновении жителей Агдама и Аскерана, которые фактически в одностороннем порядке воспринимались провокационно против армянской стороны.

— Агдамская «карательная операция» стала первым актом массового насильственного межнационального выступления азербайджанцев против армянского населения Карабаха, с нее-то и началось превращение Нагорного Карабаха в первую горячую точку СССР, — с грустной нотой в голосе закончил тогда свое пояснение Роберт Кочарян.

Сегодня для моих армянских друзей за брезентовым тентом нашей машины всюду таилась суровая и враждебная опасность. Теперь для них это другой город. В нем действуют новые нормы и порядки по отношению лично к ним и их соотечественникам. Город, правда, находится в их же родном государстве, на территории которого декларированы гарантии соблюдения равных прав граждан любой национальности. Но практически они сейчас беззащитны. Злобная антиармянская пропаганда, пропитавшая атмосферу в Азербайджане в целом, не позволяла даже подумать о возможной остановке машины. Об общении с агдамцами нельзя было помыслить не только преступнику или бандиту, но даже союзному депутату, известному писателю, журналисту Зорию Балаяну. И все потому, что они армяне.

Да узнай кто-нибудь из азербайджанцев, кто сейчас едет в этой машине по Агдаму, без сомнения, судьба не оставила бы ни малейшего шанса остаться в живых ни одному из нас. Накануне на агдамском рынке были до полусмерти избиты трое русских: два офицера и солдат-водитель из состава внутренних войск, всего-то необдуманно приехавшие за покупками на «москвиче» со степанакертскими номерами. Только подоспевший войсковой наряд на двух БТРах отбил россиян у разъяренной и ослепленной националистическим гневом толпы агдамцев.

Когда принималось решение ехать через Агдам, я, признаться, не осознавал в полной мере степень опасности этой поездки, своей ответственности за жизнь двух человек, сидящих позади меня. И только по мере движения по городским улицам Агдама я все глубже понимал остроту ситуации. В том, что рядом со мной люди смелые и сильные духом, я был уверен. Но все больше понимал и то, что вместе со мной в центре Агдама находятся заклятые враги азербайджанского руководства — Зорий Балаян и Роберт Кочарян. В Азербайджане давно отданы команды, чтобы любыми путями устранить все руководство Карабахского движения, и, прежде всего, этих двух…

Если, не дай Бог, машина по какой-то причине остановится, например, из-за прокола колеса, то, как и всякий раз бывало при

поездках через азербайджанские населенные пункты, сразу соберется толпа добровольных помощников из местных жителей, искренне желающих оказать содействие в решении возникших проблем, а то и просто поговорить о новостях с высоким милицейским чином. Бывали случаи, когда из толпы, окружившей нашу машину, меня отзывал в сторонку какой-нибудь агдамец и, пока рядом никого не было, шепотом спрашивал о своем близком друге степанакертце Вагане Степаняне, проживающем на улице Степаняна, дом 16. Как у него обстоят дела, вся ли семья жива и здорова? Услышав, что Вагана я не знаю, принимался сокрушаться как могу я до сих пор не знать такого хорошего человека. И все равно просил передать привет от Расула из Агдама. Несколько раз я привозил посылки: конфеты или лекарства для степанакертцев от их верных агдамских друзей, которые специально приходили для этого на агдамский рынок. Похожие истории мне рассказывали и другие офицеры нашей группы и Комендатуры. Но что сегодня вспоминать об этом?

По мере продвижения к границе Агдама я все чаще посматривал на Андрея, который тоже чувствовал остроту ситуацию и вел машину предельно осторожно, объезжая самую малую ямку на дороге. Я боялся даже появления отары овец, они почему-то нередко располагались на шоссе. Особо опасным мне казался отрезок дороги на окраине Агдама. На выезде из города были два блок-поста. Первый и ближний состоял из азербайджанских омоновцев. Второй — из внутренних войск. Он не в счет. На нашей машине был не только российский номерной знак. На лобовом стекле еще укреплены трафарет с надписью «СОГ МВД СССР» и специальный пропуск Коменданта РЧП серии «БД», то есть «Без досмотра». Машина не подлежала остановкам и задержанию ни блок-постами, ни ГАИ.

Однако была опасность, и это тоже случалось нередко, когда командир азербайджанского блок-поста просил подбросить до Ходжалу кого-нибудь из сотрудников милиции или просто знакомых. Мы, если бывали свободные места в машине, как правило, не отказывали, а по дороге словоохотливые пассажиры в знак признательности за услугу делились самым сокровенным. Так нередко мы получали весьма важную информацию. Быстро проехать азербайджанский пост было невозможно. Бетонные блоки справа и слева в зигзагообразном положении сужали проезжую часть до полосы проезда лишь одной машины. Так как наряд блокпоста находился слева по ходу нашего движения, то командир, как правило, без нашего разрешения открывал вторую заднюю дверь, чтобы обратиться со своей просьбой к старшему в

машине. Это было опасно. Я предупредил Андрея, чтобы он, если на азербайджанском блок-посту кто и будет просить остановиться, сразу сказал, что мест у нас нет, и не давал возможности открыть заднюю дверь. Он понял, о чем речь. Змейку блок-поста мы миновали на максимально возможной скорости. Андрей лихо козырнул наряду омоновцев. Так как нашу машину, в том числе со мной на переднем сидении, наряд блок-поста видел не раз, а о лихости Андрея ходили слухи далеко за пределами нашей группы, то никто на нас не обратил внимания. Дальше была дорога без очевидных препятствий. Более того, впереди был блокпост внутренних войск, наряд которого в случае чего будет нашим защитником.

Остановились мы у мостка, километрах в четырех от Агдама, где стоит скромный памятник советскому экипажу БТР, погибшему в смутные дни января 1990 года от гранатомета и пуль азербайджанских националистов. Не сговариваясь, мы поблагодарили Андрея. Он сделал вид, что даже не понимает, о чем идет речь. Я подумал, может, он и прав, что считает эту поездку обычным заданием. А риск? Так он каждый день присутствует в нашей службе в Карабахе. Знал сержант милиции Черваков, правда, как и каждый сотрудник нашей группы, что чуть больше года назад, 18 июля 1989 года, в Агдаме зверски были убиты офицеры Следственно-оперативной группы МВД СССР Андрей Тюгаев и Сергей Габа. Тогда спровоцированная националистическими лозунгами толпа приблизительно в 300 человек перевернула машину и стала избивать милиционеров. Избивали камнями. Кроме погибших, несколько военнослужащих были тяжело ранены. И это было средь бела дня в советском городе Агдаме.

Представить себе подобное в каком-либо русском городе просто невозможно. Чудовищные зверства творят не отдельные преступные личности, а целые толпы азербайджанцев, состоящие из лиц, разных по роду занятий, возрасту, социальному положению, в том числе с партийными и комсомольскими билетами. Устойчивую ненависть к армянам они легко переносят на русских, советских военных или милиционеров, считая их пособниками тех же армян. На допросах, как правило, выясняется, что все они случайно оказались в это время в конфликтной ситуации. Но удивительно, что люди были готовы к расправам над гражданами другой национальности, едва прозвучит соответствующий клич. Они что, зомбированы? Аскеран, Сумгаит, Кировабад, Баку, другие города и села, где десятки тысяч азербайджанцев запятнали себя участием в убийствах и погромах над советскими согражданами.

Оставшаяся позади опасность как бы породнила и сблизила нас. Могу признаться, я почувствовал почти физически, как с моих плеч спал груз необычно напряженного состояния. Другое дело, что чувствовали в это время мои карабахские попутчики. То, что неожиданное посещение Агдама произвело на них впечатление, было очевидно. Роберт Кочарян, которому в последнее время не доводилось заезжать в азербайджанские населенные пункты, был удивлен их процветанием и озабоченно прикидывал что-то в уме. Зорий Балаян, как бы подводя итог нашего крайне рискового путешествия, повторил слова, сказанные перед его началом:

— Да, давно не бывал я в Агдаме!..

Роберт Кочарян возвращает солдата Руслана и автомат Калашникова

Прошло всего несколько дней после непредвиденного посещения нами азербайджанского города Агдама. Очередной ночной степанакертский разговор с Зорием Балаяном проходиц в доме Валерия Марутяна, с которым я к тому времени был уже неплохо знаком. Марутян работал главным хирургом Степанакертской областной больницы, куда мы обычно госпитализировали армян, нуждающихся в серьезной и неотложной медицинской помощи после оперативно-войсковых операций и проверок паспортного режима. Валерий был не только братом жены Зория Балаяна, но еще его большим другом.

Пройдут годы, уже не будет в живых Валерия Ервандо-вича, когда мне расскажут, что Марутян был в числе первых и активнейших подпольщиков Карабахского движения, а в годы войны основателем военно-медицинской службы и военно-полевой хирургии Карабаха. Но в то время можно было только догадываться, именно куда из хирургического отделения исчезали административно задержанные армяне, даже тогда, когда для их охраны выставлялся армейский наряд.

Так уж сложилось, что наши встречи с Зорием обычно проходили с глазу на глаз. И в этот раз Валерий в разговоре не участвовал, лишь изредка приносил кипятку для чая. Под конец встречи Зорий вдруг предложил посмотреть одну видеозапись, которая имеет прямое отношение ко дню нашего агдамского путешествия. Видеокассету принес и поставил Валерий. Запись, сделанная явно начинающим оператором-любителем, вполне сносно показала два эпизода про солдата внутренних войск из полка дивизии «Дон», расквартированного в городе Агдаме. В кадре было симпатичное мальчишечье лицо, с немного испуганным взглядом. Оказалось, что в день нашего посещения Аскеранского района, а затем рискованной поездки по Агдаму он, то есть Руслан Кульков, самовольно покинул расположение полка и ушел в горы. Причина — отсутствие взаимопонимания с однополчанами.

Чашу его терпения переполнила обида за задержку книги, которую ему хотелось почитать именно в этот день. Он ушел утром с поста, прихватив автомат Калашникова. Двигался без оглядки, подальше от части, в горы… Потом промерз, проголодался, понял, что дороги назад не помнит. Горных условий не знает, родом-то из Харькова. Пошел первой же тропой

вниз. К вечеру вышел к селу. Обратился к случайно встреченному жителю. Но он вместо того, чтобы показать дорогу в Агдам, стал звать односельчан. Собравшиеся мужики накинулись на Руслана, потребовали, чтобы он рассказал, почему убил прошлой ночью сторожа на ферме. Кто еще с ним был и где эти люди? Пока разобрались, что Руслан солдат срочной службы, родом с Украины, ничего о ночном нападении азербайджанцев не знает и никакого отношения к убийству не имеет, его изрядно поколотили. Больше досталось за то, что не хотел отдавать автомат. Потом пострадавшего накормили, определили на постой под присмотр пары молодых армян. Автомат, конечно, отобрали. Почему не применил автомат при защите? Да как он мог стрелять в безоружных людей!

Далее пленка представила, как Руслан отвечает на вопросы невидимого собеседника. Руслан сообщил, что родился и вырос в городе Харькове. До призыва в армию окончил технологический техникум. Отец — инженер, мать — медсестра. Он единственный сын. Служит чуть больше полугода. Ушел из части под давлением нахлынувшего чувства одиночества и, по его мнению, несправедливого отношения ряда сослуживцев по взводу. Утром обещали дать почитать новую книгу и не дали. Жаловаться не привык. Отношения с офицерами нормальные. Нет, дедовщины с насилием в полку нет. Командир дивизии, говорят, справедливый, за это голову оторвет. Он — афганец, как и многие офицеры. Просто рядом служат несколько не понимающих его ребят. Жалеет о случившемся. Совершил необдуманный проступок, да еще автомат с собой унес. Командиру взвода теперь попадет. К конфликту между армянами и азербайджанцами относится с сожалением. Читал, да и замполит на политзанятиях говорил, что армянам в Карабахе плохо живется, потому и конфликт. Офицеры против армян не настраивают. Думает, что все наладится. Власти эти вопросы урегулируют и без него. Его роль в том, чтобы не допустить беспорядков. Конечно, хочет вернуться в часть, какое бы наказание ни понес. Остаться в Карабахе и вести подпольный образ жизни не хочет. Народы рано или поздно между собой поладят, а он куда денется? Хотя сейчас он уже успел подружиться с ребятами и девушками из этого села. Вообще жителям спасибо, приютили, кормят. Мечтает вернуться домой, начать работать, жениться и иметь детей.

— Ну, что скажешь? — спросил меня Зорий, когда Валерий унес кассету в другую комнату.

— Во-первых, — ответил я, — о побеге солдата или взятии его в заложники любой из конфликтующих сторон я знаю из оперативных сводок. В полку внутренних войск, что

расквартирован в Агдаме, рядовой покинул пост или похищен в заложники вместе с автоматом. У меня случайно с собой рабочий дневник. Сейчас посмотрю. Точно, Кульков Руслан с автоматом АКМ, номер оружия БИ-3013 с запасным магазином. В дивизии «Дон» ведется служебное расследование. Почему раньше не сообщили? Во-вторых, парень нормальный, разумный. Видимо, с ним случилась беда, которая может его сломать на всю жизнь. Надо помочь ему выйти из этой ситуации с наименьшими потерями. Конечно, если все это правда и он действительно такой, как на пленке.

— Сразу не сообщили потому, — пояснил Зорий, — что местные ребята сами хотели разобраться. Было мнение, что он пожелает стать федаином; опять же заманчиво было отпустить без автомата. Но по его ответам сам видишь, какой это чистый, простодушный человек, чего он хочет. Думаю, нам вместе следует ему помочь. Уверен, если бы не совокупность случайностей, он сам в тот же день вернулся бы в полк и там схлопотал бы за это несколько суток «губы». Он же не преступник. Я, да и все наши ребята не хотят, чтобы его отдали под трибунал. Это важное условие возвращения и солдата, и автомата.

Мы договорились, что возможные условия возвращения Руслана из самоволки с автоматом я изучу. Но при этом попросил устроить мне встречу с беглым солдатом.

На следующий день я побывал у командира дивизии внутренних войск «Дон» полковника Михаила Ивановича Лабунца. Первая его реакция меня немало удивила. Полковник требовательно спросил, видел ли я автомат, и если да, то когда можно его вернуть? Где расположено село, в котором беглец находится? От кого я получил данные?

— Почему только автомат, а с солдатом что делать? — возник у меня законный вопрос.

— Надо срочно вернуть автомат, а от солдата трибунал не уйдет, — решительно рубанул комдив.

Более обстоятельный разговор объяснил мне позицию полковника. В те времена очень строго относились к хищению оружия. О судьбе солдата беспокоились куда меньше. В условиях чрезвычайного положения с человеком могло произойти что угодно. А вот оружие никогда не должно попадать в незаконные руки. Москва каждый день требовала отчета за пропавший автомат. В ближайшие дни по этому поводу должна прибыть комиссия из Главного штаба внутренних войск.

Получалось, в первую очередь надо решить судьбу автомата. Полковник вообще распалился, стал грозить, что если армяне срочно не вернут автомат, то он отдаст приказ прочесать все села,

прилегающие к Агдаму. И уж он ручается, результат для них будет плачевный.

Пришлось мне напомнить полковнику, что ситуация вышла из-под его контроля. Сведения мои точные, получены через оперативные источники, раскрывать которые не обязан. А вот как мог солдат без проблем покинуть расположение части с оружием в руках? Это — вопрос для военной прокуратуры. Солдат, действительно, в бегах, автомат пока при нем. Любые непродуманные действия могут повлечь непредсказуемый результат. В этой обстановке силой ничего не добьешься. В дальнейшем положительном разрешении ситуации именно товарищ комдив должен быть заинтересован в первую очередь.

Мои доводы были убедительны. Полковник Лабунец не стал больше угрожать силой и бряцать оружием. Да и вообще он оказался серьезным и думающим человеком. Мы здесь же обсудили несколько вариантов, которые позволят наилучшим образом разрешить создавшиеся проблемы. При этом следовало торопиться. Если со дня ухода солдата из части минует десять дней — трибунала не миновать. А до этого любое решение вправе вынести сам командир дивизии.

Я пообещал согласовать наши предложения в ближайшее время с армянской стороной. Вопросы оперативного взаимодействия со мной полковник поручил решать заместителю начальника особого отдела дивизии майору С. Н. Хабло. Условились о неразглашении наших договоренностей до окончания операции, о взаимном соблюдении секретности. Первый шаг вроде бы был сделан.

— Но о втором шаге, — заметил Виктор Семенович Гудков, выслушав мой доклад о встрече с полковником Лабунцом, — следовало бы хорошо подумать. Кто сейчас даст гарантии, что полковник или его особист не пустят в ход полученную от тебя информацию, что автоматически приведет к самым нежелательным последствиям? Как поступить, чтобы благотворительная миссия по возвращению солдата с автоматом не обернулась трагедией для жителей армянского села? Это — раз. Не навлекла азербайджанские карательные органы на соответствующие структуры и лиц из Карабахского движения? Это — два. Не дала лишнего повода классифицировать твои действия, а значит и группы, как несанкционированные, тем более что возможны и обвинения в связях с армянскими сепаратистами и боевиками?

По аппарату «ВЧ» я позвонил Зорию Балаяну в его депутатский кабинет в облисполкоме. Сказал, что Руслана можно

возвращать. Варианты в принципе согласованы. Нужно торопиться. Зорин Гайкович передал трубку Роберту Кочаряну, и мы договорились встретиться сегодня же. О времени и месте встречи он сообщит дополнительно.

Роберт позвонил через час. Назвал адрес. Попросил подъехать к дому в центре города, машину отпустить, войти в арку, там и встретимся. Одежда желательна гражданская. Переодеваться не пришлось. На офицерский китель накинул куртку из оперативного гардероба УВД, а брюки от омоновской формы серые и легко могли сойти за цивильные.

Отпустив машину, я вошел через арку кирпичного дома в большой продолговатый двор. Во дворе никого не было, меня никто не ждал. Видимо, я приехал раньше Роберта. Только в дальнем углу двора стоял старый горбатый «запорожец» первой модели. Именно он через несколько секунд подкатил ко мне, из него вылез Роберт и предложил сесть на заднее сиденье. Мы выехали на улицу и, не спеша, поехали по Степанакерту. По дороге я рассказал о нашем с комдивом Лабунцом варианте возвращения в часть автомата и солдата Руслана. Автомат необходимо доставить спустя несколько часов в Аскеранский отдел внутренних дел, как найденный в горах жителем райцентра. Начальник милиции капитан Маврен Гукасян будет предупрежден, лично оформит все соответствующим протоколом. Желательно, чтобы сегодня же Руслан появился там, так как идет уже девятый день его самоволки. Будет оформлена явка с повинной. Наказание он получит, но не через трибунал. Отсидит на «губе» положенное, потом переведут в другой полк. Роберту вариант понравился.

Я заметил, что мы направляемся к району завода «Сельмаш», на котором ремонтировалась сельхозтехника. А впереди все это время ехал самосвал, груженый гравием. На одной улице он тормознул, мы тоже остановились. И тут к нам в машину подсел молодой человек. Это был Руслан Кульков. Руслан поздоровался. Я представился. Парень, как и показывала видеокамера, был действительно симпатичный, воспитанный и образованный. Он подтвердил свое желание как можно скорее вернуться в часть и покаяться за свой проступок перед командиром и товарищами по службе. Нет, он не боится получить заслуженное наказание.

Я объяснил, что ему предстоит явиться в Аскеранский отдел внутренних дел, откуда его доставят в штаб дивизии. Руслан не спросил о том, где находится этот отдел и как он туда доберется. Он понимал, что, когда надо, ему все скажут, куда надо — довезут. Он только поблагодарил за заботу. Машина остановилась. Впереди опять был самосвал с гравием. Руслан

вылез из машины. На тротуаре его ждали два армянина примерно его же возраста. Когда я посмотрел в заднее стекло нашего автомобиля, то увидел еще один самосвал. Получалось, что у нашего «запорожца» кортеж из двух самосвалов. Когда мы отъехали от места, где оставили Руслана, на приличное расстояние, передний самосвал с легкостью газанул и на скорости укатил вправо. Сзади затихало урчание второго самосвала. Наша машина осталась одна и свободно поехала к центру. Я понял, что конспирация и организация безопасности у армянских друзей поставлена на уровне. В случае чего самосвалы с гравием выполнили бы свои задачи.

С Робертом мы договорились, что до шести вечера автомат будет принесен в Аскеранский райотдел милиции кем-то, как случайно найденный в кустах на обочине дороги, ведущей из Аскерана в Агдам. После получения информации о том, что автомат в милицию сдан и передан военному коменданту Аскеранского района, я встретился с майором Хабло. В назначенное время мы вместе подъехали к шахматному клубу, который размещался на первом этаже длинного жилого дома, расположенного фактически во дворе Комендатуры района чрезвычайного положения. Из темноты к нашей машине подошли трое мужчин. Каково же было наше с майором удивление, когда одним из них оказался Руслан Кульков. Он сел к нам в машину. Ничего себе! Под носом у Комендатуры РЧП спокойно действуют подпольщики. Мы поехали в Аскеран на оформление явки с повинной рядового внутренних войск Руслана Кулькова. Она прошла с соблюдением всех необходимых формальностей.

Майор расписался в акте о получении под свою ответственность солдата-беглеца. Возвращались в Степанакерт в компании с начальником аскеранской милиции Мавреном Гукасяном, который жил в Степанакерте.

В штабе дивизии, размещающемся в здании бывшего Дома политпросвещения обкома партии, нас встретил командир дивизии полковник Лабунец вместе с командиром полка, в котором служил Руслан. Полковники с теплотой в голосе поздоровались с нами, а комдив приказал майору Хабло отвести рядового Кулькова в красный уголок, где его уже с нетерпением ждут родители, прибывшие сегодня из Харькова. Руслан побледнел и даже присел от неожиданности. Командир полка пояснил мне, что в Харьков был направлен запрос о беглеце. Родители Кулькова, узнав об этом, прилетели, и как оказалось, вовремя. После того как Руслан вышел, полковник Лабунец крепко пожал мне руку, поблагодарил за возвращение во

внутренние войска солдата Руслана Кулькова и автомата Калашникова. Я мысленно переадресовал эти слова Роберту Кочаряну и его подпольщикам.

Назик и ее земляки-аршалуйсцы

Имя этой армянской девушки и ее земляков-аршалуйсцев почти полтора месяца в конце 1990 года держало в напряжении многие кабинеты степанакертских, бакинских и московских правоохранительных органов.

17 ноября из Комендатуры РЧП в штаб нашей группы поступило сообщение о том, что после проведения очередной оперативно-войсковой операции по проверке паспортного режима в ряде армянских населенных пунктов Гадрутского района НКАО задержаны и в ближайшее время будут доставлены на фильтрационный пункт двадцать пять человек. В их числе группа армянских боевиков из села Дудукчи, одна из самых известных и сильных на юге Карабаха. Среди них есть девушка. Обращалось особое внимание на бдительность при транспортировке задержаных и необходимость усиления охраны фильтропункта. Не исключались попытки боевиков отбить своих соратников.

Скандальный шум, поднятый дежурным Комендатуры в связи с доставкой большой группы армян на фильтропункт, заставил меня немедленно отправиться на фильтропункт. Вместе со мной выехал старший уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД СССР полковник милиции Николай Федорович Боровской. Начальник фильтропункта капитан Григорян, был уже на месте. Он показался мне очень встревоженным.

— Что случилось? Есть проблемы? — забеспокоился и я.

— Как им не быть. Люди, задержанные в селе Дудукчи, которых везут на фильтропункт с южной границы Карабаха, сильно избиты. Среди них есть девушка. Мне звонили Роберт Кочарян и Серж Саркисян. Просили вас по возможности помочь этим беднягам. Необходимо проявить милосердие: нельзя, чтобы девушку отвезли в Шуши. Растерзают ведь. Азербайджанцы там на все способны. Надо не допустить надругательства. Случись что с девушкой, ситуация в Карабахе может оказаться непредсказуемой. Просили также передать, что провокации с армянской стороны исключены.

Когда из крытого военного фургона, сопровождаемого двумя БТРами, под грозные окрики охраны стали появляться задержанные, внешний вид многих из них показался нам просто ужасным. Люди в грязи и запекшейся крови, одежда порвана. Из машины их практически вытаскивали, а затем, подталкивая дулами автоматов, вели к стене здания фильтропункта. При ходьбе их лица искажались от боли. Отчетливые следы побоев

были заметны на каждом, у многих — явные переломы и вывихи. Четверо вообще не держались на ногах.

Последней из машины появилась худенькая девушка невысокого роста, на вид лет восемнадцати. Она шла, чуть наклонившись вправо, и придерживала левой рукой правую, висевшую плетью. Многие из арестованных не могли выполнить требования охраны: построиться, поднять руки и поставить ноги на ширину плеч. Я приказал военной охране прекратить бессмысленные команды, а дежурному офицеру поручил вызвать медицинскую помощь.

Затем я спросил участника «проверки паспортного режима» от нашей группы, старшего уполномоченного Седьмого управления МВД СССР подполковника милиции Цветкова:

— Михаил Михайлович, за что их так? Был бой или они оказывали сопротивление?

— Нет, боя не было, сопротивления вроде тоже не было, да и оружия рядом с ними не оказалось. Но где оно, говорить не хотят. А должно бы было быть. К тому же большинство не жители села, а из Армении. Скорее всего, группа захвата не получила нужных сведений о схронах оружия, вот и сорвала свою злость. Кроме того, дорога дальняя, измучились. Шли через Физули. Там неизвестно по чьей команде сдуру остановились на площади. Народу собралось несколько сотен, видимо, кто-то сообщил, что везем армянских боевиков. Была попытка расправиться. Азербайджанцы лезли за ними в машину. Чуть не захватили, а то бы устроили самосуд. Солдаты быстро сориентировались, встали вокруг машины и даже несколько очередей поверху пустили. Толпа, конечно, могла легко смять колонну, но при помощи БТРов прорвались.

Подполковник Цветков кратко рассказал и о том, как проводилась в этот раз «проверка паспортного режима»:

— В операции участвовал достаточно большой мобильный отряд внутренних войск из Степанакерта, а также подразделения полков, размещенных в Гадруте и Физули. Проверять наличие документов, удостоверяющих личность сельских жителей, начали, как обычно, на рассвете, в половине пятого утра. Взвод рижского ОМОНа, прибывший накануне, заранее снял три ночных поста охраны села и буквально атаковал дома, где, по данным источника информации, отдыхали другие добровольные сельские защитники. В одном из домов были задержаны четверо молодых мужчин и одна девушка.

По имевшейся информации, они могли иметь при себе оружие. И хотя все они спали и были без оружия, задержание по приказу осуществлялось с применением специальных силовых

методов подавления. Рижские омоновцы, — продолжал он, — вон того, самого крупного и сильнее всех избитого, вроде как старшего, даже к стенке ставили и ромашку из автоматных очередей вокруг него делали. Но тот ничего не сказал. Крепкий орешек оказался. Вот и досталось ему больше всех… Вообще-то, конечно, произвол, да и только.

Паспортные данные свидетельствовали о том, что большинство задержанных имели прописку в Армении. Очевидно, это была вахтовая группа добровольцев-армян, прибывшая в Дудукчи на помощь местным жителям для обеспечения охраны села от частых вооруженных посягательств со стороны соседнего азербайджанского Физулинского района.

После разводки задержанных по камерам приступили к рассмотрению документов, доставленных из Гадрута, опросам и составлению протоколов на административное задержание. Первой пригласили девушку. По паспорту она оказалась Назик Амирян из села Аршалуйс Эчмиадзинского района Армении. Войдя в кабинет, девушка попросила воды. Жадно попила из кружки. Я спросил ее:

— Что с рукой?

— Наверное, вывих, — отмахнулась она и тут же стала просить помочь ее товарищам, которые всерьез пострадали при аресте.

В этот момент, как будто услышав Назик, в помещение вошел доктор «скорой помощи». Я попросил его осмотреть арестантов и оказать им всем возможную медицинскую помощь. А начать можно с девушки, которую мы допросим после других.

Первым для допроса ввели высокого и широкоплечего молодого мужчину. Того самого, про которого рассказывал подполковник Цветков. Манвел Григорян, как было записано в паспорте, оказался односельчанином Назик Амирян, из села Аршалуйс Армянской ССР. На фотографии в паспорте был запечатлен молодой большеглазый красавец с веселыми глазами. А передо мной за столом сидел замученный, без возраста мужчина, у которого половина лица была покрыта кровавой коркой, нос искривлен, глаза больные, с лихорадочным блеском, дыхание сиплое и прерывистое. Видно, что сидит с трудом, плечи обвисли, правая рука не двигается и любое движение дается с трудом. Было похоже, что он вот-вот потеряет сознание, хотя и держится изо всех сил.

Господи, за что же он так наказан? Из рапорта офицера, обеспечившего задержание Мамвела Григоряна, следовало, что он оказал силовое сопротивление. Пытался бежать из дома, где до

этого спал. В прыжке выбил оконную раму. Отказался дать добровольные показания о наличии оружия, об участии в боевой группе и о членах этой группы. На наши с полковником Боровским вопросы Мамвел Григорян с некоторыми затруднениями отвечал по-русски. Увидев капитана Григоряна, перешел на армянский язык. Тот рекомендовал ему говорить по-русски. Я попросил своих сотрудников быстрее закончить с оформлением протокола и отвести Мамвела Григоряна к доктору, а затем, до отправки в больницу, вновь в камеру фильтропункта. Все равно в этом состоянии от него вряд ли можно получить вразумительные ответы. Для административного ареста на тридцать суток рапорта более чем достаточно.

Следующим к нам вошел невысокий, широкоплечий человек, как оказалось, тоже аршалуйсец — Армен Саядян. Двигался он согнувшись, закрывая рукой левый глаз. Его лицо и одежда были в крови. Когда он сел на табурет и отвел руку, я содрогнулся. Глаза не было видно. Сплошное кровавое месиво. Нижняя часть лица тоже была расквашена. Первый вопрос невольно вырвался не по протоколу:

— Очень больно? Потерпи еще немного, сейчас окажем медицинскую помощь, только заполним протокол.

Дальше стал спрашивать уже больше для того, чтобы отвлечь от боли на время оформления протокола, который он должен был подписать.

— Почему оказался в Дудукчи, что там делал? Чем занимался в Армении? Служил ли в армии?

Армен говорил медленно, с большим трудом, но при этом достаточно четко. Я подумал, что у него повреждена челюсть. Армен рассказал, что приехал в Дудукчи вместе со своими односельчанами на летние заработки, в охране села участвовал по графику, как и все, кто в этом селе живет. А что же делать, если азеры каждую ночь обстреливают дома, пытаются угнать скот, поджечь дома. В армии служил, был десантником в Афганистане.

После этих его слов мне стало особенно стыдно. Совсем недавно я имел непосредственное отношение к организации и развитию в стране движения воинов-афганцев. Но спросил я его о другом:

— Тебе не надоела одна война? Зачем вторая? Там тебе повезло, вернулся живым и здоровым. А здесь видишь, что происходит? Ладно, терпи, скоро отвезем в больницу.

Араик Григорян, следующий арестант, оказался тоже жителем села Аршалуйс. Молодой, высокий и красивый парень.

На правой руке он носил обручальное кольцо. В паспорте присутствовал штамп трехмесячной давности о регистрации брака. Араик был задержан на краю села, он стоял на посту охраны с ружьем в руках. Пытался оказать сопротивление. Он ничего не отрицал. В связи с тем, что задержан был с ружьем, ему не светило вернуться к юной жене через тридцатидневный срок отбывания административного наказания. Его и двух других ребят, имевших при аресте оружие, ждало уголовное обвинение, суд республики Азербайджан и содержание в азербайджанских тюрьмах. Сейчас же он, как и другие члены этой группы — Мисак Оганесян, Татул Хачатрян из села Джрарат Эчмиадзинского района Армении, Георгий Оганян из города Волгограда, нуждался в срочной и серьезной медицинской помощи.

На допрос из камеры привели Назик Амирян. Доктор вправил ей руку. И теперь плечи у нее были уже на одном уровне. Но боль, усталость, бессилие и беспокойство за избитых, покалеченных друзей — все это проступало в печальных глазах девушки, и даже в самой ее маленькой неподвижной фигуре.

На вопросы Назик Амирян отвечала тихо и односложно. В село Дудукчи приехала к родственникам в сентябре, в этом году окончила Ереванский сельскохозяйственный институт, по специальности экономист. В селе организовала кооперативы по заготовке и реализации сельхозпродукции и строительным работам. На время сняла для себя дом. Односельчане из Аршалуйса и другие ребята приехали по ее приглашению для работы в кооперативе. Все они поселились в том же доме, что и она. О боевиках ничего не слышала. Если ребята и оказывали сопротивление, то от неожиданности и с испугу. Работают с утра до ночи. Все спали мертвым сном, а тут крики, грохот. Мало ли что произошло? Подумали, азербайджанцы напали. Оружия не видала, оно только у тех, кто на посту скот охраняет. Их село — на границе с азербайджанскими селами Физулинского района. Оттуда постоянно по ночам обстреливают Дудукчи. Несколько раз пытались скот угнать, поджоги устраивали. Хорошо еще, что на помощь успевали солдаты из военной комендатуры.

Полковник Боровской был откровенно удивлен, откуда у молодой и, на первый взгляд, тихой девушки такая крепкая деловая хватка. Организовала собственное дело, руководит мужским коллективом. И не где-то в тихом месте, а фактически на передовой. Общаясь с Назик, мы действительно почувствовали и ее сильный характер, и волю, и умение управлять собой, и способность увлечь за собою других людей.

Я-то еще по сказанному накануне капитаном Григоряном понял, что эта девушка далеко неспроста оказалась вдали от

родительского очага. Конечно же, главная ее миссия состояла не в закупке и переработке сельхозпродукции и не в латании старых крыш животноводческих ферм. Организатор подпольной боевой пограничной базы — вот кто она! И поэтому так беспокоятся о ней руководители подполья.

Пока шел допрос других задержанных, я связался по телефону с генералом Сафоновым. Проинформировал его о приеме на фильтропункт большой группы из Гадрутского района. О чем он, естественно, уже знал. Я выразил недоумение по поводу того, что, несмотря на наши предупреждения, в ходе операции вновь проявлено превышение полномочий. К людям применено физическое насилие. Совершенно необоснованно. Теперь вот более десяти человек необходимо срочно госпитализировать в связи с побоями и плохим состоянием здоровья.

Генерал был возмущен. Он никак не мог со мной согласиться. И потребовал, чтобы всех сразу направили в ИВС при шушинской тюрьме. Там есть лазарет, и им будет оказана необходимая медпомощь. По имеющимся у него данным, эта группа не простая. Большинство ее членов — жители Армении. Кто-то среди них особо важное лицо, эмиссар из Комитета «Карабах». Предстоит выяснить, кто именно. И чем быстрее, тем лучше. Наконец, окажется возможным подтвердить конкретными именами, что Армения вербует боевиков для Карабаха.

На мои доводы о том, что все это можно установить в течение тридцати дней, в период их пребывания под административным арестом, сейчас же они в тяжелом и фактически нетранспортабельном состоянии, подтвержденном врачами, генерал объявил откровенно:

— Я давно не доверяю армянским врачам. Практически всех задержанных, кого ранее клали в больницу, мы потеряли. Кто организовал их побег, выяснить невозможно. Они там все заодно. Ты, подполковник, это сам хорошо знаешь.

Тогда я предложил направить раненых в степанакертский военный госпиталь. Оттуда они уж точно не сбегут. Генерал рассвирепел:

— Не хватало мне еще содержать на военном медицинском обеспечении армянских боевиков. Подполковник, выполняй мой приказ! — И он бросил телефонную трубку.

Мне пришлось вновь позвонить Сафонову и заявить ему уже в требовательной форме:

— Прошу, товарищ генерал, выслушать меня до конца. В противном случае я буду вынужден обратиться по инстанции в Москву, так как состояние людей критическое, и если кто-то из них умрет, я снимаю с себя всякую ответственность за

случившееся. Я направлю всю группу в шушинскую тюрьму немедленно, только, пожалуйста, пришлите мне письменный приказ.

Генерал помолчал, потом спросил:

— Ну, хорошо, какие есть еще предложения? Я принялся вновь убеждать Сафонова:

— Даже не специалисту понятно, что люди нуждаются в немедленной стационарной помощи. Длительной дороги до Шуши могут не перенести, это факт. Чтобы вы сами убедились в их тяжелом состоянии, достаточно приехать на фильтропункт. Если это невозможно и нет доверия к врачам из областной больницы и «скорой помощи», тогда надо прислать военного врача. И по результатам его освидетель

ствования положить в больницу нуждающихся. К больничным палатам, где будут находятся наши поднадзорные, поставить вооруженную охрану. Правда, это будет нарушением их конституционных, гражданских прав. Охрана административно задержанным не положена. Но вот это уже в вашей власти, как Коменданта района чрезвычайного положения. За такое превышение полномочий вас, я уверен, не накажут. А вот если умрет по нашей вине хоть один человек, а таких, судя даже по внешнему виду, может быть не один, тогда трудно представить, чего можно ожидать, во-первых, от местного населения, во-вторых, от Москвы. Мало того, придется отвечать и за причины, приведшие к смерти.

Я точно знал, что генерала Сафонова на фильтропункт и калачом не заманишь. Он понимал, что армянские боевики в этой ситуации установили наблюдение за обстановкой вокруг фильтропункта. Узнай они о его приезде, обязательно организуют провокацию. Было известно и то, что генерал Сафонов в ближайшие дни ожидает замену на посту Коменданта РЧП, ждет не дождется, когда покинет горячую карабахскую землю. Срок пребывания его в НКАО уже продлевался по просьбе азербайджанского руководства Президентом СССР Горбачевым. И Сафонов, понятно, не хотел рисковать. Понимал, что сейчас ему надо быть тише воды, ниже травы.

После недолгого размышления он принял такое решение: направить на фильтропункт военного врача, отделение солдат — в областную больницу, а меня попросил, не мешкая, представить документы на задержанных.

Военный врач в чине старшего лейтенанта прибыл в считанные минуты. Госпиталь находился сравнительно недалеко от фильтропункта. Осмотр избитых и покалеченных занял немного времени. Несомненно, он приехал выполнить установку

генерала, признать всех годными к отбыванию административного наказания. Но, даже имея такой приказ, военврач вынужден был восемь из двенадцати человек рекомендовать к немедленной госпитализации. Остальные, по его мнению, могут обойтись амбулаторным лечением. С этим заключением я спорить не стал.

На девять человек, из числа задержанных, не были представлены материалы, свидетельствовавшие о каких-либо нарушениях с их стороны Указа о чрезвычайном положении. То ли не успели оформить, то ли в суматохе документы куда-то запропастились. У старшего офицера, который сопровождал этих людей на фильтропункт, не было замечаний по их поведению. Брали под горячую руку. О произволе, проявленном по отношению к ним, о нарушении их прав речь не шла. Каждый понимал, что это не только бессмысленно, но и опасно. Такие блюстители Конституции тут же составят протокол и упекут в камеру. Потом доказывай, что ты не боевик. Поскорее бы выбраться отсюда, родные дома небось места себе не найдут. После записи в соответствующем журнале о том, что личности этих девяти граждан установлены, к их великой радости и нашему удовлетворению, они были отпущены домой. Ну что ж, можно сказать, повезло! Отправить и сопроводить под охраной БТРа восемь тяжелобольных в областную больницу было поручено полковнику Боровскому. Я же вместе с капитаном Григоряном поехал, на доклад к генералу Сафонову.

Генерал Сафонов был уже детально проинформирован об итогах гадрутской проверки. Учитывая присутствие капитана Григоряна, он не стал вдаваться в подробности и сразу подписал все протоколы об административном задержании на тридцать суток. Одобрил он и мое решение отпустить тех девятерых гадрутцев, к которым не было претензий со стороны военных. Очередь дошла до Назик Амирян. Стараясь не придавать делу особого значения, я сообщил генералу, что среди доставленных на фильтропункт боевиков, видимо, по недоразумению оказалась совсем молодая армянская девушка. В рапорте обычная формальность. Могли бы на месте отпустить, а не везти в такую даль. Предлагаем ограничиться профилактической беседой. Сафонов с предложением согласился. Он уже взял ручку, чтобы поставить свою подпись под приготовленной заранее резолюцией, как в его кабинет вошел заместитель министра МВД Азербайджана полковник Рамиз Хосрофович Мамедов.

Поздоровавшись со всеми, Мамедов поинтересовался, над чем Сафонов вместе с нами работает. Генерал равнодушно

заметил, что вот только что оформили документы на задержание пятнадцати человек из Гадрутского района. Азербайджанский замминистра одобрительно закивал головой.

— Но в этот раз, — продолжил Сафонов, — по ошибке прихватили какую-то молоденькую девушку.

Мамедов встрепенулся и попросил показать ему документы Назик. Быстро пробежал глазами текст и воскликнул:

— Ничего себе — девушка! Это известная террористка. Как можно ее отпустить! Мы за ней давно охотимся. Она — один из организаторов армянских террористических отрядов в Гадрутском районе, можно сказать, резидент в южной зоне Карабаха. Важная птичка! Ее надо срочно направить в Шуши, чтобы с ней поработали хорошие следователи, а потом переведем в Баку. Через нее мы выйдем на крупных террористов.

Сафонов внимательно посмотрел на меня, потом на Григоряна. Конечно же, он знал о ненависти Мамедова к армянам, о его страсти запихивать их в тюрьму. Но, не дожидаясь моих объяснений, вместо прежней резолюции генерал вывел: «30 суток» — и расписался. Я с удивлением пожал плечами. На капитане Григоряне, что называется, лица не было. Это провал. Девушка теперь обречена. Задание подполья он не сумел выполнить. Возвращая мне документы на Назик Амирян, Сафонов сказал:

— Вот как хорошо, что Рамиз Хосрофович вовремя пришел. Даже если ошиблись, за тридцать дней все выяснится. Выполняйте.

По дороге назад на фильтропункт я сообщил капитану Григоряну о решении, ответственность за которое я принимаю на себя. Назик в шушинскую тюрьму не отправлять, а доставить в ИВС при УВД НКАО в Степанакерте. Сопроводить Назик Амирян в ИВС поручаю ему, капитану Григоряну, лично.

Вечером того же дня полковник Боровской доложил, что тремя машинами «скорой помощи» под охраной БТРов восемь наших задержанных благополучно доставлены, и он лично удостоверился в размещении их в палатах областной больницы. У палат выставлена охрана. Парень-афганец и Мамвел Григорян прооперированны и пока находятся без со

знания. Другие чувствуют себя чуть лучше. Завтра с утра он намерен приступить к допросам. Из ИВС шушинской тюрьмы, от старшего инспектора приемника-распределителя УВД Ташкентского облисполкома Узбекской ССР капитана милиции Игоря Евгеньевича Тарасова поступил рапорт о доставке под армейским конвоем семи других представителей дудукчинской группы. Поздним вечером перед уходом из УВД в гостиницу я

спустился в подвальное помещение, где размещался степанакертский ИВС. Зашел в камеру к Назик, задал ей несколько дежурных вопросов, в том числе и о самочувствии. В ответ услышал, что пока все нормально.

Часа в два ночи раздался телефонный звонок дежурного офицера по штабу нашей группы, который взволнованно докладывал, что у Назик Амирян острый приступ болей в правой стороне живота. Она нуждается в медицинской помощи. Я, как это бывало и раньше, рекомендовал вызвать к ней «скорую помощь». Не успел положить голову на подушку, вновь звонок. Наш дежурный теперь докладывал о необходимости по настоянию врача срочно госпитализировать Назик с острым приступом аппендицита. Я попросил, чтобы телефонную трубку взял врач и объяснил мне сложившуюся ситуацию. Как только я услышал, что у телефона мой, можно сказать, старый знакомый доктор Марутян, я сразу понял: началась работа подполья по освобождению Назик из ИВС, а через больницу готовится ее исчезновение из Степанакерта. Знал я, что главный хирург областной больницы не обязан дежурить на «скорой помощи». И раз Валерий Марутян рисковал и занимался вызволением девушки, значит, дело того заслуживает. Я попросил доктора Марутяна не торопиться, подождать утра, может, еще все обойдется. Как и подобает в таких случаях, я выслушал от доктора тираду о том, что я рискую, беря на себя ответственность за исход острого приступа аппендицита у больной.

Через час звонок телефона вновь поставил меня на ноги. Теперь уже без посредника из нашего штаба доктор Марутян настаивал на срочной госпитализации Назик Амирян. Никакие мои доводы не могли его убедить дожидаться утра. Я понял, что дело принимает решительный оборот. Но отпустить Назик в больницу самостоятельно я тоже не могу, так как вместо Шуши по моему указанию и вопреки приказу генерала Сафонова она содержится в ИВС при УВД НКАО. Оправдаться по этому поводу я еще как-то смогу. Но отпустить в бега эту девушку фактически в первые же часы пребывания в ИВС, да еще после заявлений Мамедова, означало навлечь известные подозрения не только на себя, но и на деятельность всей группы. Это уж чересчур! Мои подпольные друзья явно торопятся. Но и не реагировать я не мог. А вдруг, правда, аппендицит? А вдруг при определенном стечении обстоятельств попытка армянских друзей вызволить на свободу Назик удастся?

Я попросил доктора Марутяна не уезжать, побыть рядом с девушкой, облегчить ее страдания. Сам же позвонил в штаб Комендатуры, проинформировал о сложившейся ситуации и

попросил доложить об этом генералу Сафонову. На другом конце провода вначале не поверили, что им звонит начштаба СОГ МВД СССР. Перезвонили мне. Убедившись, что их не разыгрывают, решили, что я либо не трезв, либо у меня крыша поехала. Времени три часа ночи, а они должны поднимать генерала из-за какой-то армянки, да еще уголовницы. Пусть лучше загнется, чем они будут получать нагоняй от генерала. Я настоял на том, чтобы мой звонок был зафиксирован в книге дежурного по Комендатуре, и пообещал утром проверить эту запись.

Не без злости я позвонил по прямому телефону в бывший Дом приемов Нагорно-Карабахского обкома партии, где под плотной охраной жил генерал Сафонов. Извинившись за то, что прерываю его сон, я объяснил причину звонка. К моему удивлению, генерал спокойно выслушал меня, как-то быстро проникся ситуацией и без лишних слов согласился с необходимостью госпитализации девушки, мол, в самом деле, нельзя рисковать молодой жизнью. Однако тут же генерал сказал, что положить ее надо в военный госпиталь. Он даст сейчас указание, девушку заберут военные врачи на БТРе, и если надо будет, то прооперируют не хуже, чем в областной клинике. Валерий Марутян принял эту информацию без энтузиазма. По моей просьбе он обещал дождаться военных врачей и передать девушку с рук на руки.

К обеду следующего дня стало ясно, что состояние Назик улучшилось. Приступы под неустанным наблюдением военных эскулапов прекратились. По звонку начальника штаба Комендатуры РЧП полковника Овчинникова я понял, что надо готовить Назик к отправке в ИВС при шушинской тюрьме.

Не успел еще я осмыслить сложившуюся ситуацию, как ко мне буквально влетел полковник Боровской и, едва переводя дыхание, стал говорить:

— Ты знаешь, а их уже никого в больнице нет. Остался только след от манной каши.

— Кого нет, Николай Федорович? Какая манная каша? — опешил я.

Немного отдышавшись, полковник Боровской рассказал, что он приехал в больницу для опроса наших больных узников. Внешне было все как обычно. Охрана на месте. Пошел к афганцу, он ему даже пряников прихватил. Спросил у солдатика, сидевшего у палаты:

— Как идет дежурство? Тот пробасил:

— Нормально.

— Захожу в палату, там пусто. Подумал, что больного увезли

на процедуру. Пошел во вторую палату — картина та же. Спрашиваю у солдата, а где этот больной?

— В палате, наверное.

— Да нет там его. Куда он подевался-то? Солдат плечами пожимает:

— Не знаю, я же в палату не захожу.

— Я обежал все этажи, побывал во всех палатах, во всех процедурных, — рассказывал Боровской, — но наши гадрутцы-аршалуйсцы как сквозь землю провалились. Опрос больничного персонала, конечно, пустой номер. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Руководство больницы делает вид, что очень напугано случившимся.

— Ты только прикинь, — обращается ко мне один из старейших сыщиков Советского Союза, — как они сумели уйти, когда из восьми человек четверо сами не могли на ногах стоять? Мы же это видели. Их же надо на носилках тащить. Солдатики, как один, твердят, что выноса больных из палат не видели. А палаты, между прочим, не только в разных отделениях, но и на разных этажах. Других больных, по заверению главврача, не пропадало. Чертовщина? А вот и нет! И вот тут я тебе скажу, дорогой начальник штаба, появляется манная каша.

— При чем здесь манная каша? — спрашиваю.

— Да при том. Не был бы я сыщиком, если бы не узнал, например, почему солдатики не видели и даже не слышали, когда и как покидали свои палаты спинальные больные? Оказывается, около полуночи к каждому солдатику подошли молодые санитарки и предложили ребятам поужинать манной кашей. Время, мол, позднее, больные спят, можно немного передохнуть и подкрепиться манной кашей. Солдаты же пацаны, дети малые, согласились. Девчонки отвели солдат в медицинские кабинеты и стали их там потчевать кашей манной да разговорами всякими.

Получается, охранники отсутствовали — кто сколько мог. Один говорит, что около часа, другой просто не помнит, поскольку съел манной каши несколько мисок, очень уж ее любит, и давно такой вкусной не ел. Некоторые из них со слезами на глазах заверяют, что входные двери были у них на прямой видимости. И через входные двери не было никакого похищения. Старший наряда охраны находился в состоянии обморока. Говорит, что регулярно обходил посты и тоже ничего не заметил.

Вот такая «каша» заварилась! Все меры принятые к розыску похищенных не дали результатов. Генерал Сафонов на специально созванном совещании распекал своих подчиненных направо и налево. Я тоже требовал разобраться с виновными. А как же иначе? Стало очевидным, что у нас в руках была одна из

самых организованных подпольных боевых групп. Имелась прекрасная перспектива доведения до суда, можно сказать, самого громкого дела. А что теперь? Виноваты многие, и не только солдаты охраны. Прежде всего, те, кто организовывал и проводил операцию в Гадруте. Почему допущено беспрецедентное избиение людей?

Полковник Мамедов от злости стал малиновым. Вчера он публично объявил об удачном расследовании громкого дела армянских боевиков, а сегодня должен докладывать об их удачном побеге. Конечно, не упустил случая упрекнуть меня в чрезмерной сердобольности к задержанным армянам. Из Шуши они бы наверняка не сбежали. Про себя я с ним согласился. К вечеру 20 ноября, по настоянию замминистра МВД Азербайджана Мамедова, было принято решение отправить Назик Амирян в изолятор шушинской тюрьмы. Врачи госпиталя констатировали, что приступы боли возникали у нее на основе невралгических проявлений. Теперь ее можно перевозить.

Крайняя камера под номером 54 шушинской тюрьмы, куда определили девушку, находилась под постоянным контролем нашей охраны. Начальник шушинского ИВС капитан Тарасенко ежедневно докладывал по утрам о ходе расследования дел, о состоянии здоровья своих подопечных. Отдельно сообщал об узнице Назик Амирян. Он называл ее дочкой. Дело в том, что у него в Ташкенте была старшая дочь, как он рассказывал, одногодка Назик и очень на нее похожая. Надо сказать, он трогательно опекал Назик. Возил ей торты из Степанакерта. В дни ее пребывания в Шуши он чаще, чем обычно, приезжал в штаб группы, чтобы забрать передачи от родственников задержанных. Он знал, что для Назик передачи приносили каждый день разные многочисленные родственники: тети, сестры, братья. Мои телефонные разговоры с Зорием Балаяном, Сержем Саркисяном, Робертом Кочаряном, не говоря о Маврене Григоряне, как правило, начинались с вопроса о Назик, о возможных сроках ее освобождения.

Мы знали, что в Шуши Назик находилась под особым вниманием и азербайджанских следователей. Многочасовые допросы проводились практически ежедневно. Более того, они сопровождались видеозаписями, которые потом пропагандистки монтировались и часто транслировались по республиканскому телевидению. Однако следствие не продвигалось далее формальных данных и общеизвестных фактов. Несмотря на жесткое давление со стороны следователей, Назик мужественно и упорно молчала, а наш контроль и общий надзор в ИВС связывал им руки, не позволял применить противоправные действия.

Было понятно, что долго азербайджанцы не вытерпят, обязательно предпримут против Назик провокационную акцию, чтобы сломить волю и стойкость девушки. А могут и без нашей санкции этапировать ее в Баку. Чтобы предотвратить провокации в отношении Назик, мы разработали версию, по которой гадрутские аршалуйсцы, а значит и Назик, якобы могли быть причастны к уголовному делу, которое вела наша следственная группа по факту изъятия большой партии оружия и боеприпасов у фермера села Гадрут Амирджаняна. Так как Амирджанян находился под следствием в ЛВС УВД в Степанакерте, то и Назик должна находиться там же. МВД Азербайджана категорически возражало. Не давал согласия на ее перевод в Степанакерт и генерал Сафонов.

Однако в конце ноября генерал Сафонов был освобожден от обязанностей Коменданта Района чрезвычайного положения. 29 ноября при поддержке нового Коменданта РЧП полковника Шевелева Назик Амирян была вновь переведена нами в степанакертский ИВС. Это было неожиданностью для азербайджанских следователей. Данных на предъявление ей уголовного обвинения у них так и не появилось, и они были вынуждены передать свои материалы нашим следователям.

17 декабря 1990 года, когда истекал тридцатидневный административный срок задержания Назик Амирян, следователи не представили обвинительного заключения. На закате морозного дня напротив подъезда УВД НКАО Назик Амирян терпеливо ждали двое: пожилая женщина и совсем молодой парень. Ждать им пришлось не очень долго…

Правдивые сведения о Карабахе в Москву в шифрованном виде

Офицеры группы по приказу полковника В. С. Гудкова кроме проведения розыскных и следственных мероприятий, участия в оперативно-войсковых операциях, дежурства на фильтропункте и в изоляторах временного содержания активно работали над сбором информации, которая позволяла бы предотвращать противоправные действия конфликтных сторон. Мне и полковнику милиции Николаю Федоровичу Боровскому было поручено систематизировать полученное и вырабатывать на этой основе адекватные предложения и мероприятия группы.

Информация, полученная от Роберта Кочаряна в подробно описанный мной банный вечер, привлекла особое внимание руководства нашей группы. Она дополняла уже имеющиеся у нас данные об участившихся противоправных действиях неофициальных азербайджанских омоновских групп. Кстати сказать, новости о подпольном ОМОНе мы имели из разных каналов. Например, на аналогичные сведения не раз в разговорах ссылался начальник УВД НКАО генерал Ковалев. К нему, как он рассказывал, стали поступать странные жалобы не только от гражданского населения, но даже от азербайджанских милиционеров. Люди жаловались, что на территории автономной области и возле нее просто бесчинствуют какие-то новые омоновские группы, официально не зарегистрированные ни в местных органах внутренних дел, ни в районных военных комендатурах.

Имеющуюся информацию об этих формированиях мы по телефону «ВЧ» передавали своим руководителям в Москву, доводили до Коменданта РЧП генерала Сафонова, до руководства Оргкомитета по НКАО. На наши запросы в Баку мы всегда получали отрицательные ответы: никаких дополнительных формирований, не санкционированных Москвой, на территории республики нет. Все эти сообщения — очередная провокация армян. Генерал Сафонов и Поляничко подвергали наши сведения саркастическому сомнению: вам, мол, армяне лапшу на уши вешают. Да и что с вас взять, за такое короткое время еще не успели в обстановке разобраться.

В штабе Комендатуры РЧП, по негласному указанию генерала Сафонова, такие данные официально не подтверждали. Но из разговоров с заместителем начальника штаба полковником Шевелевым я понял, что в штабе знают о многочисленных

бесчинствах новоявленных омоновцев. Более того, как Шевелев сказал, эти летучие омоновцы войсковиков уже изрядно достали и, если бандитов не уберут, произойдет неминуемая стычка.

— Почему Комендатура не пресекает действия незаконных азербайджанских формирований на территории района чрезвычайного положения? — спросил я полковника Шевелева.

Последовал многозначительный кивок в сторону кабинета генерала Сафонова.

Мы с Гудковым поняли, что, кроме нас, разрешить сложившуюся ситуацию с омоновцами некому. Провели совещание руководства группы. На нем кроме полковника Гудкова и меня присутствовали три заместителя руководителя СОГ МВД СССР: по розыскной работе — полковник Ткач, по следствию — полковник Пашков, по политической работе — подполковник Журавлев. Решили проверить действия омоновских групп собственными силами непосредственно на местах. Для чего надо было через территориальные органы внутренних дел войти в контакты с этими группами, полнее установить численность, принципы формирования, поставленные задачи и т. д. И, конечно, следовало провести рейд по районам, прилегающим к границам НКАО.

Организовать и возглавить рейд вызвался полковник Ткач. Гудков сразу с этим согласился. Долгие годы они служили вместе в Главном управлении уголовного розыска МВД СССР, участвовали в расследовании многих преступлений, в том числе и недавних погромов в Сумгаите и Баку. Об этом храбром сыщике, удивительно мужественном человеке, которому довелось побывать под бандитскими ножами и пулями, ходили легенды. Помощников для этого рейда Василий Семенович отбирал сам из добровольцев: знал, что направляются не в обычную командировку. В группу Ткача вошли: старший уполномоченный Восьмого управления МВД СССР, майор милиции Вячеслав Леонидович Блохин и водитель нашей центральной автобазы младший сержант милиции Валентин Коноваленко. Выехали они на автомашине УАЗ-469 с воронежскими номерными знаками, талонами на бензин и командировочными деньгами из расчета 2 рубля 60 копеек в сутки.

Нашей рейдовой группе потребовалось несколько дней, чтобы объехать намеченные районы вдоль границы НКАО. Их командировка была негласной и потому оказалась полна неожиданностей, приключений, нередко самых опасных. Мы не могли, как это следовало бы, информировать ни МВД Азербайджана, ни даже районные и городские отделы милиции о

направлении наших сотрудников в зоны их полномочий, тем более — согласовать программу взаимодействия с ними. Не попросили разрешения на эти действия и у своего московского руководства. Весь риск за проведение операции брал на себя руководитель СОГ полковник Гудков. Прикрытием для группы было, якобы, поручение о сборе дополнительных материалов по расследованию ранее совершенных преступлений. Нашим сотрудникам приходилось разными путями и средствами получать сведения об опасных нелегалах, выслеживать их и под разными предлогами вступать в контакт, действовать смело и изобретательно. В одном из районов омоновцы, несмотря на высокие чины представителей МВД СССР, пытались разоружить группу, завладеть автоматами Калашникова и пистолетами Макарова. В другом — пришлось ночью бежать от задержавших их омоновцев, применяя оружие.

Как показал конспиративный рейд нашей группы, в Азербайджанской ССР действовало несколько десятков незаконных, вооруженных автоматами омоновских групп. Днем они отсыпались в специальных базах-лагерях на территории азербайджанских населенных пунктов, а ночью нападали на армянские села, животноводческие фермы, бесчинствовали на дорогах, убивали, грабили. Были случаи, когда убивали и грабили и азербайджанских жителей.

Сведения, собранные нашими товарищами, оказались просто ошеломляющими. Они не только подтвердили известные ранее факты, но и практически раскрыли незаконные действия МВД Азербайджана, а значит, руководства республики по использованию преступных вооруженных формирований против армянского населения Карабаха. Своими террористическими вылазками, убийствами, поджогами, угоном скота эти бандиты создавали для армян нетерпимые условия, обостряли межнациональный конфликт.

Полковник Ткач сообщил Гудкову и мне о существовании утвержденного Муталибовым секретного плана депортации армянского населения из бывшего Шаумяновского района. Чуть позже он негласно передаст мне две фотокопии этого плана, добытого из сейфа одного высокопоставн ленного уполномоченного МВД республики. Эти и многие другие факты следовало немедленно довести до сведения руководства МВД СССР. Задача, при всей кажущейся простоте, была совсем не легкой. Наша СОГ, несмотря на самостоятельность и независимость от республиканского Оргкомитета и командования РЧП, не имела собственных средств связи с Москвой. При направлении в Центр любой информации мы прибегали, как

правило, к услугам связи УВД НКАО или Комендатуры РЧП. А это означало, что любая мало-мальски важная информация могла быть отправлена в Москву только с согласия их руководства.

Данные, которыми мы теперь располагали, конечно же, позволили по-новому увидеть проводимую азербайджанским руководством межнациональную политику в НКАО и высветить одностороннюю проазербайджанскую позицию Оргкомитета по НКАО. Факты откровенно свидетельствовали и о потворнических действиях генерала Сафонова как Коменданта РЧП, широко использующего внутренние войска против армянского населения. Несомненно, полученные данные полностью меняли картину, рисуемую для Москвы каждодневными сводками. Раскрыть союзному руководству истинное положение дел в Карабахе было просто необходимо, и делать это полагалось как можно скорее.

Добросовестно поломав голову, мы решили использовать помощь генерала Ковалева. Предлог был найден достаточно подходящий. В эти дни истекал срок моей работы над поручением начальника моего Управления генерала Воронова по проверке фактов, указанных в правительственной телеграмме народных депутатов СССР от НКАО Зория Балаяна, Валерия Григоряна и Бориса Дадамяна об отсутствии в НКАО конституционной власти, блокаде автодорог, вооруженных ограблениях армянских сел и т. д.

Служебную записку в Москву в связи с телеграммой народных депутатов, подготовленную и отпечатанную мной собственноручно, чтобы избежать возможной утечки информации, формально, как требовалось тогда, по субординации должен был подписать начальник УВД области генерал Ковалев. Отношения с генералом Ковалевым у меня сложились хорошие, даже с неформальным уклоном. Ковалев давно знал Гудкова и очень доверял ему. В Степанакерте они жили в одном коттедже. Нередко по вечерам, когда в коридорах здания УВД наступала тишина, генерал приходил из своего кабинета в нашу штабную комнату поговорить по душам: о Москве, общих друзьях и знакомых, о новых книгах, — или приглашал Гудкова и меня к себе на чай, а то и на рюмку коньяка. Мне было всегда приятно присутствовать на таких встречах, слушать этих двух умудренных жизнью людей.

Владимир Владимирович Ковалев, чем-то был похож на полковника Гудкова. Скорее всего, вдумчивым и разумным отношением к жизни. Его интеллигентность подкупала, как и твердость характера. Ему было очень трудно в Карабахе. Он по приказу Москвы сменил на посту начальника УВД НКАО местного милиционера полковника Исагулова. Отвечал за всю НКАО, а

работал практически, как и мы, только в пределах армянских населенных пунктов. Состав сотрудников был чисто армянским, хотя ряд должностей занимали азербайджанцы. Но по известным причинам безопасности они не могли работать даже в Степанакерте, не то, что в армянских селах. Водитель у Ковалева был армянин, а когда приходилось ехать через азербайджанские села, то он сам садился за руль своей красной «Нивы». За все недостатки в оперативной обстановке области приходилось отвечать ему. Будь на его месте кто-то другой, не известно как бы развивались события в Карабахе. То, что он не навредил карабахскому движению, не злоупотреблял властью в интересах Азербайджана, я точно знаю. Но делал это он осторожно, корректно. Не жаловали его ни Поляничко, ни генерал Сафонов. Да он, как я понимал, и не стремился в их политкомпанию. Нередко принятые репрессивные меры МВД республики против армянских милиционеров и населения азербайджанскими руководителями выдавались за инициативу генерала Ковалева. Он стойко переносил провокации и подозрительность к нему азербайджанского руководства, недоверчивость армянских коллег и тем более руководителей карабахского подполья. Против него неоднократно организовывались террористические акты. Но словно ангел-хранитель не раз отводил от него пули и снаряды гранатометов. И только после настойчивых моих разговоров с Зорием Балаяном, Робертом Кочаряном, Сержем Саркисяном отношение армянской стороны к генералу Ковалеву изменилось. Определенную роль сыграл здесь и Маврен Григорян, с которым мне удалось сблизить генерала Ковалева.

Утром, когда я положил на стол генералу Ковалеву наш ответ на телеграмму группы народных депутатов СССР, он спросил о сроках отправления. Я сказал, что, как обычно, это надо было сделать вчера. Он пообещал к обеду посмотреть материал и, если не будет вопросов, подписать и отправить телетайпом. Часа в три начальник УВД позвонил и попросил зайти к нему. Когда я появился в генеральском кабинете, Ковалев посмотрел так, словно увидел меня в первый раз.

— Прежде всего, — сказал Владимир Владимирович, — записка велика по объему, ее надо обязательно ужать. Хотелось бы знать, где вы взяли такие данные? Многие факты трактуются очень уж нетрадиционно. Возьмите, проверьте еще разок, сократите, а вечером посмотрим снова.

Оставшаяся часть дня прошла в мучительном труде над косметическим усовершенствованием документа, ибо ни один факт, приведенный в записке, не мог быть выброшен. В Москве перед руководством должна предстать объективная картина

трагически сложившейся обстановки в Карабахе. Непринятие должных и своевременных мер может привести к катастрофе.

Новый вариант телеграммы генерал Ковалев перечитывал долго и сосредоточенно. Чтобы нарушить гнетущую тишину, я пытался было комментировать те части текста, где останавливался генеральский взгляд, но потом понял бессмысленность этой затеи. Ковалев меня не слышал. На тексте в полторы страницы не было ни единой его пометки. Значит, беспокоят не отдельные факты и не правописание. Скорее всего, генерал просчитывал различные варианты. Как ему поступить с текстом? С самим майором? Сказать прямо, чтобы не высовывался с полковником Гудковым, или пусть отправляют в Москву эту бумагу как хотят? Например, через Комендатуру РЧП, тем более что немалая часть сведений относится к характеристике азербайджанских районов, не входящих в НКАО, а значит — это не в его компетенции.

— Стало быть, сокращать нечего? Это, по вашему мнению, окончательный вариант? — наконец спросил меня генерал.

Я согласно кивнул головой.

— Ладно, оставляйте до утра. Утро вечера мудренее. Завтра посмотрим свежим взглядом еще разок.

На этом мы с генералом Ковалевым и распрощались.

Гудков под бокал прекрасного карабахского красного сухого вина «Хиндагны» как будто специально весь вечер играл в шахматы с Николаем Журавлевым в нашем 412-м гостиничном номере. О главном, о записке, старались не говорить. Обсуждали всякие рабочие мелочи. Уехал Виктор Семенович ночевать к себе в коттедж поздно, видимо, не хотел в этот вечер встречаться с генералом Ковалевым и всячески постарался не мешать ему принимать лично ответственное решение.

Следующее утро в штабе группы началось с традиционного оперативного совещания, с доклада дежурного по штабу СОГ, со сводок об оперативной обстановке в НКАО за прошедшие сутки, разбора текущих проблем, с новых поручений из Москвы. Все мои мысли были только о записке. Я не мог отвести глаз от красного телефона прямой связи с генералом Ковалевым, хотя знал, что в это время генерал занимается теми же делами, что и мы. Принимает доклады своих служб, начальников городских и районных ОВД, сам докладывает в Баку и Москву, согласует действия милиции и внутренних войск. А может, сославшись на чрезмерную занятость, уедет по области, причем не на один день. Или того хуже. Записка побывала в руках Поляничко и Сафонова. Тогда надо готовиться не только к чрезвычайному разговору на самим же заданную тему, но к вполне предсказуемым мерам,

которые будут, без сомнения, приняты в отношении и руководства группы, и конкретных личностей.

Все-таки, когда есть работа, а рядом люди, теребящие тебя разными, может, и не самыми серьезными вопросами, особенно в сравнении с теми, которые решает сейчас генерал Ковалев, время бежит быстрее. Я отвлекся на документы и звонок красного телефона прямой связи с начальником УВД заставил меня вздрогнуть. Гудков тоже понял, что последовало приглашение Ковалева, и сказал, чтобы я шел, а он решит все оставшиеся рабочие вопросы без меня. Генерал Ковалев усадил меня за стол и, держа в руке мою записку, по переговорному устройству местной оперативной связи пригласил зайти к нему начальника спецсвязи УВД НКАО. Я приготовился к разговору, но, к великому моему удивлению, Владимир Владимирович сказал:

— Перед тем как отдать записку для подготовки из нее шифровки в полном объеме, мы должны условиться, что подпишем ее вдвоем. С полковником Гудковым вопрос согласован. Это важно, потому, что большая часть фактов, направляемых в Москву, собрана и обобщена непосредственно силами вашей группы, в том числе в результате ряда оперативных мероприятий, проведенных вами и за пределами Нагорно-Карабахской области. Сообщение носит не только чрезвычайно важный характер, но впервые достоверно отражает конфликтную обстановку последнего времени. И хотя в таком виде сведения во многом противоречат официальной информации, представляемой в Москву руководством Азербайджана и комендантом Сафоновым, я разделяю вашу точку зрения, поэтому готов подписаться под ними. Правда, подпишу только ту часть сведений, которая характеризует ситуацию в НКАО, а данные о бесчинствах незаконных омоновских формирований, дислоцирующихся за пределами области, должны подписать только вы. На этих условиях, а также с учетом степени важности и секретности данных, записка уйдет немедленно, то есть, как только ее подготовит шифровальщик.

Мое согласие могло не произноситься, все отразилось на моем лице. Ковалев указал место на второй странице, где, по его предложению, должна пройти разделительная черта. Я не возражал. Он тут же поставил свою подпись. После него мне пришлось расписаться дважды. Первую подпись поставил вслед за генеральской, вторую — в одиночестве в завершающей части секретного документа, которая раскрывала факты применения в Азербайджане против армянского населения незаконных вооруженных формирований ОМОНа.

Вошедшему в кабинет начальнику спецсвязи лейтенанту

внутренней службы Григорию Арутюняну генерал поставил задачу: в первоочередном порядке подготовить в МВД СССР шифровку. Если в целях ускорения ему будет нужна помощь, ее окажет начштаба СОГ МВД СССР Кривопусков. Предложение о помощи, видимо, удивило лейтенанта, но он произнес лишь одно слово:

— Хорошо.

Ковалев, обращаясь ко мне, сказал, что как только шифровка отправится в Москву, он уедет в Аскеран и будет до вечера участвовать в проверке работы местного райотдела милиции.

Григорий Арутюнян со мной был немногословен и предельно корректен, что, как правило, присуще людям его профессии, переводящим обычные слова на язык кодированных символов. И все-таки я почувствовал его взвинченность. Было неудобно спрашивать, что случилось? Неприятности то и дело происходили в каждом карабахском доме. Но постепенно я понял, что причина нервозности просто в самом содержании текста. Лейтенант радовался, что через его руки в Москву уйдет информация, отражающая правду о событиях, происходящих в его родном Карабахе, что в Москве услышат крик души каждого армянского жителя НКАО. Когда шифровка была готова, он неожиданно спросил:

— Неужели именно в таком виде она отправится в Москву? Я тоже задал ему вопрос:

— А что, разве Ковалев меняет свои решения?

Лейтенант промолчал и понес документ генералу на резолюцию, разрешающую отправку шифровки. Через несколько минут я узнал, что шифровка уже в Москве, а генерал Ковалев за рулем своей «Нивы» на пути в Аскеран. Вечером, около 9 часов, в нашу штабную комнату робко заглянул лейтенант Арутюнян и попросил меня зайти на минуту к нему в кабинет. К моему удивлению, на рабочем столе шифровальщика стояли два стакана с тутовой водкой, а на блюдце лежали бутерброды. Мы поняли друг друга без слов, и выпили за удачу.

В моем блокноте содержатся основные сведения из той шифровки.

За 1990 год на территории НКАО проведено 160 оперативно-войсковых операций по проверке соблюдения гражданами паспортного режима, 156 из них Осуществлено в городах и селах исключительно с армянским населением. Во многих случаях, при попустительстве командования внутренних войск, они сопровождались погромами в жилищах, мародерством и грабежами личных вещей, домашнего скота и птицы у жителей

проверяемых населенных пунктов. При патрулировании улиц городов и сел допускаются необоснованные задержания, побои и унижения достоинства граждан.

Со стороны азербайджанцев резко увеличились факты краж личного и общественного скота из армянских сел. В 1988 и 1989 годах у армян угнано 682 коровы и 990 овец, разбои были единичными. За 10 месяцев 1990 года похищено 1252 головы крупного рогатого скота и 2150 голов овец и коз. Зарегистрировано 23 случая вооруженного нападения на армянские населенные пункты, большое количество обстрелов армянских домов. Среди нападавших азербайджанцев были люди в милицейской и омоновской форме, с автоматами. Эти факты отмечались 26.10.1990 при нападении на армянское село Джанятаг, 02.11.1990 — в лесном массиве села Казанчи на группу работавших там армян.

В то же время личный состав милиции из лиц армянской национальности не имеет фактически сил и средств предотвращать преступления, противостоять случаям вооруженных разбоев и угона скота. Как известно, по указанию МВД СССР, осуществленному по предложению МВД республики Азербайджан, с осени 1989 года в НКАО у армянских милиционеров изъяты все автоматы.

Особую напряженность, по многочисленным данным, в том числе по итогам оперативного рейда-проверки, проведенного личным составом СОГ МВД СССР, создают пребывающие на территории НКАО и прилегающих к ней районах дополнительные подразделения ОМОНа республиканского подчинения, не предусмотренные штатным расписанием. В Азербайджанской республике наблюдаются попытки создать и узаконить новые, не согласованные с МВД СССР военизированные формирования, которые впоследствии направляются в НКАО якобы для охраны общественного порядка и безопасности населения. На самом деле они своими действиями создают еще большую напряженность, что вызывает законное возмущение местного населения. По решению Совета Министров республики дополнительно увеличен штат милиции НКАО на 460 человек, из них создано 12 отделений милиции с дислокацией в азербайджанских населенных пунктах.

Проверкой установлено, что в Азербайджане, без согласования с МВД СССР, ведется формирование сверхштатных подразделений ОМОНа. Эти незаконные формирования дислоцируются неофициально, без регистрации в местных отделах внутренних дел и комендатурах района чрезвычайного положения, как правило, вблизи армянских населенных пунктов.

Набор личного состава ведется из числа лиц азербайджанской национальности, в основном это беженцы из Армении, отмечается отсутствие у них должного образования и соблюдения специальных требований, подготовка сведена к 20-дневному обучению, в основном — к умению владеть оружием.

Представители азербайджанского ОМОНа многократно задерживались войсковыми нарядами без удостоверения личности, документов на право владения автоматическим оружием, автотранспортом, нередко используемым без госномеров. Подразделения ОМОНа, по указанию республиканского МВД, не взаимодействуют с местными органами внутренних дел, комендатурами участков района чрезвычайного положения и командованием внутренних войск, отмечаются случаи, когда они вступают в конфликты с воинскими подразделениями.

Дальнейшее пребывание подразделений республиканского ОМОНа в населенных пунктах НКАО и прилегающих к ней районах ведет к непредсказуемым последствиям, к дискриминации внутренних войск, правоохранительных органов страны, Закона Союза ССР «О чрезвычайном положении в НКАО и прилегающих районах Азербайджанской ССР».

Ушедшая в Москву шифровка вызвала серьезные испытания для нашей группы, особенно для нас с Виктором Семеновичем Гудковым и генерала Ковалева, но главное, она открыла дорогу многим здоровым силам и идеям не только в нашей СОГ, но и комендатуре РЧП, в офицерском корпусе и командовании внутренних войск. Можно было работать, честно соблюдая законы и принципы, много лет провозглашаемые в национальной политике нашей страны.

Жанна Галстян

С одним из персонажей моих дневниковых записей я не встречался никогда. Хотя, если бы приехал в Степанакерт до карабахских событий, обязательно знал бы ее в лицо. Дело в том, что Жанна Галстян была примой Степанакертского драматического театра. Ее нельзя было не знать уже потому, что имя этой красивой молодой женщины было крупно напечатано на всех театральных афишах города, а ее низкий, грудной голос можно было часто слышать по местному радио. Однако в Степанакерте во время чрезвычайного положения театр не работал, афиши были давно сорваны, а местное радио передавало только строго официальные сообщения. Увидеть фотографии Жанны Галстян мне не пришлось. Зато ее имя попало в мой дневник буквально впервые же дни пребывания в Карабахе. И упоминалась она в числе самых ярых армянских национал-экстремистов, о которых с негодованием в то время говорили и Горбачев, и руководители Азербайджана. Эта карабахская женщина ничуть не скрывала своего отношения к происходящему и всегда оказывалась в самых горячих точках, открыто отстаивая гражданские права армянского населения НКАО.

В начале нашей командировки на одном из совещаний офицерского корпуса Района чрезвычайного положения, где собралось около 200 человек, председатель Оргкомитета по НКАО Поляничко зачитал перехваченное азербайджанскими спецслужбами письмо, направленное какой-то женщиной из села Киров Шушинского района исполняющему обязанности председателя Облисполкома НКАО Семену Амаяковичу Бабаяну. Письмо это содержало (как отмечено у меня в дневнике) просьбу о срочной поддержке продовольствием и медикаментами населения сел, расположенных в армянском подрайоне. Эти населенные пункты — между Шушой и Лачином — по вполне понятным обстоятельствам оказались отрезанными от внешнего мира, ибо были полностью окружены азербайджанскими селами. А еще она просила прислать хотя бы три телевизора, так как после очередной проверки паспортного режима в трех селах таковые были конфискованы, и жители оказались в полной информационной блокаде. А еще автор письма утверждала, что, несмотря на постоянные обстрелы этих сел, убийства людей, кражу скота, попытки азербайджанских властей создать совершенно нестерпимые условия жизни, люди противостоят беспределу и ни за что не покинут свою родину, не отдадут на поругание могилы предков. Женщина просила еще об одном: не

допустить вывод из этих сел блок-постов внутренних войск, которые были хотя и малочисленны, но худо-бедно обеспечивали защиту населения от прямой азербайджанской агрессии.

Чтение письма Виктор Петрович Поляничко сопровождал на редкость откровенными издевательскими комментариями. Мол, раз пошли такие письма, тем более — от известной артисточки — провокаторши Жанны Галстян, значит, делишки у армян действительно плохи. И если они не прекратят свои бессмысленные националистические провокации, им будет еще хуже. А Жанне, коли она добровольно не прекратит провокационную деятельность в этих селах и не вернется домой, они помогут это сделать. Тем более что по ней давно уже скучает тюремная камера. Так я узнал о Жанне Галстян.

Конечно же, армянские села: Енгибар, Таседерст, Бердадзор, Мецшен и Киров в Шушинском районе — для Баку были словно кость в горле. На небольшом пятидесятикилометровом отрезке между Шушой и Лачином они расположились на редкость неудобно для Азербайджана — как раз в самом центре. Горная дорога пролегает здесь по узкому ущелью. И объехать эти села просто невозможно. И хотя армян тут живет немногим более пятисот человек, хлопоты официальным властям этот малочисленный анклав доставлял немалые. Можно не сомневаться, что каждый из этих армян практически является скрытым сопротивленцем. Не без оснований вызывало беспокойство присутствие в этих селах вахтовых армянских групп охраны, которые мешали ночным нападениям азербайджанских омоновцев развернуться на полную мощь. Тем не менее, силы, конечно, были слишком не равными. От обстрелов азербайджанцев в армянских селах гибли люди, угонялся скот, от поджогов горели дома, посевы, стога.

Внутренним войскам под постоянным нажимом Баку тоже приходилось проявлять активность. Практически каждую неделю население армянских сел допекали назойливыми проверками паспортного режима. Хотя результаты оперативно-войсковых операций практически всегда оказывались нулевыми. И не мудрено. В какое бы время суток ни выдвигалась военная колонна на операцию, гул в горах от двигающейся техники разносится слишком быстро и далеко. К тому же села здесь находятся, как правило, выше дороги. Люди задолго до того, как колонна техники приблизится к селу, узнают о надвигающейся опасности. Да и связь между селами явно была отработана четко. Так что ни армянских боевиков, ни оружия оттуда к нам на фильтропункт привозить не удавалось. Это откровенно злило азербайджанское руководство. Оно обвиняло внутренние войска в бездействии. И

войсковиков, надо признать, ситуация тоже раздражала. Им надоели ночные прогулки по крутой извилистой горной дороге, к тому же не безопасной. Но зато в армянских селах российские солдаты стали практически своими, каждая старушка была знакома и норовила чаем угостить, хотя самим еды не всегда хватало.

Вторая запись о Жанне Галстян была сделана в моем блокноте после обсуждения с начальником штаба Комендатуры района ЧП полковником Овчинниковым итогов проведения очередной проверки паспортного режима в этих селах. Он лично ее возглавил, но она вновь оказалась безрезультатной. Я всегда охотно встречался с этим заместителем генерала Сафонова, умеющим невзирая на звания и чины откровенно сказать правду в глаза, отстоять свое обоснованное мнение. По тону разговора с Вячеславом Викторовичем невооруженным глазом видно было, что храброму, грамотному и порядочному офицеру не по душе пришлись постоянные и бессмысленные призывы Баку изловить именно там армянских боевиков.

— Какие боевики, какое оружие? Да только мы из Степанакерта выдвигаемся, как половина Карабаха уже знает, что мы идем паспорта проверять. А пока доедем, боевики вместе с оружием, если они там были, горными тропами куда угодно уйти успеют. Да и, честно говоря, жаль жителей, чем они только там живут, на что надеются? Окружены наглухо. Азербайджанцы ни днем, ни ночью покоя не дают. Наши блок-посты и патрульные группы малочисленны, размещены практически лишь для отвода глаз. Прямо над этими селами нависают азербайджанские селения. Бьют сверху или просто проказничают — никто не накажет. Даже по отношению к нашим постам провокации не боятся устраивать. А предъявляем претензии — жалуются, что это армяне по ним стреляют.

А дальше полковник Овчинников с неподдельным восхищением продолжал:

— Может, и сдались бы армяне, но уж очень здорово поддерживает их дух один человек. Артистка из Степанакерта. Жанна Галстян. Да, да, та самая, о которой Поляничко на совещании говорил. Смелая, умная и на язык остра. Авторитет у населения непререкаемый. Говорит, приехала в эти места ухаживать за своей родственницей — девяностодвухлетней старушкой, живущей в селе Киров. Но, похоже, туда ее специально карабахский комитет послал. Очень толково показала мне позиции, с которых азербайджанцы накануне обстреляли наш патруль. Она перед нашими бойцами постоянно выступает. Стихи, рассказы им разные читает. О долге и чести любит

поговорить, а также про историю, патриотизм и на лирические темы разные. Азербайджанцы считают, что она своими разговорами разлагает солдат и требуют убрать ее оттуда. Командир полка признался, что солдаты теперь в наряд сами напрашиваются. График особый составили, чтобы больше трех дней никто в наряде в этом селе не оказывался.

Очередная проверка паспортного режима в армянском подрайоне началась в ночь на 16 декабря 1990 года. Ничего особенного она не предвещала. Войсковая группа дивизии «Дон» внутренних войск ушла в штатном порядке. В этот раз даже офицеров нашей группы не стали брать, мол, если понадобятся, то по рации сообщим — подошлете. Однако часов около трех дня по аппарату «ВЧ» из Москвы мне позвонил Зорий Балаян и без обычных предисловий спросил с тревогой:

— Где Жанна?

— Какая Жанна? — не понял я.

— Наша Жанна. Жанна Галстян. Ты что, не в курсе? Ее еще утром взяли внутренние войска при проверке паспортов в селе Киров.

— Проверка сегодня проводилась во всех армянских селах, это я знаю. Но оттуда никого на фильтропункт не доставляли. Может, это ошибка? Миновать фильтропункт, не оформив задержанных, никто из войсковиков не посмеет. Скорее всего, у вас неправильная информация. Откуда она у вас?

— Бывает, но ты все-таки проверь по своим каналам: не забрал ли кто-нибудь во время проверки паспортов из села Жанну? Тебе сейчас позвонят, сообщат детали происшедшего. Тут что главное? Жанна не могла дать повода для ареста и ни в коем случае не должна попасть в руки азербайджанцев. Они за ней давно охотятся. Может, кто-то из военных помог им. Пойми, большая беда случиться может. Ее арест слишком уж на руку азербайджанскому руководству. Обстановка сразу дестабилизируется, а карабахцы не простят никому, если с Жанной что случится.

Я пообещал Балаяну выяснить, что к чему, в случае необходимости принять соответствующие меры. О звонке я сразу доложил полковнику Гудкову. Тот тоже ничего не знал и был удивлен этим сообщением. Он согласился со мной, видимо, произошло что-то неожиданное, и мне стоит немедленно выяснить ситуацию. Если Балаян развернет обычную бурную деятельность, то очень скоро к нам из Москвы придет срочное поручение разобраться в случившемся. А так как в этой проверке паспортного режима наши сотрудники не участвовали, то разобраться будет не очень-то просто. Пришлось тут же позвонить

в штаб Комендатуры. Коменданта — полковника Шевелева — на месте не оказалось, его заместитель по политчасти ничего внятного сказать не мог. Группировка еще в пути, никаких данных о задержанных не поступало. Я попросил связаться с руководителем оперативно-войсковой операции и уточнить, привезут ли людей для оформления на фильтропункт. Но пока я ждал сведений из Комендатуры, позвонил Роберт Кочарян из здания Облисполкома. Он утверждал, что Жанну Галстян и еще одну девушку после обеда забрали в селе Киров Шушинского района, посадили в БТР и повезли в сторону Шуши или Степанакерта. Куда конкретно — никто не знает. Теперь надо было искать не только Жанну, но и еще какую-то девушку. Задача усложнялась.

Дежурный офицер нашей группы лейтенант внутренней службы Сергей Молчанов принялся наводить справки о том, кто участвовал в проверке паспортного режима в селе Киров. Я же стал звонить командиру дивизии «Дон» полковнику Лабунцу Михаилу Ивановичу, чтобы тоже уточнить: какие именно подразделения дивизии находятся на операции и какие от них получены сообщения? Каково же было мое удивление, когда я узнал, что комдив сам участвует в этой проверке. Дело действительно принимало серьезный оборот. Боевой комдив, прошедший Афганистан, как мне рассказывали, не только храбр, но и осторожен. Выходит, в сегодняшней операции есть что-то особенное, из-за чего он решил участвовать в ней сам. Страхует подчиненных? Почему? Неужели провокация из-за женщин? Надо быть готовым ко всему. Жаль, нет на месте коменданта Шевелева. Он бы обязательно был в курсе. Может, кто-то как раз и пользуется его отсутствием? Теперь надо ждать возвращения войсковой колонны, которая, по прикидкам, должна вернуться в Степанакерт к вечеру.

Звонки от Зория Балаяна раздавались каждые 15–20 минут. Звонили Роберт Кочарян и Серж Саркисян. Они уточняли детали ареста Жанны и девушки, которую, как, оказалось, звали Гаянэ. Она — работник почтового отделения села Киров. Серж и Роберт по очереди добавляли новые данные, полученные явно по «цыганской почте». Жанну задержал сразу командир полка дивизии «Дон», расквартированного в Степанакерте в районе завода «Сельмаш», подполковник Калиберденко со своими подчиненными. Он приказал ей собираться, так как они должны доставить ее в Степанакерт. На вопрос: «На каком основании?» — подполковник ответил, что это — приказ и они обязаны его выполнить. Не советовал пытаться бежать. Село окружено войсками. К лицам, нарушающим порядок проверки паспортов,

будет применяться оружие.

Жанну увозили с единственной в селе Киров небольшой площади, где собрались все его жители. Старушки вставали на колени, умоляя отпустить Жанну. Тут же были старшие нарядов блок-постов и патрульных групп. Они тоже переживали за Жанну и даже делали попытки переговорить с подполковником. Но подполковник был неумолим. Неподалеку за тем, как Жанну сажали в БТР, наблюдал комдив Лабунец, на голове которого почему-то красовался танкистский шлем. Один из офицеров, из тех, кто ранее часто бывал в селе, подошел к Жанне и передал ей кусок вареной курицы с хлебом. Когда Жанна уже сидела в БТРе, к ней подсадили Гаянэ.

Время тянулось бесконечно медленно. Было не понятно, почему Жанну арестовали. Где она? Вместе с Гудковым мы побывали у начальника УВД НКАО генерала Ковалева. Мнение сложилось единое. Затевается провокация, в которую втянули военных. При этом Ковалев был уверен, что Михаил Иванович Лабунец не способен на подлость.

Около шести вечера позвонил Роберт Кочарян. Оказалось, Жанна доставлена в штаб полка внутренних войск на «Сельмаш». Командир полка там подполковник Калиберденко.

Я спросил:

— Там только лишь Жанна? А где Гаянэ?

— Гаянэ свободна. Это она сообщила нам, где сейчас находится Жанна.

— Как же ее отпустили?

— Да очень просто. Она ведь сама напросилась быть задержанной. Ее забрали и посадили в БТР вместе с Жанной. По дороге, видимо, в целях конспирации, их пересадили в другой БТР, который оторвался от колонны и на скорости нижней дорогой прошел мимо Шуши прямо в Степанакерт. На этом БТРе были другие офицеры. Когда подъехали к КПП полка, Гаянэ обратилась к старшему из них, попросив отпустить ее. Сослалась на то, что подполковник Калиберденко пообещал «подбросить ее в Степанакерт». Поскольку офицеры имели команду доставить в штаб лишь Жанну Галстян, то они не видели причин не отпускать Гаянэ. Потом мне стало ясно: Гаянэ совсем не просто работница сельской почты. Как и Жанна, она была подпольщицей. Решив, что в этой ситуации требуется попробовать спасти Жанну, Гаянэ, сильно рискуя, напросилась в БТР. Удача оказалась на ее стороне. Так мы узнали, где находится Жанна.

Однако с этого момента ситуация ничуть не упростилась. Мы понимали, что Жанну Галстян военные не зря привезли в Степанакерт, минуя фильтропункт. Более того, совсем не

понятно, почему именно на «Сельмаш»? Несуразица какая-то. Зачем было устроено пересаживание из одного БТРа в другой? И почему во втором БТРе Жанну не сопровождал сам подполковник Калиберденко?

Первый звонок в штаб Комендатуры, а затем в полк не дал результата. Там и там ответили, что колонна еще не вернулась, дополнительных данных — не поступало. Мы поняли, что торопиться надо, но не спеша. Несомненно, за территорией полка установлено неусыпное наблюдение. И если для Жанны возникнет опасность, то Роберт или Серж тут же нам сообщат. В полку, конечно же, не могут не предвидеть этого. И будут действовать осторожно. Надо ждать. Но почему задерживается с возвращением основная часть колонны? Что, опять осложнение в Шуши? Такое бывало. Оказывалось, что по чьей-то «случайной» утечке информации на узких улицах Шуши войсковая колонна, возвращавшаяся с оперативно-войсковой операции, была блокирована разъяренной толпой азербайджанских горожан, особенно из числа членов Народного фронта, желавших заполучить задержанных армянских боевиков для самосуда.

И в этот раз толпа встречала колонну. В Шуши уже знали, что задержана известная армянская боевичка Жанна Галстян, и потребовали, чтобы военные тут же выдали ее. К этому времени по бакинскому телевидению генеральный прокурор республики Гаибов уже объявил о задержании Жанны Галстян. Однако националистически разогретая толпа была разочарована, в составе колонны Жанны не оказалось.

Тут-то нам и стало ясно, как мудро поступили военные, предусмотрительно пересадив Жанну и Гаянэ в другой БТР.

Мы поняли, что затея с задержанием Жанны им тоже не по душе. Но почему они никуда не докладывают о задержанной? Почему не доставляют ее на фильтропункт?

Звонки, звонки, телефонные звонки. Как к нам, так и наши — в комендатуру и на «Сельмаш» в полк. Москва, на основании настойчивых запросов Зория Балаяна, поручила нам разобраться с незаконным задержанием гражданки Галстян. Что было делать? Колонна уже вернулась в Степанакерт, но Комендатура не подтверждала задержание Жанны. Штаб полка, в свою очередь, докладывал об отсутствии в полку его командира подполковника Калиберденко, который как сквозь землю провалился. И только приблизительно в полночь уже из номера гостиницы мне удалось с ним переговорить по телефону. Разговор был похож на игру в кошки-мышки. Любой мой вопрос натыкался на встречный вопрос или на недостаточно внятный ответ.

— Откуда вам известно, что Жанна Галстян задержана? А почему она должна быть у нас? Итоги проведения проверки паспортов мне неизвестны. Обратитесь в Комендатуру по этому поводу. Я только что прибыл в полк. В полку, как доложил дежурный, посторонних нет. Нам некого доставлять на фильтропункт. Вы на меня не давите. Я вам не подотчетен. У меня есть комдив, к нему и обращайтесь. Характер и тон разговора были необычны. Войсковые командиры всегда с нами разговаривали, по крайней мере, вежливо. В ответ я предупредил подполковника, что в случае нарушения им или его подчиненными Закона о Чрезвычайном положении в отношении задержанных лиц он будет нести за это персональную ответственность.

Разговор с подполковником Калиберденко фактически подтвердил нам, что Жанна Галстян в Степанакерте и что она — в расположении полка дивизии «Дон». Зато подполковнику Калиберденко и тем, кто над ним, теперь известно, что о задержании и нахождении Жанны Галстян знает Следственно-оперативная группа МВД СССР.

Говорят, утро мудрее вечера. Не всегда, увы! Утро 17 декабря началось с того же, чем закончился вчерашний вечер. В сводках оперативной обстановки за прошедшие сутки по НКАО не зафиксировано правонарушений ни в одном из сел армянского подрайона Шушинского района. И сведений о задержании лиц, нарушивших Закон о чрезвычайном положении, тоже не отмечено.

Но тогда где же Жанна Галстян? Что с ней? Зорий Балаян, похоже, не выпускал из рук телефонной трубки. Его требования о немедленном расследовании незаконного задержания Жанны звучали все настойчивее. Первый утренний разговор с Робертом Кочаряном и Сержем Саркисяном свидетельствовал о том, что Жанна полк не покинула! А вот звонок в полк нас весьма озадачил. Командир полка подполковник Калиберденко заболел, его обязанности исполняет начальник штаба полка, который тут же признал, что гражданка Галстян при проверке паспортного режима в селе Киров Шушинского района была задержана и доставлена в штаб полка до выяснения необходимых обстоятельств. Обстоятельства эти уточняются. В полку будет находиться до особого указания. На вопрос о том, почему задержанная сразу не была доставлена на фильтропункт, начштаба полка не смог ответить ничего определенного. Он сослался на jo, что в проверке не участвовал. В настоящее время он выполняет приказ командира. Гражданка Галстян чувствует себя нормально, они вместе только что позавтракали.

Беспокоиться за ее безопасность не стоит. Как только прояснятся некоторые детали, она, вероятнее всего, будет отпущена. На наше требование немедленно доставить задержанную на фильтропункт начальник штаба ответил отказом, на том основании, что он подчиняется только прямому начальству.

Конечно, мы могли принять экстренные меры. Например, через Коменданта РЧП забрать Жанну из полка, минуя фильтропункт, под свою ответственность. Но мы чувствовали, что в действиях военных был свой смысл. Они увезли Жанну из армянского села и тем как бы выполнили задание Баку. Но ни совесть, ни честь не позволили им пойти на поводу у заказчиков.

Вот и разыграло командование дивизии «Дон» задержание Жанны по своему сценарию. Кто-то из офицеров как бы перепутал маршрут и пункт назначения. Вместо шушинской тюрьмы Жанну Галстян привезли в штаб полка на «Сельмаш». Время передачи ее азербайджанцам было потеряно. О задержании узнали законники из Следственно-оперативной группы МВД СССР, а значит, и Москва. В этой ситуации передать Жанну Баку было просто невозможно.

Во второй половине дня 17 декабря Жанну по нашему настоянию привезли на фильтропункт. Там ее со вчерашнего вечера ждал начальник фильтропункта капитан Григорян. Привез Жанну сам начальник штаба полка. Документов, сопровождающих задержание гражданки Галстян, у него не было. Составлять их на фильтропункте он отказался, так как не был свидетелем задержания. После препирательств между начштаба полка и начальником фильтропункта, официально зафиксированных в протоколе, а также после длительных телефонных переговоров обоих офицеров со мной, было признано необоснованным административное задержание Жанны Георгиевны Галстян. Нет рапортов на задержанную — значит, никого и не задерживали.

Поскольку вновь наступил вечер, а за ним и комендантский час, то по нашей просьбе начальник УВД НКАО генерал Ковалев поручил одному из поклонников таланта артистки — своему заместителю подполковнику милиции Анатолию Петровичу Голеву забрать Жанну с фильтропункта и доставить в город, домой. Мы, правда, опасались: как бы по дороге с фильтропункта, за которой, не сомневались, осуществлялось неусыпное наблюдение степанакертских подпольщиков, не произошло досрочное освобождение Жанны. Заодно могли разобраться и с подполковником Толевым. Но Роберт Кочарян твердо заверил, что провокаций не будет, он проследит за маршрутом сам. Так оно и случилось. Как потом нам с гордостью доложил

подполковник Голев, Жанна Галстян, не доехав до своего дома, попросила остановить машину на известном всему городу нижнем кругу, сердечно поблагодарила его за свое освобождение и ушла в ночь.

…Прошло 12 лет, прежде чем автор этих строк впервые встретился лицом к лицу с персонажем своих дневниковых записей. Мы сидим вдвоем в небольшом ресторанчике в гористой части района бывшего завода «Сельмаш» города Степанакерта. Жанна Георгиевна Галстян подтвердила точность моих дневниковых воспоминаний. Узнав, что именно этот эпизод из ее длительного подпольного лихолетья будет отражен в моей книге, обеспокоенно спросила:

— Не рано ли рассказывать о совсем недавнем и роковом периоде нашей жизни? Когда еще свежи раны, и боль утрат, живы не только участники и свидетели, но виновники трагических событий. Когда все узнаваемо и не забыто.

Но потом быстро и уверено добавила:

— Нет, вы правильно сделали, что написали эту книгу именно сейчас. Она, по моему мнению, одним поможет глубже понять правильность или ошибочность своих поступков, а другим — разумно выбирать жизненный ориентир.

Я счастлива, что вижу вас и теперь знаю о тех смелых и благородных людях — российских офицерах внутренних войск и милиции, которые спасли меня от азербайджанских застенков. Большое спасибо им. Об этом будут помнить мои дети и внуки. А вам сейчас первому признаюсь, что тогда, при задержании, я была готова и к такому варианту. На груди у меня была спрятана граната. Я взорвала бы себя, если бы меня привезли в шушинскую тюрьму или в Агдам.

Срочный вызов в Москву

Правдивая шифровка о положении дел в Нагорно-Карабахской автономной области, отправленная в Москву, откровенно независимая позиция нашей Следственно-оперативной группы в расследовании преступлений на межнациональной почве в Районе чрезвычайного положения, решительное пресечение противоправных действий некоторых командиров и военнослужащих внутренних войск против армянского населения при проведении проверок паспортного режима — все это не замедлило сказаться на моих отношениях с руководством Республиканского оргкомитета в лице Виктора Петровича Поляничко и с комендантом Района чрезвычайного положения генералом Сафоновым.

Меня почти перестали приглашать на совещания Оргкомитета и Комендатуры РЧП. Офицеры штаба, приближенные к генералу, демонстративно подчеркивали официальность наших служебных отношений. Другие — откровенно советовали не перечить некоронованным властителям Карабаха. Не допустят они здесь вольнодумства. Уберут под любым предлогом, да еще и служебную биографию испортят. Подтверждения этим пророчествам ждать пришлось недолго.

В пятницу тридцатого ноября 1990 года из министерства пришла телеграмма. Меня вызывали с отчетом о работе Следственно-оперативной группы. Почему с отчетом вызывали не руководителя СОГ МВД СССР полковника Гудкова, а меня, начальника штаба? Это был вопрос, скорее всего для любопытных. Посвященным было все понятно. В штабе комендатуры на этой основе откровенно намекали на мой досрочный отзыв из Карабаха и не без ехидства интересовались, скоро ли буду давать отвальный банкет? Полковник Гудков и генерал Ковалев подбадривали меня и обещали поддержку. Говорили, что если появится необходимость, они тут же прилетят в Москву. Помогали готовиться к предстоящему докладу. Я случайно узнал, что они в телефонных разговорах с руководством нашего Главка высказали немало добрых слов о моей деятельности.

В понедельник 3 декабря, прибыв на Житную улицу в МВД СССР, у меня не осталось никаких сомнений: вызвали для объяснений по поводу шифровки, содержание которой коренным образом противоречило сведениям о ситуации в НКАО и в прилегающих к ней районах, поступавшим ранее. Кроме того, Поляничко при встрече с министром внутренних дел СССР

отрицательно охарактеризовал мою работу в Карабахе. Судя по всему, в лучшем случае меня ждал отзыв из карабахской командировки.

Однако привезенные в Москву материалы, подписанные полковником Гудковым и начальником УВД НКАО генералом Ковалевым, серьезно расширяли и углубляли шифровку. Содержание документов действительно противоречило сведениям, представляемым Комендантом РЧП генералом Сафоновым и руководством Азербайджана. И не учитывать новой правдивой и важной информации при решении межнациональных проблем Карабаха теперь было уже невозможно.

Материалы содержали не просто данные о преступности и сепаратизме, о возможном изменении демографической ситуации не только в НКАО, но в Азербайджане и Закавказском регионе в целом. Невольно напрашивались тревожные вопросы о сохранении геополитических интересов СССР и, в частности, об исконных исторических задачах российской политики на Кавказе. Трудно было не видеть, что с возможной потерей армянского Карабаха автоматически ослаблялась государственная безопасность Армении, а значит — возрастала роль Турции и натовских позиций на нашем южном рубеже.

Правда, подобные далеко идущие выводы позволялось иметь в виду, но не произносить вслух. Приходилось, например, умалчивать о прозорливых геополитических высказываниях Зория Балаяна и других политиков об особых видах и планах пантюркизма на роль Азербайджана в их реализации, в создании Великого Турана или Великого исламского халифата.

В моих архивных папках хранятся копии двух служебных записок, подготовленных мной за 1990 год: «Об активизации исламского фундаментализма в республиках Средней Азии и Азербайджане» и «О влиянии исламской религии на общественно-политическую и криминологическую обстановку в стране». Там отмечается, что «… Турция и Иран активно реализуют далеко идущие планы по усилению своего влияния в регионах Советского Союза, исторически связанных с исламом, в политических и экономических целях. Чрезвычайно тревожными и, пока не предсказуемыми по последствиям, являются попытки представителей «параллельного» ислама» (фудаменталистского и пантюркистского толка) приобрести в СССР официальный статус. В июле 1990 года в Астрахани прошел съезд духовных лидеров мусульманских общин, «заштатных» священнослужителей практически всех регионов СССР с распространением ислама, на котором было принято решение о создании «Партии исламского возрождения».

В качестве важнейшей задачи на съезде была выдвинута цель объединения всех мусульман СССР, создания новых организационных структур в исламе, отстранения от власти официальных органов управления как скомпрометировавших себя и «предавших интересы мусульман». Очевидно, что этот факт должен послужить основой для дальнейшего укрепления «параллельного ислама», усилить экстремистские тенденции в его развитии на базе панисламизма, пантюркизма и фундаментализма. Не случайно, именно в этот период появляется «Обращение» к М. С. Горбачеву председателя Духовного управления мусульман Закавказья (Думзак) А. Паша-заде, противопоставившего в нем «исламские ценности» «позорным действиям империи». Не думать об этом в тех условиях, когда при попустительстве, а, по сути, с благословления азербайджанских властей бесчинствующими толпами разрушалась техническая система охраны границы между СССР и Турцией в пределах всей Нахичеванской республики, было просто нельзя.

Еще один факт, касающийся нахичеванского участка границы СССР с Турцией. Оказывается, в Нахичеванской АССР у советских пограничников была своя пограничная полоса, на которой располагались заставы и другие технические системы ее обеспечения. А глубину пограничной зоны определяли республиканские органы власти. Так вот, решением Верховного Совета Азербайджанской ССР вся территория Нахичеванской АССР была превращена в сплошную пограничную зону. А это означало, что въезд без оформления дополнительного разрешения азербайджанских властей на территорию Нахичевани был запрещен. Естественно, армян туда практически не пускали. А ведь там жили не только их родственники, но находились могилы предков, жертв геноцида. С 1921 по 1990 год азербайджанские власти вели планомерное уничтожение армянских культурных ценностей VII–XIX веков, армянских церквей, монастырей, десятков тысяч надгробных хачкаров (крест-камней), представляющих мировое значение. Из 90 памятников армянской культуры, отмеченных в «Известиях Азкомстариса» (вып. 4, тетрадь 2. Баку, 1929) и в «Кратком путеводителе по наиболее известным памятникам древности и природы в Азербайджане» (В. Сысоев. Баку, 1930) к 1990 году остался один!

Я был убежден, что руководство нашего министерства и союзное правительство знают о подобных опасных тенденциях. Значит, предстояло как-то минимизировать ущерб, нанесенный неправильными действиями личностей типа В. П. Поляничко или генерала Сафонова, пренебрегавшими приоритетами советской

геополитики и поставившими собственные частные интересы выше интересов страны. Конечно, им и азербайджанскому руководству было выгодно представлять ситуацию в Карабахе как банальный межэтнический конфликт и разрешать его привычным способом: выжигать, словно опасную заразу, силами внутренних войск. Только сложно стало не замечать, что решение межнациональных проблем в НКАО, порожденных многолетним проведением в жизнь корыстных планов Азербайджана, отдано целиком и полностью именно его руководству. Жесткие требования чрезвычайного положения выполнялись под диктовку Азербайджана, что еще в большей степени ухудшало положение армян в Карабахе: козлу доверили охранять капусту.

Если для полного выдавливания армян из Нахичеванской автономной республики (а они в 1917 году составляли сорок процентов, или 53,9 тысячи человек) Азербайджану потребовалось почти шестьдесят лет, то благодаря горбачевской политике «процесс пошел» куда энергичнее. Карабах же буквально за считанные месяцы должна была постичь участь Нахичевани. Нагорно-Карабахская автономная область, из территории населенной более чем на 70 процентов сугубо коренными армянами, должна превратиться в чисто азербайджанский регион.

19 июня 1989 года М. С. Горбачев принял шестерых народных депутатов СССР от Карабаха, а также Аркадия Вольского, первого секретаря Степанакертского горкома партии Валерия Атаджаняна, председателя Исполкома Облсовета НКАО Семена Бабаяна и председателя Степанакертского горисполкома Максима Мирзояна. На встрече присутствовали Председатель Правительства СССР Н. И. Рыжков и член Политбюро ЦК КПСС, курировавший силовые структуры, В. М. Чебриков. Тогда М. С. Горбачев наконец-то открыто признал существование карабахского вопроса и то, что он требует нестандартного и справедливого по отношению к армянам решения.

Позже, однако, не успев ничего сделать, Горбачев испугался глубины и силы происходящего процесса и тут же отказался от поисков на путях справедливости. Продекларировав лозунг о социализме с человеческим лицом, он не озаботился тем, чтобы общество обрело обогащенную идеями демократизма, гуманистическую систему ценностей, в данном случае — одинаково признающую все нации и народы. Именно равноправие всех граждан Карабаха, а не искаженное равенство по-социалистически, более того, по-азербайджански. Горбачеву, вкусившему в это время восторженный гул американских и европейских площадей и освоившему миссию Иисуса Христа,

было не до того, чтобы разобраться с чаяниями маленького упрямого народа, который устраивал шум на весь мир, то и дело «обижал» большой и влиятельный Азербайджан…

Карабах первым остро, во всей полноте раскрыл ущербность национальной и межнациональной политики СССР, по сути — основы существования любого многонационального государства. Увы, глава нашего государства, состоящего из сотен народов и народностей, так и не нашел времени, а скорее — государственной, политической мудрости и храбрости побывать на месте, встретиться с народом, история которого глубокими корнями тесно связана с историей России, понять и решить его жизненные проблемы. Горбачевское руководство скатывалось к политиканству, не осознавая, что общество, основанное на дискриминации, насилии, враждебности народов друг к другу — не только несправедливо, но и не жизнеспособно, исторически бесперспективно. Теперь-то мы знаем, что Горбачев и его окружение оказались не способными и объективно решить ни одного проблемного конфликта и только привели великое государство к развалу.

Действовать же по-сталински — выселить целый народ в места не столь отдаленные — Горбачев уже не мог. А демократически разрешить конфликт оказался не способен. И чтобы снять с себя ответственность, решение карабахских проблем отдал на откуп Азербайджану, развязав руки Муталибову с Поляничко.

В моих дневниковых записях зафиксирован такой факт. После смены генерала Сафонова новый Комендант района чрезвычайного положения полковник Шевелев, выступая на Совете безопасности Азербайджана, позволил себе сделать несколько критических замечаний по поводу действий республиканского ОМОНа и руководства Оргкомитета по НКАО, которые явно не способствовали нормализации межнациональной обстановки. Тут же он был в грубой форме отчитан Муталибовым. После заседания никто из руководства республики даже не попрощался с новым Комендантом. Так полковник Шевелев оказался в черном списке противников азербайджанских шовинистов.

Моя подготовка к отчету у министра внутренних дел СССР была связана с большой аналитической работой. Сотрудники разных подразделений министерства оказали мне не только чисто профессиональную, но и большую моральную поддержку. Начальник нашего Главка генерал Воронов сосредоточил вокруг меня лучшие свои силы. Но больше всего меня опекали два полковника: мой непосредственный начальник и друг Анатолий

Середа и начальник первого отдела, мы тогда его уважительно называли «наш начальник штаба» — Александр Чекалин, который в последствии стал Героем России, генерал-полковником и первым заместителем министра МВД России. Особенно ценной оказалась помощь советника Министра внутренних дел СССР, доктора экономических наук полковника Валентина Михайловича Кузнецова и первого заместителя управляющего делами МВД СССР генерал-майора внутренней службы Николая Яковлевича Некрылова.

С Валентином Кузнецовым меня близко познакомил еще в 1974 году мой тогдашний руководитель заведующий сектором ЦК ВЛКСМ Артур Невицкий. Оба были заядлыми шахматистами. Валентин заведовал отделом научной молодежи. В МВД СССР он пришел вместе с Борисом Карловичем Пуго из Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Разносторонне образованный и всесторонне информированный, он не только помог мне четче отразить обстановку в НКАО и вокруг нее, а также сформулировать основные выводы моего доклада, но и предварительно проинформировал министра Пуго о существе позиции нашей Следственно-оперативной группы в карабахском вопросе, ознакомил его с фотокопиями секретного плана азербайджанского руководства по депортации армян из Шаумяновского района, добытого полковником Ткачем в ходе спецоперации.

После этого случая, по доверительной договоренности с советником министра, я всегда готовил два варианта отчетов о своих командировках. Первый — откровенный, с отражением личных оценок местной обстановки, я передавал Валентину Михайловичу для прямого доклада министру МВД СССР. Второй вариант, приглаженный, с одобрением непосредственного начальства, официально шел наверх по всем инстанциям долгим многоступенчатым путем и не всегда мог вообще дойти до курирующего заместителя министра.

С генералом Некрыловым судьба свела меня в начале 80-х годов. Несмотря на нашу 10-летнюю разницу в возрасте, у нас сразу сложились искренние дружеские отношения. Во многих житейских ситуациях я был для него даже вроде старшего брата. Некрылова, в то время еще полковника госбезопасности, привел на улицу Житную из КГБ СССР в 1982 году генерал армии В. Ф. Федорчук. Было это, когда Юрий Владимирович Андропов стал руководителем советской страны. Мой приход в оперативную службу МВД Николай Яковлевич одобрил, хотя, если честно признаться, предлагал выбрать более спокойное подразделение. О нашей дружбе сослуживцы вряд ли догадывались, так как оба мы

из щепетильности никак ее не обнародовали. Не раз его советы и моральная поддержка помогали мне основательно разобраться в критических ситуациях, выбрать верный и надежный вариант их разрешения. О моем срочном вызове «на ковер» и его причинах генерал Некрылов, естественно, знал. Поэтому, поздними вечерами, когда пустел кабинет министра, мы пили крепко заваренный ароматный индийский чай, скрупулезно определяли и выверяли позиции по Карабахской проблеме. Бывало, к нам присоединялся и Валентин Михайлович Кузнецов.

Накануне моего отчета у министра внутренних дел СССР произошло важное событие. Об этом мне сообщил Николай Яковлевич Некрылов. Генерал Сафонов освобожден от обязанностей Коменданта района чрезвычайного положения. Его сменил полковник Владимир Анатольевич Шевелев. Для меня это было по-настоящему радостное известие. Но как же я удивился, когда утром, в день отчета у министра в коридоре 3 этажа МВД СССР, где располагалось наше Управление профилактической службы, я встретил и полковника Шевелева, и генерала Ковалева. Оказывается, они тоже были приглашены на совещание к министру. И оба успели побывать у него еще до начала совещания.

Мой же отчет, назначенный на 6 декабря на одиннадцать часов, по большому счету, можно сказать, и не состоялся. Получился просто деловой разговор о насущных карабахских проблемах. С особым вниманием министр Пуго выслушал выступление Коменданта РЧП полковника Шевелева, который сумел четко, коротко, но со всеми необходимыми подробностями передать то, что мы успели коллективно обговорить во время своих долгих обсуждений еще в Степанакерте. Министр поддержал нашу позицию о сбалансированном отношении к противоборствующим сторонам, о строгом соблюдении законности при проведении мероприятий по предупреждению преступлений на межнациональной почве.

После совещания мне было приказано без задержек вылететь в Карабах и продолжить исполнение обязанностей начальника штаба Следственно-оперативной группы МВД СССР в Нагорно-Карабахской автономной области. 7 декабря я был уже в Степанакерте.

Похищение народного депутата СССР Бориса Дадамяна

Убийство судмедэксперта Роберта Григоряна

Конец декабря 1990 года. В Карабахе оперативная обстановка была крайне напряженной. Словно перед новым 1991 годом выполнялся неведомо кем намеченный план межнациональных преступлений и провокаций. Но два происшествия оказались особенно дерзкими и, что, несомненно, оба были заранее подготовленными.

О первом, закончившимся, в общем-то, благополучно, рассказывает сохранившийся у меня текст телетайпограммы, отправленной тогда в Москву из УВД НКАО:

Телетайпограмма

Из СТЕПАНАКЕРТА 1389 26.12. 0950 = МВД СССР =

25 декабря в 14 час. 30 мин. в УВД НКАО поступило сообщение о том, что неизвестной группой лиц в военной форме в здании аэропорта был задержан народный депутат СССР от НКАО Дадамян Борис Вартанович. После проверки документов он был на машине «УАЗ — 469» зеленого цвета без номерных знаков в сопровождении двух военных, один из них подполковник Черняк У. Г и 4-х омоновцев МВД Азербайджанской ССР вывезен через летное поле в направлении Аскеран — Агдам.

В результате совместных оперативно-розыскных мероприятий КРЧП, УВД НКАО, СОГ МВД СССР Дадамян Б. В. в 6 часов утра 26 декабря с. г. был освобожден и самостоятельно прибыл в комендатуру Агдамского района.

По заявлению Дадамяна Б. В. его состояние здоровья нормальное. При следовании в автомашине Дадамяну Б. В. высказывались угрозы применения физической расправы. В месте его пребывания отношение к нему было корректным. Однако ему до сих пор не возвращены паспорт, удостоверение и нагрудный знак народного

депутата СССР.

По данному факту проводится проверка.

Начальник УВД НКАО генерал-майор в/с Ковалев

Руководитель СОГ МВД СССР полковник Гудков

Передала Маркарова

Второе известие полное боли за гибель наших друзей по службе в Карабахе — двух армянских медиков, верных клятве Гиппократа, отмечено лишь в оперативной милицейской сводке:

> «25 декабря около 14 часов в морге города Мирбашир Азербайджанской ССР при проведении комиссионного вскрытия трупа разъяренной толпой азербайджанцев были зверски убиты врач-судмедэксперт областной больницы НКАО Роберт Григорян и санитар Сурхай Погосян».

Помнится, утро этого дня ничем не отличалось от предыдущих. Сводки за прошлые сутки, отчеты служб, определение задач дежурному наряду… Потом была встреча с врачом-судмедэкспертом областной больницы НКАО Робертом Григоряном, который должен был выехать на нашей автомашине в Мардакерт для проведения комиссионного вскрытия тела жителя азербайджанского города Мирбашира. Как оказался он на территории проживания армян, выяснить не удалось. Причину смерти и то, следует ли предъявить кому-то обвинения за нее, по внешним признакам определить оказалось невозможным.

Вскрытие, без сомнений, могло быть проведено сразу, без участия областного судмедэксперта. Но азербайджанские власти не упускали ни одной возможности обвинить армян в чьей-либо гибели. На беду тело нашли именно армяне на дороге, соединяющей армянский и азербайджанский населенные пункты. Место, где обнаружили труп этого еще нестарого человека, было бойкое. Лежащий на обочине дороги, он не мог долго оставаться незамеченным. Свидетелей тор), где застала смерть этого беднягу, или его привезли и специально подбросили, не было.

Власти и милиция армянского Мардакертского района, да и местная военная комендатура утверждали, что труп, по всей видимости, привезла и подбросила азербайджанская сторона специально для обострения межнациональной обстановки. Врачи мардакертской больницы полагали, что смерть наступила намного раньше, чем труп заметили прохожие. Возникла

непростая ситуация. Было принято решение о создании комиссии и проведении вскрытия с участием независимого русского судмедэксперта, который должен был прибыть из бакинской республиканской больницы.

Шли дни, приезд врача из Баку по разным причинам откладывался. При этом практически ежедневно на границе двух районов собирались толпы родственников усопшего и сочувствующие им с требованием передать тело для погребения, найти и наказать убийцу, естественно, среди армян. Обстановка с каждым днем накалялась. Ее подогревали республиканские средства массовой информации и необоснованные требования МВД Азербайджана о необходимости признания армянами факта убийства на межнациональной почве. Хотя именно от МВД Азербайджана и зависело разрешение конфликтной ситуации: следовало просто своевременно направить врача на экспертизу. Новый Комендант РЧП полковник Шевелев требовал от УВД НКАО и МВД республики разрядить взрывоопасную ситуацию, грозящую выйти из-под контроля. Он обращался и к руководству нашей группы: просил ускорить разрешение возникшей проблемы. Если надо, то, наконец, вызвать специалиста из Москвы. На одно из совещаний у генерала Ковалева по этому вопросу был приглашен судмедэксперт областной больницы Роберт Григорьевич Григорян, который и предложил нам свой вариант, очень простой в исполнении. Судмедэксперт мирбаширской больницы Аликпер Халилов — был одним из лучших учеников Роберта, опытный и авторитетный врач. Они уважали и доверяли друг другу. Если он попросит Халилова, тот приедет в Мардакерт и они вместе проведут вскрытие. Их заключению поверит и та, и другая сторона. Действительно, два врача по телефону сразу договорились, назначили встречу в мардакертской больнице на 25 декабря. Я пообещал обеспечить Роберта Григоряна транспортом.

Утром 25 декабря Роберт, заглянув в УВД НКАО, обошел своих друзей и знакомых сотрудников милиции, побывал в нашем штабе. Шутил и рассказывал веселые истории. Я проводил его к машине, чтобы познакомить с нашим московским водителем сержантом милиции Сергеем Колесниковым. Вместе с Робертом поехал его санитар Сурхай Погосян. Как мне потом сказали, они были неразлучными друзьями. Кроме меня проводить Роберта вышли несколько работников УВД. Они просили его передать приветы мардакертским родным и друзьям.

К доктору Григоряну окружающие относились с большим уважением и даже трогательной любовью. И было за что. Безотказный профессионал, балагур, щедрый симпатяга-добряк.

Вокруг него было шумно и весело. Не раз приходилось слышать от сотрудников УВД разные истории не только из его врачебной практики, но и даже личной жизни. Роберт Григорян учился в России, закончил красноярский мединститут и успешно там работал, был дважды женат, оба раза на красивых русских женщинах. Старший сын пошел по стопам отца, стал медиком и жил в Степанакерте. Робертом, как его большинство звали, карабахцы гордились. О его беспрекословной верности клятве Гиппократа, о мужестве и храбрости ходили легенды. В самую жестокую конфликтную пору, если требовал врачебный долг, он, презирая межнациональные предрассудки, один отправлялся в азербайджанское селение принимать роды или делать операцию. Сам слышал, как он говорил, что у врача нет национальности, а есть больной человек, нуждающийся в его помощи. Проводив судмедэксперта и санитара в Мардакерт, я занялся намеченными на этот день делами.

Неожиданно, в 15.00 я был срочно приглашен к Коменданту РЧП полковнику Шевелеву. Вскоре, я входил в кабинет Коменданта Нагорного Карабаха вместе с начальником УВД области генералом Ковалевым. От Шевелева мы узнали, что в аэропорту «Степанакерт» неизвестными лицами в военной форме задержан, а затем вывезен в неизвестном направлении народный депутат СССР Борис Вартанович Дадамян. Полковник Шевелев попросил меня немедленно подключиться к розыску Дадамяна по своим каналам, в том числе через армянских и азербайджанских друзей. Москва уже в курсе случившегося, и он с минуты на минуту ожидает официальных поручений, а скорее требований о немедленном розыске и освобождении Дадамяна.

Следом за этими словами в кабинете Коменданта раздался телефонный звонок. Полковник Гудков передал мне, что поступило указание министра Пуго о проведении силами нашей группы, во взаимодействии с другими правоохранительными структурами, всех необходимых оперативно-следственных мероприятий по розыску Дадамяна, и поручил согласовать наши действия с Комендатурой РЧП.

Я спросил у чрезвычайно озабоченного полковника Шевелева:

— Какая информация от военного коменданта аэропорта? Каковы причины задержания? Что известно от азербайджанской омоновской охраны? Кто дал санкции на проведение этой беспрецедентной акции? Где сейчас Виктор Петрович Поляничко и знает ли он о захвате Дадамяна?

На это полковник Шевелев зло ответил, что хотя Поляничко с утра и был в своем кабинете, но сейчас его там нет. Куда уехал, ему не сообщил. Связи с ним никакой. Кроме Радуева,

заместителя Поляничко по Оргкомитету, никого нет, а тот, как обычно, ничего не знает, а если и знает, то без разрешения Поляничко ничего не скажет.

Генерал Ковалев сказал, что видел, как к подъезду Комендатуры одновременно с ним подъехала машина начальника управления профилактики МВД Азербайджана полковника Усупова, который, видимо, сейчас у Радуева и просто не может не знать о происшедшем. Надо отметить, что в этот период полковник милиции Усупов был в Карабахе уполномоченным от МВД республики и большую часть времени проводил в аэропорту. По общему мнению, к Радуеву следует пойти мне, как представителю Москвы, и попробовать получить возможную информацию от него и полковника Усупова.

В кабинете заместителя председателя Совета министров Азербайджанской ССР и заместителя председателя Оргкомитета по Нагорному Карабаху Вячеслава Николаевича Радуева действительно находился полковник Усупов. Когда я вошел, они прервали разговор и переключили свое внимание на меня. На мои вопросы оба отвечали односложно, в основном, что достоверной информации нет. По их мнению, все очень подозрительно. Вероятнее всего, это провокация самих армян. Куда увезли Дадамяна, никто не знает.

Когда Радуева отвлек телефонный разговор с Баку, я спросил полковника Усупова:

— Рамиль Федрисович, а где сейчас Виктор Петрович Поляничко? Я должен передать ему персональную просьбу нашего министра Пуго. Об этом следует срочно известить Виктора Петровича.

Так как полковник знал о наших прежних дружеских отношениях с Поляничко, то, отойдя со мной к окну, он доверительно сообщил, что Поляничко сейчас в поселке Ходжалы, в одном из домов на южной окраине. Меня туда может доставить начальник Ходжалинского отделения милиции.

Телефон там, наверное, есть, но он его не знает. Других сведений я не получил, хотя понял, что полковник знает о захвате Дадамяна куда больше, чем в этом признается.

С полковником Шевелевым и генералом Ковалевым мы договорились о взаимодействии. Я сообщил о возможном нахождении Поляничко. Оба многозначительно хмыкнули. С большой долей вероятности можно было предполагать, что происшествие с Дадамяном — провокация азербайджанских спецслужб. Но зачем? Слишком значительна фигура депутата, чтобы рисковать без серьезных причин. А раз так, Поляничко не

может не знать об этом. Надо найти его и передать требования Москвы. И чем раньше это произойдет, тем быстрее мы отыщем Дадамяна. Первым отправился на поиски Поляничко я. За мной должен был поехать генерал Ковалев.

Перед отъездом в Ходжалы, я переговорил по телефону с Зорием Балаяном, Сержем Саркисяном, Робертом Кочаряном и другими степанакертскими товарищами. Получил официальное заверение о непричастности армян к этому акту. Надо сказать, все они чрезвычайно обеспокоены за безопасность Дадамяна. Просили как можно скорее установить местонахождение Бориса Вартановича и добиться создания необходимых условий для его здоровья и жизни, так как он сильно страдал диабетическим заболеванием. Он не может долго обходится без уколов инсулина.

Из наших разговоров я понял еще и то, что, если в ближайшие часы не будет ясности о нахождении Дадамяна, армяне сочтут нужным принять адекватные меры. Я просил их не торопиться с выводами, не предпринимать скоропалительных и опрометчивых решений. Сообщил, что за ситуацией следит сам министр внутренних дел СССР Пуго. Обещал оперативно информировать их о ходе расследования.

По дороге в Ходжалы я заехал в аэропорт. Пассажиров не было. Полеты завершились. Там уже работали сотрудники нашей группы. Они вели опросы солдат и офицеров из подразделений внутренних войск, осуществлявших охрану аэропорта, и бойцов республиканского ОМОНа, обеспечивавших контроль и проверку паспортного режима среди авиапассажиров.

Информация, собранная мной, свидетельствовала, что Дадамян приехал в аэропорт в 13 часов для вылета в Ереван, а затем в Москву на съезд народных депутатов СССР. Его провожал сын. При регистрации билетов к ним подошли двое военных, одним из которых был подполковник в общевойсковой форме по фамилии Черняк, и предложили Дадамяну пройти в другую комнату для уточнения каких-то вопросов. Затем через служебный вход народного депутата СССР насильственно вывели на территорию взлетного поля, посадили в «УАЗ-469» с военными номерами и увезли в сторону поселка Ходжалы. Это, несомненно, наблюдала охрана аэропорта, которая состояла из подразделений республиканского ОМОНа. По всей вероятности, Дадамяна отправили в Агдам. Я принял решение как можно скорее встретиться с Виктором Петровичем Поляничко.

Начальник ходжалинской милиции мою просьбу отвезти меня к Поляничко выполнил тотчас же, с присущей для восточных людей особой старательностью. Вскоре мы были возле большого

кирпичного дома, во дворе которого толпились уважаемые люди поселка, как бы демонстрируя интерес к столь высокому гостю. Мы прошли в комнату, где за большим письменным столом восседал Виктор Петрович. Увидев меня, он просто оторопел. И первое, что спросил, забыв ответить на мое приветствие: — А ты что здесь делаешь?

Когда я сказал о цели моего визита, сначала он попытался отшутиться. Мол, стоит ли из-за этого Дадамяна так беспокоиться. Небось, сам куда-нибудь заехал, пьет тутовку, а мы тут волнуемся! Однако мои настойчивые вопросы, а более того — заявление, что нашей Следственно-оперативной группе лично министр внутренних дел СССР Пуго поручил провести расследование и докладывать о его ходе каждые три часа, возымели, наконец, действие.

Поляничко пригласил меня сесть к столу. Присутствующих, кроме своего помощника, попросил выйти. Он подтвердил, что в курсе похищения Дадамяна. Но уверенно заявил, что сделали это сами армяне, его же собственные сотрудники, водители большегрузных автомашин. Мстят Дадамяну за то, что он их обирал, денежные поборы устраивал. На все у него была своя такса. За работу на новом автомобиле, за выделение запчастей, за выгодный маршрут и так далее. Об этом только что передавало республиканское радио. Так что волноваться не стоит. Отвлекают своими разборками занятых людей от дел насущных. Вот он, например, сегодня решил целый день посвятить перспективам развития поселка Ходжалы. Аксакалов собрал посоветоваться. А тут опять армяне со своим Дадамяном. Пусть сами разбираются. И за это их надо примерно наказать.

В этот момент в комнату вошел генерал Ковалев. Виктор Петрович при его появлении проявил и удивление, и озабоченность. Генерал Ковалев подтвердил нашу версию о причастности спецслужб республики к провокации с депутатом Дадамяном. Мы стали настойчиво требовать срочного вмешательства председателя Оргкомитета по НКАО, второго секретаря ЦК КП Азербайджана, народного депутата СССР Поляничко в сложившуюся ситуацию. Он должен использовать данные ему партией и государством полномочия и приостановить провокацию, освободить народного депутата СССР Дадамяна. Я тут же стал готовить очередную телеграмму в МВД СССР, в которой излагал имеющиеся факты, в том числе содержание встречи с Поляничко. После чего позвонил полковнику Гудкову и продиктовал текст этой телеграммы.

Надо прямо сказать, к такому напору Поляничко не был готов. А тут еще генерал Ковалев сообщил, что и полковник

Шевелев разделяет нашу точку зрения. На наших глазах происходила удивительная метаморфоза. Виктор Петрович вдруг стал деятельным, энергичным, он сам принялся звонить известным ему людям в Баку, Агдам, Шуши. Всем своим собеседникам он передавал информацию о случившемся так, будто он только что ее получил. Мы с Ковалевым поняли, что дольше находиться в гостях у Поляничко не было никакого смысла. Мы распрощались, договорившись поддерживать связь. Возвращались в Степанакерт вместе с генералом Ковалевым на его красной «Ниве», которую он лихо вел сам.

Объединенный штаб розыска Дадамяна без всяких договоренностей, сам собой разместился в кабинете коменданта Шевелева. Сюда стали стекаться сведения из разных источников, которые подтверждали и расширяли информацию о спланированной провокации против Карабахского движения, против одного из его организаторов — народного депутата СССР от НКАО Дадамяна.

По нашему мнению, Дадамяна не могли далеко увезти. По данным всех военных зональных комендатур и постов ГАИ, расположенных на территории Района чрезвычайного положения, за последние часы не наблюдалось никаких обращающих на себя внимание передвижений автотранспорта. Полетов вертолетов не зафиксировано. По войскам ушло указание коменданта Шевелева об усилении бдительности патрулей и армейских блок-постов, обязательной проверке всех транспортных средств. Персональные задачи получили офицеры особых отделов воинских частей. По нашей линии в Москву ушел запрос об установлении личности подполковника Черняка. В чрезвычайном режиме работали все оперативные источники в Карабахе и прилегающих районах Азербайджана, были четко организованы другие розыскные мероприятия. По понятным причинам нами не были задействованы правоохранительные органы Азербайджана.

Около 17 часов от Поляничко поступила информация, что Дадамян в Агдаме и находится под контролем, делает какие-то признания, изобличающие организаторов Карабахского движения. С лицами, задержавшими Дадамяна, достигнута договоренность, что по окончании процедурных мероприятий, если того пожелает сам Дадамян, его отпустят. Теперь все наши мысли и действия сосредоточились вокруг Агдама. Надо было организовать освобождение Дадамяна. Для чего в полк дивизии «Дон», расквартированный в Агдаме, выехал заместитель начальника штаба Комендатуры полковник Кузнецов. Ситуация стала контролируемой и, в общем, достаточно предсказуемой. Мы присели выпить чая и перекусить бутербродами, так как все это

время было не до обеда.

Однако в 17 часов 30 минут по телефону «ВЧ» из УВД НКАО позвонил полковник Гудков. Он неожиданно сообщил, что в Мирбашире при вскрытии трупа в морге толпой местных жителей убиты судмедэксперт НКАО Роберт Григорян и его санитар Сурхай Погосян. Я не сразу понял, о чем говорит Гудков. Почему Григорян и Погосян, которых я сегодняшним утром провожал в Мардакерт, погибли в Мирбашире? Как они могли там оказаться? Это, скорее всего, ошибка. Я же сам отправлял их в Мардакерт. Гудков еще раз повторил сказанное. Ошибки нет. Он уже все проверил. Разговаривал с начальниками милиции и Мардакертского района, и города Мирбашира.

События развивались так. Роберт Григорян прибыл в Мардакерт в 14 часов. Вместе со своим помощником и четырьмя милиционерами, которые там к ним присоединились, они поехали в село Ленинаван на границу с азербайджанским Мирбаширским районом встречать врача-судмедэксперта Аликпера Халилова. На условленном месте встречи Халилова не оказалось. Вместо него их поджидали два мир-баширских милиционера и заместитель начальника райотдела милиции, который передал отказ Халилова приехать в Мардакерт, так как он не верит в гарантии обеспечения его безопасности в этом армянском городе.

Роберт возмутился поступком своего ученика. И предложил провести вскрытие в Мирбашире, конечно же, с его, Роберта, участием. Все, кто был рядом, бросились его отговаривать. Труп это все-таки не больной. Ему уже не поможешь. Зачем же понапрасну рисковать собой?!

Роберт никого не слушал и стоял на своем. Ему показалась обидной и оскорбительной позиция его ученика, которому он всегда так верил. Не мог же он сам ему уподобиться, не сдержать слова, не выполнить свой врачебный долг перед мертвым человеком. Наконец, есть еще и долг перед родными покойного! Надо, чтобы они наконец получили возможность проводить несчастного в последний путь. Роберт все никак не мог поверить, что ошибался в своем ученике. Но раз уж так случилось, он, учитель, и сегодня должен преподать ему еще один урок гражданского мужества и верности профессиональному долгу. Роберт просто потребовал не срывать намеченного вскрытия.

По его требованию труп из мардакертского морга перевезли на армяно-азербайджанскую границу и в сопровождении милиционеров доставили в мирбаширскую больницу.

Помещение морга, где проводилось вскрытие, охраняли два

азербайджанских милиционера. Но возбужденная толпа родственников и знакомых умершего ворвалась в морг.

Роберт Григорян и Сурхай Погосян были здесь же зверски убиты. Поощряемые окружающими, фанатики-исламисты надругались над телами убитых. Более того, толпа решила вынести тела погибших армянских медиков на центральную площадь города и сжечь. Только решительное вмешательство прокурора и начальника милиции помешало продлению акта вандализма и глумления над телами медиков.

Насильственная и страшная гибель Роберта Григоряна и Сурхая Погосяна просто ошеломила нас. В случившееся поверить было невозможно. Гнев и возмущение соседствовали с оскорбительным бессилием — ничего нельзя изменить или исправить. Но теперь мы уже понимали, что под безнаказанной преступной халатностью мирбаширских властей скрывалось открытое пособничество зверским националистическим инстинктам толпы.

Трагический отсвет гибели Роберта Григоряна невольно лег на розыски Бориса Вартановича Дадамяна. Мы боялись, чтобы мирбаширская беда не распространила губительное влияние на тех, кто захватил Дадамяна. Мы ужесточили свои требования к Поляничко, начальнику агдамской милиции полковнику Пашаеву, военному коменданту Агдамского района полковнику Суражскому. Мы требовали назвать местонахождение Дадамяна, его немедленного освобождения, добивались задержания лиц, причастных к его похищению из степанакертского аэропорта. Постоянно поддерживалась связь с Москвой. Мы считали необходимым воздействовать на ситуацию, подключая к ней руководство страны. Ответственность за вооруженный захват народного депутата СССР должны были нести и руководители Азербайджана Муталибов и Поляничко.

После полуночи 26 декабря коменданту НКАО полковнику Шевелеву позвонил из Ходжалы Поляничко. Он сообщил, что, по предварительным данным, Дадамян в ближайшие часы будет доставлен к военной комендатуре города Агдама, и просил обеспечить ему там безопасность и переезд в Степанакерт. Стало ясно: контроль за дальнейшую судьбу Бориса Вартановича взял на себя Поляничко.

Из рассказов самого Дадамяна, полковника Кузнецова и других очевидцев постепенно сложилась довольно четкая картина происшедшего. После незаконного задержания народного депутата СССР Дадамяна с завязанными глазами на машине привезли в Агдам. Отобрали документы, в том числе депутатское удостоверение, деньги. Сначала его держали в небольшом

холодном подвале частного дома. Затем перевели в помещение, где до утра неизвестные лица задавали различные провокационные вопросы, связанные с Карабахским движением, выдвигали обвинения в якобы совершенных им финансовых нарушениях, требовали подписать заявления против Комитета «Карабах» и его лидеров.

В 5 часов 30 минут утра Дадамяна с завязанными глазами снова повезли куда-то на машине. Машина остановилась, как потом увидел Борис Вартанович, метрах в двухстах от здания агдамской военной комендатуры, сопровождающие показали, куда ему надо идти, и оставили похищенного одного.

И вот тут Борис Вартанович заставил поволноваться своих похитителей. Вместо того чтобы сразу пройти в военную комендатуру, он, заложив руки за спину, в обычной своей неторопливой манере стал спокойно прохаживаться взад и вперед. Он был похож на человека, вышедшего погулять и полюбоваться зимним рассветом, или на хозяина, встречающего припоздившегося гостя. По всей видимости, он совсем не спешил в комендатуру, где его уже давно ждали с все возрастающим нетерпением. Так продолжалось минут десять, что обеспокоило даже его прежних сопровождающих, которые, хотя и отъехали от Дадамяна, но продолжали за ним наблюдать.

Незапланированная прогулка принимала нешуточный оборот. Рассвет вот-вот осветит улицы города. Что произойдет, когда первый житель Агдама увидит перед собой этого пожилого армянина? Не дожидаясь непредсказуемой развязки, один из ответственных за приезд Дадамяна в комендатуру, несмотря на опасность быть увиденным и задержанным военными, вернулся, крепко взял Бориса Вартановича под руку, довел до ворот комендатуры, втолкнул в калитку и торопливо зашагал к ожидающей его машине. Недавнему узнику ничего не оставалось, как действительно пройти в комендатуру. После короткого чаепития депутат Дадамян в сопровождении полковника Владимира Васильевича Кузнецова на БТРе был благополучно доставлен в Степанакерт.

По фактам убийства в Мирбашире врача-судмедэксперта НКАО Григоряна, санитара Погосяна и незаконного захвата народного депутата СССР Дадамяна прокуратурой Азербайджанской ССР были заведены уголовные дела, которые, уверен, до сих пор так и остались нераскрытыми.

У нас сложилось впечатление, что драмы, разыгравшиеся в мирбаширской морге и степанакертском аэропорту, были спланированы и осуществлены под руководством азербайджанских спецслужб с одобрения высшего руководства

республики и с прямой и однозначной целью: еще более осложнить межнациональное разобщение двух народов. Выбор оказался весьма точным.

В одном случае убили не просто известного врача Роберта Григоряна. Подло и зверски убили человека общеармянского, общесоюзного масштаба. Азербайджанцам в очередной раз было продемонстрировано, что, несмотря ни на какие специальности и звания, армянина, если он беззащитен, можно убить. Безнаказанно! И только потому, что он армянин!

В другом — против союзного бессилия горбачевской власти, утопившей страну в словоблудии, азербайджанским руководством была открыто продемонстрирована собственная сила. Захват народного депутата СССР Дадамяна был чрезвычайно опасным политическим актом. Но ему в Москве не придали должного значения. Он не получил необходимой оценки. И это, по сути, как мне кажется, тоже был шаг к ГКЧП и Беловежской пуще.

Следует отметить еще один немаловажный аспект. Азербайджанскому руководству не в первый раз удалась хитрость. Главными фигурантами провокации против народного депутата СССР Дадамяна стали русские офицеры, находящиеся на услужении Азербайджана, во главе с секретарем ЦК КП Азербайджана, народным депутатом СССР Виктором Петровичем Поляничко.

Из Карабаха только самолетом можно улететь

Территория НКАО, как известно, окружена азербайджанскими селами и городами и не имеет внешних границ с другими субъектами СССР. Если посмотреть на карту НКАО, то даже простому обывателю станет ясно, что не только до самой автономной области, но и даже из одного ее армянского района в другой доехать нельзя, минуя азербайджанские селения. Например, чтобы из Степанакерта добраться до Мартунинского района автономии, надо проехать через город Агдам; жителям Гадрутского района, направляющимся в областной центр, надо миновать два-три района Азербайджана. Даже вокруг Степанакерта ожерелье с азербайджанским населением — городом Шуши, поселками и селами Ходжалу, Кркжаном, Косаларом, Малибейли, Джамулу.

В условиях чрезвычайного положения армянское население фактически находится даже не в блокаде, а в полной осаде. Пассажирские и грузовые перевозки на автомобильных дорогах едва осуществляются. Не только въезд и выезд с территории автономной области, но и передвижение по ее внутренним дорогам весьма небезопасно. Автотранспортные колонны даже в сопровождении войсковых БТР подвергаются нападениям, нередко с тяжкими последствиями для пассажиров и водителей.

23 октября 1991 г. на трассе Кильбаджар — Мирбашир около села Ленинаван Мардакертского района колонна из 10 автомашин была забросана камнями. При этом 11 человек получили телесные повреждения, из огнестрельного оружия был убит Айрапетян В. М., три его односельчанина ранены. С начала года зафиксировано 61 нападение на автодорогах НКАО (36 со стороны азербайджанцев, 25 — с армянской стороны).

Грузовые составы прибывают на железнодорожную станцию Степанакерт нерегулярно. Большинство важных народнохозяйственных и дефицитных грузов до НКАО не доходит. По данным начальника линейного отделения милиции станции Степанакерт, старшего уполномоченного Управления внутренних дел на транспорте Закавказской железной дороги майора милиции Васо Георгиевича Элбакидзе 200 вагонов с народнохозяйственными грузами, в том числе с продовольствием в адрес Управления торговли НКАО, за последнее время были без оснований задержаны на станции Агдам Азербайджанской ССР. Проверка показала, что 36 вагонов распоряжением Совета

Министров Азербайджана были вообще переадресованы другим грузополучателям республики. В основном наиболее ценные импортные товары стоимостью более одного миллиона рублей.

Вагоны на станцию Степанакерт поступали, как правило, технически не исправными. За октябрь — ноябрь 1990 года составлено более 20 коммерческих актов на крупные хищения грузов: одежды, обуви, лекарственных препаратов, других товаров народного потребления. Автомобильная и сельскохозяйственная техника, оборудование для промышленных предприятий прибывают разукомплектованными, без запасных частей и инструментов, нередко умышленно разбитыми.

Единственной транспортной связью Карабаха с внешним миром оставался степанакертский аэропорт. Самолетом можно было вырваться из блокадного Карабаха. Однако под разными предлогами руководство Азербайджана пыталось сократить количество рейсов, а то и вовсе отменить пассажирские полеты. Пока степанакертский аэропорт находился под охраной и контролем войск МВД СССР, эти попытки практически не имели успеха. Однако руководство Азербайджана добилось от Горбачева согласия на замену войск республиканским ОМОНом. Это случилось в конце ноября 1990 года. В качестве обоснования выдвигались домыслы, что представители войск МВД СССР либерально относятся к проискам армянских пассажиров, которые в массовом порядке провозят из Еревана в Степанакерт оружие, взрывчатку и боеприпасы. Тут же Верховный Совет республики принял решение о переименовании аэропорта. Теперь он назывался аэропортом Ходжалу, по названию того самого азербайджанского поселка, новостройки которого решительно устремились на взлетную полосу.

Для армянского населения региона наступили черные дни. Произвол, насилие при регистрации билетов в аэропорту, прохождении досмотра не только багажа, но и личных вещей, одежды, вплоть до нижнего белья со стороны азербайджанских омоновцев к авиапассажирам армянской национальности были делом непреложным. Вымогательство и поборы бессовестно процветали. Особенно омоновцы издевались над людьми беспомощными — больными, стариками, женщинами. Никакие протесты не действовали. На них просто не реагировали, а если кто-то проявлял строптивость, его нередко лишали права лететь, доставляли на фильтропункт для наказания в соответствии с Законом о чрезвычайном положении в НКАО. Случалось, что пассажиры, требующие от омоновцев соблюдения своих прав, увозились из аэропорта в неизвестном направлении, подвергались пыткам и унижениям.

Возмущение бесчинством азербайджанских омоновцев по отношению к армянским пассажирам в степанакертском аэропорту постоянно отмечалось в письмах карабахцев в адрес руководства СССР и министерства внутренних дел СССР, в выступлениях и телеграммах народных депутатов СССР от НКАО и Армении.

Положение дел ничуть не менялось, невзирая на многочисленные сообщения в Москву о нездоровой обстановке в аэропорту от СОГ МВД СССР и военного коменданта НКАО полковника Шевелева. Остро ставился вопрос о необходимости замены омоновцев республики на представителей войск МВД СССР в аэропорту. Омоновцы словно специально провоцировали армянских пассажиров на массовые протесты. Несколько раз в аэропорту могли возникнуть серьезные беспорядки. Наконец такой опасный день наступил.

В первое субботнее утро декабря мне позвонил комендант НКАО Шевелев. Он попросил как можно скорее приехать к нему. С тех пор как полковник Шевелев заменил генерала Сафонова в качестве коменданта НКАО, я не помнил, чтобы у него был такой взволнованный голос. Я тут же отправился в комендатуру. Владимир Анатольевич, торопливо поздоровавшись, сразу перешел к делу.

— Менее чем через час в аэропорту должен состояться митинг протеста жителей Степанакерта. В основном туда направляются женщины и дети. В микрорайонах их уже сажают в автобусы. Азербайджанские омоновцы знают об этом и готовятся не пропустить их на территорию аэропорта. Можешь представить, что будет, если мы допустим появление людей вблизи аэропорта? Азербайджанцы пойдут 1 на самые крайние меры. Как же они порадуются, что наконец-то у армян не выдержали нервы.

Мы можем блокировать выезд автобусов из Степанакерта, но это не снимет напряжения. Нет гарантии, что кто-то уже не находится возле аэропорта или приедет туда другим маршрутом. Нужно отменить саму акцию. Времени крайне мало. Прошу вас срочно выйти на руководителей карабахского подполья. Обратитесь к своим бывшим карабахским комсомольским вожакам, пусть они отменят поездку людей в аэропорт. Надо убедить их в бессмысленности и даже провокационности этого шага, ведь возможны любые трагические последствия.

Но и этого еще недостаточно. Я уполномочиваю вас, Виктор Владимирович, передать, что это моя просьба не только как Коменданта, но и личная. Я готов встретиться с ними и обсудить самые сложные назревшие проблемы, установить прямые контакты.

Времени на обдумывание у меня не было. Тут же из комендантского кабинета я позвонил в дом, стоящий рядом с комендатурой, — в Исполком НКАО. Трубку взял Роберт Кочарян. Без предисловий я попросил его немедленно встретиться по очень важному вопросу. Роберт предложил отложить встречу часа на два-три. Я еще раз повторил свою просьбу, сославшись на крайнюю срочность и важность предстоящего разговора. Роберт, видимо, понял, насколько все серьезно. Условились встретиться немедленно в парке напротив наших зданий. Я поглядел на часы. До отъезда автобусов в аэропорт оставалось чуть больше получаса.

Мы вышли одновременно. Пересекли площадь Ленина, встретились на первой ступеньке лестницы парка, поздоровались.

— Роберт, правда, что сейчас готовится отъезд женщин и детей на митинг протеста в аэропорт? — начал я без всяких предисловий.

— Да. Мы ведь давно предупреждали, бесчинства по отношению к нашему народу не могут быть бесконечными. Сегодня пройдет митинг, а завтра, если ничего не изменится, перейдем к другим мерам. Сколько можно терпеть издевательства?! Скоро сами перестанем себя уважать. У нас нет другого выхода. Мы блокированы. Разве это нормально? Я не говорю о вас, ваше мнение мне известно. Но есть факты. Народ Арцаха лишен даже элементарной свободы. И мы будем, должны за нее бороться, чего бы это ни стоило!

— Роберт, я знаю, всю тяжесть ситуации, но я попросил о встрече не для дискуссии, хотя все, о чем ты говоришь, чрезвычайно важно. Я пришел официально передать просьбу Коменданта района чрезвычайного положения полковника Шевелева: отменить акцию в аэропорту. Он, ты хорошо это знаешь, не генерал Сафонов. За короткое время полковник Шевелев постарался в меру своих сил изменить отношение комендатуры и войск к армянскому населению. У нас с ним сложились честные и деловые отношения. Сразу все изменить невозможно. Да и делать это не в наших с вами интересах. Его могут просто убрать раньше времени и прислать кого-нибудь похлеще генерала Сафонова. Шевелев — настоящий русский офицер. Сейчас ни у него, ни у вас нет выбора. Москва приказала предотвратить проведение митинга в аэропорту. Не выполнить указание Москвы он не может. Этот приказ как бы делает его единомышленником азербайджанских омоновцев, Муталибова. Он должен выдвинуть войска на подступы к аэропорту и в аэропорт. Любая провокация, а она не потребует большого ума, даже допускаю, что ее уже подготовили, приведет к столкновению

с подразделениями внутренних войск. Это значит — опять сработает изощренный способ борьбы руками русских солдат и офицеров с армянским народом Карабаха.

Военный комендант полковник Шевелев уполномочил меня уведомить вас, что после отмены этой акции он готов к проведению переговоров и установлению деловых, ответственных контактов. И, наконец, Роберт, я тоже прошу, если это в твоих личных силах, сделать все возможное, чтобы отменить митинг в аэропорту.

Роберт меня не перебивал, он вообще умел слушать; собеседника. Я только почувствовал, как мое волнение передалось ему. Конечно же, он должен принять важнейшее и очень ответственное решение. Акция готовилась, естественно, не один день. Многолетнее карабахское противостояние отмобилизовало людей. Но нельзя манипулировать их сознанием и сознательностью. Речь — не просто о присутствии республиканских омоновцев в аэропорту. Накал страстей перерос допустимый предел. Отмена акции может повлечь серьезные последствия для авторитета ее организаторов. А тут еще времени нет, надо действовать немедленно. Я ждал ответа, осознавая всю трудность решения.

Разговаривая, мы ходили вокруг большой клумбы. И, видимо, двигались довольно быстро. Потому что, когда Роберт Кочарян внезапно остановился, я просто механически, по инерции, налетел на него.

— Да, времени нет совсем, — признался Роберт. — Большинство уже сидит в автобусах. В нашем положении лучше было бы ничего не отменять. Мы не настроены в этот раз на провокации. И в аэропорт едут женщины и дети. Мирная демонстрация протеста. Но то, что я сейчас услышал, это важное заявление. Я доверяю вам. Вы — гарант сказанному. Потому ничего просить и требовать я сейчас не буду. Можете передать коменданту Шевелеву, что акция будет отменена. Мои товарищи меня поймут и поддержат. Полковнику Шевелеву скажите, я надеюсь, что мы и впредь будем полезны друг другу. Надо спешить. Если вдруг какая-то машина прорвется к границе аэропорта, прошу задержать ее без эксцессов, под каким-нибудь благовидным предлогом до приезда наших представителей, которых мы сейчас же направим туда для проведения разъяснительной работы. Я должен найти Сержа Саркисяна, без которого такие вопросы трудно решить оперативно. Позвоните мне минут через пять, я скажу, что мы успели сделать.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Каждый в свое здание. В кабинете Шевелева к моему возвращению были его

заместители, а также генерал Ковалев и полковник Гудков. Видя мое удовлетворенное и улыбающееся лицо, они разом вздохнули, как будто сбрасывая тяжелую ношу со своих плеч.

— Какие выдвинуты условия? — спросил полковник Шевелев.

— Никаких. Ваше заявление встречено с полным пониманием, а извлекать из сложного положения дивиденды Роберт Кочарян считает неуместным. И еще: я окончательно понял, что мотором в подпольном движении наряду с Робертом Кочаряном является и Серж Саркисян.

— Я это в принципе уже знал, — согласился со мной полковник Шевелев, — но ваше наблюдение очень важно. И еще: в который уже раз я ловлю себя на том, что, во-первых, надо нам набраться мужества и честно обозначить происходящее здесь. А это значит, честно признать, что мы, кроме всего прочего, имеем дело и с грамотно организованным настоящим подпольем, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, слушая вас, я вновь и вновь убеждаюсь в том, что и, впрямь, мотором и, как говорится, ключевыми фигурами в этом самом подполье являются Роберт Кочарян и Серж Саркисян — два ваших комсомольских собрата, с которыми нельзя не считаться.

— Так что ваши действия, Владимир Анатольевич, в качестве коменданта Района чрезвычайного положения, — продолжил я, — не остались не замеченными армянским населением. И сегодняшнее ваше обращение их тоже обнадеживает. Роберт лично принял решение об отмене акции в аэропорту. Сейчас он по телефону сообщит мне, удалось ли задержать выезд всех автобусов в аэропорт.

Я подошел к телефону. Набрал номер и услышал спокойный голос Сержа Саркисяна. Он тоже узнал меня и сказал, что он в курсе дела и что я не должен волноваться, ибо уже дана команда об отмене отъезда автобусов в аэропорт. Войскам можно, в свою очередь, дать команду «вольно» и направить их в места расквартирования. Пусть отдыхают, ведь сегодня воскресенье.

Тутовка не водка, а лекарство Карабаха

Декабрьское утро кануна 1991 года. Провожу оперативное совещание. Вдруг замечаю, что сотрудники смотрят на меня с удивлением, хотя ничего необычного я, вроде, не говорю.

— Что случилось? Вы на меня как-то странно смотрите? Сидевший рядом подполковник Журавлев тут же отреагировал:

— А посмотри на себя в зеркало. Может, и ты удивишься. Я подошел к зеркалу, висевшему возле входной двери кабинета, глянул в него и застыл в изумлении. Лицо у меня оказалось ярко-розовым, припухшим. И руки тоже ярко розовые и пухлые. Я почему-то вспомнил о подошедшем на дрожжах сдобном тесте. Изрядно подрастерявшись, я торопливо сформулировал основные задачи на день и свернул совещание. Правда, сразу остаться одному не удалось. Каждому из сотрудников хотелось узнать, что со мной случилось? Как я себя чувствую? Среди множества советов один был, несомненно, полезный. Поехать к врачу. Мне это тоже показалась разумным. Но так как никакого дискомфорта внутренне я не испытывал, то вначале умылся холодной водой и немного подождал не без надежды на то, что может еще все само по себе понемногу пройдет.

Однако лицо становилось уже малиновым. Перебрал в памяти вчерашний день и сегодняшнее утро, но ничего подозрительного не припомнил. Может, съел я что-то несвежее и у меня аллергия? Питались мы в нашей гостинице, точнее в ее ресторане, превращенным на период чрезвычайного положения в офицерскую столовую. Пища готовилась кадровым военным поваром без каких-либо изысков, но была всегда свежая. Значит, здесь что-то другое. Похоже, какая-то инфекция прицепилась?

Я позвонил в горотдел милиции капитану Григоряну и попросил его срочно приехать в штаб нашей группы. Минут через десять подъехал Маврен. Увидев меня, он удивленно произнес:

— Что это с вами? Что произошло?

Поскольку рассказывать было нечего, я сразу спросил:

— Есть ли в городе инфекционная больница?

— У нас есть инфекционное отделение в областной клинической больнице. И там работает доктор Акопян. Поехали, я отвезу вас к нему, — предложил капитан Григорян.

Оказалось, что инфекционное отделение, как и сама больница, располагалось всего в нескольких сотнях метров от УВД НКАО, так что вскоре уже мы входили в приземистое одноэтажное здание старинной постройки, как минимум, конца XIX века. Оно стояло в глубине больничного сада, в удалении от

других лечебных корпусов. У входа я спросил капитана:

— Как зовут «доктора Акопяна»?

— Да так и зовут «доктор Акопян». А, вы хотите узнать его имя и отчество? Честное слово, не знаю, — Григорян смотрел на меня растерянно. — Он у нас один из старейших и очень уважаемых врачей. С детства помню, что все в Карабахе зовут его только по фамилии.

В небольшом полупустом кабинете с табличкой «Заведующий инфекционным отделением» был полумрак. Два маленьких оконца слабо пропускали утренний свет, а лампочка под потолком в 40 ватт еле добавляла освещения. За столом, покрытым зеленым сукном, сидел очень пожилой человек, совсем седой, сухонький, в больших роговых очках с толстенными линзами. Вдоль одной стены стояли ажурные жесткие деревянные стулья. Вот уж они были точно из 19 века. Я даже знал, что их называют «венские». Мне подумалось, что доктор, наверное, ровесник здания и этих стульев. В кабинете была какая-то особая тишина и необычная умиротворенность.

Доктор на наше «здравствуйте» слегка кивнул головой, ничего не спросил, только вопросительно посмотрел на нас. Григорян торопливо вперемежку на русском и армянском вежливо представил меня, стал подробно объяснять, зачем мы приехали.

Доктор Акопян движением руки остановил его, а мне негромко на чисто русском сказал:

— Раздевайтесь до трусов, уважаемый. Посмотрим, что с вами случилось?

Доктор осмотрел меня, прослушал легкие, измерил давление, сунул мне градусник. Передвигался он по кабинету с необычной легкостью, быстро, но бесшумно, а в прикосновениях его рук чувствовались сила и твердость.

— Расскажите, что вы ели-пили вчера и сегодня? Бывали ли у вас раньше такие проявления? Общались ли вы с больными людьми и где? Что еще у вас болит? Принимали ли вы какие-нибудь лекарства?

Услышав мои отрицательные ответы, доктор продолжал свои вопросы, при этом тут же сам себе и отвечал:

— Ну что начальник, давно в наших краях? Трудно в Карабахе? Служба-то нервная и, видно, небезопасная? Это что ж вокруг делается? А вы все близко к сердцу принимаете, нервничаете чрезмерно. А, впрочем, кто сегодня не нервничает? А как бы вы поступили, если бы вас родины лишали? Я старый врач, многое повидать успел, а вот уходить на тот свет без надежды на благополучие своего народа просто страшно. Надеюсь на

лучшее… Да, вот еще. Мало спите. Вам бы отдохнуть полезно. Недельки две отдыха в наших горах, как в былые времена, не только, как рукой, все бы снялось, а подпитались бы здоровьем не на один год. Да, не курортное время нынче в Карабахе. Но, не волнуйтесь. Все равно поможем. Это у вас аллергия. Сейчас лекарства пропишем. Все будет хорошо.

После слов доктора Акопяна я немного успокоился. Больница мне вроде не грозит, тем более — возвращение в Москву. Аллергия — чепуха. Можно особенно не беспокоиться. Правда, если она возникла на нервной почве, то, конечно, некоторые поводы появиться ей у меня в Карабахе, были. Обстановка в НКАО накалялась то и дело. Под давлением Баку в армянских населенных пунктах проводились масштабные проверки паспортного режима. Фильтропункт, изоляторы временного содержания работали с перегрузкой. Азербайджанцы стали применять новые виды террора — поджоги школ, зернохранилищ, животноводческих ферм, а то и просто стогов сена. Люди гибли с обеих сторон, но значительно больше, конечно, армяне. Уголовные дела мы успевали заводить лишь при наличии трупов.

Участились многолюдные митинги у здания УВД НКАО. В нем, как известно, кроме штаба нашей группы размещался изолятор временного содержания, который был переполнен армянами, отбывающими административные наказания за различные нарушения режима чрезвычайного положения. Почти ежедневно часть из них приходилось переводить в ИВС Шушинской тюрьмы. Как бы мы не держали в секрете дни и часы их перевода, подполье все равно оказывалось в курсе. С раннего утра скорбные группы родственников и друзей появлялись у входа в УВД, постепенно они обрастали толпами сочувствующих. Как только к воротам УВД на БТРах прибывал войсковой наряд сопровождения, так начинался митинг и обстановка вокруг здания УВД накалялась до предела.

Не один раз и по собственной инициативе, и по требованию митингующих, приходилось полковнику Гудкову, мне, а то и начальнику УВД НКАО генералу Ковалеву выступать на таких митингах, разгоряченных, взвинченных нервозностью призывов к самовольному освобождению задержанных, расправе над представителями МВД Азербайджанской ССР, находящимися в здании УВД. Чем могли завершиться наши выступления перед людской толпой, ожесточенной горем и отчаянием, разуверившейся в обещаниях властей и существовании правды и справедливости? Достаточно одного неосторожного слова и последствия для нас могли быть печальными. Порой, из-за того,

что люди не поддавались нашим уговорам и разъяснениям и блокировали выезд БТРов с арестованными армянами из ворот УВД, мы отменяли их перевод в Шушинскую тюрьму.

22 декабря толпа, выступившая против отправки в Шуши трех молодых степанакертцев, задержанных накануне при проверке документов и жестоко избитых азербайджанским ОМОНом, смела охрану здания Управления внутренних дел области, прорвалась в его помещение. К счастью там не оказалось ни кого из азербайджанцев-сотрудников МВД республики. Они в это время вместе с полковником Гудковым находились в гористой части шоссе Аскеран — Степанакерт на месте подрыва автобуса с 13 азербайджанскими милиционерами, ехавшими утром из Шахбулага в Шуши.

Взрыв пяти килограммов тротила, как определил наш эксперт, прогремел с некоторым опозданием, когда автобус ПАЗ уже миновал заминированный участок. Камни и куски асфальта, поднятые взрывной волной, посекли заднюю часть автобуса, разбили стекла. Обошлось без жертв. Был легко ранен прапорщик Алиев.

В ноябре из степанакертской больницы исчезли аршалуйские армяне, задержанные в гадрутском селе Дудукчи в ходе оперативно-войсковой операции. В эти же дни из нашего степанакертского изолятора временного содержания бежал преступник-рецидивист. Бежал белым днем, прямо на глазах работников милиции и Управления Комитета госбезопасности области, двор которого был практически общим с УВД. Дело было так. Степанакертский отдел милиции задержал вора при совершении преступления. Он через форточку пытался вытащить ценные вещи из квартиры первого этажа многоэтажного дома на улице Кирова. При расследовании оказалось, что преступник родился и вырос в Карабахе, но давно проживает в Туркмении. Приехал в гости к родственникам. Мы могли его в ИВС при УВД области не брать. Но пошли на встречу просьбам руководства горотдела милиции. Мол, воришка мелкий, отправишь в Шуши, возни не оберешься с доставкой на допросы, да мало ли что азербайджанцы с ним там сделают? Соблюдая существующие требования, мы, на крайний случай, запросили на него данные в Главном информационном центре МВД СССР. Неожиданно пришло сообщение, что сей туркменский гость уже трижды был судим за аналогичные преступления. Рецидивист! Воспользовался халатностью охраны, с которой легко подружился. Ведь она у нас была практически вся из представителей МВД Туркменской ССР. За этот промах полковник Гудков ожидал из Москвы серьезный

нагоняй, соответственно — наказания заслуживал и я.

Ко всему этому, видимо, наше министерское руководство допекли постоянные нарекания и жалобы Поляничко и МВД Азербайджана, на якобы имевшую место несогласованность наших действий с их борьбой против армянских сепаратистов. И вот, два дня назад из Москвы в Степанакерт для поверки нашей работы прибыли сразу три полковника и все в чине старших оперуполномоченных по особо важным делам инспекции по работе с личным составом МВД СССР. Профессионалы знают, что такую проверку зря не направляют. Полковник Гудков предупредил нас, чтобы в работе с комиссией была обеспечена полная откровенность:

— Нам таить нечего, работали на совесть, уверен, что серьезных ошибок не делали. Эти ребята свое дело знают и, если надо, вывернут все наизнанку. В инспекции работают не первый год. Судьбы людей решают. Я их знаю, люди они порядочные, не конъюнктурные.

Московская комиссия уже побывала на фильтропункте, в изоляторах временного содержания, в отделах внутренних дел, зональных комендатурах и, конечно, разбиралась со случаями побегов армян из злополучной областной больницы. В ее действиях чувствовалась деловая непредвзятость, сосредоточенность на правомерности наших решений и действий. Однако пока проверка не окончена, волнение за ее результаты не покидало. Как только я заметил, что доктор Акопян закончил выписывать рецепт, и я прекратил свой мысленный экскурс в наши последние карабахские проблемы, которые, должно быть, и вызвали мою аллергию. Для тела доктор Акопян прописал мне жидкую белую мазь, так называемую «болтушку». Ею придется намазать всю малиновую кожу. А второе лекарство, как не странно, я должен был получить от капитана Григоряна.

— Вам наш милицейский начальник, как я вижу, друг, — и он указал на Маврена Григоряна. После чего спросил у него: — У тебя капитан водка тутовая «как для брата» найдется? Или мне сходить за своей? Но, обязательно «как для брата». Немного совсем. Около бутылки.

Григорян на глазах повеселел и с радостной готовностью сказал, что у него такой тутовки и больше найдется. Доктор Акопян одобрительно посмотрел на Григоряна, тихо, со знанием дела продолжил:

— А вы, уважаемый подполковник, не удивляйтесь. Вижу, что вы уже знакомы с нашим знаменитым напитком. Надеюсь, на этот счет у вас, мнение хорошее. Что, крепка наша тутовая водка домашнего приготовления? Пили тутовку градусов под семьдесят-

восемьдесят? Правда, вкус незаурядный? Наверняка, заметили, что, несмотря на высокий градус и даже изрядность выпитого, похмельного синдрома после нее не было. Да, да! Нет тебе ни тошноты, ни головной боли. Не в пример разным там чачам, аракам. Да и вашему, не обижайтесь, извините, самогону. Про нашу тутовую водку принято говорить — «как для брата». Значит, приготовлена от души для самого родного и близкого человека! Однако вам я тутовку прописываю исключительно как лекарство. А чтобы вы поверили в ее лечебные свойства, то послушайте, что вам я сейчас как врач расскажу.

— Тутовку делают в Карабахе испокон веков. Еще в манускриптах о походах Александра Македонского в Армению она упоминается. Водка эта — из плодов тутового дерева или как его еще называют шелковицы. Деревья с такими названиями растут во многих странах. Практически везде, как и у нас, крона этого дерева используется для корма шелкопряда и производства шелка. А вот качество ягод разное. Только у нашей туты эти плоды такие сильные, крупные и благодатные. У нас за сезон с тутового дерева до восьми урожаев снимают. Много чего делают из шелковичных ягод. Из сока ягод варят не только водку, но и мед, по нашему его бекмез называют. А сушеные ягоды ни чем не хуже виноградного кишмиша. И все это применяется в медицинской практике. Многие благодарны плодам туты за спасение от смертельных хворей. В Карабахе тутовое дерево уважительно величают шах-тута. Тутовку самогоном не считают. Даже в 1985 году Политбюро и Горбачев не запрещали в Карабахе производить тутовую водку для собственного потребления и реализации.

Важно, что все полезные вещества, содержащиеся в плодах шелковицы, сохраняются в тутовой водке. Они обволакивают и защищают желудок от агрессии алкоголя. В народной карабахской медицине, доставшейся нам от предков, каждый знает, что рюмка домашней тутовки способна сбить температуру, защитить горло, поможет избавиться от кашля. Для компрессов просто не заменима, даже на раны полезно накладывать. Спирт тутовки, как не в одной водке, наряду с антисептическим свойством оказывает еще регенерирующее действие. А мы, карабахские медики, с научной точки зрения рекомендуем применять тутовку для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, предотвращения таких грозных болезней, как стенокардия, инфаркт и инсульт. Вот вы, подполковник, запоминайте и поверьте в сказанное мной, — продолжал доктор Акопян, — она вам обязательно поможет, только постарайтесь строго выполнить мои указания. Сейчас же поезжайте в

гостиницу, разотритесь практически с головы до пят мазью, выпейте сто граммов тутовки, что привезет вам капитан, а потом сразу спать. В обед и вечер все повторить. Но строго в дозах, как я вам назначил, особенно, насчет тутовки. Выпивайте именно сто грамм, не больше. Иначе это будет уже не лекарство и не лечение. И постарайтесь сразу заснуть. Тутовка вам поможет. У нее специфика такая, оказывать успокаивающее воздействие, обеспечить вас спокойным сном. А ваши коллеги пусть не мешают. И еще знайте, что тутовка в чрезмерных количествах вредна для печени, желудка и сердца, а еще может отрицательно сказаться на половой сфере. Желаю выздороветь. Если завтра у вас краснота и опухлость не пройдет, милости прошу ко мне вновь.

Завершил свои медицинские наставления доктор Акопян взмахом руки в сторону двери и словами:

— До свидания! Всего доброго!

Виктор Семенович Гудков в категоричной форме потребовал строго соблюдения постельного режима. Капитан Григорян тоже оказался человеком слова. Градусы его тутовки соответствовали рецепту доктора Акопяна. Когда я на следующее утро прибыл в штаб группы бледнолицым и бодрым, то полковник Гудков с удивлением заметил:

— Надо же, оказывается, тутовка на самом деле не водка, а лекарство Карабаха. Только вот как теперь бороться с его чрезмерными поклонниками. Не будешь же возле каждого с мензуркой стоять. Теперь у них есть основание утверждать, что тутовку не просто пьют, а ею лечатся!

Новогодний подарок от КГБ Азербайджана

Независимая и добросовестная работа нашей группы по расследованию преступлений на межнациональной почве, правдивое информирование Центра о состоянии оперативной обстановки в НКАО, принципиальное несовпадение наших взглядов по этим вопросам с руководством Республиканского оргкомитета по НКАО не могли долго оставаться незамеченными. Попытки Виктора Петровича Поляничко устранить меня из состава следственно-оперативной группы после персонального отчета у министра внутренних дел СССР, успехом не увенчались.

Я уже стал надеяться, что, несмотря на раздражение Виктора Петровича Поляничко и спецслужб республики, вызванные моими личными действиями по объективному информированию Москвы о положении дел в НКАО, — контактами с Зорием Балаяном, другими лидерами карабахского движения и подполья, оперативными действиями по розыску народного депутата СССР Дадамяна, похищенного из аэропорта Ходжалу, жестким контролем за соблюдение законности в отношении армянского населения, сбудутся предсказания полковника Гудкова о том, что до 13 января наступающего 1991 года-истечения положенного срока деятельности нашей труппы в НКАО, мы все благополучно доработаем и успешно вернемся в Москву. Однако мои надежды совсем не оправдались.

Новый, 1991 год было решено встречать в нашем с замполитом Журавлевым гостиничном номере всем личным составом группы, кроме офицеров, которые будут в нарядах или на дежурстве. Он был одним из самых больших в гостинице и в нем удобно и без особой тесноты можно разместить праздничный стол. Организатором, как обычно, стали замполит и заместитель по тылу: два подполковника Журавлев и Сабадаш. Не нарушая действующего ритма работы, они в 16 часов отправились на рынок в город Агдам закупить продукты для новогоднего стола. Перед отъездом Журавлев забежал в гостиницу, чтобы взять необходимые для такого случая сумки. Их возвращение из Агдама стало событием воистину праздничным для многочисленной детворы армянских беженцев из Азербайджанских районов, наших соседей по гостинице, ибо подполковники накупили там для них кучу сладостей. Затем они занялись сервировкой стола и приготовлением нехитрых, но по-домашнему вкусных блюд.

Часов в восемь вечера, прежде чем прийти им на помощь с другими добровольными организаторами застолья, я захотел сменить офицерскую форму на спортивные брюки и свитер, но к

своему удивлению в спальной комнате этих вещей не обнаружил. Журавлев на мои вопросы ответил, что перед отъездом в Агдам он видел: все висело как всегда. А вот когда вернулся, то ни свитера, ни спортивных брюк на месте уже не было. Он подумал, что я, видимо, приходил, переоделся и ушел на какую-нибудь оперативную встречу. Но оказалось, дальше — больше. Обнаружилось, что пропали и другие вещи. Причем только мои. Среди них личный жетон офицера за номером М-3878823, который был на связке ключей от рабочего кабинета и служебного сейфа. Даже в холле, где висела вперемешку разная верхняя одежда моя и Журавлева, опять же пропала только моя куртка, а из двух пар наших омоновских ботинок отсутствовали именно мои. Не нашел я и своего японского фонарика.

Праздничные приготовления к новогоднему столу для большинства сотрудников группы на время переквалифицировались в профессиональное расследование необычной пропажи. В добровольцах нужды не было. Такого числа и такого профессионального уровня сыщиков и следователей на одну кражу личных вещей наверняка милицейско-полицейская мировая практика еще не знала. Кроме того, как и положено, была вызвана дежурная группа сотрудников степанакертского городского отдела милиции. Тщательное обследование помещений трехкомнатного номера гостиницы, вплоть до окон и балконной двери результатов не дало. Воры действовали весьма искусно, не оставив никаких следов. Опрос солдата охраны, жителей соседних номеров, других постояльцев тоже ничем нам не помог.

Полковник Гудков за полчаса до наступления Нового года обобщил собранные сведения и подвел итоги поисков. Его вывод был лаконичен:

— Чтобы совершить такую кражу, да еще у одного из руководителей личного состава профессионалов по борьбе с особо опасной преступностью, в том числе с воровством, должен действовать жулик чрезвычайно высокой квалификации. И он целенаправленно выбирал только твои, начштаба, вещи. Причем он был явно хорошо знаком с обстановкой в номере и знал что и где брать, хотя мог забрать вещей больше и, как вижу, более ценных. Так что не в вещах тут дело. Дело в тебе, в твоей профессиональной, должностной и жизненной позиции. Видишь, до чего скатились наши оппоненты? До самого низкого уровня. Стали пакостить. Видимо, от бессилия. Вещей своих, скорей всего, ты, Виктор, больше не увидишь. Но зато завтра в свод» ках МВД СССР и ориентировках, направленных в местные органы внутренних дел страны, пройдет сообщение о краже яичных

вещей у начальника штаба следственно-оперативной группы МВД СССР в Нагорно-Карабахской автономной области подполковника Кривопускова. А это значит, что твои многочисленные друзья и знакомые в разных концах Союза получат весточку о тебе, поднимут новогодний тост за твое здоровье, а стало быть, и за всех нас, находящихся вдали от родных и близких.

Виктор Семенович Гудков оказался прав. Это был «новогодний подарок» мне от КГБ Азербайджанской ССР. Почти весь январь нового, 1991 года я был окружен чрезвычайным вниманием. В Степанакерте по этому поводу от сочувствующих, шутливых, а нередко и ехидных высказываний в мой адрес долго еще деваться было некуда.

В Москве сводка МВД СССР тоже имела некоторые последствия. Во-первых, помнится, я получил материальную помощь (кажется, рублей сто). Во-вторых, всякий мой звонок в республиканские, краевые и областные органы внутренних дел сопровождался вопросом об этой краже. Сохранилась до сих пор и справка степанакертского ГОВД за № 12 от 2 января 1991 года о регистрации моего заявления в книге учета преступлений. В ней, кстати, говорилось, что о результатах мне будет сообщено дополнительно… Жду до сих пор!

Зорий Балаян пишет открытое письмо Борису Ельцину

Сотрудники нашей группы, вернувшись из Карабаха в Москву, отправились отгуливать выходные и праздничные дни, проведенные в командировочных буднях. И только мы с полковником Гудковым продолжали бессменно трудиться на своих рабочих местах. Доклады, рапорты, отчеты об итогах работы группы руководству МВД СССР перемежались участием в совещаниях и встречах в различных союзных инстанциях. Все чаще и с все большей тревогой обсуждались вопросы урегулирования межнационального карабахского конфликта в комиссиях палат Верховного Совета СССР, межведомственных комиссиях правоохранительных органов, проблемных комиссиях Академии наук СССР, на конференциях Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В ЦК КПСС к этому времени был создан специальный отдел межнациональных отношений, который возглавил мой старый добрый знакомый Лев Дмитриевич Шишов. Он тоже был воспитанником комсомола, в 60 годы работал в ЦК ВЛКСМ, а затем вторым секретарем ЦК Компартии Эстония. Вместе нам пришлось не только поработать советниками в Южном Йемене, но и стать непосредственными участниками кровавой десятидневной войны в январе 1986 года в столице этой арабской страны городе Адене. Ко Льву Дмитриевичу я пришел сразу после возвращения из Степанакерта. Мой откровенный рассказ привел его в недоумение. Неужели ситуация приняла настолько катастрофический оборот? А позиция Виктора Петровича Поляничко, его старого комсомольского товарища? Лее Дмитриевич понимал меня и старался успокоить. Говорил, что я, видимо, переутомился за эти три месяца, и мои впечатления, как говорил Кузьма Прутков, приняли флюсовый характер. Пройдет несколько дней, и я буду смотреть на то же самое более объективно. Пригласил вечером к себе домой — встретиться по-семейному. Поинтересовался, знает ли о моих оценках карабахской ситуации наш министр Борис Карлович Пуго, пообещал переговорить с ним и довести содержание нашего разговора до тех людей, которые занимаются этими проблемами в Правительстве СССР. Помню, что он назвал председателя Совета Союза Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова, Вице-президента СССР Геннадия Ивановича Янаева и некоторых других руководителей страны. Предупредил, чтобы я был готов к

таким встречам.

Я и сам старался везде успеть и привлечь как можно больше внимания к проблемам Карабаха. Знал, что пройдет месяц, и к моим впечатлениям станут относиться более равнодушно, как к новостям прошедшей недели. Меня часто поражало, что умные и просвещенные мои собеседники обнаруживали почти полное незнание не только истории вопроса, но и истинного положения дел в автономной территории. Большинство же не сразу могло понять, о чем идет речь. Как можно ограничить свободу передвижения, права на выбор места жительства, учебы, своевременное получение медицинской помощи? Особенно удивляло то, что армянские коммунисты лишались права участия в деятельности КПСС. О вопросах геополитики тогда еще не было принято всерьез задумываться. Не очень-то и понимали, для чего эта геополитика нужна внутри Союза. Порой я просто пугался политической некомпетентности и самоуверенности моих высоких собеседников.

Убедившись, что таких ситуаций становится все больше, и для того, чтобы при новых встречах не отвлекаться на экскурс в карабахскую историю, я потратил несколько ночей, и на базе, на мой взгляд, достаточно широкого круга источников подготовил небольшую по объему краткую историческую справку о Нагорном Карабахе, а для удобства ее прочтения даже разбил на четыре раздела: «Карабах с древних времен до присоединения к России»; «Нагорный Карабах в составе Российской империи»; «Нагорный Карабах — автономная область Азербайджанской ССР»; «Попытки решения карабахской проблемы в советское время». К слову сказать, я и теперь, когда по карабахской теме приходится встречаться с новыми собеседниками, не стесняюсь достать для них её из своего архива. Предлагаю её и моему читателю в разделе «Из моих архивных папок».

Как-то раз я поделился своими трудностями с Зорием Балаяном. Возможно, что наш разговор лег в русло этих же проблем, которые его в это время тоже особенно занимали. По крайней мере, уже 16 февраля 1991 г. в газете «Советская Россия» появилась его большая статьям — «Стратегия жить. Открытое письмо Зория Балаяна Председателю Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцину».

Выбор адресата обращения был чрезвычайно точен и дальновиден. Борис Николаевич Ельцин совсем недавно стал Председателем Верховного Совета РСФСР. В его лице страна тогда представляла будущее прогрессивное поколение политиков. Обращаясь к Ельцину, Зорий Балаян призывал народы Союза, в первую очередь, российский народ, его будущих руководителей,

осознать великую историю русско-армянских отношений, он говорил о необходимости незамедлительных действий, предостерегал от реальной надвигающейся опасности.

Статья, еше кажется, сыграла огромную просветительскую роль среди широких читательских масс. Она помогла многим, прежде всего, российским политическим и общественным деятелям объективно понять сущность межнационального карабахского конфликта, позволила занять в будущем верную государственную позицию в определении и отстаивании твердой международной политики самостоятельной России на ее южных рубежах. Обращение Зория Балаяна стало прологом к будущему миротворческому посещению Нагорного Карабаха 21–23 сентября 1991 года Б. Н. Ельциным и руководителем Казахстана Нурсултаном Назарбаевым.

Уверен, что пожелтевшая газетная страница с заголовком «Стратегия жить», сохранившаяся в моих архивных папках, и представленная в данной книге, и сегодня отражает актуальность и важность правильной геополитической ориентации двух наших народов, исторически связанных Нагорным Карабахом.

«КРИК» из карабаха в москве

«КРИК» — аббревиатура московского общественного движения под названием Комитет российской интеллигенции «Карабах». В феврале 1991 года, когда название это появилось в политическом лексиконе и в средствах массовой информации, над Карабахом так сгустились тучи, что не было мочи терпеть не только карабахским армянам, но всем не утратившим совесть людям, хотя бы мало-мальски знавшим о сложившейся там ситуации. Оставалось только криком кричать о необходимости прекратить дискриминацию коренного армянского народа древнего Арцаха, о восстановлении его гражданских и политических прав и свобод, о соблюдении элементарных прав на образование, медицинское обеспечение, свободу передвижения, жилье и многое другое. Эти права и нормы советской конституции и прежде в Азербайджане не гарантировались армянам в полной мере, теперь они отсутствовали вовсе. В стране об этой дискриминации было почти неизвестно. Достаточно напомнить, что даже яа съездах народных депутатов СССР карабахские проблемы всегда рассматривались на закрытых заседаниях. Вокруг него сложилась глухая информационная блокада.

После возвращения из Карабаха у меня накопилось немало недоуменных вопросов к общественным структурам и, прежде всего, к так называемым демократическим слоям российской общественности. Почему пресса ничего не пишет об истинном положении Карабаха? В то время как о «свободолюбивых прибалтийских республиках» шумели и митинговали все —. писатели, композиторы, художники. Разве никто из них не бывал в Карабахе, и они не хотят разобраться в сложившейся там ситуации, высказать свою точку зрения? С каких пор русская интеллигенция стала столь равнодушной к притеснению своих собратьев по христианству?

Этими вопросами я как-то поделился с Зорием Балаяном в Москве. Он в ответ тут же с укором напомнил мне, что уже давно, многократно, везде и всем (в том числе и мне) повторял про опасность информационной блокады вокруг Карабаха. Про то, что в стране не знают о настоящем положении дел в НКАО. А после введения на ее территории чрезвычайного положения никто не может туда приехать. Блокада позволяет скрывать или искажать истинные устремления армянского народа. Ведь о дискриминационной межнациональной политике Азербайджана в полной мере знают лишь карабахские армяне. Когда же они, не в

силах терпеть, выступили против этого, их обвинили в сепаратизме и экстремизме. Союзному и азербайджанскому руководству до сих пор удается создать превратное представление об истинных требованиях армян Карабаха. Надо, чтобы страна узнала правду о жизни НКАО.

— Подлинные события в Карабахе все больше становятся достоянием мировой общественности, — говорил мне народный депутат СССР, — ты ведь знаешь, как часто стали там бывать зарубежные журналисты. А в нашей стране на этот счет полный вакуум. Недавно, например, о терроре против армянского населения НКАО говорила в английском парламенте вице-спикер Палаты лордов Великобритании Баронесса Керолайн Кокс… Кстати, намечается ее приезд в Карабах в составе одной из международных делегаций.

В этот вечер мы решили, что пора в самое ближайшее время организовать поездки в НКАО представителей творческой интеллигенции России. Зорий обещал переговорить с рядом литераторов и ведущих журналистов страны, убедить их съездить в Карабах, чтобы своими глазами увидеть все происходящее. Я, в свою очередь, должен был доложить об этой идее руководству министерства и убедить в ее целесообразности. Предполагалось, что, как только состоится такое посещение Степанакерта и других населенных пунктов НКАО как армянских, так и азербайджанских, последует конструктивный межнациональный диалог с участием армянской и азербайджанской интеллигенции.

Уже через день Зорий Балаян позвонил и сказал мне, что первая группа писателей готова к поездке в Карабах. Это были народный депутат СССР Юрий Дмитриевич Черниченко, военный журналист, вице-адмирал Тимур Аркадьевич Гайдар, публицист Андрей Александрович Нуйкин, его жена Галина Владимировна Нуйкина — редактор отдела критики журнала «Новый мир» и специалист по литературе народов СССР, критик Валентин Оскоцкий. Вместе с ними поедет переводчик Анаид Баяндур.

К этому времени мои предложения об участии интеллигенции страны в разрешении межнационального конфликта в НКАО поддержали начальник нашего главка генерал Борис Васильевич Воронов и первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Борис Всеволодович Громов. Организация поездки первой группы писателей в НКАО через Ереван была возложена на меня. О готовящемся «десанте» договорились не распространяться, чтобы не столкнуться с сопротивлением Баку.

С писательской командой, вылетающей в Карабах, нам повезло. Это были люди не ангажированные, известные своими

независимыми политическими и гражданскими взглядами. Актуальной, острой и глубоко аргументированной публицистикой Андрея Нуйкина в то время зачитывалась вся страна. С Валентином Оскоцким я не был лично знаком, хотя и читая некоторые его статьи в толстых литературных журналах. Он много писал о национальных литературах и, похоже, хорошо знал азербайджанских и армянских писателей. С Юрием Черниченга, журналистом и писателем-аграрником, встречался несколько раз на различных официальных встречах. С удовольствием смотрел его передачи по телевизору, посвященные сельскому хозяйству. Всегда поражался высокой эрудиции, напористости и страстности полемиста.

Ну, а Тимура Гайдара в стране знали все, он — сын легендарного писателя Аркадия Гайдара, который посвятил ему свою знаменитую повесть «Тимур и его команда». Мне посчастливилось познакомиться с ним давно, еще по работе в ЦК ВЛКСМ, где он всегда был желанным гостем. Будучи руководителем военного отдела главной в стране партийной газеты «Правда», он не раз поддерживал дерзкие молодежные инициативы даже по строго контролируемым партией идеологическим вопросам.

Вначале все шло по плану. 2 февраля из Еревана московские писатели вылетели в Степанакерт. Только тогда я позвонил из Москвы в Степанакерт заместителю военного коменданта по политчасти полковнику Алексею Васильевичу Полозову и сообщил о писательском десанте. Передал личное поручение первого заместителя министра Громова об организации приема и обеспечении безопасности группы, о необходимом содействии в ознакомлении с обстановкой в НКАО, в проведении встреч писателей с армянским и азербайджанским населением, личным составом войск, находящихся в Карабахе. Полковник Полозов обещал выполнить все поручения достойным образом.

Однако московские писатели неожиданно вернулись в Ереван, так как самолет не смог приземлиться из-за снежной бури, разразившейся в небе над Степанакертом. Эффект внезапности был потерян. На МВД СССР, прежде всего на Громова обрушился шквал гневных звонков из Баку. Муталибов и Пояничко обратились во все мыслимые и немыслимые инстанции с требованием прекратить проведение «провокационной», по их мнению, акции, способной только обострить межнациональную обстановку. По приказу генерала Воронова я вылетел из Москвы в Ереван, чтобы на месте определиться с целесообразностью дальнейшего проведения задуманных встреч.

3 февраля, несмотря на жесткое требование Баку отменить прилет писательской группы, она все-таки полетела в Степанакерт. Каково же было мое удивление, когда из аэропорта «Эребуни» сообщили, что самолет, которым улетели в НКАО пять наших писателей, троих доставил назад в Ереван: Андрея и Галину Нуйкиных и Валентина Оскоцкого. Под конвоем азербайджанского ОМОНа их выдворили из Карабаха, не дав выйти за ограду теперь уже не степанакертского, а ходжалинского аэропорта. Накануне прилета московских писателей в Степанакерт Верховный Совет Азербайджанской ССР переименовал аэропорт «по просьбе» жителей НКАО.

Что же такое сделали или намеревались сделать трое членов Союза писателей СССР, чтобы их, известных и уважаемых в стране людей, фактически экстрадировали? Вполне возможно, они ожидали от полета в Степанакерт не только приятного общения с жителями автономной области. Но то, что их в присутствии союзных войск просто грубо выдворят с территории, являющейся неотъемлемой частью их Родины, им и в голову не могло прийти.

Пробыв несколько часов на территории аэропорта, они не могли не заметить, как распоясавшиеся от вседозволенности азербайджанские омоновцы ведут себя с армянскими пассажирами. И то, как «ставил на место» заместителя Коменданта РЧП полковника Полозова азербайджанский капитан милиции Гаджиев, тоже заметили. Тем более что он к этому все время стремился. Показать москвичам, кто в доме хозяин. Между тем из разговоров вокруг стало понятно, что полковник Полозов приехал в аэропорт, чтобы встретить писателей. А поручение это он получил от первого заместителя Министра внутренних дел СССР Громова. Заодно пассажиры аэропорта рассказали гостям и о капитане Гаджиеве. Он оказался личностью весьма известной. Уголовник, судимый за взятки. Выпущен недавно по просьбе МВД республики Азербайджан из нижнетагильской тюрьмы. Теперь вот правительство Азербайджанской ССР поручило ему возглавить аэропорт.

Многое, многое успели услышать, приметить и понять три московских литератора за то короткое время, в течение которого им было дозволено находиться в аэропорту. Наверное, для Азербайджана было бы лучше, если бы они все пятеро побывали в городах и селах НКАО, встретились и послушали армянских и азербайджанских жителей Карабаха. Но видно сами азербайджанские руководители хорошо знали, какое неправое дело творили. А может, считали, что они на все имели право. Ничего, обойдется, не в первый раз! Но теперь уже посторонние до того люди могли себе представить, что будет с армянским

населением, а позже — со всей страной, если продолжать не замечать беспредел руководителей республики. Насколько чревата непредсказуемыми последствиями сложившаяся в Карабахе ситуация.

Только благодаря обращению вице-адмирала Тимура Гайдара непосредственно к Поляничко, которого он знал еще по Афганистану, ему и народному депутату СССР Юрию Черниченко было разрешено остаться в Степанакерте на сутки. Однако и за этот короткий срок они сумели побывать во многих трудовых и воинских коллективах, получить яркие представления о делах в Азербайджане и Карабахе.

Возвращение писательской группы из Степанакерта вызвало в Москве большой шум. Теперь уже никто не мог помешать рассказать людям о том, что они увидели. Многочисленные средства массовой информации растиражировали материалы поездки в НКАО. Прошли пресс-конференции, встречи, в том числе и на телевидении, появились развернутые материалы и интервью,

Я помню, как в Центральный дом литераторов потянулась творческая общественность Москвы, просто служащие и студенты столицы, а потом и других российских городов. Посильно хотели помочь жителям Карабаха, поддержать их в трудную минуту. Помочь выжить, проявить солидарность. Так появился московский Комитет российской интеллигенции «Карабах»: КРИК. С этого времени с большинством членов московского «Карабаха» у меня сложились деловые, а с некоторыми и теплые товарищеские отношения.

Сведения о сумгаитских событиях сократил редактор журнала «Сборник МВД СССР»

В марте 1991 года меня пригласили в редакцию журнала «Сборник МВД СССР» и предложили подготовить статью об актуальных проблемах и перспективах разрешения межнационального конфликта в Азербайджанской ССР. Статью я подготовил оперативно и отнес в редакцию журнала, благо далеко ходить не пришлось, она находилась в здании МВД СССР, только двумя этажами выше моего кабинета. Вскоре меня пригласил редактор «Сборника» Виктор Васильевич Моспан. Он с присущей ему деликатностью положительно оценил содержание статьи, но посоветовал доработать ее, а скорее, дополнить конкретными примерами и фактами межнационального конфликта. Выбрать из базы данных персонального компьютера наиболее характерные из них — не составило большого труда. Просьбу редактора я выполнил в тот же день. Когда же я ознакомился с окончательным вариантом статьи, то оказалось, что она действительно дополнена новыми данными, но из нее исчезли два довольно больших абзаца, раскрывающие погромы и убийства армян мусульманским населением города Сумгаита 26–29 февраля 1988 года. Я сразу попытался исправить, видимо, случайно вкравшееся упущение. Однако редактор остановил мое рвение, и, пресекая растущее возмущение, твердо сказал:

— Примеров для статьи вы подобрали с избытком, мы включили наиболее типичные. Сведения о Сумгаитских событиях сократили сознательно, они, как и Бакинские в январе 1990 года, слишком масштабны. И, как нам представляются, — не типичны. Это, впрочем, позиция руководства нашего издания. А если хотите, то по событиям в Сумгаите подготовьте еще одну статью для другого номера нашего журнала.

Истинную причину исключения из предстоящей публикации данных о сумгаитской трагедии я, конечно, понял, но переживал этот факт с негодованием — даже в узко профессиональном ведомственном издании на правдивое отражение межнационального конфликта существует запрет. Вместе с тем моя наивность оказалась настолько девственной, что я с полной ответственностью отнесся к предложению редактора, подготовив статью, посвященную Сумгаитским событиям февраля 1988 года. Но, как и следовало ожидать, от ее публикации журнал «Сборник МВД СССР» тогда уклонился.

Сразу замечу, что в Сумгаите я никогда не был. Но где бы я

ни находился после 29 февраля 1988 года — в Москве или Карабахе, в Азербайджане, Армении, в других союзных республиках СССР, каких бы вопросов межнациональных отношений, тем более по карабахской проблеме, не касался — название этого азербайджанского города всюду присутствовало с трагически черным оттенком. Да и вся последняя история взаимоотношений азербайджанцев и армян теперь делится на периоды д о Сумгаита и после Сумгаита.

Хорошо помню, что при подготовке статьи в журнал «Сборник МВД СССР», я специально проанализировал сводки об оперативной обстановке в Сумгаите за 1987 и начало 1988 годов. Ничего примечательного. Накануне трагических событий она характеризовалась в основном криминально-бытовым содержанием. Сообщение из МВД Азербайджана о том, что в Сумгаите; немногочисленный митинг, состоявшийся 26 февраля 1988 года на центральной площади имени Ленина по случаю Обращения Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева к трудящимся, к народам Азербайджана и Армении в связи с событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него, завершился в остром антиармянском настроении, озабоченности не вызвало ни на республиканском, ни на союзном уровне: Митинг был отнесен к разряду мероприятий со случайным завершением, не имевшим перспективных последствий. По крайней мере, я других резолюций руководства не нашел.

Но, как потом показало расследование событий, организация и содержание митинга были не случайными. Во-первых, тем, что в многонациональном городе, каким являлся Сумгаит, митинг состоялся при участии лишь представителей азербайджанского населения. Во-вторых, несмотря на то, что митинг вела второй секретарь горкома партии Байрамова, в адрес армян за территориальное разрушение единого Азербайджана произносились нешуточные обвинения и угрозы, звучали провокационные сообщения о притеснении азербайджанцев в Карабахе и Армении, и даже о, якобы, уже имевших там место зверствах в отношении к азербайджанцам. На митинге даже появились, так называемые, «кафанские мученики», которые «подтверждали» эти факты в городе Кафане (на юге-востоке Армении), и о тысячах азербайджанских беженцах из этого района. Армяне обвинялись в том, что они живут в Сумгаите лучше многих азербайджанцев, имеют благоустроенные квартиры и дома, занимаются только интеллектуальным трудом. Прозвучал призыв «Смерть армянам».

27 февраля оперативная информация в МВД СССР об

осложнении межнациональной обстановке в Сумгаите поступала неоднократно. По первым данным, складывалось впечатление, что антиармянский митинг продолжился вроде бы стихийно, а без организационного начала горкома партии принял угрожающий уклон. Но потом прояснилось, на той же площади Ленина собрались уже тысячи азербайджанцев, причем многие прибыли вполне организованно и с ведома руководства предприятий и учреждений. Вернувшийся накануне в город первый секретарь Сумгаитского горкома партии Ариф Муслим-заде все же попытался возглавить митинг, урезонить толпу, жаждущую мести армянам, и под флагом Азербайджанской ССР увести ее с площади имени Ленина и за это время вернуть людей к здравому смыслу, проявлению интернациональных чувств и советского патриотизма. Однако многочисленные желающие выступить с трибуны, а среди них были известные в городе люди, такие как директор школы № 25, актриса театра имени Араблинского и другие, словно не слышали его, продолжали призывать: «Наказать армян за карабахский вопрос, за азербайджанских «беженцев и мучеников из Кафана», требовать применения к армянам жестких мер, убивать и гнать их из Сумгаита, из Азербайджана вообще». В конце практически каждого выступления звучал призыв — «Смерть армянам». На митинге открыто формировалась атмосфера массового психоза и истерии, в которой люди должны были ощутить себя мстителями за якобы погибших соотечественников в Армении и Нагорном Карабахе. С трибун взывали к долгу мусульман сплотиться в войне с неверными. Страсти накалились до предела. Обстановка вышла из-под оперативного контроля.

К вечеру 27 февраля трибунные выступления переросли в насильственные действия. Сотни сумгаитских азербайджанцев, распаленных митинговыми призывами, подогретые спиртными напитками, раздаваемыми бесплатно с грузовиков (следствием эти факты установлены), беспрепятственно приступили к погромам квартир армян, их массовым избиениям, убийствам, которые длились до поздней ночи. Государственные, партийные и правоохранительные органы города и республики на беспрецедентные беспорядки в городе не отреагировали. Сумгаит полностью перешел во власть погромщиков!

28 февраля, не видя сопротивления бесчинствам против армянского населения, на улицы города вышло еще большее число азербайджанцев Сумгаита. Многие из них уже были вооружены металлическими прутьями, топорами, молотками, другими подручными средствами, при этом толпа знала свои

задачи. Погромщики, разбившись на группы по несколько десяток человек, врывались в армянские квартиры намеченные заранее. Людей убивали в их же домах, но чаще выводили на улицы или во двор для публичного глумления над ними. Редко кому пришлось погибнуть сразу от удара топора или ножа. Большинство ждали мучительные издевательства. Избивали до потери сознания, обливали бензином и сжигали заживо. Нередки были случаи группового изнасилования женщин и девушек, часто насилие происходило на глазах близких, после чего их убивали. Не жалели ни стариков, ни детей.

Только 29 февраля в Сумгаит были введены армейские войска, однако они не сразу смогли контролировать город. Убийства и погромы армян продолжались. Дело в том, что войска приказа на применение к насильникам силы и оружия не имели. На призывы пострадавших о помощи, офицеры и солдаты практически не реагировали. Погромщики, видя бездействие войск, стали нападать на военнослужащих. По оперативным сводкам, пострадало более 270 военных. Лишь к вечеру армейские подразделения приступили к решительным действиям, и погромы против армян прекратились.

За три дня было убито несколько сот армян. Точного числа погибших установить не удалось. Власти в этом были не заинтересованы. Официально было объявлено, что в сумгаитских беспорядках погибло 36 армян и 6 азербайджанцев. Однако азербайджанцы погибли не от рук армян или военных. Свидетельские показания зафиксировали, что 29 февраля в результате поджога погромщиками армейского БТРа, солдат-водитель от удушья потерял сознание, военная машина, утратив управление, врезалась в толпу, раздавила 6 человек.

Жертв могло быть гораздо больше, если бы не усилия многих честных азербайджанцев, которые, с риском для своей жизни, спасали своих армянских соседей, друзей, сослуживцев. Особо запомнился рассказ о мужественном поступке одной азербайджанской женщины — ханум Исмаиловой, О ней я слышал не раз из уст и работников МВД республики, и армянских беженцев, и даже от Сильвы Капутикян. Великая армянская поэтесса, потрясенная человеколюбием и высокими качествами гражданственности простой жительницы Сумгаита, написала о ней поэму «Диалог между мною и мною».

Ханум Исмаилова стала почти легендой, ее сравнивали с женщиной из эпоса, из Библии, с самой Марией Магдалиной. Она проживала в третьем микрорайоне Сумгаита в доме № 5/2. У нее не было мужа, и соседки нередко судачили о ней. А в дни страшных погромов ханум спрятала в своей маленькой квартире

тринадцать армянских женщин, стариков, детей. Громилы узнали об этом, пришли, взломали дверь. Ханум распростерла руки, задержала их у входа:

— Не дам вам пройти, не дам… Кровь вам нужна? Вот она, кровь, возьмите, — и ножом разрезала себе руку, — возьмите! Они мои соседи, они ни в чем ни виноваты, они всегда надеялись на меня, как и я на них.

И убийцы отступили. Ханум Исмаилова спасла жизнь тринадцати армянским соседям!

Прокуратура СССР по событиям в городе Сумгаите завела уголовные дела. Объединенную следственную группу правоохранительных органов СССР возглавлял следователь по особо важным делам Генеральной Прокуратуры СССР В.С. Галкин. Но из громадного числа сумгаитских погромщиков к судебной ответственности были привлечены всего 94 человека — преимущественно подростки и молодые парни. Им предъявлялись обвинения в убийствах и изнасилованиях, избиениях и т. п., причем во всех случаях их действия мотивировались как «из хулиганских побуждений».

По решению Генеральной Прокуратуры СССР, которое было согласовано с руководством страна, единого общего процесса не проводилось. Дело о «хулиганских побуждениях» было разбито на 80 эпизодов. Расчленение дела на эпизоды, вся организация следствия заведомо исключали установку истинных организаторов и вдохновителей преступлений, вынесения судом определения ответственности Азербайджанским республиканским государственным органам за допущенную преступную трехдневную бездеятельность. Для профессионалов ясно, что следствие и судебные разбирательства в этом случае не смогут дать ответов на многие вопросы. Почему, например, массовые убийства и насилия были квалифицированы как «хулиганское побуждение», тогда как преступные Действия азербайджанского населения Сумгаита были направлены против одной из национальных групп, составляющей значительную часть жителей города? Почему следствие не установило и не привлекло к судебной ответственности откровенных подстрекателей погромов и убийств армян, нападений на военнослужащих? А ведь это были не только мнимые «беженцы из армянского города Кафана», большинство людей, выступавших на митингах, лица, хорошо известные в городе.

Мои сослуживцы, полковники Гудков и Ткач, участвовали в раскрытии преступлений, совершенных в Сумгаите 27–29 февраля 1988 годи; Они не сразу и с неохотой, но все же в ответ на мои настоятельные просьбы, поведали о своих результатах

расследования. Виктор Семенович комментировал их в лаконичной и в достаточно корректной форме. Василий Степанович Ткач свой рассказ вел как всегда в свойственной ему энергично-экспрессивной манере, с откровенно крепкими словами. Оба провели многочисленные опросы очевидцев, свидетелей. Фактов, раскрывающих организацию заранее подготовленных погромов и убийств, лучшие сыщики страны предоставили следствию немало. Накануне массовых беспорядков в городе составлялись списки квартир армянских семей, на предприятиях специально изготавливались металлические прутья и иные предметы насилия для физического уничтожения армян. В условленное время работники связи как по команде отключили телефоны в армянских квартирах; В дни погрома электроэнергия отключалась в целых кварталах и микрорайонах. Отмечали особо присутствие исламского фактора. Погромы и убийства неверных армян, осуществлялись под лозунгом «Мусульмане! Смерть армянам!». Василий Степанович Ткач как-то сказал мне:

— Ну что ты ко мне пристал со своими вопросами по Сумгаиту? Будешь в Баку, найди в библиотеке МВД республики подшивку Сумгаитской газеты, там узнаешь больше, чем я знаю, только кому, кроме тебя, это надо?

Как только представилась возможность, и я оказался в МВД Азербайджана, окунулся в хронику местной прессы. Так из газеты «Коммунист Сумгаита» от 13 мая 1988 года в свой дневник записал; «Бюро Сумгаитского горкома партии 10 мая 1988 года осудило руководство и коллектив Азербайджанского трубопрокатного завода за то, что «…в дни сложной ситуации в цехах завода имело место изготовление топоров, ножей и других предметов, которые могли быть использованы хулиганствующими элементами».

Армянские погромы в Сумгаите, выходит, застали Москву врасплох. Дня МВД СССР; призванного держать пульс оперативной обстановки в стране на постоянном контроле, межнациональный конфликт в Сумгаите с массовыми убийствами армян, стал, мягко говоря, неожиданностью. Как тогда иначе можно объяснить приказ, МВД СССР о направлении в очаг межнационального конфликта в составе Объединенной следственной группы Прокуратуры СССР сотрудников милиции армянской и азербайджанской национальностей, работавших в органах внутренних дел России и других союзных республик. Капитан милиции Виктор Айрапетян работал в то время в уголовном розыске УВД города Красногорска Московской области. Вечером 29 февраля 1988 года его срочно вызвал заместитель начальника милиции города и вручил телеграмму

Министра МВД СССР генерал-полковника Власова, которую он запомнил на всю жизнь: «Откомандировать в распоряжение МВД Азербайджана сроком на тридцать суток старшего оперуполномоченного отдела уголовного розыска Красногорского УВД капитана милиции Айрапетяна В. П., которому необходимо прибыть в Баку 1 марта с. г. в 10.00 в кабинет номер 311 МВД Азерб. ССР».

Так капитан Айрапетян оказался в составе Объединенной следственной группы Генеральной Прокуратуры СССР. Поиск и задержание сумгаитских преступников милицейские сотрудники осуществляли под руководством первого заместителя начальника уголовного розыска страны генерал-майора милиции Евгения Илларионовича Лагоды, недавно вернувшегося с расследований кровавого конфликта между узбеками и таджиками в Фергане. Первую неделю группа специалистов уголовного розыска, состоявшая из Виктора Айрапетяна, старших оперуполномоченных капитанов милиции — азербайджанца Азата Курбанова из Краснодарского края, армянина Александра Мирзояна из МВД Азербайджана, во главе с подполковником милиции из Главного управления уголовного розыска МВД СССР Николаем Цибулиным, работала непосредственно в Сумгаите. Два дня вели опрос около двух тысяч армян, в основном женщин, детей, стариков, которые сумели вырваться из рук погромщиков и скрыться в здании Сумгаитского горкома партии, и пока боявшихся вернуться в свои дома. Им предъявляли списки убитых армянских жителей, имеющиеся их фотографии, возили в морг родственников и знакомых погибших для опознания личностей жертв насилия, вели запись свидетельских показаний, проводили различные оперативные мероприятия по задержанию азербайджанцев, подозреваемых в преступных действиях против армян. Никогда не сотрутся из памяти эпизоды опознания двумя еще не совсем старыми отцами своих замужних дочерей 20 и 26 лет, неоднократно изнасилованных и с разбитыми головами. Как в пожилой женщине, сброшенной с четвертого этажа и разбившейся на смерть о дворовый забор, опознали свою мать молодые сыновья. На этом фоне невольно забеспокоили тревожные мысли о судьбе родителей в Степанакерте и многочисленных родственников из родового села Калаги, что рядом с раннехрестианским армянским монастырем Гандзасар в Мардакертском районе, от которых в пятнадцатилетнем возрасте, вначале из-за спортивной карьеры, а потом и профессиональной милицейской работы, он уехал в Москву. В страшные догадки о возвращении азербайджанцев к геноциду армян верить не хотелось.

Любую минутку, представившуюся для короткого отдыха, Виктор старался использовать для выяснения судьбы семьи, из 12 человек, своего родственника Богдасаряна Петра Николаевича, проживавшего в третьем микрорайоне центра Сумгаита, по которому волна погромщиков и убийц пронеслась с особой жестокостью. Сердце мастера спорта СССР международного класса по боксу, не раз в милицейской практике видавшего последствия бандитских следов и страдания их жертв, на улицах Сумгаита теряло мужество, неподконтрольно сжималось от сострадания к трагедии своих соотечественников. Свежие следы разбитых окон, балконных дверей визуально выдавали адреса разгромленных армянских квартир в многоэтажных домах. От остовов, сожженных частных домов и машин, от многочисленных огромных черных обугленных кругов кострищ, где жгли имущество и, даже людей, несло тлетворной гарью, повсюду валялись металлические прутья, деревянные колья с запекшейся на них кровью. Поиски результатов не давали. В списках жертв родственники не значились, хотя квартиры их были разгромлены. Верить в страшное не хотелось. Надежда оправдалась, злой рок минул родственников. Более того, они были тогда в том же самом здании горкома партии, но с ними беседовал один из коллег Виктора. А увиделся он с ними только через пять лет в Краснодаре. Многие армянские семьи были спасены соседями-азербайджанцами.

Капитану Айрапетяну пришлось работать в Баку ив Баиловской тюрьме, в которой в специально организованном изоляторе временного содержания оказались подозреваемые в сумгаитских преступлениях на межнациональной почве. В основном это были парни от семнадцати до двадцати пяти лет, учащиеся профтехучилищ и техникумов и несемейные молодые рабочие. Большинство из них проживали в общежитиях. Стоило немало трудов, чтобы доказать причастность многих из них к конкретным преступным действиям в отношении армянского населения города Сумгаита. И здесь надо отдать должное честному проявлению гражданственности азербайджанских коллег, с которыми тогда работал Виктор Айрапетян. Со временем ситуация изменится. Но тогда к преступным элементам, несмотря на их национальное родство, они относились со всей строгостью Уголовного Кодекса. В ходе следственных действий работали не только ретиво, но нередко от ужасов содержания показаний убийц и погромщиков впадали в неистовство, приходилось их сдерживать от рукоприкладства: Вместе с коллегами по оперативной группе капитану Айрапетяну удалось участвовать в раскрытии восьми фактов убийств, погромов,

поджогов и изнасилований, по которым были предъявлены обвинения установленным конкретным обвиняемым. Дела по ним были переданы для рассмотрения в судебные инстанции.

В моих рабочих дневниках за 1988 год сохранились две записи, относящиеся к Сумгаитским событиям. Первая о том, что в Сумгаите, наряду с Объединенной следственной группой Прокуратуры СССР работал десант ЦК КПСС из высокопоставленных партийных, советских работников, ведущих ученых и специалистов в сфере межнациональных отношений. В составе этого десанта был и мой давний и надежный друг, молодой талантливый философ и социолог Николаи Слепцов, работавший тогда заведующим отделом научной молодежи ЦК ВЛКСМ. Вернулся он, помню, из Азербайджана чрезвычайно угнетенным, если не сказать, совсем другим человеком. В его всегда тихий, спокойный, аргументированный, с легким юмором разговор, с тех пор, добавился осторожный и грустный скептицизм.

Массовые погромы и убийства армян, нападения на военнослужащих, о которых рассказывая Николай Слепцов, казались, нам из разряда невозможных, поразив своим цинизмом и жестокостью. Они, по нашему интернациональному убеждению, были несвойственны советской действительности. Но они были осуществлены азербайджанцами против армян и в больших количествах. И, самое страшное, как он подчеркивал, что совершены они не сплоченными профессиональными убийцами и садистами, а обыкновенными горожанами, причем в большинстве молодежью. Он хотел, чтобы мы вместе, как опытные молодежные политики, нашли, если не ответ, то хотя бы объяснение этому новому явлению в нашей советской идейно-политической действительности.

Нам хотелось понять —: как сотни старшеклассников, учащихся профтехучилищ и техникумов, студентов вузов, молодых рабочих, постоянно находящихся, в так называемой положительной интернационально-нравственной среде, имевшие общественные интересы и повседневные общечеловеческие отношения со сверстниками других национальностей, вдруг, в одно мгновение оказались способными моментально среагировать на призывы провокаторов убивать своих сограждан: Шли на убийства своих же соседей, если не друзей, то многолетних ближайших знакомых по этажу, подъезду, микрорайону, ничего плохого им не сделавших; Убийства совершались с патологической жестокостью, поразившей даже профессиональных судебно-медицинских экспертов. Чтобы произошел такой взрыв агрессии и насилия, должен существовать

соответствующий общественный климат, вызвавший психоз убийства. Неужели в годы советской власти у новых поколений азербайджанцев сохранились антиармянские предубеждения, фобии, враждебность? Неужели в подсознании дают о себе знать турецкий геноцид и азербайджанские погромы в 1893–1923 годах, унесшие тогда жизни более двух миллионов армян?

Вторая завесь дневника свидетельствует о тот, что я был неплохо знаком с бывшим первым секретарем Сумгаитского горкома партии Арифом Муслим-заде, так как до этой должности он много лет работал в комсомоле республики. Это — высокообразованный и интеллигентный человек. К руководству партийной организации Сумгаита он пришел за несколько месяцев до погромов с поста первого секретаря ЦК комсомола Азербайджана и даже в это время был еще кандидатом в члены Бюро Центрального Комитета ВЛКСМ. Я присутствовал при том, когда Ариф Муслим-заде мужественно и откровенно рассказывал в узком кругу, своим коллегам по комсомолу, о кровавой трагедии в его городе. Было видно, что он искренне переживал за случившееся. Он не скрывая, что ему 27 февраля не удалось удержать толпу соотечественников от нападения на армян. Хорошо помню как все присутствующие при рассказе Арифа, не имевшие достоверной информации, искренне сопереживали и сочувствовали ему и жертвам, как нам казалось, случайной трагедии. Определенно разобраться в сути Сумгаитской ситуации мне удалось лишь спустя несколько лет, после непосредственного участия в расследовании межнациональных столкновений между азербайджанцами и армянами.

Теперь-то, когда я основательно знаком с материалами расследования преступлений азербайджанцев против армян, у меня сформировалось свое основательное мнение о сути Сумгаитской ситуации. Да, Муслим-заде не было в городе 26 февраля, в первый, в общем-то, только митинговый день. И ему хотелось верить, что будь он тогда в городе, то не допустил бы на следующий день продолжения митинга, а значит, и беспорядков. Однако его суждение, смею теперь утверждать, было обманчивым и не соответствовало действительности. За время своей работы партийным лидером он еще не успел овладеть обстановкой в городе. Однако самое главное состояло в том, что он не был допущен в круг коррумпированных националистических группировок республики. Его просто проигнорировали, скрыли от него о существовании антиармянских настроениях и планах у определенной части сумгаитских и высоких республиканских руководителей, фактически ставших организаторами и

вдохновителями погромов. Если это не так, то как тогда можно объяснит!» безучастность руководства республики, правоохранительных органов к погромам» националистической вакханалии в Сумгаите в течении трех дней?

21 мая 1988 года на пленуме ЦК компартии Азербайджана Муслим-заде, оскорбленный доставшейся ему ролью козла отпущения, попытался смело назвать вещи своими именами, фактически обвинил высшее республиканское руководство в бездеятельности по предотвращению погромов и резни армян в Сумгаите. Но его так же, как и на городском митинге 27 февраля, никто не захотел услышать и понять. Муслим-заде был снят с поста первого секретаря Сумгаитского горкома партии. Его место занял Аяз Муталибов, которому вскоре предстояло стать первым секретарем ЦК партии и первым президентом Азербайджана.

Случайно ли Сумгаиту злой судьбой перестройки была уготована участь первого массового проявления азербайджанцами чудовищных насилий и убийств армян? Почему азербайджанское население этого города так остро взволновало решение депутатов далекой автономии о присоединении к соседней братской республики и, тем более, проявить столь оперативно и столь неадекватную бесчеловечную реакцию? Ответ теперь действительно неутешительный. Нет, не случайно.

Сумгаит — город молодой и молодых, расположен в 30 километрах от Баку. От НКАО его отделяет более 600 километров. Тесных производственных, экономических или культурных уз с ней не имел. Из 250 тысячного городского населения около 18 тысяч были армяне. Сумгаит рожден в конце 40-х годов энтузиазмом комсомольских строек тяжелой нефтехимической промышленности, стал сосредоточением экологически вредных нефтехимических производств. Основу жителей составляли молодые рабочие, молодые семьи. Строительству жилья, созданию соответствующей социальной сферы здесь внимания практически не уделялось. Десятки тысяч горожан жили в подвалах, в самовольно построенных и неприспособленных лачугах, в так называемом районе «Нахалстрое». Сумгаитские азербайджанцы являлись, в основном, выходцами из сельских районов, составляли наименее образованный и квалифицированный состав работающих, среди них были большая текучесть кадров, высокий уровень безработицы, правонарушений, пьянства, наркомании. К городу примыкало несколько сел и поселков городского типа, построенных для азербайджанцев, из числа 160 тысяч, насильственно переселенных из Армении по решению Сталина в послевоенные годы. Предлогом для этого тогда послужила

массовая репатриация армян из Ирана и Ближнего Востока и расселение их в Армении на местах выселенных азербайджанцев.

Распространение клеветнических слухов о том, что в Армении убивают и насилуют азербайджанцев, митинги возбуждения ненависти к армянским землякам на фоне профессиональной и бытовой неустроенности и лишений, призывы освободить квартиры от армян и самим поселяться в них, позволили организаторам легко спровоцировать определенную часть мусульманского населения города на погромы и убийства армян.

В МВД СССР, несмотря на цензурный запрет о сумгаитской трагедии, поступали сотни писем от деятелей науки и культур, простых граждан с требованием провести объективное расследование массового убийства армян, справед

ливо отнестись к карабахской проблеме. В то же время цензура в средствах массовой информации приводила к безгласности, порождала размытость достоверности фактов погромов и резни армян, проведения судебных процессов по делу убийц, скрывала истинных виновников трагедии, позволяла дезинформировать, обманывать и дезориентировать, прежде всего, население Азербайджана, а местным вдохновителям межнационального противостояния нагнетать в его среде националистический угар. Азербайджанский академик З. Буниятов, например, в статье «Почему Сумгаит?» в академической газете «Элм», № 19 за 1989 год, всю вину за Сумгаит возложил на самих же армян. Как рассказывал мне ученый с мировым именем, президент Академии наук Армении, дважды Герой Социалистического труда, народный депутат СССР Виктор Амазаспович Амбарцумян, он тогда получил из Баку телеграмму, под ней стояло более 200 подписей сотрудников Академии наук Азербайджана, которая гласила: «Взываем к вашей совести! Третий раз армяне за неполные сто лет являются зачинщиками жестоких столкновений между братскими народами. Обратитесь к вашей интеллигенции, остановите бесчинства ваших сограждан!».

Сумгаитская трагедия, по сути, возродила в памяти народов ужасы турецкого геноцида армян семидесятилетней давности. Масштаб трагедии в Сумгаите так и не был должным образом осмыслен и оценен руководством страны, остался фактически скрытым от народа, не осужденным на государственном, всенародном уровне и безнаказанным. Все судебные процессы должны были проходить только в судах различных городов Российской Федерации. Однако лишь один процесс слушался в Москве в Верховном Суде СССР и три процесса были проведены областными судами Воронежской, Волгоградской и

Куйбышевской (ныне Самарской) областей. Все остальные дела Генеральная Прокуратура СССР направила в суды Азербайджана, их слушания прошли в Баку и Сумгаите. Далеко не все убийцы и погромщики оказались на скамье подсудимых. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР по уголовному делу № 18/60232–88 от 18 октября 1988 года трем азербайджанцам за «…организацию и непосредственное участие в массовых беспорядках, сопровождающихся погромами, поджогами и убийствами в городе Сумгаите…» вынесла обвинительный приговор, по которому только один из них А. И. Ахмедов, был приговорен к смертной казни.

Последствия Сумгаита оказались предсказуемыми. Новейшая отечественная история подтвердила, что ненаказанные преступления будут порождать не только попытки скрыть, фальсифицировать их, не только представлять жертву палачом, а палача — национальным героем, но и продолжать организовывать и совершать новые преступления против человечности. Политико-правовое бессилие Кремля в отношении Сумгаитскнх событий повлекли за собой десятка больших и малых погромов армянского населения в Азербайджанской ССР, а также последовавших кровавых трагедий в Фергане, Новом Узеяе, Тбилиси, Душанбе, Абхазии, Узбекистане, Казахстане, Юго-Осетии, Приднестровье, других горячих точках СССР, а затем в российской Чеченской республике.

Операцию «Кольцо» предотвратить не удалось

Я снова в Карабахе. Эта командировка, длившаяся с 4 по 20 апреля 1991 года, была необычной. В Степанакерт я впервые приехал прямо из Баку. После Степанакерта через Тбилиси и Ереван побывал в городе Горисе и ознакомился с оперативной обстановкой на границе Армении и Азербайджана, в районе, сопредельным с азербайджанским городом Лачин, иначе — в зоне Лачинского коридора. Для руководства МВД Азербайджана я занимался изучением; влияния религиозных и общественных неформальных организаций на состояние межнациональной преступности. Истинная же цель командировки — оценить ситуацию вокруг НКАО и возможность предотвращения депортации населения наряда армянских сел республики.;»

Читатель, видимо, помнит, что еще в ноябре 1990 года в распоряжение нашей Следственно-оперативной группы попали секретные материалы руководства Азербайджана с планом депортации армянского населения из сед Ханларского и бывшего Шаумяновского районов. Тогда же эти материалы были мной доведены до министра МВД СССР Пуго. Не могли в руководстве нашего министерства не обратить внимания и на то, что на сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР, состоявшейся в начале февраля 1991 года, план депортации армянского населения из республики фактически был одобрен. Второй секретарь ЦК компартии Азербайджана и председатель Оргкомитета по НКАО Поляничко заявил, что «1991 год объявлен годом Карабаха. Этот год будет последним годом в трудностях Азербайджана. Земля Карабаха — наша земля, и мы должны занять ее для наших детей. Аэропорт уже наш. Но необходимо увеличить число омоновцев…»

В выступлении министра МВД Азербайджана Асадова в законодательном органе республики политическая установка была подкреплена силовой: «…состав омоновцев скоро увеличится и будет доведён до 600 человек. А в районах вокруг Нагорного Карабаха имеется десятитысячная армия! Так что войти в Карабах и взять его — дело техники». На той же сессии выступил депутат азербайджанскою парламента и недавний член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев, Он поддержал намеченные планы и поделился своим историческим опытом решения межнациональных проблем. С гордостью говорив, что в его бытность первым секретарем ПК компартии Азербайджана

численность армянского населения НКАО уменьшилась, а азербайджанского — увеличилась. В Нахичеванской же автономной республике армян не осталось совсем.

Если в Баку политическая и административная напряженность в отношении армянского населения возрастала, то внутри НКАО в это время оперативная обстановка стала более спокойней и контролируемой. Этому коренным образом способствовали коменданты Района чрезвычайного положения, назначаемые после генерала Сафонова, полковники внутренних войск Шевелев, Жуков, Лебедь, которые не были слепыми исполнителями воли Баку и в меру своих возможностей снимали напряженность. А вот на армянские населенные пункты, расположенные в азербайджанских районах вокруг НКАО, началось неприкрытое вооруженное давление. Баку настойчиво требовал подключения к операциям по проверке паспортного режима все большего числа войск. Особенно — участия 23-й дивизии 4-й армии Вооруженных Сил СССР, командир которой полковник Будейкин действовал откровенно по указке руководства республики.

Азербайджанские предложения в этот период все чаще стали поддерживаться союзным руководством, а со стороны Армении отклонялись. Дело в том, что государственная власть в Армении, как известно, демократичным путем от коммунистов перешла в руки представителей АОДовского движения и комитета «Карабах», которых ни Горбачев, ни его соратники не хотели признавать, Муталибов и Поляничко не замедлили воспользоваться практическим отсутствием взаимоотношений между Москвой и новым руководством Армении. Да и молодые руководители Армении во главе с Левоном Тер-Петросяном, не имевшие политического и государственного опыта, находясь в эйфорическом состоянии от успеха в борьбе за власть, не торопились вступать в деловые отношения с союзным центром. Фактически в это время карабахское движение осталось без какой-либо реальной поддержки руководства Армянской ССР. Азербайджан же своего давления не ослаблял.

Находясь в Баку под присмотром и с помощью сотрудников Управления профилактической службы МВД республики, я целую неделю изучал влияние религиозных и различных неформальных общественных организаций на оперативную обстановку в Азербайджанской ССР. Встречался с широким кругом общественности и государственных руководителей, в том числе с заместителем председатели Совета Министров республики — уполномоченным по делам религиозных организаций, представителями Народного фронта Азербайджана, Свободного

союза студентов северного Азербайджана и другими неформалами.

В результате я обладал богатым материалом, характеризующим общественно-политическую обстановку в республике, связанную с Нагорным Карабахом, мнения и оценки бакинских событий в январе 1990 года. Собранные мною данные не радовали. Армянские погромы черного января 1990 года, ввод в Баку войск для подавления антигосударственных действий Народною Фронта Азербайджана, жертвами которого стали не только мирные жители, но и военные, продолжали все еще сказываться на внутриполитической атмосфере в столице республики. Организации Народного фронта вновь заметно укреплялись. Во главе их становились известные люди, занимающие высокое общественное положение, нередко из числа руководителей крупных предприятий и хозяйств. Появилась информация о создающейся Партии национальной независимости и даже о «Серых волках» — азербайджанском отделении одноименной националистической тюркистской партии с центром в Стамбуле.

Наряду с традиционными исламскими структурами в республике стали активно развиваться подпольные или — как их еще называли — параллельные группы и объединения. Усиливалось влияние фундаменталистов из Ирана, ваххабитов — из Афганистана и Саудовской Аравии. Но наиболее ощутимо давала знать о себе идеология пантюркизма. Большинство из этих исламистских движений негативно относилось к существующему строю, выступали против руководителя республики Муталибова, против проведения референдума о сохранении Союза ССР, вынашивали идею выхода Азербайджана из состава СССР, изменения названия республики, государственного флага, герба, гимна. Костяк многих из них состоял из активных участников антиармянских кровавых выступлений в Сумгаите, Кировабаде, Баку…

Серьезно на социально-политическом настроении в Азербайджане и, особенно, в ее столице отражалась неустроенность сотен тысяч азербайджанцев-беженцев из Армении. В недавнем прошлом хорошо обеспеченные жители азербайджанских сел Армении, производители и торговцы прекрасных овощей и фруктов, оказавшись в Баку или вокруг него не у дел, в чуждом для них городском мире, не смогли найти себе в новых условиях ни жилья, ни работы, ни средства к существованию. Они легко попадали в хитрые сети различных проповедников и организаторов сомнительных общественно-политических течений и преступных групп. Но особенно опасным

становилось то, что было связано с НКАО. Лидеры азербайджанцев-беженцев жестко критиковали руководство Азербайджана за медлительность в решении карабахского вопроса, требовали ускорить выдворение армян с территории НКАО. Откровенно призывали к насильственным методам.

Позиция официального Баку была не менее агрессивной. Искать пути примирения двух народов, по мнению бакинских руководителей, было незачем. И так все ясно. Искоренять армянскую нечисть в НКАО только силовыми методами. И чем скорее, тем лучше. Жаль, что Москва медлит, связывает руки, сдерживает планируемые операции, под которыми подразумевалось насильственное выселение армян с территории республики.

В беседах с представителями азербайджанского руководства обращало на себя внимание то, что надежды на кардинальное решение многих важных вопросов по Карабаху они откровенно возлагали на приезд в Баку в ближайшие дни первого заместителя министра МВД СССР генерал-полковника Громова, соратника Поляничко по Афганистану. Я знал, что Борис Всеволодович, недавно пришедший в МВД СССР и ставший в его руководстве куратором карабахской проблемы, в эти дни должен прилететь в Степанакерт, а затем посетить и Баку.

У меня тогда не было сомнений, что личные впечатления генерал-полковника Громова от посещения НКАО только укрепят сложившееся к этому времени в министерстве достаточно объективное представление по карабахским проблемам. Еще больше уверенности в этом мнении мне вскоре придал звонок из Москвы. По указанию моего непосредственного руководителя полковника внутренней службы Анатолия Григорьевича Середы я должен был получить в аэропорту Баку пакет с материалами, срочно доставить его в Степанакерт и вручить первому заместителю министра. Как только пакет оказался у меня в руках, я незамедлительно вылетел из Баку самолетом в Гянджи. Далее до Степанакерта без задержек, чтобы не разминуться с Громовым, меня доставляли патрульными машинами районных ГАИ, по территории которых пролегал мой путь. Появилась надежда, что я смогу поделиться с первым заместителем министра своими последними тревожными бакинскими наблюдениями.

Но уже в Агдаме, когда до Степанакерта оставался последний 17 километровый отрезок моего фельдъегерского маршрута, я узнал, что Громов по настоянию Поляничко сократил время своего пребывания в НКАО. Он не стал дожидаться получения материалов из Москвы, объективно раскрывающих состояние конфликта в Карабахе и серьезные претензии к Баку. Но, что было

особенно важно, эти документы представляли позицию министерства по урегулированию межнационального конфликта на основе реализации законных мер, способных стабилизировать и нормализовать межнациональную ситуацию в Карабахе. И я уверен, что отсутствие этих материалов у первого заместителя министра внутренних дел СССР сыграло при встрече 16 апреля 1991 года с Муталибовым и другими руководителями Азербайджана роковую роль при определении «его собственных взглядов. Генерал-полковник Громов тогда поддержал предложение о проведении операции «Кольцо», Вернее, о насильственной депортации десятков тысяч людей армянских сел Геташен и Мартунашен Ханларского района, жителей всего бывшего Шаумяновского района Азербайджана, а также Гадрутского района и пяти армянских сел в Шушинском районе НКАО. Азербайджанскому руководству и лично Поляничко, видимо, удалось так впечатлить генерала Громова, что он уверовал в правоту применения террористических методов против армян — граждан своей страны. По возвращении в Москву генерал-полковник Громов возглавил руководство проведением этого беспрецедентного по масштабам, жестокости и афганизированного по содержанию «профилактического» мероприятия против армянского народа Нагорного Карабаха. Оправдывая свои действия, в одном из тогдашних интервью он дошел до угроз «обнести Карабах «Берлинской стеной».

Мое же пребывание в Степанакерте, встречи со старыми знакомыми — начальником УВД НКАО генералом Ковалевым, комендантом РЧП полковником Жуковым и его заместителем по политчасти полковником Полозовым, командирами частей и подразделений внутренних войск, народным депутатом СССР, председателем Мардакертского райисполкома Ваганом Габриеляном, председателем Степанакертского горисполкома Максимом Мирзояном и, конечно же, Робертом Кочаряном, Сержем Саркисяном, Аркадием Гукасяном, Мавреном Григоряном и многими другими карабахцами, только подтвердили чрезвычайную напряженность, ожидание новых акций азербайджанских властей против армянского населения.

В деятельности комендатуры наблюдалась нервозность, но не из-за разносов, которые мог учинить генерал-полковник Громов, а от необычности поставленных им задач. Зато работники Оргкомитета по НКАО, а все они были азербайджанцы, ежедневно доставляемые на работу и с работы в бывшее здание обкома партии в сопровождении БТРов, стали чувствовать себя куда увереннее, всем своим видом загадочно намекая на предстоящие перемены в их пользу.

Вернувшись в Москву, я узнал, что Муталибов согласовал с политическим и военным руководством страны план проведения масштабной операции «Кольцо» в целях изъятия у армянского населения НКАО и прилегающих к ней районов незаконно хранимого оружия. Незамедлительно, при поддержке начальника нашего Главка генерала Воронова, я подготовил и передал по установившейся традиции через советника министра полковника Кузнецова докладную записку самому Б. К. Пуго. В ней был изложен прогноз развития событий в Карабахе на ближайшую перспективу, указывалось на стремление руководства Азербайджана в ходе операции «Кольцо» реализовать давно и тайно вынашиваемый план; начать при поддержке Москвы депортацию армянского населения. Все данные свидетельствуют о том, что первыми жертвами станут жители бывшего Шаумяновского района и прилегающих к нему сел Геташен и Мартунашен Ханларского района республики. В записке содержались данные о численности населения армянских сел, в том числе по половому и возрастному составу. Вносились предложения по предотвращению антиармянской акции, которая в случае ее проведения, будет иметь непредсказуемые последствия.

В эти дни я побывал в Верховном Совете СССР и ЦК КПСС. Большую надежду я возлагал на встречу по моей просьбе контр-адмирала Тимура Аркадьевича Гайдара с его афганским другом — первым заместителем министра МВД СССР генерал-полковником Громовым. Эта встреча состоялась 26 апреля. По виду, с которым Тимур Аркадьевич вышел от генерала Громова, я понял, что хорошего ждать нечего. Так и оказалось… Особые планы я строил в связи с возможным в ближайшее время очередным разговором с Вице-президентом СССР Геннадием Ивановичем Янаевым. Однако и этим моим надеждам и планам не суждено было сбыться. Утром, 28 апреля, когда я знакомился с записью выступления Муталибова 27 апреля по азербайджанскому телевидению, в котором он призывал «немедленно решить проблему армянского населения Азербайджана», а если Москва окажется неспособной сделать это, то «у республики хватит для этого своих сил и средств», меня неожиданно вызвал к себе начальник нашего Главка генерал Воронов. Без каких-либо обиняков он неожиданно для меня спросил:

— Виктор Владимирович, ты где в этом году собрался проводить отпуск?

— С друзьями из Ростова и Москвы, — недоуменно ответил я.

— Я не спрашиваю с кем, я спрашиваю где?

— В Сочи, товарищ генерал. Но до моего отпуска еще далеко. Отпуск у меня по графику в августе.

— Ладно, садись.

Генерал взялся за телефон, набрал какой-то номер. Затем у него состоялся разговор, который, как мне показалось, не имел ко мне никакого отношения. Речь шла о путевке в наш ведомственный сочинский санаторий «Искра». Причем собеседник, видимо, отказывал генералу в просьбе. Тогда генерал сказал в трубку, что это приказ министра. Затем с легкой досадой согласился с каким-то встречным предложением. Положил трубку и продолжил разговор со мной:

— Значит, так. Сейчас берешь мою машину, едешь в наше лечебно-санаторное управление. Получаешь для себя путевку в Сочи. Правда, она со 2 мая, а отпуск у тебя уже с завтрашнего дня, ну да ничего. Я надеюсь, что тебе есть, где провести эти дни до отдыха в сочинском санатории, кроме Москвы?

— Товарищ генерал, Борис Васильевич, вы, видимо, что-то перепутали. За путевку спасибо, но отпуск у меня в августе, А путевку друзья мне уже предусмотрели. Да и не до отпуска сейчас. Я только из Карабаха. Вы же знаете, что там в ближайшее время планируется. Я третьего мая должен снова летел в Степанакерт для участия в операции «Кольцо». Разве не так?

— Вот именно, не так. Слушай меня внимательно. Ты должен с завтрашнего дня находиться в отпуске. И не просто в отпуске, а удалиться из Москвы. И весь остальной отпускной период находиться там, где захочешь, но только не в Москве и Карабахе. Понял? Это приказ, и надеюсь, понимаешь, что не только мой. Тебе не надо участвовать в организации операции «Кольцо». Твое мнение известно. Но оно сейчас уже не может изменить принятое решение. Мы сочли за лучшее, чтобы ты не только не участвовал в операции, но и вообще не был в это время на службе. Отправляйся в отпуск. Так будет лучше и для тебя, и для твоих будущих дел. Не возражай. Это приказ. И еще. Находясь в отпуске, не пытайся влезать в дела, звонить. Мой тебе совет: только отдыхать. Если потребуешься — отзовем. Все. Поезжан немедленно за путевкой, ее, как ты, наверное, догадался из моего разговора с начальником лечебного управления, отобрали специально для тебя у заслуженного человека. Служебные дела передашь своим коллегам в установленном порядке.

Сомневаться не приходились. Меня специально отстранили не только от участия в операции «Кольцо», но и от служебных обязанностей, чтобы вообще не мешал ее проведению. Чтобы не мешал и был под определенным контролем. Значит, в Карабахе

действительно наметается что-то крупное и гораздо большее, чем обычная профилактическая проверка. Неужели будет реализован план депортации? Но это чудовищно. Значит, я предугадал события? Что же будет с людьми? Каков же масштаб будущей трагедии? Кто меня сейчас услышит, кто может повлиять на принятое решение? Сколько дней осталось до начала трагедии? Кому мое участие в операции нежелательно? Вопросы, вопросы. Они множились, цепляясь один за другой, путались между собой. О сложившейся ситуации в обеденный перерыв попытался посоветоваться со своими старыми товарищами — заместителем управляющего делами МВД СССР генералом Некрыловым и советником министра полковником Кузнецовым. Из разговора с ними понял, что решение генерала Воронова отправить меня срочно на отдых в Сочи для них уже не новость.

На отпускных проводах мои добрые товарищи по службе Анатолий Середа, Александр Наконечников, Серик Курманов, Владимир Лапин, Владимир Кишинец, Виктор Третьяков шутили каждый давал советы, как лучше использовать возможности всеми любимого курорта. Позавидовали мне, ведь до Сочи я намерен побывать в родном городе Ростове-на-Дону, и там вдоволь пообщаюсь с друзьями, вкушу знаменитых донских раков, рыбы, вин. Кто-то даже прочитал пушкинское четверостишие:

Приготовь же,
Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

О работе старались не говорить, как будто чувствовали себя виновными передо мной. Всячески успокаивали, что руководство министерства могло поступить иначе. Вместо Сочи послать в командировку, например, в Магадан, где еще свирепствует зима. Значит, не без основания временно получил почетную ссылку, причем почти по пушкинскому маршруту. Коллеги по-доброму подтрунивали над моей слабостью и к Дону, и к Пушкину, и к новому пристрастию — к Карабаху, в котором великий русский поэт, хотя, и не бывал, но проезжал почти рядом, путешествуя в 1829 году в Арзрум во время похода русских войск против Турции. Именно там он встретил арбу с телом Александра Сергеевича Грибоедова, знаменитого русского дипломата и поэта, создателя бессмертного «Горе от ума», зверски убитого в Тегеране в невежественном и вероломном религиозном угаре,

подстроенном врагами России.

Как было приказано, утром 29 апреля я вылетел из Москвы. Но не сразу в Сочи, а в Ростов-на-Дону. Оттуда позвонил в Степанакерт теперь уже начальнику Степанакертского горотдела и майору милиции Маврену Григоряну, поздравил его с майскими праздниками, а через него всех наших общих знакомых. Он очень удивился изменению моих планов, так как уже ждал меня в Карабахе. В его голосе не чувствовалось никакой напряженности. Я пожелал удачи, посоветовал вспомнить о нашей новогодней фотографии и беречь себя. Я полагал, что Маврен насторожится и сообразит, на что я намекаю. Мне хотелось, чтобы он обязательно вспомнил не только о фотографии, а непременно о моем с ним разговоре утром 1 января 1991 года. Тогда мы решили с группой наших офицеров сфотографироваться на память, и я рассказал ему, что у азербайджанского руководства имеется план депортации армянских жителей из Шаумяновского района и передал две фотокопии плана и маршрута депортации, утвержденных Муталибовым.

Я прекрасно понимал, что предотвратить проведение операции «Кольцо» теперь уже невозможно. Однако надеялся, что можно еще что-то сделать и тем самым попытаться облегчить участь людей, на которых в ближайшие дни обрушится страшное слово «депортация». 2 мая я был уже в санатории «Искра» МВД СССР. Все дни сочинского отпуска я не выпускал из рук портативный радиоприемник «Сокол». 5 мая из сообщений Всесоюзного радио узнал, что операция «Кольцо» началась. Страшное кольцо, охватившее армянскую территорию Карабаха частями Советской Армии, внутренних войск и азербайджанскими омоновцами, стало сжиматься. Все! Это депортация.

За скудными репортажами корреспондентов радиостанции «Маяк» я представлял ее масштаб. Она началась, как я и предполагал, с территории, которая в 1923 году была отторгнута Азербайджаном не только от Карабаха, но и отделена от Шаумяновска. По моим данным в селах Геташен и Мартунашен Ханларского района Азербайджана, расположенных впритык к Шаумяновскому району, проживало три с половиной тысяч армян. Они стойко выносили невзгоды ежедневного и нещадного азербайджанского террора, держались, не покидали свои дома, хотя армянское население райцентра Ханлар и других сел района вынужденно покинуло родину еще во время погромов в ноябре 1988 года, а из сел Азат и Камо 8 марта 1990 года.

На этот раз Азербайджанское руководство, как я узнал после

сочинского тревожного отдыха, не потрудилось даже дождаться полного согласования с Москвой плана операции. 21 апреля из сел Геташен и Мартунашен были выведены подразделения внутренних войск, после чего азербайджанский ОМОН провел прямую атаку на село Геташен. Атака была отбита сельским отрядом самообороны. 29 апреля по этим селам был нанесен массированный артиллерийский обстрел. 30 апреля в них вошли подразделения 23 мотострелковой дивизии Советской Армии для проведения депортации населения. Азербайджанские омоновцы и милиционеры беззастенчиво занялись убийствами, насилием, грабежами.

С 16 апреля в Шаумяновский район была прекращена подача электроэнергии, отключена телефонная связь. 21 апреля по требованию Баку министр обороны СССР Язов запретил регулярные рейсы вертолетов в Шаумяновск из ереванского аэропорта «Эребуни». К депортации в первую очередь были намечены седа Бузлух, Манашид и Эркедж. Я вспоминал данные из моего рапорта руководству МВД СССР. Значит, дискриминации подверглись 1860 человек, в том числе 560 пенсионеров, 450 детей. А ведь пятеро детей родилось в этом — 1991 году. Большая часть жителей — женщины. В результате вооруженного натиска убито 18 человек, в основном люди пенсионного возраста. Следующим, было, село Веришен. Там 5 тысяч жителей! Как потом рассказывал народный депутат России Анатолий Шабад, против жителей Веришена применялись боевые вертолеты, артиллерия, крупнокалиберные пулеметы, установленные на БМП и БТР войск 4-й армии. Огонь велся по окрестностям и домам. Три снаряда взорвались в центре села. Жители и беженцы из ранее депортированных армянских сел были терроризированы до такой степени, что сами начали покидать дома.

В ходе операции «Кольцо» жесткому давлению со стороны войск, бесчинству и грабежам азербайджанцами подверглись 26 армянских деревень и сел в Шаумяновском, Гадрутском и Шушинском районах, расположенных на юге и западе НКАО. Депортировано было почти десять тысяч человек, погибли — более ста человек. Свыше шестисот мужчин стали заложниками, подверглись пыткам и насилию. Вслед за военной силой в села врывались группы азербайджанцев из близлежащих населенных пунктов. Они конфисковывали дома, машины, скот, другую личную собственность, подгоняли грузовики и увозили награбленное. Заявления и жалобы армянских жителей никто не рассматривал.

Армян депортировали в никуда. Их никто и нигде не ожидал.

В Степанакерте и Ереване графика выдворения соотечественников из родных мест, естественно, не имели. В планы Баку это тоже не входило. Горбачева судьбы тысяч граждан собственного государства не интересовали. Балом правили Муталибов и Поляничко.

Депортированных армян доставляли на вертолетах, но не сразу в Армению, хотя дальность полета машин позволяла это сделать, а сначала — в Степанакерт. Делалось это специально. Азербайджанскому руководству необходимо было деморализовать карабахцев. Показать измученных и напуганных детей, женщин, стариков, продемонстрировать, кто в доме хозяин и чьими руками проводится операция «Кольцо».

Все. Гигантская машина запущена. Государство необдуманно и антигуманно в полную силу выступило против своих беззащитных граждан. В угоду лживому руководству одной национальной республики отдан на поругание целый народ. Да нет, не один народ, не только армяне, но и азербайджанцы, ради которых так старались их руководители-националисты, и народ русский, чьи посланцы, выполняли приказы Баку. Рушились веками оберегаемые братские отношения.

Из журналистского репортажа узнаю» что 19 мая на Манежной площади в Москве Комитет российской интеллигенции «Карабах» провел митинг-протест против депортации армян из районов Азербайджана, против нарушений их прав и свобод. Но это теперь уже ничего не значило и практического смысла не имело.

О событиях в Баку 20 января 1990 года. Год спустя

В апрельский солнечный день 1991 года, после участия в праздничной пасхальной службе в Бакинской православной церкви, расположенной напротив кинотеатра «Шафаг» на Нагорной улице, я вместе с сопровождающим меня заместителем начальника Насиминского райотдела внутренних дел майором милиции Вагифом Кулиевым, талышом по национальности, посетил на Аллее Почета мемориальное захоронение жертв трагических событий января 1990 года. Возложил гвоздики. Там я обратил внимание на два обстоятельства, Первое, что мемориал состоял из тех, кто погиб только 20 января 1990 года. Второе, все захоронения значились под фамилиями лишь азербайджанской национальности. У меня, естественно, возник вопрос:

— Почему здесь нет упоминаний о погибших в другие дни января, в том числе об армянских жителях Баку, советских солдатах и офицерах?

Майор Кулиев ответа на этот вопрос не знал. Все мои попытки потом услышать в официальных азербайджанских кругах достаточно аргументированную версию создания мононационального мемориала успеха не имели. Везде объясняли, что мемориал является символом насилия советской армии над демократическим движением азербайджанцев. Про массовые погромы и убийства армян, а также гибель советских солдат и офицеров, русского населения от рук азербайджанских националистов и прочие «неудобные» детали в декабре 1990 и январе 1991 годов старались не говорить. А ведь это, по крайней мере, несправедливо.

Сведения о Бакинском черном январе ко мне в эти дни стекались непроизвольно и обильно, так как занимался изучением влияния деятельности религиозных и неформальных организаций на состояние оперативной обстановки в республике, а также оценкой намерений руководства Азербайджана по насильственной депортации армян из Шаумяновского района. Вольно или невольно, но я общался постоянно с очевидцами прошлогодних событий: общественными деятелями и представителями властных структур, работниками правоохранительных органов, военными. Русские, украинцы и другие русскоязычные сотрудники к этому времени уже покинули Баку. Кроме военнослужащих, в основном, это были азербайджанцы. Они сами были инициаторами разговоров о тех

трагических днях. Даже год спустя многие из них не оправились от шока повальных погромов и уличных боев.

О Бакинских событиях написано, вроде бы, немало. Их невозможно было приглушить, как с кровавой драмой в Сумгаите, е массовыми армянскими погромами 1988 года в Кировабаде, Нахичевани, Шамхоре, Ханларе, Казахе, Шеки, Мингечауре. По количеству жертв, продолжительности и масштабам погромов, особенно, по их последствиям в советской действительности им не было равных. Они стали роковыми для судеб почти миллиона азербайджанцев и армян, тысяч русских, превратившихся их в своей же стране в беженцев и депортированных яиц и, как оказалось, на многие годы. И все же официальная информация о многонедельных погромах, насилии, многочисленных убийствах людей, разгуле мусульманского национализма, выступлениях против конституционного строя подавалась дозировано, приглушенно, а суть происходившего государственного переворота тщательно пряталась за сетованием на неутихающую межнациональную рознь.

А ведь события в Баку, зная о них истинную правду, повергают в моральный и нравственный транс. Даже рассказы очевидцев январских событий указывали не только на их не случайность в череде националистического антиармянского противостояния, но и на подготовленность оппозиции к вооруженному антисоветскому конституционному перевороту в Азербайджане, на его истинных идеологов и организаторов и несвоевременность принятых руководством СССР мер по их предотвращению.

Факты свидетельствовали, что весь 1989 год так называемая демократическая оппозиция закалялась в создании нестабильной ситуации в Баку и в целом в республике, переходила от скрытых разовых акций террора армянского населения к организационному оформлению и централизованному управлению своим националистическим движением. В июле образован Народный фронт Азербайджана, отделения которого вскоре открылись во многих городах и районах республики. На первых порах деятельность НФА, вроде бы, носила достаточно демократический характер. В его составе были видные представители интеллигенции, люди, как бы желавшие избавить республику и страну от недостатков. На этом он быстро завоевал авторитет среди широких слоев азербайджанцев. Но как гласит старая мудрость: «Революции задумывают идеалисты, осуществляют фанатики, а их плодами пользуются негодяи». Вскоре спекуляция националистическими лозунгами, организация хаоса и разгула национализма стали сутью его

идеологии и деятельности. Более того, НФА стал проявлять стремление реализовать в Азербайджане идеи исламской самостоятельности и пантюркизма. И это не случайно.

У истоков создания НФА стояли эмиссары турецких и других спецслужб. Особенно их деятельность активизировалась после того, как в ночь на 1 января 1990 года бесчинствующими толпами азербайджанцев были разрушены восемьсот километров советской границы с Ираном. В Азербайджан, а через него и в другие регионы СССР, бесконтрольно хлынул поток оружия, антисоветской провокационной литературы, множительной техники, средств связи. Накануне Бакинских событий тысячи людей переходили границу в том и другом направлении. Без сомнения, что и через этот канал шло обеспечение экстремистских группировок Народного фронта всем необходимым для осуществления вооруженного переворота.

С помощью турецких пантюркистских организаций (Националистической партии «Мусават», Народно-демократической партии Турана, Общества азербайджанской культуры и Общества Карской культуры, террористической правоэкстремистской и неофашистской организации «Серые волки» и Партии национального движения и других) сеть националистической: агентуры и пантюркистских организаций развернулась по всей территории Азербайджанской республики. Их деятельность по раздуванию экстремизма в республики напоминала программу и лозунги азербайджанских националистов 1918–1920 годов «Смерть армянам»! «Азербайджан для азербайджанцев», «Союз с братской Турцией», «За Великий Таран». Крупнейшие города Баку, Сумгаит, Менгечаур были поделены на районы для организации провокаций, беспорядков, погромов, оказания сопротивления органам правопорядка и войскам. Сценарии сумгаитских и последующих за ними событий использовался для обучения новых рядов погромщиков.

Подмечена еще одна важная деталь, что носителями и реализаторами идей исламской самостоятельности в Азербайджане стали выходцы из Нахичевани, а также из числа беженцев из Армении, причем представители одного влиятельного номенклатурного азербайджанского клана. Руководство НФА фактически стало их исполнителем. Ближайшая история покажет эти лица и их истинную заинтересованность. Так после январских событий 1990 года вынужден будет срочно покинуть республику ее партийный руководитель Везиров, через два года тот же вариант ожидал руководителя Азербайджана Муталибова. Лидер НФА Эльчибей, одно слово которого

выводило на площади Баку до полумиллиона человек, ставший в 1992 году президентом Азербайджана, через год будет смещен кировабадским полковником Суретом Гусейновым.

Свидетели рассказывали, что именно в этот момент к воротам Бакинской ставки Сурета Гусейнова прибывает автомобиль с руководителем парламента Нахичеванской республики, бывшим членом Политбюро ЦК КПСС Гейдаром Алиевым. Как вспоминает сам Сурет Гусейнов, тогда он вдоволь поиздевался над бывшим многолетним властителем советского Азербайджана. Но Гейдара Алиева не смутила ни необходимость долгого ожидания аудиенции, ни другие проявления неуважения. Напротив, допущенный, в конце концов, к мятежному полковнику, он опустился на колени, поцеловал бронетранспортер, на котором приехал из Кировабада в Баку Сурет Гусейнов. Затем в течение пяти часов хитроумный Гейдар Алиев убеждал полковника: я, мол, стар, дряхл, смертельно болен и не помышляю ни в чем, кроме как о передаче тебе своего опыта. Наконец Сурет Гусейнов соглашается на пост премьера при президенте Алиеве. В этот момент он подписывает себе приговор. Меньше чем через два года полковник объявляется «изменником родины», позже его приговаривают к пожизненному заключению.

О целях и глубине деятельности Народного фронта Азербайджана, приведшей к трагедии, жертвам, их последствиях, в полной мере раскрывает не только содержание моего дневника. К моменту подготовки второго издания настоящей книги завесу над осуществлением истинных планов НФА вдруг приподнял Вагиф Гусейнов, бывший в те годы председателем Комитета Государственной Безопасности Азербайджана. По этому поводу он 6 февраля 2004 года дал интервью газете «Московский комсомолец». Я доверяю фактам, приведенным в нем Гусейновым, хотя они с моими данными совпадают не полностью. Но это, на мой взгляд, не важно. Чрезвычайно важно другое. Их достаточно правдиво называет человек, бывший на одной из самых высоких властных должностей в республике, призванный, в первую очередь, обеспечивать в ней безопасность людей, незыблемость существующего государственного строя и сохранение конституционного правопорядка.

Мы знакомы с Вагифом Гусейновым. В конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века он был первым секретарем ЦК комсомола республики, потом какое-то время моей работы в ЦК ВЛКСМ совпало с его деятельностью в Москве секретарем Центрального Комитета комсомола. Вагиф и сегодня пользуется авторитетом среди ветеранов комсомола. Правда, во время карабахских событий, нам встречаться не привелось. Может и к

лучшему. Наши позиции в то время, наверняка, были по разным сторонам карабахской баррикады.

Вагиф Гусейнов в 1994 году написал и издал книгу, в которой со своих позиций, разумеется, попытался откровенно рассказать о Бакинских событиях января 1990 года. Но после того как с ней познакомился президент Азербайджана Гейдар Алиев, ее тираж был уничтожен. С тех пор Гусейнов живет в Москве, стал одним из известных политологов, ведущим российским аналитиком по геополитике Кавказа. Вот как он оценивает тот бакинский период:

— В октябре 1989 года я встретился с лидерами Народного Фронта Азербайджана Абульфазом Эльчибеем и Этибаром Мамедовым. Тогда я их спросил: «Почему вы не хотите пойти по пути народных фронтов Литвы, Латвии, Эстонии? Вы тоже можете в рамках конституции и существующих законов добиваться избрания в Верховный Совет». Они ответили, что, мол, каждая страна имеет свои особенности «…и вообще завоевание свободы не бывает без крови. Да, мы знаем, что будут жертвы! Но это будут жертвы во имя свободы».

— Вы берете на себя ответственность за будущие жертвы? Вы сознательно ведете людей на кровопролитие? — воскликнул я.

— Да, мы считаем, что чем больше прольется крови, тем лучше будет сцементировано мужество и идеология нации. — Таким был ответ.

Беспорядки в Баку тщательно готовились Народным фронтом. В новогоднюю ночь 1990 года толпой была разрушена государственная граница с Ираном (около 800 километров). А Ц января в Баку начались массовые погромы армян. В них участвовало около 40 групп числом от 50 до 300 человек. Царила полная анархия. Милиция ничего не могла сделать. 59 человек (из них 42 армянина) было тогда убито, около 300 ранено.

— О предстоящем вводе войск центр нам не сообщил, — продолжает Гусейнов, — но КГБ располагал службой контролирующий радиоэфир. И 19 января мы заметили большую активность на используемых военными частотах. Стало понятно, что войска готовятся войти в город. Я по собственной инициативе вновь встретился с Эльчибеем, сказал ему, что надо предпринять все меры для того, чтобы избежать столкновения жителей Баку с войсками. В ответ Эльчибей пообещал мне поговорить с руководителями Народного фронта. В пять часов вечера он мне позвонил и сказал, что лидеры НФА вышли из его подчинения. Поэтому он ничего не может сделать. Эльчибей также заявил, что ЦК, правительство тоже виновато. Они довели ситуацию, до такого тупикового состояния, Я знаю, что, говоря о выходе прочих лидеров Народного фронта из-под его подчинения, Эльчи

бей лгал. В чем был смысл позиции НФА? Они хотели замазать кровью тогдашнее руководство ЦК, держать их на коротком поводке, напоминая об этих событиях. А также привлечь внимание мировой общественности. Эльчибей так прямо и заявил: пока в Тбилиси не пролилась кровь, международные правовые организации не обращали на Грузию никакого внимания. 20 января ночью в Баку вошли войска. Из-за баррикад в них стреляли и оказывали сопротивление. Всем этим управлял Комитет обороны Азербайджана — самопровозглашенный неконституционный орган, целиком состоявший из активистов Народного фронта.

Можно ли было предвидеть взрыв? Однозначно, да. В октябре 1989 года мы в КГБ Азербайджана подготовили записку. Там руководство страны и республики прямо предупреждалось: в ближайшие два-трим есяца может произойти кризис и взрыв; массовые беспорядки… Об этом знали союзные лидеры. В те времена только центр обладал реальной властью и реальной полицейской силой для предотвращения крупномасштабных организованных или стихийных беспорядков. Но первые девять дней беспорядков в Баку силовики ни во что не вмешивались. В Баку находился большой контингент внутренних войск МВД СССР — более 4 тысяч человек. Они бездействовали, ссылаясь на то, что у них нет распоряжения руководства.

Мне позвонил председатель КГБ СССР Крючков. Он поинтересовался, почему внутренние войска МВД СССР не пресекают беспорядки. Я ответил: «Руководству МВД заявило, что без соответствующего письменного распоряжения или введения ЧП ничего предпринимать не будет». Я напомнил Крючкову слова, сказанные ранее командующим внутренними войсками МВД СССР Шаталиным: «С нас довольно Тбилиси. Решение принимали политики, а отвечали мы». Наступило молчание. Выждав, я спросил у Крючкова: «Владимир Александрович, наверное, вы меня не поймете, если я спрошу вас: «Что происходит? Тысячи людей выбрасывают из Армении в Азербайджан, а центр бездействует. Это похоже на какой-то кошмарный сон. Теперь здесь убивают людей, сжигают, сбрасывают с балконов, а параллельно многочасовые совещания, доклады в Москву, многозначительные кивки, и все в ожидании. Но никто ничего не хочет делать. Что за этим стоит?» Крючков ответил: «Вы же знаете, что решения у нас принимаются, к сожалению, поздно или вообще не принимаются…»

Интервью Вагифа Гусейнова, с профессиональной точностью характеризует важные фрагменты подготовки и осуществления НФА масштабных жестокостей по отношению к армянам,

сравнимых с турецким геноцидом, по окончательному выдворению их из Баку и других районов республики. Одновременно, Гусейнов, по сути, изнутри раскрывает события, длившиеся далеко не один день и даже не один месяц, а, самое главное, планы достижения конечной цеди НФА-захвата власти в республике и образования Исламского государства. Фрагмент его телефонного разговора с председателем КГБ СССР Крючковым красноречиво говорит о бездеятельности лично Горбачева в той крайне критической ситуации для Баку, Можно только предполагать сколь богато и обширно было содержание книги Вагифа Гусейнова, если оно вызвало к нему беспощадную реакцию самого Гейдара Алиева.

Мои же данные, в отличие от тех, что изложил Вагиф Гусейнов, день за днем прослеживают развитие Бакинских событий января 1990 года, третьей и окончательной после Сумгаита и Кировабада волны массовых армянских погромов в Азербайджане. Действительно, к началу января власть в Баку безраздельно принадлежала НФА. Более месяца на армянские квартиры совершались нападения, сопровождаемые убийствами, насилием, грабежами. Участились случаи проявления насилия над русскими жителями города, семьями военных, насильственного выселения их из квартир.

Вот одна из тысяч жертв антирусских бесчинств азербайджанцев, одурманенных националистической исламистской пропагандой Народного Фронта конца 1989 года. Это Елена Геннадьевна Семерякова, тогда жена советского офицера, а ныне член Общественной палаты Российской Федерации, председатель Центрального правления общероссийской организации «Женский диалог»:

— Мы, русские, советские граждане, находясь в конце 1989 года в окружении мусульманского населения в советском Азербайджане, оказались в настоящей оккупации. Ни еды, ни воды, ни света. Для меня беременной женщины с двумя детьми это была страшная реальность: полная незащищённость и беспомощность, когда в любую минуту могут прийти вооружённые азербайджанцы, убить, ограбить, сделать с тобой что угодно. Я была с мужем-офицером в Афганистане. Там, чтобы там не говорили, не наша территория, чужие люди. А здесь — Родина, Советский Союз, братские народы, люди одной общности — советский народ. И мы блокированы. Мы не знали, гражданами какой страны мы являлись? Невероятно страшно.

Я лично не понимала, в какую ужасную ситуацию попала. Как всякая советская женщина хотела нормально уйти в декретный отпуск, получить положенные отпускные деньги и пособие на

новорождённого, чтобы шел стаж. Поехала как-то с нашими солдатами в городскую больницу брать обменную карту. Иду в женскую консультацию, а там чистят автоматы, разделывают бараньи туши. Мне со смехом говорят: давай сдай кровь из вены. Увидела грязные шприцы и, естественно, никакой крови сдавать не стала. Я молила бога, чтобы мне живой оттуда выйти! Там же мне, якобы на основе предыдущих результатов анализов моей крови, сунули какую-то справку, где значился диагноз «сифилис». Когда я прилетела к маме в Свердловск, мне сразу сказали, что никакого сифилиса и в помине нет, но уезжать с такой справкой было, мягко говоря, не совсем уютно. Об отъезде из этого ада, который следует больше считать побегом, с детьми на руках и маленьким узелком с документами, вспоминать и сегодня страшно. В аэропорту меня не хотели выпускать. Тыкали в живот автоматами, дети жались ко мне, только тихонько попискивали.

Поражало то, что даже сослуживцы, вместе воевавшие в Афганистане, делившиеся там последним глотком воды и куском хлеба, вдруг стали врагами. Какой силы была ненависть азербайджанцев к армянам. Я лично у себя скрывала двух армянских детей, мальчика и девочку, ровесников моих мальчишек.

Представьте свой дом, с вами ваши дети, совсем маленькие, скоро должен появиться третий. А ваш дом неоднократно взрывают, выбивают двери. К вам вламываются почему-то вооружённые азербайджанцы, заявляют, что отнимут мальчиков, так как «нам нужны воины». Запомнился один прапорщик, азербайджанец. Нормальный раньше был человек, а тут!

Ворвался в мою квартиру, разговаривал угрожающе, при этом сказал, что я отсюда никуда живой не уеду. Пришлось уговаривать, напоминать, что когда-то в Афгане он приносил мне картошку, морковку, не давал умереть с голоду. Спрашивала, в чём моя вина? В ответ: «Ты у себя скрывала армян». А армяне те, я уже говорила, были крошечные дети. Их отец погиб от рук азербайджанцев, о матери я ничего не знала. К счастью, малышей однажды ночью увезли родственники.

11 января на митинге мусульманские ораторы стали требовать изгнания армян из Баку, организовать массовый поход на Карабах. Руководство НФА пошло на беспрецедентный шаг, направленный на легализацию своей власти. Партийному и государственному руководству республики был предъявлен ультиматум о немедленном созыве сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР. Радиоцентр и ряд правительственных зданий перешли в руки НФА. Многотысячный митинг перед зданием ЦК компартии республики требовал отставки его первого

секретаря Везирова. НФА сформировал совет национальной обороны и призвал народ к военным действиям в случае вступления в город советских войск. С 12 января погромы в столице республики приобрели общегородской характер. Дом за домом очищался от армянских жителей.

13 января состоялся 150-ти тысячный митинг, после которого толпы погромщиков, возглавляемые активистами НФА, скандируя антиармянские лозунги, пошли по адресам из размноженных списков и начали выселять армян из их жилищ. Бандиты врывались в квартиры и дома армян, сбрасывали их с балконов, заживо сжигали на кострах, применяли изуверские пытки, некоторых расчленяли, насиловали девочек, женщин, старух. Семь последующих дней в городе безнаказанно длилась вакханалия насильников, грабителей и убийц армян. А тем, кому удавалось избежать гибели, подверглись насильственной депортации. Тысячи армян паромом через Каспийское море доставлялись на восток в порт города Красноводска Туркменской ССР, а оттуда самолетами в Армению. Только 19 января по сводкам МВД, которые вряд ли отражали действительность, в Баку было убито 60 армян, около 200 ранено, изгнано из города 13 тысяч.

Депортация проводилась под контролем и при организации активистов НФА. Схема действий погромщиков была однотипной. Вначале в квартиру врывалась толпа из 10–20 человек, начинались избиения армян. Затем появлялся представитель Народного фронта, как правило, с уже оформленными по всем правилам документами на обмен или якобы продажу квартиры, после чего немедленно предлагалось покинуть жилище и направиться в порт. Людям разрешали брать вещи, но при этом отбирали деньги, драгоценности, сберегательные книжки. В порту действовали пикеты НФА, они обыскивали беженцев, иногда снова избивали.

Азербайджанские правоохранительные органы не только бездействовали, но нередко сами участвовали в погромах и грабежах. Чувствуя безнаказанность, погромщики стали совершать насилия и в отношении русских и русскоязычного населения, вынуждая и их в массовом порядке также покидать республику. Как и в Сумгаите, Кировабаде было немало азербайджанцев, которые в условиях кровавого беспредела, рискуя жизнью, спасали своих армянских друзей, соседей, а то и просто незнакомых.

Президент СССР М. С. Горбачев, в случае с событиями в Баку, повел себя традиционно — длительное время занимал выжидательную позицию. В этих условиях руководители КГБ,

МВД и Министерство обороны СССР не могли даже отдать приказ давать отпор вооруженным нападениям активистов НФА на воинские и пограничные части. Только 15 января Президиум Верховного Совета СССР утвердил подписанный Горбачевым Указ о введении режима чрезвычайного положения в Азербайджане. Но и здесь был казус. Чрезвычайное положение вводилось, безусловно, только на территории Нагорно-Карабахской автономной области, а также в районах, приграничных с ней и расположенных на границе с Ираном. А вот в Баку ввести его предлагалось Президиуму Верховного Совета республики. Но к тому времени было очевидно, что азербайджанское руководство безнадежно утратило контроль над ситуацией, и что НФА не удовлетворится армянскими погромами, а также традиционной сменой партийного лидера республики. Несомненным является и факт того, что Горбачев имел от спецслужб страны достаточно достоверную информацию о сложившейся ситуации в Баку и в Азербайджане в целом. В это время там, в виде помощи первому секретарю ЦК партии Везирову, находились Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, академик Примаков и секретарь ЦК КПСС Гиренко. Видимо, Горбачев надеялся, что санкцию на ввод войск в Баку даст республиканское руководство. Но оно предпочло тоже уклониться и переложило ответственность даже за свое спасение на Москву. 19 января Горбачев все-таки подписал специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении чрезвычайного положения в городе Баку», который гласил: «В связи с резким обострением обстановки в городе Баку, попытками преступных экстремистских сил насильственным путем, организуя массовые беспорядки, отстранить от власти законно действующие государственные органы и в интересах защиты и безопасности граждан Президиум Верховного Совет» СССР, руководствуясь пунктом 14 статьи 119 Конституции СССР, постановляет: «Объявить с 20 января 1990 года чрезвычайное положение в городе Баку, распространив на его территорию действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 года».

К этому времени обстановка в Баку и республике была уже хуже некуда. Погромы жилых домов и квартир не прекращались ни на один час. Автомобильные и железные дороги были блокированы, на транспортных магистралях выставлены заслоны из грузовиков и автобусов. На железнодорожных станциях Уджары и Кюрдамир экстремисты задержали два воинских эшелона. В 19 часов 30 минут в Баку в одной из секций главного энергоблока республиканского телевидения произошел сильный взрыв, по всей вероятности самодельного взрывного устройства. В

результате была выведена из строя система энергоснабжения. Телевидение прекратило работу, В Баку не вышли газеты. С вечера 19 января НФА организованными толпами экстремистов блокировал здания местных органов власти, почтамт, радио и телевидения, перекрыли движение общественного транспорта.

В ночь на 20 января в Баку по приказу Москвы были введены войска. Это спасло жизнь тысячи жизней горожан. Но сделать это было крайне сложно. Десант пришлось высаживать на одну из центральных площадей — «площадь Украины». Иного пути попасть войскам в город в тот момент не было. Руководство Народного фронта, информированное о сроках ввода войсковых частей в город, сознательно организовало им вооруженное сопротивление. На пути продвижения солдат вставали не только препятствия. Из-за грузовиков на дорогах, завалов на шоссе, баррикад на улицах по воинам велась стрельба из различных видов оружия. С крыш домов стреляли снайперы, на улицах действовали летучие отряды боевиков. Баку был охвачен боевыми действиями. Над городом с утра барражировали вертолеты, с которых разбрасывались листовки. В них содержался призыв к населению сохранять спокойствие, к прекращению вооруженной борьбы. Такой способ общения с населением для армии был единственным. Кроме телевидения молчало и радио.

Ввод воинских частей в Баку был организован скверно. Войска, входившие в ночной город, не располагавшие оперативной обстановкой, сведениями о дислокации вооруженных банд, характере их вооружения, на первых порах вели только ответный огонь, что называется» вслепую, несли потери. Боевики были вооружены не только охотничьими ружьями и самодельными гранатами, но и современными автоматами, пулеметами, даже гранатометами. Экстремисты использовали современную технику, мешали армейской радиосвязи. Основное сопротивление боевиков в Баку было подавлено через сутки, но отдельные столкновения с гибелью людей продолжались даже в феврале. Многие жители и, особенно, дети погибли в своих квартирах при обстреле домов снайперами НФА.

Как в действительности развивались события ночи 20 января и последующих дней в разных районах Баку опять же подтверждают рассказы очевидцев. Вот что поведал командир Тульской воздушно-десантной дивизии полковник Александр Иванович Лебедь, ставший впоследствии знаменитым генерал-лейтенантом, Героем России и губернатором Красноярского края:

— Январь, зима, светает поздно, темнеет быстро. Самолет, в

котором я летел, приземлился в густых сумерках на аэродром Кала, что в 30 километрах от Баку. Кругом ненавязчиво постреливали. Задача — взять двухмиллионный город — милая и простенькая. Чтобы успешно выполнить ее, надо было вначале успешно выбраться с аэродрома. За воротами во мраке — контуры большегрузных машин; между ними мелькают контуры людей, у некоторых в руках автоматы, двустволки; раздаются мат, вопли. Я попытался вступить с ними в переговоры:

— Мир вашим домам, освободите проход, я гарантирую, что ни один волос не упадет с вашей головы.

В ответ истерическое:

— Вы не пройдете… Мы все ляжем, но вы не пройдете…

— Ну, черт с вами, я вас предупредил.

В ответ улюлюканье, свист, ликующее злорадное гоготанье.

— Вперед! — приказал я.

— Через проделанные проходы роты вырвались на шоссе. В считанные секунды замкнули клещи. Десант спешился и с криком «ура», стреляя в воздух в целях создания паники, атаковал с двух направлений. Не ожидавшие от нас такого свинства, «победители» с воплями разбежались по находящимся на противоположной стороне дорога виноградникам, но не все, 92 человека были отловлены, сбились в кучу. От былого торжества не осталось и следа. Убитых и раненых не было. На земле валялось оружие, хозяев у него, естественно, не нашлось. Ведь ночью все кошки серы. «Уралы» растащили и растолкали КрАЗы и КамАЗы. Путь был свободен.

Рязанский полк шел тяжело. В общей сложности пришлось расшвырять, разбросать, преодолеть 13 баррикад разной степени плотности, 30 километров и 13 баррикад. В среднем одна на 2–2,5 километра. Дважды противодействующая сторона применяла такой прием: по шоссе, где предстоит пройти полку, мчится наливник тонн на 15. Задвижка открыта, на асфальт хлещет бензин. Топливо вылито, наливник отрывается, а из окружающих виноградников на дорогу летят факелы. Колонну встречает сплошное море огня. Ночью эта картина особенно впечатляет. Колонна начинает с двух сторон, по виноградникам, по полям обтекать пылающий участок; из виноградника гремят выстрелы; роты скупо огрызаются. Тягостная в целом картина. Эти тридцать километров стоили рязанскому полку семерых раненых с пулевыми ранениями и трех десятков травмированных кирпичами, арматурой, трубами, кольями. К 5 часам утра полки овладели назначенными им районами. С востока, со стороны аэродрома «Насосная», в город вошла Псковская воздушно-десантная дивизия.

Ситуация в городе была настолько сложной, что одних десантников там не хватало. Одной из главных задач вошедших в Баку войск было разблокировать военные городки. В первую очередь Сальянских казарм, в которых дислоцировалась Бакинская мотострелковая дивизия (МСД) 4-й Армии и Бакинское высшее общевойсковое командное училище. Затем совместными усилиями взять под охрану основные объекты столицы Азербайджана: государственные учреждения, предприятия, прекратить убийства армян, грабежи магазинов и квартир офицеров войсковых частей, расквартированных в городе, обеспечить четкий порядок в интересах большинства населения.

— С 10 января КПП дивизии, — рассказал мне командир взвода шестой роты второго батальона 135 полка Бакинской МСД и недавний выпускник Московского высшего командного училища имени Верховного Совета РСФСР, старший лейтенант Сергей Утинский, — были блокированы толпами активистов НФА, бензовозами и поливальными машинами, заправленными горючим. Машины, выезжающие из казарм в город по различным нуждам, офицеры и солдаты, находящиеся в них, подвергались унизительному доскональному досмотру. На крышах высотных домов, расположенных вокруг казарм, экстремистами были установлены крупнокалиберные пулеметы ДШК и прожекторы. На чердаках обосновались снайперы и автоматчики, так что территория казарм была как на ладони и полностью простреливалась. Из-за участившихся нападений азербайджанцев на офицерские квартиры с 15 января из Баку началась эвакуация офицерских семей. Вместе с ними отправлялись и армянские жители, нашедшие укрытие в казармах или квартирах военных. Кого не успели отправить в другие города, сосредоточили в казармах,

Офицерский состав дивизии находился на особом казарменном положении с начала января, однако до 17 января никаких приказов на противодействие вооруженным бандам, защиту населения, охрану важнейших государственных и хозяйственных объектов не поступало. Только в этот день дежурным нарядам на КПП было выдано оружие. Почти половина рядового и значительная часть младшего командного состава полка была из числа местных призывников. В 135 полку солдаты-азербайджанцы стали выходить из подчинения, не выполнять приказы командиров. В первом батальоне они фактически организовали восстание, предприняв попытку покинуть полк. Только своевременными и решительными действиями командира полка подполковника Орлова и офицеров батальона, в основном прошедших Афганистан, бунт азербайджанцев был пресечен, всех

изолировали под охрану.

Когда, наконец, поступил приказ командования на деблокаду КПП, то командиры и бойцы проявили немалую смекалку. Дело в том, что периметр их каменной ограды составляли стены органично встроенных в нее корпусов боксов для броне — и автотехники. Чтобы предотвратить поджоги бензовозов, людские жертвы и разрушения в районе КПП, танкисты протаранили внешние стены своих боксов. Стремительный выезд танков, БТРов и БМП с бойцами на броне застал врасплох поджигателей и взрывников.

Кстати, лейтенант Утинский об архитектурно-строительных достоинствах Сальянских казарм рассказывал с нескрываемым уважением и юмором:

— Бытует легенда, что свое название они получили от француза по фамилии Сальян. Служил француз в русской армии в царствование императора Николая I. По какому то случаю, француз проштрафился перед его императорским величеством. За свою провинность он по высочайшему указу был направлен служить в Баку, считавшимся тогда совершенно диким местом Российской империи. Француз был хорошо образован, обладал оригинальными архитектурными взглядами, высокими организаторскими способностями. Прибыв в захолустный Баку и, желая искупить перед царем вину, развил бурную деятельность. Под его личным руководством буквально за 3–4 года построили красивую и добротную крепость-городок, причем с учетом особенностей местной архитектуры и климата. Зимой в казармах тепло, а летом прохладно. Городок искусно озеленен, благодаря чему в нем создался изумительный микроклимат. Совершив инициативный строительный подвиг, Сальян, надеясь на снисхождение царя, отправил Николаю I восторженную депешу: «Государь, докладываю, в этом диком краю я, Сальян, построил земной рай!». Ответ императора был скор и краток: «Построил земной рай — молодец! Ну и живи в нем!» Что было потом с Сальяном, не — известно. Но имя свое он увековечил в шедевре военно-фортификационного искусства, который стал составной частью городской застройки.

Надо отметить, что из четырех полков Бакинской дивизии, только 135 полк был развернутым, то есть полностью укомплектованный личным составом согласно штатным нормативам. Остальные же — кадрированные или на период мирного времени состоящие, в основном, из офицерского состава. Они-то и должны быть на случай чрезвычайного или военного положения доукомплектованы бывшими военнослужащими-резервистами из рабочих, колхозников, инженеров, учителей и

т. д. Полки Бакинской дивизии и другие мотострелковые части, пополненные в соответствии с планами Генерального штаба на этот случай из числа резервистов Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, принимали самое непосредственное участие в разблокировании города, а фактически в подавлении основной части мятежа. Не стриженные, бородатые и обмундированные на скорую руку в залежалую на армейских складах униформу старого образца, они, надо признать, храбро решали поставленные задачи. Но мнению военных, на их долю выпала самая сложная боевая задача. Им пришлось буквально пробиваться по каждой улице города, обследовать каждый дом, встречая ожесточенное сопротивление боевиков, нередко вооруженных гораздо лучше ополченцев. Но 30–40-летние «партизаны» с автоматами АКМ-47 действовали умело, расчетливо и разумно распоряжались своими военными навыками и умениями, полученными в период строевой службы, а многие закрепившие их в Афганистане, на масштабных армейских учениях, участвуя в аналогичных ситуациях в Чехословакии, других локальных военных операциях. Они по-отцовски оберегали от рисковых шагов юных однополчан. Своими грамотными действиями, порой, ценой своей крови или жизни спасли от гибели многих необстрелянных солдат.

В ответ на стрельбу боевиков военные вынуждены были вести ответный поражающий огонь. Но эта мера была вынужденная. На протяжении нескольких дней агрессивные силы НФА не реагировали ни на какие просьбы и уговоры воинов. В Баку в период между 20 января и 11 февраля погибло 38 военнослужащих. Многие, как лейтенант Сергей Утинский, пострадали от пуль боевиков, от камней, арматуры, брошенных в них с балконов, крыш, из подворотней домов азербайджанцами, ослепленными националистической заразой.

Бакинские события оказали губительное влияние на другие районы Азербайджана, представители Народного фронта на местах действовали безнаказанно и нагло. На юге Азербайджана официальные органы власти были разгромлены, разогнана милиция.

После январских событий было арестовано около 300 погромщиков и боевиков, в том числе многие руководители Народного фронта, однако они вскоре вышли на свободу и продолжили свою антисоветскую деятельность. Первого секретаря ЦК КП Азербайджана Везирова заменил Муталибов, до этого недолго работавший в должности председателя Совета Министров республики, на которую был переведен с поста первого секретаря Сумгаитского горкома партии. В. П. Поляничко

сохранил свои должности второго секретаря ЦК Компартии и председателя республиканского Оргкомитета по НКАО.

29 февраля 1990 года состоялось закрытое заседание Верховного Совета СССР, посвященное событиям января в городе Баку. Народные депутаты СССР от Азербайджана потребовали на нем создания комиссии по расследованию действий армии, подобную той, что расследовала события в Тбилиси 9 апреля 1989 года. В ответ министр обороны Язов, министр внутренних дел Бакатин, председатель КГБ СССР Крючков изложили факты о резне и бойне в Баку, устроенной национальными экстремистами, которые до этого никогда не появлялись в средствах массовой информации. И компромисс был предрешен. Комиссия не была создана. Доклад о резне и депортации армянского населения из Азербайджана приняли к сведению, без должной оценки остались и попытки националистических сил в совершении государственного переворота и оказания вооруженного сопротивления армии.

Таким образом, руководство СССР за «Событиями в Баку 20 января» фактически скрыло от своего народа, что в Азербайджане круче, чем в Прибалтийских республиках, в открытой и агрессивной вооруженной форме состоялись массовые выступления националистических сил против советской власти, за выход республики из состава Советского Союза. Что эти выступления мусульман сопровождались беспрецедентными убийствами и погромами, массовой насильственной депортацией армян и русских, жестким вооруженным сопротивлением армейским частям. Вина Москвы была очевидной. Ни в одной стране мира власти не позволили бы безнаказанно игнорировать такие погромы. Руководство СССР не вмешивалось до тех пор, пока не встал вопрос о существовании в Азербайджане советской власти и фактическом выходе республики из состава Союза. Только ввод воинских частей в Баку в ночь на 20 января остановил кровавую вакханалию и восстановил в республике конституционный строй.

Азербайджанское партийное и государственное руководство воспользовалось такой беспринципной трактовкой Москвой январских событий в Баку. Оно полностью переложило на нее ответственность за свое политическое бессилие, потерю контроля над обстановкой не только в столице республики, но и на периферии, за фактический переход власти в руки лидеров националистического и антисоветского НФА, а также за многонедельные погромы и убийства армянского и русского населения, военнослужащих. А Советская Армия по азербайджанской версии стала виновной за гибель и ранения

жителей города, пострадавших в большей степени от снайперов и вооруженных банд националистов. «Вторжение в Баку огромного контингента частей Советской Армии и внутренних войск сопровождалось особенной жестокостью и невиданными зверствами. В результате расправы над мирным населением и незаконного введения войск 131 мирный житель был убит, 744 — ранен, 841 — незаконно арестован…» — такая оценка событий властями республики особенно пришлась по душе погромщикам, душегубам, их идеологам и вдохновителям.

Зять Сталина: Нагорный Карабах — крутой узел солнечного сплетения Евразии

Приказ генерала Воронова о том, чтобы накануне проведения в Карабахе операции «Кольцо» я срочно покинул Москву, естественно, выполнил. 29 апреля, за четыре дня до начала отдыха в сочинском санатории МВД СССР «Искра», я уже был в городе Ростове-на-Дону, в гостях у надежного и верного друга юности Юры Волкова, то есть — у Юрия Григорьевича Волкова, доктора философских наук, профессора и проректора Ростовского государственного университета. Это была его идея в августе этого года провести в Сочи совместный отпуск всех пятерых старых и закадычных друзей. К нам должны были присоединиться Володя Добренькое — Добренькое Владимир Иванович; профессор, декан социологического факультета МГУ, Николай Блинов — Блинов Николай Михайлович, профессор, ректор Московской высшей партийной школы при ЦК КПСС,

Коля Слепцов — Слепцов Николай Степанович, профессор, проректор Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Увы, теперь из-за операции «Кольцо», долгожданная дружеская встреча состоится уже без меня.

Несмотря на взаимную радость неожиданной встречи, моя озабоченность ситуацией в Карабахе не осталась не замеченной моим другом. Видимо, желая отвлечь меня от тяжких дум, он предложил навестить своего любимого учителя, да и моего тоже — выдающегося ученого-исследователя, талантливого химика, известного философа и гуманиста нашего времени, члена-корреспондента Академии Наук СССР, председателя Северо-Кавказского научного центра Высшей школы Юрия Андреевича Жданова, с которым в силу взаимной занятости давно не виделись. За более чем 30 лет работы ректором Ростовского государственного университета он стал автором научного открытия в области динамической химии, а за создание имитационной модели Азовского моря в составе авторского коллектива был удостоен Государственной премии СССР. Сын Андрея Андреевича Жданова, видного государственного и политического деятеля СССР, члена Политбюро и ближайшего соратника Сталина, женатого на его дочери Светлане Аллилуевой, в общении с людьми всегда внимателен, прост и искренен. С апреля 1970 года, впервые услышав его удивительно увлекательную лекцию, считаю Юрия Андреевича своим

учителем. Нетрудно представить с какой глубокой благодарностью воспринял я его участие в заседании ученого совета РГУ, на котором проходила защита моей диссертационной работы по философии.

Как я и предполагал, академик встретил нас сердечно. На несколько часов мы оказались во власти ученого-энциклопедиста, безгранично знающего мировую историю, культуру, геополитику… После недолгих взаимных рассказов и расспросов о житье-бытье, Юрий Андреевич поинтересовался моей службой в Карабахе. А когда узнал о предмете моей тревоги, он, как знаток одного из самых сложных в этническом отношении регионов мира и тонкий ценитель Кавказских традиций, даже, как мне показалось, обрадовался, что может поделиться с нами своим мнением на этот счет. Видя его заинтересованность, я откровенно рассказал о своих наблюдениях, в том числе о причине моего неожиданного прилета в Ростов-на-Дону.

Высказал и волновавшие меня сомнения:

— А правильно ли я поступаю, занимая в вопросе по азербайджано-карабахскому конфликту, позицию защиты интересов армян Нагорного Карабаха — отличительную от проазербайджанской политики Горбачева? А может, карабахские армяне все же неправы? Может, завысили они свои, как утверждают руководители Азербайджана, националистические амбиции, а на деле стали сепаратистами и экстремистами. И это в условиях СССР, в котором многонациональность и интернационализм являлись неотъемлемым и явлением во всех отношениях советских народов. Тогда чего не хватает армянам НКАО в составе Азербайджана? Может, и впрямь, в целях погашения конфликта следует помочь Азербайджану убрать с территории его республики непокорных армян? Зная, что Юрий Андреевич, как зять И. В. Сталина» всегда объективно относился к этому этапу своей биографии, я смело сослался на примеры истории сталинского периода, когда круто решались такие вопросы, неоднократно осуществлялись насильственные депортации нескольких национальных народов СССР.

Однако тут же ссылаясь на факты истории, знание документов с различными степенями доступности и грифами секретности и, конечно, на личные профессиональные наблюдения, полученные, что называется, непосредственно в гуще межнациональных событий, задавал много вопросов, которые оказались далеко не в пользу азербайджанской стороны:

— Почему Азербайджан проблемы с отделением НКАО сводит только к территориальному спору? Почему карабахский вопрос для Горбачева остается неразрешимым? А разве

карабахский конфликт только межнациональный? Да, это есть, и отрицать его нельзя. Но так ли сильна межнациональная карта, чтобы в условиях партийно-авторитарного государства, каковым является наша страна, на нее нельзя было бы положить любой козырь авторитаризма и закрыть этот вопрос? Если задуматься и осознать то, что карабахские армяне запросились не куда нибудь за пределы СССР. Абсолютное национальное большинство народа автономии в соответствии с Декларацией о праве наций на самоопределение, не желая больше мириться с грубейшими нарушениями Азербайджаном их прав и свобод, обоснованно выразили стремление воссоединиться со своей исторической Родиной, в составе которой они веками были составной частью. Казалось бы, все понятно и просто. Так в чем же дело?

Я вынул из кармана своего пиджака записную книжку и, почти не сверяясь с ней, стал приводить примеры:

— Советская история времен Сталина, Хрущева, Брежнева имела около 30 примеров изменений национально-территориальных устройств, передачи районов, городов, областей и групп областей из одной союзной республики в другую. Так Хрущев 19 февраля 1954 года при передаче Крымской АССР в состав Украинской ССР без какого-либо опроса или референдума народов Крыма, пренебрегая российской историей, вывел Крым из состава РСФСР.

Скромно и даже безымянно для 6 российских областей Урала и Западной Сибири (Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Уральской), звучал государственный акт «Частичные изменения границ между Казахской ССР и РСФСР от 20 апреля 1956 года», в результате которого они передавались Казахстану в целях целенаправленного освоения целинных земель.

Территориальные изменения в 1950–1970 годах проводились Российской Федерацией с Белорусской ССР (1964), с Грузинской ССР (1955, 1957), с Латвийской ССР (1964) и Эстонской ССР (1946, 1957), а также между Казахской и Узбекской ССР (1963,1971), Киргизской и Узбекской ССР (1972), Таджикской и Узбекской ССР (1959, 1972). Эти и другие бесконфликтные межнациональные территориальные изменения осуществлялись на основании лишь Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Юрий Андреевич Жданов внимательно выслушал меня, и прежде чем отвечать на вопросы, не без удовлетворения, заметил, что в Закавказье нет уголка, где бы не бывал. Наизусть стал читать отрывки из поэтических произведений Данте, Нарекаци, Низами, Туманяна, Руставели, Пушкина, Грибоедова, Брюсова, Мандельштама… И все о Кавказе. Напомнил о следах великой

античной цивилизации, протянувшейся от Парфенона до Гарни в Армении и Танаиса, что нашем Тихом Дону, вблизи Ростова-на-Дону. О Прометее, прикованном к скале Кавказа. О памятной для него встрече с католикосом всех армян Вазгеном I. Незаметно он перешел к сути моих переживаний и вопросов.

— Велик наш Советский Союз, — говорил Юрий Андреевич, — но это только на первый взгляд. Казалось бы, что представляет собой на его просторах Нагорный Карабах? Можно и не заметить его географическую точку площадью в 4,4 тысячи квадратных километров на карте СССР площадью в 22,4 миллионов квадратных километров. Можно отнести к статистической погрешности и не заметить сведения о 158 тысячах карабахских армян в массе данных о 260 миллионах советских людей? Конечно, можно! Но как же наш громадный Союз оказался мал и тесен, если горячая карабахская точка высокого национального сознания обожгла не только Азербайджан и Армению, а стала содрогать все могучее многонациональное государство. Грузия (Абхазская ССР и Юго-Осетинская автономная область), Молдавия (Кишинев, Приднестровье и Гагаузия), Таджикистан (Душанбе), Ошская область Киргизии, Узбекистан, Казахстан, Прибалтийские республики — это последствия затяжного карабахского конфликта.

Но, это, Виктор, ты сам, как я только что слышал, хорошо представляешь и твои оценки этим горячим точкам, на мой взгляд, верные. Вижу также неплохое знание истории Армении, Азербайджана, да и всего Закавказья от древних времен и до наших дней, Я же хочу обратить ваше внимание, мои юные друзья, на очень важную сторону карабахской проблемы и помочь, прежде всего, тебе товарищ подполковник, ответить на ключевой вопрос: а что же представляет собой Нагорный Карабах в системе геополитики Кавказа, Евразии, наконец, в мировой политике, а главное и СССР, прежде всего, его российской части?

— Сразу отмечу, — пригубив, как большой ценитель, бокал хорошего красного сухого вина, Юрий Андреевич продолжал, — глубокую взаимность интересов Нагорного Карабаха, как заветной твердыни Армении, с российскими интересами. Наряду с этим Нагорный Карабах также исторически является еще и крутым узлом всей мировой геополитики на Кавказе. А Кавказ — это солнечное сплетение Евразии, сплетение глобальных интересов многих не только близлежащих, ной далеких стран. Не трудно убедиться, что в силу своего географического положения Кавказ является связующим звеном между Европой и Азией, Севером и Югом. Важное геополитическое значение Нагорного

Карабаха объясняется его расположением в центре Кавказского региона. Небольшая территория Карабаха, как и много веков назад, служит естественной горной крепостью, которая позволяет контролировать прилегающие к нему обширные равнинные районы. И в этой связи для полноты ясности вопроса, позволю себе напомнить немного истории.

Далеко неслучайно еще в XIX веке геополитическая арена Кавказа была объектом военных действий не только Персии, Турции и России, но Англии и Франции. Тогда Россия первых победила, а вторых опередила. Уже в то время Англия объявила Кавказ сферой британских жизненно-важных интересов, так как ой находился на самом коротком пути между Лондоном и Индией. При этом она всемерно использовала исламский фактор, поддерживала сопротивление горцев российским войскам. Крымская война Англии 1853–1856 годов в коалиционном союзе с Францией, Турцией и, фактически, с Австрией, хотя и принесла поражение России, однако цели не достигла. Парижский конгресс 1856 года закрепил принадлежность Кавказа России как международно-правовую реальность. Провалилась аналогичная военная попытка против России англичан в союзе с Турцией и в 1877–1878 годах.

В XX веке геополитическая роль Кавказа значительно возросла из-за природных, прежде всего нефтяных ресурсов. Но даже бури Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны на территории Российской империи, небывалое обострение социальных, межнациональных, межконфессиональных конфликтов, политический хаос, попытки создания на Кавказе самостоятельных национальных государств, внешнее вмешательство Антанты, Германии и, особенно, Турции не помогли отторгнуть Кавказ теперь уже от советской России.

— В годы Великой Отечественной войны я служил в 7-м отделе Главного Политического Управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии, занимавшимся вопросами пропаганды среди войск противника, — рассказывал Жданов, — а фронтовые командировки были связаны с передовой под Великими Луками, Харьковом, на Никопольском плацдарме, с боями за Днепр, в Прибалтике, Венгрии. В Вене 9 мая 1945 года в только что возникшей новой австрийской газете опубликовал свою первую в жизни статью «Советский Союз спас цивилизацию Европы». Характер службы позволил глубоко познать предысторию и попытки осуществления замыслов наших противников во время Второй мировой войны и на Кавказском направлении. Так вот, Англия, Франция с участием США пытались договориться с державами оси Берлин — Рим — Токио об организации общего

антисоветского фронта. Глава французского правительства Даладье 19 января 1940 года предлагал своим союзникам рассмотреть три варианта нападения на Советский Союз. Все они предусматривали южное, преимущественно кавказское направление: во-первых, боевые действия на Черном море; во-вторых, непосредственное вторжение на советский Кавказ со стороны Турции, в основном на армяно-карабахском направлении; в-третьих, инспирация восстания мусульманского населения Кавказа.

Гитлер в свою очередь усиленно разыгрывал против СССР исламско-пантюркистскую карту. Вербовка в кавказские национальные воинские легионы Вермахта осуществлялась при непосредственном контакте с Анкарой. За все это Гитлер даже был провозглашен великим имамом Кавказа. Фашистская пропагандистская акция на Кавказе потерпела крах, как и вся война Германии против советского народа.

После 1945 года и до конца 1980-х годов Советский Союз делал все, чтобы Кавказ стал важнейшим геополитическим рычагом его внешней политики, прежде всего влияния на Ближнем и Среднем Востоке и, что не менее важно, в обеспечении глобального равновесия с Соединенными Штатами, относительно надежной региональной и всемирной безопасности. Дело в том, что еще не остыли стволы Второй мировой войны, а на горизонте будущей борьбы за советский Кавказ вдобавок к старым появляется новый самостоятельный претендент, на этот раз — США. В том же 1945 году директор ЦРУ США Ален Даллес дает дальновидную и перспективную установку: «Посылать в будущую Россию диверсантов, которые взрывали бы заводы, — смешная затея. А вот наша пропаганда точно и аргументировано докажет национальностям России, что каждая из них может существовать, разговаривать только на своем языке, — это будет наша победа, и противопоставить этой победе русские ничего не смогут». Нынешняя демонстрация стремления к национальной самостоятельности прибалтийских и ряда других республик — это с того же поля ягоды. Им плевать на гуманистические традиции народов Кавказа, воспетые Саят-Нова, Низами, Шота Руставели.

На планете не существует региона как Российская империя или Советский Союз, где жили бы длительно и совместно сотни народов: армяне и грузины, азербайджанцы и кабардинцы, курды, таты, балкарцы, адыги, русские, евреи, аварцы, лезгины, кумыки, даргинцы, осетины, карачаевцы, чеченцы, ингуши. Не случайно художественная и научная мысль Кавказа всегда концентрировала свое внимание вокруг проблем межнациональных отношений,

сотрудничества и взаимопомощи народов.

— А теперь о Карабахском конфликте и его возможных последствиях, — академик после небольшой паузы с целью заострить наше внимание к продолжению разговора сказал, больше обращаясь ко мне:

— А ты, Виктор, не задумывался ли над тем, что Карабахский конфликт появился значительно раньше 1988 года. На мой взгляд, его истоки были заложены еще 70 лет назад при образовании Азербайджанской Демократической Республики, нового закавказского государства, образованного под протекторатом Турции на обломках Российской империи. Затем Советский Азербайджан, вернее, его народы и армяне Карабаха стали заложниками извечных территориальных притязаний Османской империи к Армении, к Кавказу, к Рос

сийской империи, а теперь к СССР. Османская империя многие века стремилась расширить свои владения на северо-востоке за счет русских земель. Помехой для Турции на этом пути был армянский народ, тесно связавший себя дружескими христианскими узами с Россией. Около двух миллионов жертв геноцида армян в начале XX века — это результат попытки реализовать пантюркистскую идею — создания мировой империи «Великого Турана» вплоть до Якутии. По последним высказываниям нынешних отдельных руководителей Турции и лидеров Народного Фронта Азербайджана, да и некоторых наших доморощенных исламистов эти цели не сняты с повестки дня.

Профессор Волков как один из основоположников отечественного регионоведения — новой отрасли социологии органично дополнял своего учителя последними научными данными и прогнозами. По его мнению, экстаз демократических мечтаний в стране, заслоняет планетарный смысл событий, которые могут поставить СССР к черте, за которой наступит катастрофический распад государства и общества. И это при параллельном нарастании развития турецкой идеи «Великого Турана», преследующей создание сверхдержавы из туркоязычных регионов Евразии, прежде всего СССР. В печати, на этот счет, появились многочисленные материалы и карты, на которых, кроме самой Турции, в коричневый цвет окрашены территории Крыма, Северного Кавказа, Татарии, Башкирии, Астраханской, Саратовской, Оренбургской, Кемеровской, Тюменской, Челябинской областей, Алтайского края, Якутии, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана.

Двое ростовских талантливых ученых непредвзято утверждали, что держава, управляющая Кавказом, имеет возможность установить прямой или косвенный контроль над

обширными земными и морскими пространствами. Речь идет, конечно же, о непосредственной ресурсно-сырьевой базе, а значит, над экономической выгодой перешейка между Каспийским и Черным морями. Влиять на Кавказский регион, а тем более обладать им, без больших натяжек можно утверждать, означает владение значительной частью нашей планеты. Истинная роль Кавказа в мировой политике, особенно для СССР, а понимай, прежде всего, для России, обладающей богатыми энергетическими ресурсами, если, вдруг оправдаются стратегические прогнозы наших врагов о развале Союза, будет только возрастать. При этом наличие армянского Нагорного Карабаха, как и Армении на Кавказе, является залогом сохранения мира не только в этом регионе. Этого может не замечать только спелой, Налицо просчеты советского руководства в осуществлении национальной политики в Азербайджанской ССР, особенно в послевоенное время. Нахичеванская АССР теперь для армян можно считать потеряна. Очередь подошла к Нагорному Карабаху. Он должен по праву сохраниться как армянская территория. Не дай бог осуществиться мечте идеологов Великого Турана, что вынудит армян покинуть исторически: исконные земли, а территория Нагорного Карабаха станет фактически азербайджанской. Нагорный Карабах вместе с Арменией — это наш южный форпост от стратегических посягательств. Уверен, что геополитическое значение Карабаха будет только возрастать, так как располагается в непосредственной близости к Каспийскому нефтяному району и к нефтяному Ирану, а также в связи с возрастающими потребностями Запада и США в новых транспортных и энергетических коридорах. Об этом должны четко знать и наши государственные деятели, и политики, и представители гуманитарной интеллигенции, и самые широкие слои населения.

— Ты, дорогой подполковник, в качестве возможного варианта разрешения Карабахского конфликта сослался на примеры сталинских депортаций народов Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны, — по лицу Юрий Андреевич было видно, что он находится под властью нахлынувших воспоминаний. Говорить он стал медленнее, словно каждое слово вытаскивал из глубины того времени и осторожно примерял к настоящим событиям:

— Война — вещь суровая. Вот американцы после гибели своего военно-морского флота в Перл Харборе интернировали всех японцев. Разбираться с каждым: кто друг, кто враг — было некогда. Англичане в начале войны тоже интернировали немецких эмигрантов, в том числе и евреев.

Времени на разборки тоже не было. Советское руководство из-за того, что Турция, как сателлит Гитлера, после захвата им Баку, должна была перебросить свои войска на Армению и Грузию, переселило турок-месхетинцев с приграничной с Турцией полосы. Мера тоже, вроде бы, временно оправдана. Пока не опубликована записка Берии о выселении некоторых кавказских народов, на основании которой принимались решения по этому вопросу. Говорят, в ней приводились и верные факты отравления колодцев, стрельбы в спину армии, массового покидания представителями этих народов воинских частей и тому подобное. Но, несмотря на это, по моему мнению, для депортации на Северном Кавказе такой необходимости: не было. Выселение целых народов не может быть ничем ни обосновано и ни оправдано. Я слышал из рассказов, что когда в Государственном Комитете Обороны обсуждался вопрос о выселении народов, вошел маршал Жуков. Сталин спросил его:

— Как ведут себя на фронте кабардинцы?

— Воюют, товарищ Сталин, — ответил ничего не подозревавший Жуков.

— Тогда вычеркнем.

Так кабардинский народ был вычеркнут из проекта решения о выселении.

Карабахский конфликт, как бы в Одессе сказали, совсем из другой оперы. Плохо, что наши руководители государства, прежде всего Горбачев, не могут до сих пор осознать этого, понять чаяния армянского населения Карабаха, принять верные решения, допускают многочисленные непростительные политические и стратегические ошибки. Ни разу не сумели предотвратить в Азербайджане неоднократные проявления рецидивов турецкого геноцида против армян. Ужасно, что в этом веке два народа Кавказа вновь ввергнуты в жестокое межнациональное противостояние. Масштабы межнациональной трагедии катастрофичны.

— Народы, знайте друзья, — продолжал Жданов, — не ссорятся, их ссорят национал-политики и национал-интеллигенты, обладающие большими политическими амбициями, захватнической идеологией, карьеризмом и мстительностью. Они, подстрекаемые и щедро финансируемые из нее, используют межнациональные ссоры и войны народов для перехода к привилегиям на этнической основе. Не дальновидную роль здесь играют злонамеренные представители гуманитарной интеллигенции, формирующие в своем народе хватательный рефлекс: это — моя земля, моя культура; я — древнее, я — мудрее, я — главнее. Вместо того чтобы сказать народам правду

— «наше», наше общее за века совместно нажитое достояние. Разве сталкиваются интересы крестьянина армянина и крестьянина азербайджанца, пастуха грузина и пастуха осетина? Для их правителей и идеологов межнационального конфликта народные массы всего-навсего средство достижения их собственных амбиций.

События в Сумгаите, Баку, других городах и районах Азербайджана, последовавшие за этим многотысячные потоки армянских и азербайджанских беженцев, а из Азербайджана было выдворено еще немало и русских, гибель там от рук националистов многих военных, на долгие годы скажутся на судьбе не только проливших кровь и потерявших кров, но на морально-психологическом климате» республике. Убийцы и погромщики, несмотря на неуклюжие попытки обеления их преступлений азербайджанскими властями, навечно останутся таковыми. И ни какой ислам их не оправдываема Пророк Мухаммед сказал: «Как только вы убили одну невинную душу, вы уже выбыли из нас». Преступник не может быть ни христианином, ни иудеем, ни мусульманином.

И, еще одну важнейшую особенность карабахского конфликта подчеркнули мои ростовские друзья. Советский Союз, а до этого Российская империя — страна не только православного христианства, но и мусульманская, много-конфессиональная. Мы очень сильно отличаемся от Англии, Франции, Германии, других центрально-европейских стран и, уж тем более, от США, где мусульмане пришлые: из Турции, Пакистана, арабских стран. Только в составе Российской Федерации около 20 миллионов граждане — мусульмане, прежде всего тюрки, которые живут столетиями на своих землях, выросшие на том же хлебе и той же воде, что и русские православные христиане. Это наши граждане. Их больше 15 процентов российского населения. Не учитывать этого нельзя. Народы Кавказа веками привыкли жить в условиях религиозной терпимости, поскольку здееьпредставлены все важнейшие религии мира: христианство и ислам, иудаизм и буддизм. Тем более важно не дать в Карабахе разбить сосуд межконфессионального мира. Учитывая мусульманское окружение монохристианства армян Нагорного Карабаха и Армении, именно здесь он особенно хрупкий. Как не вспомнить Ованеса Туманяна, сказавшего в поэме «Примирение»:

Кавказские тучи вдаль отошли,
На юге — опалили блеск серебра, —
То старый Масис, великан земли.
А напротив Масиса — Казбек гора.

Дай руку, товарищ, жить вместе нам,
А ну, погляди вокруг хоть раз,
Мы — братья, ровесники на века,
И пламя одно пожирает нас.

Мы еще долго беседовали с Юрием Андреевичем Ждановым. Под его тосты, наполненные мудростью народов нашего большого многонационального Отечества, не раз поднимались бокалы с прекрасным донским виноградным вином. Мы тогда не предполагали, что всего через несколько месяцев армяне Нагорного Карабаха будут вынуждены отстаивать свою землю, свободу и независимость с оружием в руках и не дадут разрушить геополитический баланс на Кавказе, а значит и солнечное сплетение Евразии.

Беседы о Карабахе с вице-президентом СССР Г. И. Янаевым

В начале февраля 1991 года, практически сразу после возвращения из Нагорного Карабаха в Москву, я заболел. Лечился в домашних условиях. Многочисленные телефонные звонки коллег по работе в эти гриппозные дни были естественными. Старались подбодрить, посоветовать свой ускоренный метод выздоровления. Чаще всего советы были шутливые, вроде тех, которые раскрывали секреты лечения традиционным русским методом — очень строгий постельный режим с применением граненого стакана, наполненного до краев известным горячительным напитком, с солью, перцем и т. п.

Коллектив сотрудников подразделения МВД СССР, в котором мне пришлось служить, отличался хорошим микроклиматом, бескорыстной офицерской взаимовыручкой. Я часто с искренней теплотой вспоминаю дни совместной службы в МВД СССР с полковником внутренней службы Анатолием Середой, подполковниками милиции Владимиром Кишенцом, Владимиром Лапиным, Александром Наконечниковым, Виктором Третьяковым, майорами милиции Сериком Курмановым, Петром Радикевичем. Этому в немалой степени способствовал особый, наполненный постоянным риском, характер нашей службы. Занимаясь «горячими» точками, мы чаще и дольше других сотрудников министерства бывали в них. Внимание другк другу, помощь и забота о семьях, являлись непреложным делом наших, в том числе и служебных, отношений. Дружили семьями. Безропотно выполняли всевозможные поручения и просьбы. Шутки и прикольные розыгрыши друг над другом тоже были делом для нас обычным. По всему по этому очередной телефонный звонок неординарного содержания я принял за дружеский розыгрыш. В трубке телефона я услышал голос самого начальника Главка генерал-майора Воронова. Справившись о моем здоровье, генерал неожиданно сообщил, что мне звонили из Кремля от Вице-президента СССР Янаева и передали просьбу, в удобное для меня время позвонить Геннадию Ивановичу. При этом генерал дал понять, что звонить Вице-президенту Янаеву следует не из дома, а из его кабинета, для чего я срочно должен прибыть в министерство, машину за мной он уже послал. Я решил, что меня кто-то разыгрывает, и, поддержав розыгрыш, нарочито бодро сказал, что если уж сам Вице-президент СССР просит, чтобы я ему позвонил, то я, конечно, приеду, в каком бы

состоянии не находился. Телефонный собеседник генеральским голосом еще раз напомнил, что ждет меня в кабинете, и положил трубку.

Я же стал размышлять: чей это голос я сейчас слышал? Кого благодарить за искусно сыгранную роль генерала? У нас было несколько человек, способных воспроизвести голос начальства. Звонить и спрашивать своих сотрудников о странном звонке я не стал, бесполезно. Когда идет розыгрыш, о нем знают все, кроме разыгрываемого. Любой, кому не позвони, сейчас же подтвердит, что звонил генерал, да еще со всей серьезностью постарается нагнать страха по поводу моей медлительности. Многие в Главке знали, что я знаком с Геннадием Ивановичем Янаевым по работе в ЦК ВЛКСМ. Во время подготовки и проведения ХП Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1985 году нам довелось тесно сотрудничать. Но последние годы наши встречи носили случайный характер.

Чтобы наверняка проверить, не разыгрывали ли меня, надо переговорить с самим генералом Вороновым. А если это действительно шутка? Тогда я дам начальнику повод для разноса на очередном совещании за то, что сотрудники бездельничают и занимаются черт знает чем, а коллегам — получить истинное наслаждение от удавшегося розыгрыша. Нет, надо проявить выдержку. Шутникам надоест ждать моего звонка, проявят инициативу и выдадут себя, тогда посмеемся вместе. Пока я выжидал, прозвенел звонок в дверь. Открыв ее, я увидел водителя генеральской машины, который с недоумением уставился на меня, застигнутого в полной неготовности к отъезду. Я понял, шутки в сторону.

В кабинете начальника Главка вместе с генералом были и его заместители. Похоже, они с нетерпением ждали моего появления. Почему Вице-президент СССР разыскивает меня? По каким вопросам? Генерал молча показал на телефонный аппарат и подал лист бумаги, на котором был написан обычный городской телефонный номер АТС, обслуживающей территорию, прилегающую к Кремлю. На мой звонок ответили, что меня слушает приемная товарища Янаева. Я представился и через несколько мгновений услышал действительно знакомый густой голос вице-президента СССР:

— Здравствуй, старик, — сказал Геннадий Иванович, обращаясь ко мне по-прежнему, как делал это он с хорошо знакомыми ему людьми, — не забыл еще меня?

— Добрый день, Геннадий Иванович! Я-то вас всегда помню, а как Вы меня вспомнили за грузом больших государственных дел?

— Да вот, недавно ко мне приходил хорошо известный тебе Лев Дмитриевич Шишов, рассказал о твоей причастности к проблемам Карабаха. Я считаю, что нам надо по этому поводу обязательно встретиться, не возражаешь? Тогда завтра мой помощник назначит время.

Через день я сидел и беседовал с Геннадием Ивановичем Янаевым в его кремлевском кабинете Вице-президента СССР. После теплого взаимного приветствия, он подробнейшим образом стал расспрашивать о межнациональной и социально-политической обстановке в Нагорно-Карабахской автономной области. С особым вниманием о правонарушениях на межнациональной почве. Его интересовали все подробности. Отдельные цифры и факта он записывал, несмотря на то, что я вначале нашего разговора передал ему служебную записку, подготовленную для него специально. Я видел, что он периодически сопоставлял мои данные с другими материалами, которые были у него на столе.

Вопросов было много. Как глубоко охватил межнациональный вирус простых людей с одной и с другой стороны? Как складывается ситуация в смешанных азербайджано-армянских семьях? Какова результативность введения Чрезвычайного положения в НКАО, управления автономной областью в этих условиях? Как обеспечивается взаимодействие местных органов власти с республиканским Организационным комитетом по НКАО? Каково отношение населения к внутренним войскам, в достаточной ли мере они контролируют ситуацию, оказывают влияние на нормализацию межнациональной обстановки? Потом Геннадий Иванович перешел к конкретным характеристикам самой ситуации, тому, как влияют на нее руководители НКАО, Азербайджана, командования Района чрезвычайного положения, лидеры Карабахского движения.

Я старался, как можно точнее передать то, в чем убедила нас карабахская жизнь, хотя осознавал всю нетрадиционность своих представлений. Я понимал, какую ответственность беру на себя, давая характеристики людям, непосредственно влияющим на состояние и развитие Карабахского конфликта. Хотя конечно, большинство из них Геннадий Иванович, конечно, знал лично, некоторых давно и хорошо, еще с комсомольских времен. Заметив мою скованность и появившееся волнение, Янаев сказал, чтобы я не комплексовал и откровенно высказал свое мнение, так как он хочет знать, что можно предпринять для объективного и справедливого изменения дел в Карабахе, а, в конечном счете, — искоренения опасного примера межнационального конфликта для такой многонациональной страны как Советский Союз.

И тогда я довольно подробно рассказал о губительности отмены в Нагорно-Карабахской автономной области конституционных форм правления, расформирования Советов народных депутатов, партийных организаций в армянских городах и селах, о многочисленных случаях противоправных действий внутренних войск и т. п. Приводя конкретные примеры, я говорил об антиармянской направленности республиканского Оргкомитета по НКАО, чья деятельность откровенно преследовала дискриминацию армянской стороны, ее полную физическую блокаду. А в конечном итоге — депортацию армянского населения. Это трудно было оспорить, ибо по оперативным данным руководство Азербайджана уже имеет план насильственной депортации армян, прежде всего с территории бывшего Шаумяновского района Азербайджана.

Подробно расспросил меня Геннадий Иванович о лидерах карабахской оппозиции. Л рассказал о встречах с Зорием Балаяном, Сильвией Капутикян, Генрихом Погосяном, Робертом Кочаряном, Сержем Саркисяном, Аркадием Манучаровым, Борисом Дадамяном, Аркадием Гукасяном и другими.

Сама логика разговора подвела к тому, что я заговорил об исторической несправедливости пребывания НКАО в составе Азербайджана, о роли армянского Карабаха в судьбе и интересах России, о давних и глубоких связях русского и армянского народов. Несколько реплик Геннадия Ивановича свидетельствовали о том, что ему близки эти позиции, что он разделяет мою озабоченность поведением некоторых современных политиков и военноначальников, которые откровенно пренебрегают исторической памятью, интересами русского народа, геополитической значимостью Нагорного Карабаха для нашей страны. А недавние события по разрушению азербайджанцами государственной границы. СССР его откровенно возмущали, и не учитывать этой особенности при решении судьбы Карабаха, как откровенно протурецкой и антисоветской, и даже антирусской, по его мнению, было бы опрометчиво.

Разговор с Вице-президентом Советского Союза Янаевым завершился тем, что я оставил ему проект предложений по нормализации межнациональной обстановки в Карабахе, подготовленный нашим министерством. Мы договорились, что после каждого возвращения из Карабаха я буду звонить ему, и мы, по возможности, будем встречаться.

Из разных источников я знал, что вице-президент СССР Янаев при обсуждении карабахских проблем, в основном занимал Объективную и принципиальную позицию, требовал от исполнительных органов Азербайджана и военных соблюдения

законности на территории НКАО. Всегда ли он мог кардинально изменить ситуацию, не будучи первым лицом государства? Не знаю. Однако я заметил то внимание, которое стало уделяться подбору и назначению военных комендантов в Район чрезвычайного положения. Все приемники генерала Сафонова — полковники внутренних войске Шевелев, Жуков, Лебедь, Овчинников — уже не были слепыми выразителями воли Азербайджанского руководства. Трижды после прилета из Карабаха я докладывал Геннадию Ивановичу о складывающейся на тот момент обстановке в НКАО.

Последняя встреча с Янаевым по карабахским вопросам в его кремлевском кабинете состоялась 28 июля, незадолго до известных событий 19 августа 1991 года. Я только что вернулся из очередной командировки в НКАО, а фактически с настоящей войны в Карабахе. Видимо, мой голос был настолько взволнованным, что Геннадий Иванович предложил встретиться в тот же день, благо у него, как он сказал, будет не менее двух часов свободного времени. Я тогда удивился быстрому приглашению. В эти дни в Москве находился Президент Соединенных Штатов Америки Джордж Буш (старший).

Геннадий Иванович, как и прежде, встретил меня радушно и поручил помощнику накрыть столик на двоих. Кроме кофе со сладостями появилась бутылка армянского коньяка, тарелочка с ломтиками лимона. Заметив мой удивленный взгляд, Геннадий Иванович сказал, что у него действительно есть два часа, и мы можем обстоятельно договорить обо всем. Он хотел, чтобы я как можно подробнее рассказал ему о происходящем, ибо информация о последних событиях в Карабахе у него была противоречивой. Азербайджанское руководство сообщало о беспрецедентном вооруженном выступлении сепаратистов, о вмешательстве Армянской республики во внутренние дела Азербайджана. Армения, в свою очередь, с возмущением требовала разобраться с вопиющими фактами массового уничтожения и депортации армянского населения с мест его исторического проживания. Сообщала о разграблении армянских населенных пунктов. МВД СССР и Комендатура РЧП в случившемся обвиняли обе стороны. Минобороны докладывало о попытке Азербайджана вовлечь в вооруженный конфликт части 4-й армии, расквартированной в Азербайджане. К нему, как и другим высшим руководителям Союза, ежедневно поступают гневные телеграммы и звонки от депутатов Верховного Совета СССР от НКАО и большой группы депутатов Верховного Совета РСФСР.

Помню, что мне хотелось рассказать Геннадию Ивановичу как

можно больше. Добиться от него ответа на вопросы, так мучившие меня и моих единомышленников, ибо мы решить их были бессильны. Вопросы все государственные, совершенно неотложные и жизненно важные для региона:

— Почему в Москве такая праздная и спокойная жизнь, в то время как уже идет настоящая война? Люди гибнут от того, что в них стреляют из танков и артиллерийских орудий. Это значит, против народа выступает армия. В Шаумяновском районе идут бои. В селах сожжены школы и библиотеки, армянские кладбища подверглись вандализму. На поселковых улицах разбросаны остовы сожженных гранатометами машин, подбитые танки. Город Шаумяновск по ночам обстреливается артиллерией. Если это не так, то откуда, спрашивается, у подразделений азербайджанской милиции бронетехника и артиллерия? В окопах вооруженные ополченцы. Почему позволили межнациональному конфликту перерасти в войну? Почему последние два года со стороны союзного руководства не принимаются решительные и эффективные меры по прекращению братоубийства? Почему азербайджанское руководство дирижирует событиями?

Дождавшись перерыва в лавине моих вопросов, Геннадий Иванович попросил рассказать о последних событиях по порядку. Тогда я обратил его внимание на пагубность операция «Кольцо», которая привела к резкому обострению конфликта. При поддержке центра руководство Азербайджана, фактически на официальной основе силами войск и ОМОНа республики, решило главную территориальную задачу — депортировало около 10 тысяч армян с мест их исторического проживания. Прекратили существование не только армянские села Геташен и Мартунашен в Ханларском районе Азербайджана — около 1500 человек, но и села Эркедк, Манашид, Бузулух Шаумяновского района — около 4 тысяч человек. Ликвидирован армянский подрайон в Шушинском районе (села Киров, Мец-Каладараси, Егцаог — более 700 человек). Теперь этот район, находящийся в центре НКАО, стал исключительно азербайджанским. Депортированы и практически заселены азербайджанцами и турками-месхитинцами 13 армянских сел Гадрутского района НКАО. По прогнозам в ближайшее время предполагается завершить депортацию всего Шаумяновского анклава, а это еще почти двадцать тысяч человек, продолжить сжатие кольца вокруг НКАО со стороны Гадрута, Мартунисского и Мардакертского районов, приступить к выселению из Степанакерта почти 30 тысяч беженцев, находящихся там после событий в Сумгаите, Баку, Кировабаде, Ханларе…

Нарисованная мной картина произвела на Геннадия

Ивановича удручающее впечатление. Он согласился, что давно полагалось бы действовать решительно и четко.

— Да, да… Во многом мы идём на поводу у событий. Тбилисская трагедия, Душанбе, турко-месхетинский исход из Узбекистана, прибалтийское противостояние. Карабах явно стал первой, но теперь ясно, что не единственной горячей точкой. В мае по настоянию Муталибова и Поляничко провели операцию «Кольцо». Убеждали, что наведут там порядок, а вызвали очередную волну беженцев. Из-за нерешительности Михаила Сергеевича Горбачева буквально за считанные часы было упущено подписание президентского Указа о восстановлении в Карабахе конституционных форм правления и, что особенно важно, предоставлении НКАО статуса автономной республики. Ведь Указ Президента СССР, согласованный со всеми заинтересованными сторонами, должен был быть подписав накануне приезда в СССР Премьер-министра Англии Маргарет Тэтчер. Но Горбачев перенес процедуру подписания на утро следующего дня, то есть на день ее Приема в Кремле. И по каким-то причинам не успел или не захотел подписать Указ. А после окончания встречи с Тэтчер Горбачеву доложили о телеграмме Муталибова, в которой тот отзывал согласие Азербайджана на появление Указа. Вот так не был сделан конкретный и решительный шаг, который мог бы положить начало многим полезным реформам и не только приостановил бы надвигающийся развал Союза, но и, наоборот, послужил бы его укреплению.

— Как ты знаешь, — тихо и, мне показалось, невесело продолжил Вице-президент СССР, — в конце августа будет подписание нового. Союзного договора. Вряд ли до этого времени можно кардинально изменить ситуацию в карабахском вопросе. Но не дать этому процессу ухудшиться можно и нужно. Через два дня Горбачев уезжает на отдых в Форос. Я остаюсь на хозяйстве. На 13 августа намечено заседание Совета Безопасности СССР. Вести его буду я. Завтра же переговорю с членами Совета Безопасности. Вопрос по Карабаху вынесем на это заседание. Борису Карловичу Пуго сегодня на приеме американской делегации расскажу о нашей встрече. Готовьте материалы и соответствующие предложения.

… Не знаю, что произошло, но, несмотря на то, что необходимые материалы по НКАО были подготовлены, на Совете Безопасности СССР 13 августа 1991 года вместо вопроса о Карабахе были рассмотрены проблемы урегулирования конфликта в другой горячей точке — Южной Осетии. Дальнейшие события известны. После 19 августа начался развал СССР. Несколько месяцев инерция продолжала действовать. Я по-

прежнему занимался проблемами НКАО, успел последний раз побывать в Карабахе, старался, как можно чаще напоминать новым руководителям МВД СССР об исторической миссии России, значении Нагорного Карабаха в геополитической стратегии ваших народе», в том числе для безопасности мира в целом. Развитие событий в Карабахе после Беловежской пущи показали, что народное выступление, возникшее в 1988 году как акт сопротивления национальному притеснению армян в Азербайджане; поменяв воссоединительную направленность на независимую национально-государственную ориентацию, стало основательной преградой не только на пути территориальной экспанский Азербайджана, но и коренного переустройства мира на Кавказе в целом.

Записные книжки генерала Старикова

Фамилия генерал-майора внутренних войск Валерия Петровича Старикова записана в моем карабахском дневнике на одной из его первых станиц. Она в числе тех представителей МВД СССР и командования внутренних войск, кто под руководством первого заместителя министра генерал-полковника Шилова прилетал в октябре 1990 года в Карабах в связи с захватом армянами в Мардакертском районе НКАО в заложники четырех сотрудников нашей Следственно-оперативной группы. Из доклада полковника Ткача об итогах операции, благополучно завершенной по их освобождению, я тогда сделал вывод, что генерал Стариков реально, как никто другой из московских чинов, владел обстановкой, постоянно выходил на контакты с армянской стороной, сдерживал некоторые московские и бакинские «горячие головы», готовые, взамен переговоров, незамедлительно «прошмонать» каждый армянский дом, силой освободить заложников.

До этого случая, конечно, я зная, что генерал Стариков является первым заместителем начальника штаба внутренних войск МВД СССР. Не раз слышал от полковника Гудкова, генерала Ковалева, полковника Шевелева, капитана Григорян и других офицеров, что с мнением генерала Старикова следует считаться, оно всегда продуманно и опирается на реальность обстановки. Однако пока лично с ним знаком не был. Не встретились мы с ним и в те тревожные дни.

В дальнейшем наши пути-дороги многократно могли пересечься. Оснований для этого было более чем достаточно. В Карабахе наши командировки нередко совпадали, оба каждый со своей стороны неоднократно участвовал в организации одних и тех же оперативно-розыскных мероприятий по освобождению заложников, в разрешении других конфликтных ситуации между армянами и азербайджанцами. Но так сложилось, что за время моей службы в МВД СССР между нами даже телефонных разговоров не было, хотя среди сослуживцев и друзей было немало общих знакомых. Не имея прямых личных контактов с генералом Стариковым, я все же, как оказалось, не без оснований тогда считал его своим идейным соратником. Однако нашим же судьбам было угодно, чтобы мы впервые увиделись только осенью 1997 года, когда генерал уже был в запасе, а я — в отставке. Организатором встречи на даче в подмосковном Щелкове стал тот же Маврен Григорян, наш общий знакомый по Карабаху,

теперь тоже отставной майор. С Валерием Петровичем мы сразу сдружились.

А после того как Валерий Петрович Стариков, прочитав мою книгу «Мятежный Карабах», показал мне свои записные книжки того времени, то я убедился — их содержание и его личные оценки тем же событиям оказались сродни моим. Со всей очевидностью они убедительно свидетельствовали, что генерал Стариков служил Отечеству искренне и преданно, был лишен коленопреклоненного чинопочитания, приказы умел исполнять, подчиняясь не только долгу и уставу, но и совести. Конечно, находясь на одной из высших командных должностей внутренних войск страны, он стремился всегда высокопрофессионально обеспечивать выполнение задач, определяемых политическим и государственным руководством Советского Союза, Министерством внутренних дел и командованием внутренних войск МВД СССР. Но именно благодаря таким командирам, как генерал Стариков, внутренние войска в Нагорном Карабахе, несмотря на противоречивость и неоднозначность чрезвычайной обстановки, нередкую тенденциозность приказов, в целом достойно выполняли свою миротворческую роль. Для абсолютного большинства армянского населения Карабаха внутренние войска, их командование, в том числе и генерал Стариков, нередко воспринимались как слепые исполнители воли Азербайджанского руководства, орудием его притеснения и насилия над ним. Но из официальных источников известно, что азербайджанское руководство постоянно выражало недовольство действиями внутренних войск в Карабахе, командования Районом чрезвычайного положения, и, особенно, командиров полков, дислоцированных в разное время в армянском Шаумяновском районе Азербайджана. Эти оценки, не в коем случае, не относятся к периоду, когда комендантом Нагорного Карабаха был генерал Сафонов. Естественно, не в силах генерала Старикова было отменять чрезвычайное положение, исполнение соответствующих приказов верховной власти и командования. Но то, что выполнение многие из них, если не всех, удавалось локализовать, и, самое главное, выполнять с наименьшим ущербом для армян Карабаха. А знали об этом лишь некоторые лидеры карабахского подполья. Это Зорий Балаян, Маврен Григорян, Роберт Кочарян, Серж Саркисян.

Так же как и я в апреле 1991 года генерал Стариков находился в Карабахе и в Баку. Как свидетельствует одна из его записных книжек, и на этот раз цель наших карабахских командировок была одна — быть или не быть депортации армянского населения из Шаумяновского района и ряда сел

автономной области. В отличие от меня он входил в состав группы руководителей нашего министерства и командования внутренних войск, которая сопровождала первого заместителя министра МВД СССР генерал-полковника Бориса Всеволодовича Громова. Смею утверждать, что теперь доподлинно знаю: жак, когда и кем формировалось решение о проведении массовой депортации армян с их исторической родины под кодовым названием «Операция «Кольцо». Так же стало окончательно понятно: почему первый заместитель министра внутренних дел СССР Громов не стал ждать меня в Степанакерте с материалами министерства, предназначенными ему для проведения встречи с президентом Азербайджана Муталибовым.

Записная книжка генерала Старикова в красном ледериновом переплете скрупулезно, буквально по минутам раскрывает время и содержание той командировки, оказавшейся роковой для армян Карабаха. Валерий Петрович Стариков 9 апреля 1991 года вместе с высокопоставленным руководством МВД СССР прибыл в 14.10 в город Степанакерт.

В 14.20 председатель Оргкомитета по НКАО, второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана Поляничко открыл совещание. В нем вместе с генерал-полковником Громовым и генералом Стариковым, участвовали: заместитель начальника политуправления МВД СССР генерал-майор милиции Останкин, начальники отделов министерства подполковники внутренней службы Туркин и Бубновский, руководитель Следственно-оперативной группы МВД СССР в НКАО подполковник милиции Трошин, заместитель министра МВД Азербайджана полковник милиции Мамедов, начальник УВД НКАО генерал-майор Ковалев, комендант РЧП полковник Жуков, начальник штаба комендатуры РЧП полковник Лебедь.

В докладе коменданта РЧП Жукова о состоянии оперативной обстановки, дислокации войск, проблемах и предложениях по нормализации межнациональных отношений, длившемся один час пятнадцать минут, прогнозировалось возможное ухудшение обстановки в связи с наступлением весенне-летнего периода, открытием дорог и перевалов, перегоном скота на горные выпасы, борьбой за пастбища и т. п. Главными задачами были названы восстановление в области деятельности органов государственной власти и управления, активизация совместной работы правоохранительных органов в армянских и азербайджанских районах и городах, ликвидация бандформирований как с армянской, так и с азербайджанской сторон, обеспечение координации и взаимодействия внутренних войск с правоохранительными органами, ОМОНом, союзной и

республиканской следственными группами. На совещании выступили начштаба комендатуры РЧП полковник Лебедь, генерал Ковалев и полковник Мамедов. Их мнение о ситуации в Карабахе лишь дополнили доклад коменданта Жукова. Первый заместитель министра МВД СССР Громов дотошно уточнял цифры, вникал в каждую озвученную проблему, ставил задачи, давал советы и поручения. Цитата из записной книжки генерала Старикова, записанная по ходу выступления генерал-полковника Громова:

— Выход из тупика один, и он состоит в том, чтобы смелее работать над проблемами, жизнь в Карабахе надо заводить в русло мирного межнационального сотрудничества двух народов, а также с перспективой проведения еще в 1991 году выборов областных и местных органов власти.

Председатель Оргкомитета по НКАО Поляничко был необычайно краток, говорил не более десяти минут. Его речь была традиционной. Виновными конфликта были названы только армяне. В адрес полковника Жукова и генерала Старикова сделал упрек:

— Я работаю уже с пятым комендантом РЧП, могу делать выводы, что генерал Сафонов держал область в напряжении и обстановка была лучше. Надо обезглавить террористов и экстремистов, только тогда и армяне, и азербайджанцы пойдут на контакт с нами и придут на будущие выборы новых местных органов власти.

В 16.20 совещание завершилось. Громов и Поляничко остались наедине.

В 17.35 неожиданно поступил приказ Громова для сопровождающих его генералов и офицеров: прервать программу пребывания в НКАО и отбыть вместе с ним в Баку. Поездка в войска и встречи с первым секретарем Степанакертского горкома партии Мелкумяном и другими представителями армянской общественности, намеченные на этот и следующий день, были отменены.

10 апреля. С 8.30 утра Громов встречается наедине с президентом Азербайджана Муталибовым. Затем к ним присоединились первый заместитель командующего Закавказским военным округом генерал-лейтенант Греков, начальник Закавказского пограничного округа генерал-майор Петров, командующий 4-й Армии генерал-майор Соколов, представитель Прокуратуры СССР Молодинский, с которыми они обсудили вопрос о дополнительных мерах по укреплению границы республики и установлению порядка в НКАО»,

В 11.00 Громов без комментариев уведомляет генерала

Старикова о своем срочном вылете в Москву и поручает ему как старшему по должности принять участие от имени министерства и командования внутренних войск МВД СССР в заседаниях Совета обороны и Верховного Совета Азербайджана, ряде других совещаний по Карабаху, в которых он ранее планировал участвовать сам. При этом генералу Старикову советует от выступлений на предстоящих заседаниях воздержаться.

Совет обороны республики, как свидетельствует записная книжка генерала Старикова, начался в 16.00 и продлился три часа. Председательствовал президент Азербайджана Муталибов. Основным докладчиком был министр МВД республики генерал-майор внутренней службы Асадов. Картина по Карабаху им была представлена удручающая и сводилась к мысли:

— Армянские боевики расшатывают в республике порядок, в стране в целом. Они главная дестабилизирующая сила. Народ не уверен в нас, теряет выдержку. Экстремисты все делают, а мы ничего, не можем ввести в НКАО крупные силы милиции. Почему на территории Армении нет ни одного азербайджанца, а у нас их тысячи?

Председатель КГБ Азербайджана Гусейнов выступил с разведданными, сделал упрек в адрес союзных правоохранительных органов за бездеятельность против армян, обвинил зональные комендатуры внутренних войск за отказ реализовывать против армян указания азербайджанских спецслужб, предложил немедленно убрать подразделения внутренних войск из армянских сел Ханларского района, так как неизвестно от кого они охраняют армян. Гусейнов был единственным, кто говорил, что «гражданский мир невозможен без диалога армян и азербайджанцев, правда, при условии, если очистить НКАО от боевиков». Выступления полковника Жукова и генерала Грекова содержали отчеты о действии войск в Районе чрезвычайного положения.

Поляничко высказывался, как всегда уверенно и напористо, но даже для присутствующих на удивление чрезмерно радикально:

— Выдворить, выселить, выгнать из НКАО всех лидеров армянского сепаратизма и экстремизма, дать им под задницу, а пока мы их боимся и Москва тоже. Для армян нам нужен спецсуд. За прошедшие полгода, после смены генерала Сафонова, действия внутренних войск в Районе чрезвычайного положения ослаблены, операции по проверке паспортного режима проводятся вяло и недостаточно эффективно. До чего доводит наша бесконтрольность за деятельностью внутренних войск? Они размещают свои подразделения в армянских населенных пунктах

без согласия Президента, Верховного Совета, Совета Министров и ЦК Компартии Азербайджана. Мы не прочесываем армянские села, не ищем боевиков. В ближайшее время нужно провести депортацию армян из сел Геташен и Мартунашен Ханларского района, в Шаумяне снять военную комендатуру, провести чистку в других зонах НКАО, укрепить границу вокруг нее, чтобы и муха оттуда не пролетала. Только через эти меры лежит путь к нормализации межнационального конфликта.

Президент Муталибов, очевидно, заручившись накануне мнением и поддержкой первого заместителя министра внутренних дел СССР Громова, высказывал резкие критические оценки в адрес союзного руководства, перекладывал на него ответственность за обстановку в республике и в НКАО, развивал предложения Поляничко, давал установки:

— Этот межнациональный бардак длится четвертый год. Он сформирован нынешней политикой, в стране действует политическая мафия, сращенная с экономической теневой мафией. Надо усилить жилищное строительство в городах Агдаме и Шуши. Мы много строим и за счет этого быстро меняем демографическую основу в НКАО. Вот наш ОМОН взял под контроль аэропорт и наводит там порядок. Мы создадим другие ОМОНы, доведем их численность с одной тысячи до десяти тысяч, окружим армян, и они сами приползут к нам. Следственно-оперативной группе МВД СССР. З здесь делать нечего, я знаю, как и чем она тут три года занималась. На нашей территории действует наши законы. Ловить и судить армян и других граждан должны мы сами здесь в Азербайджане, а не в Пскове, Ростове. Снять охра ну с сел Мартунашен и Геташен и других (имелись в виду армянские села бывшего Шаумяновского района). Что мы там охраняем? Спасаем самих же армян! Депортировать армян можно и нужно. Надо для Москвы в этом духе подготовить пакет наших предложений, мы поедем к Горбачеву на Совет Обороны СССР и еще до его поездки в Японию согласуем с ним наши планы.

11 апреля с 11.00 по 15.30 заседал Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР. Он был призван законодательно закрепить меры, предложенные Советом обороны республики по карабахским проблемам. В начале заседания генералу Старикову, как представителю Москвы, было предложено занять место в президиуме, но он остался сидеть в зале. Отказался он и от выступления, так как был лично категорически не согласен ни с оценкой межнациональной обстановки, ни с предлагаемыми мерами по ее нормализации, считая их провокационными, направленными лишь на ее дестабилизацию. Своим

выступлением он только бы дал повод для нового взрыва националистической антиармянской атаки, упреков в адрес внутренних войск.

И хотя основные выступающие были те же, что и на предыдущем Совете обороны республики, однако их речи были более пространными и откровенно воинственными и экспансионистскими. Примечательно, что с основным докладом выступил заместитель председателя Верховного Совета республики Т. Караев, один из лидеров Народного фронта Азербайджана, того самого демократического движения, которое стало идеологом и организатором черного января 1990 года в Баку. В записной книжке генерала Стариков отмечено: «говорил долго, нудно, отдаленно от истины. Задавался вопросом: «Какие меры, должны предпринять, если армяне нападут на нас, если центр откажется помогать нам?».

Поляничко, как записано в той же записной книжке, «говорил ровно сорок минут, откровенно хвалился успехами в решении карабахской проблемы, естественно в интересах азербайджанцев и сетовал на непонимание ими его заслуг»:

— Если в 1989 году при Вольском в Шуши для нашего населения (имел в виду, естественно, азербайджанского) было построено два дома, то за последние два года Оргкомитетом сделан рывок. С 20 марта внутренними войсками сопровождается четыре раза в день по 20–40 автомашин со строительными материалами и другими товарами. Однако депутаты Шуши устраивают судилища над Оргкомитетом. Коммунисты, оказывается, для них стали хуже армян, поэтому их надо вешать. Нам нужно братство с Народным фронтом. Почему НФА не хочет встать рядом с платформой КПСС? Ведь армяне говорят, что Оргкомитет работает только в интересах азербайджанцев. В начале Оргкомитет был из 15 человек, а сейчас в нем всего 5 человек. Нам помогать надо, а не говорить, что Поляничко плохой!

Решение, принятое Президиумом Верховного Совета Азербайджанской ССР, содержало обращение к Москве о необходимости проведения депортации армян с их исторических мест проживания, то есть из ранее перечисленных сел Азербайджана и НКАО, вывода перед этим оттуда внутренних войск, подключения к проведению операции насилия частей 23 мотострелковой дивизии.

Вернувшись в Москву, генерал Стариков, как и полагается, собрался доложить Громову об итогах заседаний Совета безопасности и Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. Однако Громов по этим вопросам его не принял. Оно и

понятно. Всего через несколько дней командованию внутренних войск СССР поступит приказ МВД СССР о проведении операции «Кольцо» в армянских селах Ханларского и бывшего Шаумяновского района Азербайджана и в НКАО, одобренную Президентом СССР Горбачевым. Ответственность за ее организацию и проведение возлагалась на первого заместителя министра МВД СССР генерал-полковника Громова.

Содержание еще одной записной книжки генерала Старикова раскрывает его участие в разрешении особо конфликтной ситуации, разыгравшейся в карабахском селе Атерк, также относится к нашему заочному взаимодействию.

13 августа 1991 года я узнаю тревожную весть: в 14 часов в селе Атерк Мардакертского района большая группа женщин блокировала дорогу, не дала двигаться колонне внутренних войск, состоявшей из четырех автомашин, бронетранспортера и командно-штабной машины, оборудованной радиостанции Р-118, и захватила в заложники сорок три военнослужащих внутренних войск МВД СССР со штатным вооружением: автоматами, пистолетами, пулеметами. Такого отношения армян к солдатам внутренних войск не было за все время карабахского конфликта. Меня, как кипятком ошпарило. Не трудно догадаться, что может последовать за этим. Еще свежи страшные следы операции «Кольцо». А здесь у азербайджанского руководства такой повод продолжить ее, не только выполнить план депортации армянского населения из Шаумяновского района, но и перевыполнить его за счет жителей уже Мардакетского района НКАО.

Совсем недавно на встрече в Кремле с Вице-президентом СССР Геннадием Ивановичем Янаевым, докладывая ему об итогах последней командировки в Карабах, я предлагал возможные варианты выхода из затяжного кризиса политическими средствами. И, вот тебе на, все миротворческие намерения «неординарными» действиями армянских женщин поставлены под удар. Более того, в заложниках оказались солдаты внутренних войск, с которыми у армянского населения практически не было конфликтных ситуаций. Но, досада, как обычно, быстро сменилась стремлением овладеть ситуацией.

К исходу дня на оперативном совещании у первого заместителя начальника нашего управления генерала-майора Огородникова получаю информацию о том, что командование внутренних войск МВД СССР приняло решение о проведении операции в Мардакертском районе НКАО по освобождению личного состава, возвращению техники и вооружения. Руководителем операции назначен первый заместитель

начальника штаба войск генерал Стариков, который незамедлительно вылетел на место происшествия. Мне поручено осуществлять координацию взаимодействия нашего управления с МВД Азербайджана и Армянин, УВД и комендатурой РЧП в НКАО, командованием внутренних войск.

Детальное изучение ситуации, сложившейся в Атерке, показало, что карабахские армянки пошли на него не ради демонстрации своей природной храбрости и умелости пленять полроты солдат, а от крайнего отчаяния. Внутренние войска в ходе недавней проверки в этом селе паспортного режима задержали два десятка их сыновей и, минуя Степанакертский фильтропункт, контролируемый Следственно-оперативной группой МВД СССР, сразу передали их азербайджанцам. Материнское чутье определило выбор действия: обычными методами страшное будущее сыновей не предотвратить — дорог каждый час. А, узнав подробнее детали происшедшего, мне стало понятно, что материнский бунт против внутренних войск был спровоцирован Баку. Новый зональный комендант Мардакертского района, не разобравшись в местной ситуации, попался на крючок, заглотил льстивую приманку, по указанию Баку с размахом провел оперативно-войсковую операцию в селе Атерк в духе традиций генерала Сафонова.

Стало также ясно, что захват военнослужащих, техники и вооружения был хорошо продуман армянским подпольем и являлся ответной мерой на безосновательный арест местных парней. Женщины, конечно, смогли блокировать колонну военных, но дальнейшие действия выполнял большой и хорошо организованный отряд армянской самообороны. В записной книжке генерала Старикова читаю: «Группа вооруженных лиц армянской национальности окружила колонну и потребовала сдать оружие и покинуть технику. Переговоры лейтенанта, старшего колонны с представителями женщин и вооруженных лиц результатов не дали. Чтобы не допустить кровопролития он был вынужден выполнить их требования. Военнослужащих, разделив на три группы, увели в горы в неизвестном направлении. Техника и вооружение также были рассредоточены».

На момент прибытия генерала Старикова в село Атерк, оно было полностью окружено войсками. Действовал приказ — в село можно только впускать, а из села никого не выпускать, улицы постоянно патрулировались. Из-за блокады были приостановлены все сельскохозяйственные работы. Население фактически оказалось под домашним арестом. В первоочередном порядке генерал приказал местному коменданту разрешить населению

работать на своих огородах и близлежащих к селу полях. Далее страницы записной книжки в логической последовательности отражают почти круглосуточные действия генерала. О том, как он вел изнурительные многодневные переговоры, где наступал, а где держал оборону. Для Баку и Москвы он, по их мнению, действовал слишком осторожно и нерешительно, для армян — то грубо и бессердечно, угрожая немедленно приступить к силовым методам против жителей села, то принимался мягко уговаривать женщин и в то же время настойчиво требовать от представителей армянских сил самообороны немедленно вернуть заложников.

Как и в случае с освобождением из заложников четырех сотрудников Следственно-оперативной группы МВД СССР в октябре предыдущего года, генерал получил согласие командования войск на свое предложение о приглашении из Армении в Атерк, для участия в переговорах о возврате заложников, Вазгена Саркисяна, председателя Комитата по обороне Верховного Совета Армянской ССР. Валерий Петрович хорошо помнил, что в прошлом году Вазген, несмотря на молодость, пользовался авторитетом у армянских старейшин, и, уж тем более у местных активистов карабахского движения. Его аргументы для противоборствующих сторон бывали убедительными, он не раз брал на себя ответственность за обязательства армянской стороны и, самое главное, если что-то обещал, то обязательно выполнял.

Прилетев в Атерк, Вазген сразу умело, четко и правильно оценил критическую ситуацию, стал предлагать реальные меры для ее разрешения, при этом был лишен экстремистских настроений. Для генерала Старикова было чрезвычайно важным, что его участие в переговорах, во-первых, являлось определенной гарантией того, что ситуация с заложниками находится под контролем этого важного представителя высшего руководства Армении, а значит с солдатами, пока Вазген в Атерке, ничего не случится, во-вторых, нередко охлаждало пыл бескомпромиссности азербайджанской стороны. Появление же Вазгена перед разгневанными толпами атерковцев сразу снижало их запальчивость, позволяло переводить переговоры в конструктивное русло. Однако азербайджанская сторона ни на какие компромиссные варианты не шла, выпускать из своих тюремных застенков атеркский парней всякий раз отказывалось, явно надеясь, что, или в стане заложников вспыхнет бунт, или армянам надоест затянувшаяся неопределенность. И тогда… Но эти мысли генерал старался не развивать.

Генерал располагал данными, что солдаты во главе с лейтенантом находятся в лесном горном массиве под опекой, по

всей видимости, немаленького армянского подпольного отряда сопротивления. Чтобы держать под охраной 43 военнослужащих, кормить, поить, то для этого, несомненно, надо задействовать силы и нешуточные. По всем прикидкам только в отряде охраны, видимо, около сотни человек. Немалое число подпольщиков занимается снабжением продовольствием, водой и другими необходимыми средствами, для обитания под открытым небом не менее полутора сотни человек. При этом, как доносили оперативные источники, заложники были разделены на три группы. Соблюдая строгую конспирацию, эти группы постоянно меняли места расположения, находились в 10–15 километров от Атерка и в 3–5 километрах друг от друга. Костры в целях безопасности не разводились. Такие же сведения поступали от вертолетчиков, которые ежедневно с неба патрулировали примерные районы передвижения заложников и их опекунов. Значит, питаются в сухомятку.

Записная книжка передает тревогу генерала Стариков, что молодые солдаты мотай пойти на необдуманные действия. Вдруг кто-то совершит попытку побега или станет оказывать сопротивление вооруженным армянам. Опыт взаимодействия с карабахскими армянами, а он у генерала накоплен немалый, подсказывал, что армяне не должны допустить расправы над российскими солдатами. В 1989 году, во времена Вольского, как теперь принято говорить, ему пришлось шесть месяцев бессменно быть комендантом НКАО. Немало крутых слов от армян наслушался в адрес внутренних войск, да и свой лично. Но еще ни разу в Карабахе не пролилась кровь российских солдат от рук армян. Как не стравливали азербайджанские руководители армян с российскими военными, как не подставляли их своими провокациями, армяне на эти уловки пока не поддавались. Сами страдали при этом, это да.

Генерал каждый день предпринимал все от него зависящее, но конфликт вокруг Атерка все равно принимал затяжной характер. Ему пока удавалось сдерживать Москву от принятия решения о немедленном освобождении заложников, применении для этого всех имеющихся войсковых сил и боевых средств. Баку же продолжал настаивать на том, что все задержанные в Атерке являются боевиками. Не один раз он мысленно обращался и к небесам, чтобы помогай не допустить с заложниками непоправимого. И, кажется, они его услышали. 19 августа в Москве объявили о временной недееспособности Президента СССР Горбачева и создании ГКЧП во главе с Вице-президентом СССР Янаевым. Руководство Азербайджана, прежде всего, Муталибов и Поляничко, понимая, что в составе ГКЧП были

министр внутренних дел Пуго, министр обороны Язов и председатель КГБ Крючков, доподлинно знавшие о карабахской проблеме, событиях в Сумгаите и Баку, решили не рисковать продолжением конфликта в Атерке, приказали выпустить из тюрьмы армянских парней без всяких условий. Тут же с гор по очереди тремя группами спустились и заложники. Все они были живы и здоровы. Выглядели обветренными и загорелыми, только впалость юношеских щек выдала скудность котлового довольствия. Солдаты рассказывали, что их освобождение стало большим облегчением для армянской охраны. Дело в том, что к этому времени их опекуны стали испытывать проблемы с обеспечением продовольствия. Сухие пайки и так были скромными, а тут их с каждым днем стали уменьшать. В одной группе с заложниками, в последний день перед их освобождением, у армян из еды осталось не больше пятидесяти кусочков сахара. И тогда командир охраны приказал выдать весь сахар только заложникам.

Генерал Стариков свою последнюю запись в записной книжке сделал лишь после того, как при содействии Вазгена Саркисяна, добился от армян возврата оружия и боевой техники. В моем же карабахском дневнике записано: «Операция по освобождению 43 военнослужащих внутренних войск МВД СССР в селе Атерк под руководством генерала Старикова завершилась успешно».

Последняя командировка в Карабах

Шаумяновск

Сколько командировок и командировочных дней было в моей жизни? Посчитать, наберется, если не на полжизни, то на одну треть точно. Села, станицы, хутора, аулы, кишлаки, города с многовековой историей и новостройки, страны и континенты… Память о многих из них сохраняется в сувенирах, фотографиях, знакомствах, переросших в отдельных случаях яичную дружбу, и, конечно, в многочисленных дневниковых записях, внешне, таких же, как и карабахские.

Хорошо помню свою первую в жизни командировку в январе 1965 года. Тогда шестнадцатилетним юнцом в роли уполномоченного Верхнехавского райкома партии Воронежской области был направлен в колхоз «Правда», что находился в самом дальнем селе Малый Самовец. Время было на заре брежневской эпохи. В октябре 1964 года на посту руководства СССР Никиту Сергеевича Хрущева сменил Леонид Ильич Брежнев. Мне было поручено обеспечить организацию пропаганды объемного многостраничного проекта Директив ХХШ съезду КПСС, который дол жен был определить перспективу коммунистического строительства советского государства. Были тогда такие политкомпании. На молодость не смотрели. Должность заведующего организационным отделом райкома комсомола обязывала уверенно проводить в жизнь идеи партии. А может, никому из партаппарата не захотелось ехать на неделю в захолустье. Зима была тогда снежная и метельная. Дорог, многократно пересеченных глубокими оврагами, не только асфальтовых, но и накатанных в зимнее время тогда не было. На сорока километровом пути санная конная упряжка была самым надежным транспортом. Промерзнуть делом было обычным, а в метельные времена недолго и сбиться с пути. Печальные итоги таких поездок бывали нередки. Меня же из-за важности и значимости поручения доставили к месту пропагандисткой работы на крупногабаритном тракторе К-700.

С раннего утра, а это часов с шести, я с председателем или секретарем партийной организации хозяйства приступал разъяснять перспективы коммунистического будущего дояркам или механизаторам, затем среднему руководящему звену на раздаче председателем колхоза поручений на день, потом тут же проводил индивидуальные встречи с колхозниками, пришедшими

к руководству пр личным вопросам. Выступал на сходах крестьян, партийных, профсоюзных, комсомольских собраниях. Вечерами в сельском клубе общался с молодежью. И так две недели. Своим уже в селе стал. Даже девчонку приглядел, после танцев стал провожать ее меж сугробов до дома, родители в гости уже стали зазывать. Но тут трактор К-700 прибыл, и меня вернули в районный центр.

Адресом моей последней командировки из МВД СССР в трагические дни развала Советского Союза оказался опять мятежный Нагорный Карабах, вернее его северная часть — Шаумяновский армянонаселенный район Азербайджана. Решение побывать в Шаумяновске я принимал самовольно, находясь в командировке в Армении, как говорится, на свой страх и риск, не ставя в известность свое руководство в МВД СССР, нарушая служебный устав, и, поступая по тем временам, вероятно, достаточно рискованно. Правда, я тогда убежденно считал, что для нарушения командировочного предписания были довольно веские оправдания, так как у меня было ощущение, что без ознакомления с положением дел в этом особом районе чрезвычайного положения я не полностью владел межнациональной ситуацией, и, видимо, по этой причине не смог в апреле месяце предотвратить проведение операции «Кольцо», а главное — депортацию армян из ряда сел в этом регионе.

Дело в том, что Шаумяновский район, примыкавший к Мардакертскому району НКАО, фактически составлял территорию бывшего полистанского меликства с исторически компактно проживающим армянским населением, по настоянию которого в начале девятнадцатого века и началось добровольное вхождение Армении в состав Российской империи. Именно в Гюлистане в 1813 году был подписан Договор между Россией и Персией. Но в 1921 году по решению руководства Советского Азербайджана при определении границ Нагорно-Карабахской автономной области земли полистанского меликства были отделены от армянского Нагорного Карабаха и подчинены напрямую Баку. С января 1990 года, после Бакинских событий и полной депортации армян из других районов Азербайджана, этот район оставался единственным с армянским населением во всей республике. Шаумяновск был самым «горячим» из всех «горячих точек» Карабаха. Статистика преступлений на межнациональной почве здесь всегда была выше, чем по всей НКАО. Борьба с противоправными действиями на его территории возлагалась на МВД Азербайджан, и было естественным, что никто их не расследовал, ибо они совершались азербайджанцами против армянского населения.

Мои попытки поехать в Шаумяновск в бытность начальника штаба СОГ МВД СССР полковником Гудковым отклонялись. Он безапелляционно заявлял, чтобы я не искал на свою голову дополнительных приключений. Гудков считал, что для меня дел хватает и в НКАО, а еще его долг вернуть каждого из нас домой в Москву целым и невредимым. И там, где можно поостеречься, он не допустит никаких вольностей.

Реальный шанс посетить Шаумяновск был у меня в июле 1991 года, когда по просьбе Председателя Верховного Совета Армянской ССР Левона Тер-Петросяна я летал в Степанакерт для ознакомления с обстановкой в НКАО сразу после проведения операции «Кольцо». Но тогдашний комендант РЧП полковник Жуков организовать мою поездку в Шаумяновскую зону отказался. Он потребовал на это особое разрешение руководства МВД СССР. Однако первый заместитель начальника нашего Управления генерал Ого

родников приказ на мою поездку в Шаумяновск не подписал. Прежде чем самому принять решение, он, оказывается, посоветовался с руководством МВД Азербайджана. О реакции Баку на мое имя можно было не спрашивать!

И вот я лечу в Шаумяновск только в сентябре 1991 года. Время в СССР — напряженное, смутное. Позади путч ГКЧП. Страна в политической прострации, Горбачев утрачивает властные функции. Безудержная суверенизация захватила союзные республики. Министром МВД СССР после Бориса Карловича Пуго, застрелившегося в своей квартире в последний день деятельности ГКЧП, был назначен Виктор Васильевич Баранников, возглавлявший ранее МВД Российской Федерации. До этого он несколько лет был первым заместителем министра внутренних дел Азербайджана. Союзное МВД на фоне возрастающей, самостоятельности республик лихорадило. В его рядах не стало ни генералов Воронова и Некрылова, ни полковника Кузнецова, многих других высокопрофессиональных руководителей и сотрудников. Но наше подразделение выпадало из общего ряда, продолжало напряженно заниматься чрезвычайными ситуациями на территории умирающего СССР. Я и мои коллеги, как и раньше, не вылезали из горячих точек.

В командировку в Армению с 16 сентября сроком на пятнадцать дней я прибыл по приглашению нового министра МВД Армянской ССР Ашота Манучаряна, в недавнем, прошлом учителя математики и директора одной из ереванских школ. Новое правительство республики состояло практически из бывших руководителей и активистов Армянского Общенационального Движения «Карабах». После нескольких

месяцев эйфории от прихода к власти, оно вынуждено было заняться освоением профессиональных навыков государственного управления. Ашот Манучарян был одним из трех первых лиц АОД. Я с ним знаком еще с тех пор, когда он возглавлял комсомол Ереванского университета. Вместе с другими лидерами АОДа Ашот в 1988 году был арестован и даже провел несколько месяцев в московской тюрьме. Позже, в Москве, мы вместе не один раз встречались в гостинице Москва у Зория Балаяна, готовили предложения по урегулированию Карабахского конфликта; Мне всегда было приятно работать с этим интеллигентным, вдумчивым и скромным человеком. В этот раз я охотно помогал ему в освоении секретов милицейской службы.

Ашот Манучарян, зная о моем желании ознакомиться с обстановкой в шаумяновской зоне конфликта, пригласил меня 17 сентября в свой кабинет и сказал, что, если я, по-прежнему хочу побывать в Шаумяновске, то меня могут доставить туда вертолетом, вылетающим часа через четыре из аэропорта «Эребуни» в Мардакертский район НКАО за тяжелобольными. В этот раз, наученный опытом, я не стал согласовывать с руководством МВД СССР изменение плана командировки-незапланированный вылет в Шаумяновский район Азербайджана.

Тут, правда, возникла одна проблема. Так как я на время командировки в МВД Армянской ССР никуда из Еревана выезжать не планировал, то прибыл в гражданской одежде и без своего табельного пистолета «Макаров». Ашот вызвал своего заместителя по тылу и приказал срочно подобрать привычную мне омоновскую форму и выдать оружие. Когда до отъезда в аэропорт «Эребуни» времени почти не оставалось, заместитель Манучаряна с довольным видом принес новенькое, только что выглаженное обмундирование. Однако принесенная одежда оказалась действительно омоновской, но только это была форма армянского ОМОНа, хорошо известная азербайджанским снайперам. Она значительно отличалась от московской и цветом и покроем. И тут я вспомнил, что один комплект моей омоновской формы МВД СССР я как-то оставил в Ереване в доме у Самвела — брата Ашота Геворкяна. Бывая у него в гостях, я видел, как горели глаза у сыновей Самвела: старшего Варгана и Арташесика, когда они смотрели на мою униформу. Надев, кто куртку, а кто фуражку, они выбегали на улицу, чтобы покрасоваться перед друзьями. Я с надеждой позвонил Самвелу. Он оказался дома. Через полчаса форма была у меня в руках, но без погон. Их Самвел вручил отдельно. Ребята использовали мою форму в своих «боевых» операциях, так что его жена ее постирала, а погоны, естественно, отпорола. Время поджимало, и я решил

погоны пришить в вертолете.

Зорий Балаян вызвался проводить меня в аэропорт «Эребуни». По дороге от МВД до аэропорта Зорий написал записку и, вручая ее, сказал:

— Передашь Шатену Мегряну, бывшему, впрочем, почему «бывшему»? — нет, настоящему первому секретарю; райкома партии и председателю Шаумяновского райисполкома. Твоя верительная грамота. О твоем прилете ему уже сообщили, но записку ему передай. Он все организует, расскажет об обстановке, покажет боевые участки. Завидую, что летишь туда. Мне такой возможности давно не представлялось. Но будь осторожен, там идет настоящая война. Про Шатена рассказывать не стану, времени нет. Сам увидишь, как много он значит для шаумяновцев и Карабаха в целом, какая это сильная личность.

Летел я в Шаумяновск без комфорта, вертолет был под завязку загружен ящиками, мешками с продовольствием. Самым знакомым оказался ствол градобойного орудия «Алазань». Кроме меня летели еще человек, пятнадцать. Мужчины от 20 до 40 лет. Было заметно, что между собой они мало знакомы, почти и не разговаривали. Видимо, труппа летела на смену таким же добровольцам — защитникам армянских сел. Мое появление в кабине вертолета вызвало лишь мрачное удивление, а приветствие в их адрес осталось без ответа. Похоже, полет вместе с московским омоновдем их не очень-то обрадовал. Лишь командир вертолета, обнимавшийся на аэродромном поле с Зорием Балаяном, проявил дружелюбие, подошел, пожал руку, сказал, как старому знакомому, что летим обычным маршрутом, высадит в Шаумяновске меня одного, обратно заберет через сутки в то же время. Попросил, чтобы я не опаздывал: ждать возможности у него не будет. А когда следующий рейс, никто не знает. И пошутил: расписания пока нет. Весь полет я занимался швейным делом, пришивал свои подполковничьи погоны, чем, похоже, еще больше озадачил попутчиков.

Было часа три дня. Вертолет быстро потел на посадку, но до конца не приземлился, а завис, слегка касаясь колесами земли. Ко мне вышел командир вертолета. Кивком головы показал, что пора выходить, открыл люк, показал рукой, мол, давай прыгай, на удачу легко хлопнул рукой по плечу. Кроме меня, никто из вертолета не выпрыгнул, и он, покачиваясь, взмыл вверх, пошел по своему маршруту в сторону Мардакерта. Проводив вертолет благодарным взглядом, оглянулся. Но что это? Ни одного строения, ни рядом, ни в округе до самого горизонта. Кругом ровное, пропаленное солнцем поле. Меня никто не встречает.

Пришел к выводу, что, видимо, кто-то из организаторов моего полета в Шаумяновск сплоховал. Что делать? Ждать? Кого и сколько времени? Осмотрелся более внимательно. Привычной колеи от транспорта нигде не видно. Лишь несколько едва заметных тропинок виляли в разные стороны. Выбрал наугад ту, которая уходила вслед за солнцем. Скоро тропинка стала спускаться, и минут через двадцать я вышел на окраину какого-то села. Пошел по улице, возле одного дома на скамейке увидел нескольких пожилых мужчин и женщин; Подошел к ним. Поздоровался, спросил:

— Это Шаумяновск?

В ответ — застывшие позы, на лицах недоумение. Я повторил вопрос. Только после третьего обращения старший из сидящих, как бы ожил, сказал:

— Здравствуйте, товарищ подполковник. Это не Шаумяновск, до него километров семь будет. А кто вам нужен?

Теперь роли поменялись. У них любопытство. А у меня куча вопросов в голове вертится: Где я? Куда высадил меня командир вертолета? Почему не предупредил, что не в аэропорту Шаумяновска? Шатен, наверное, меня ищет? Получается, пойди я в обратную сторону — попал бы в азербайджанское село? А дальше лучше не гадать… Мысленно радуясь, что судьба пока оказалась благосклонной к моему самовольному полету в Шаумяновск, спросил о другом:

— Где у вас телефон, чтобы позвонить в Шаумяновск? Мне с Шатеном Мегряном поговорить надо.

— По телефону раньше звонили из школы, но теперь Баку отключил. А вам наш Шатен нужен? Вы откуда будете? Это вас вертолет привез? Вы не волнуйтесь. Скоро мимо будет проезжать председатель сельсовета на своем мотоцикле, он вас доставят в Шаумяновск, — успокоил меня старик. — Да мы сейчас ребятишек пошлем за ним.

Только тут я заметил, что стою в кольце мальчишек и девчонок вперемешку, видимо, с жителями соседних домов. Пришлось объяснить, что я из Москвы, из МВД СССР. Что нужен мне Шаген Мегрян, председатель райисполкома, что прилетел в Шаумяновск ознакомиться в обстановкой, о чем потом должен буду доложить руководству, чтобы оно приняло правильные решения по Карабахскому вопросу…

Я видел, как быстро исчезала настороженность. Говорили все сразу: каждый хотел, чтобы я слушал только его и разговаривал только с ним! Меня разворачивали из стороны в сторону. Но все говорили об одном — о горе, пришедшем к ним в Карабах, в их село, в каждый дом, о невыносимости такой жизни. Где

справедливость? Почему Москва лишила их всех прав, почему гибнут ни в чем не повинные люди? Зачем Горбачев устроили эту перестройку? Она приносит людям только беды. Почему вывели внутренние войска с территории Шаумяновского района? Разве азербайджанцы перестали убивать и брать в заложники? Наоборот, они совсем обнаглели. Каждую ночь по армянским селам бьет артиллерия. Почему против армянского населения воюет советская армия? Почему их хотят выселить с исконных земель? Здесь же могилы их предков. Женщины брали маленьких детей на руки и, плача, показывали, что те давно нуждаются в лечении. Многие говорили, чтобы Москва заставила азербайджанские власти держать ответ за гибель их родных и близких, чтобы выпустили мужей из тюрем, освободили заложников…

Ситуацию разрядил приехавший на мотоцикле председатель сельского совета. Он протиснулся ко мне, попросил тишины и с укором сказал:

— Так-то вы встречаете гостя из Москвы! Ни водой не напоили, ни фруктами не угостили? — И уже обращаясь ко мне, повинился:

— Я должен был вас встретить у вертолета. Да вот конь мой подкачал. Еле завелся. Ремонта требует, да где теперь взять запасные части? Вас велено срочно доставить в Шаумяновск. Там давно ждут. Уж волноваться, наверное, стали. Будет мне на орехи от Шатена!

Все предложения жителей села покормить гостя и многочисленные приглашения пройти к ближайшему дому, толком про жизнь поговорить местный руководитель отверг решительно — ситуация не для посиделок! Человек из самой Москвы прилетел, надо понимать, не для пустяков. Судьба наша решается. Дорог не только час, но и минуты. И повелительно указал мне на место в коляске мотоцикла. Разговоры вокруг сразу стихли, все понимающе закивали. Откуда-то появились тарелки с яблоками, грушами, гроздями винограда. Каждый стремился, чтобы я хоть что-то взял с собой. Но под властным взглядом председателя сельсовета и эта «самодеятельность» была приостановлена.

Мотоцикл быстро доставил нас на окраину Шаумяновска. Штаб самообороны размещался в кабинете директора автотранспортного предприятия, где и ждал меня Шатен Мегрян со своими товарищами. Там же была народный депутат РСФСР Валентина Линькова из подмосковной Черноголовки. Уже более месяца она находилась в самом пекле зоны конфликта — в районе сел Карачинар, Манашид и Веришен, добровольно

выполняя миротворческую миссию.

Шаген прочитал записку Зория Балаяна, пристально посмотрел на меня и уважительно сказал:

— Сейчас поедем в Полистан, ко мне домой. Время почти вечернее. Придется и обедать и ужинать одновременно. Там, кстати, сегодня соберутся многие наши друзья. Пока будут готовить стол, познакомлю с ними, обстоятельно поговорим и наметим программу вашего пребывания. Хотя времени у вас мало, постараемся успеть рассказать и показать все самое важное.

На изрядно потрепанном, но уверенно урчащем на горной дороге Уазике, мы поехали в Полистан.

Шаген Мегрян

Разговорившись с Шатеном в машине, я не заметил, как мы оказались в Гюлистане. Все, кто там бывал, и, особенно сами полистанцы, рассказывали мне, что это очень красивое село. Крепость, в которой в 1813 году был подписан исторический трактат между Россией и Персией о добровольном вхождении Карабаха в состав России «на вечные времена», находилась недалеко от села, над рекой Инджа, в ущелье напротив высокой горы Мров. Но в надвинувшихся сумерках я ничего, кроме дома и просторного двора Шатена с прекрасным садом и цветниками, не увидел. Вместе с его родными, отцом Зинавором Петросовичем, братьями Петросом и Александром, соратниками по сопротивлению в гостях у Шатена оказались и москвичи: народные депутаты СССР и РСФСР Владимир Смирнов, Анатолий Шабад, Валентина Линькова, писательница Инесса Буркова, ученый Кирилл Алексеевский. Каждый из них прибыл в Шаумяновск по собственной инициативе, осознавая свою личную причастность в стремлении справедливо разрешить карабахский конфликт на самом наряженном его участке — в Шаумяновском районе.

Они, как и я, прилетели в Шаумяновск через Ереван на вертолетах. Их поездку организовал Комитет по спецпрограммам Совета Министров Армянской ССР, который находился на улице Московская, 11. Председателем Комитета был Григорий Арутюнян или, как все его звали» просто Гриша. Григорий был одним из зачинателей Карабахского движения и Степанакертского подполья первой поры. Я свидетель того, что желающие посетить армянскую зону Карабаха, в обязательном порядке приходили в этот Комитет. Его инструктажи и советы всегда были кстати. Постоянно уравновешенный, предельно скромный» с легкой дружелюбной улыбкой, он невольно помогал собеседнику обрести большую уверенность в выборе правильного решения. Именно у Гриши Зорий Балаян познакомил меня с многими активистами ереванского землячества «Арцах» и его руководителями Юрием Оганесяном и Гамлетом Арутюняном, степанакертским подпольщиком «Валериком из Шоша». Это он, Валерий Мирзоян, не развозил меня на подпольные встречи на видавшим виды «Запорожце».

Познакомив меня с гостями и родными, Шатен тут же каждому нашел достойное занятие, а со мной ушел в дальний угол сада. Там мы проговорили до начала ужина. Речь пошла о последних событиях в Шаумяновском районе. Они» были, надо

сказать, неординарными.

— Вы, товарищ подполковник, — обратился ко мне Шаген, — знаете, что 4 июля 1991 года по Указу Горбачева в нашем районе было отменено чрезвычайное положение. Обоснование принятия Указа для нас звучало издевательски. Оказывается у нас уже нормализовались оперативная обстановка и межнациональные отношения. 5 июля наши сеяв покинули подразделения внутренних войск, которые были для Баку костью в горле. Комендант района командир Киевского оперативного милицейского полка полковник Николай Черновол, офицеры и солдаты внутренних войск просто честно выполняли свой долг-защищали мирное население, не позволяли азербайджанскому ОМОНу бесчинствовать. Уезжая, многие солдаты плакали. Они, как и мы, понимали, что здесь будет завтра. Нас просто бросили, чтобы уничтожить.

Уже на рассвете 6 июля, как мы и предполагали, азербайджанские омоновцы атаковали села Бузлух, Манашид и Эркедж. Операцией руководил известный вам замминистра МВД республики Мамедов. Нападение было отбито только к вечеру. Потери с их стороны были значительные. Сам Мамедов со своим отрядом попал в окружение. Только вмешательство Коменданта РЧП полковника Жукова спасло его от плена. Потом к омоновцам подключились части 23 дивизии, артиллерийский и ракетный обстрел. Начался новый штурм сел. Однако и на этот раз депортировать население не удалось. Бойцы отрядов самообороны отражали атаки до тех вор, пока всё население на грузовиках не было вывезено в Шаумяновск. Азеры применили армейские танки для обстрела машин с людьми, пытались перерезать им дорогу. Погибли четыре женщины и ребенок, но ни один человек не попал в руки врага, «му достались только пустые дома. Бойцы сопротивления оставили село Эркедж только 19 июля.

Я хорошо помнил эти тревожные дни не только по оперативным сводкам, но и по собственным бесконечным звонкам и походам в разные союзные инстанции, рапортам министерскому начальству о необходимости остановить экспансионистские действия Азербайджана. В Баку 21 июля 1991 года, пытаясь предотвратить трагедию в Шаумяновской зоне, впервые после начала межнационального конфликта прилетала делегация карабахских руководителей. С Муталибовым был подписан протокол о политических намерениях по нормализации межнациональной обстановки. Левой Тер-Петросян установил телефонные контакты с Горбачевым и руководителями силовых структур Крючковым, Язовым, Бакатиным. А 23 июля он прибыл в

Москву и впервые принял участие в подготовке нового союзного Договора. Но эти политические шаги ожидаемых результатов не дали. Не изменило положения и прибытие в зону конфликта международных правозащитников во главе с вице-спикером Палаты лордов Великобритании Баронессой Каролиной Кокс.

— Совсем недавно, — говорил Шатен Мегрян, — армянские отряды самообороны освободили ют азеров три села нашего района: Бузлух, Эркедж, Манашид. Мы разгромили разместившиеся в них азербайджанские военизированные подразделения вместе с бронетехникой. Захватили артиллерийские батареи, расположенные на высотах, которые постоянно обстреливали армянские села. Именно «освободили». Предлагаю до отлета в Ереван посетить эти села. Увидите, как там похозяйничали азербайджанцы, они даже свой колхоз создали. Бакинские газеты писали, что таким образом была проявлена забота о спасении урожая, который бросили на произвол судьбы нерадивые армяне.

Увидите свежие следы боев. Да, да, настоящих боев. Так что это наша первая военная победа над азербайджанцами. А кто об этом в Советском Союзе знает? На сегодня у нас здесь создана настоящая линия обороны. Открытую войну вести сложнее, силы-то неравные. На стороне азербайджанцев части 4-й армии, бронетехника и артиллерия. Но, как видите, операция удалась. Выбили мы их из наших сел. Не ждали они от нас такой прыти. Однако ясно, если Москва не восстановит наши права, не вернет депортированных жителей в их дома (а похоже, что так и будет), ситуация сложится крайне тяжелая. Как мог Горбачев подписать Указ об отмене в нашем районе чрезвычайного положения и выводе внутренних войск? Кто его, кроме Муталибова и Поляничко дезинформирует? Внутренние войска надо вернут, и как можно скорее.

Это не значит, что мы не способны отстоять свои земли, защитить своих стариков, женщин и детей. Мы первые в Карабахе, против кого пробуют вести открытую войну. Не думайте, что азербайджанцы успокоятся, выжив нас отсюда. И не потому, что мы почти отрезаны от НКАО. С не меньшим нажимом идет депортация из армянских сел в Гадрутском районе. Сжимают Карабах со всех сторон, но с двух — особенно яростно; Дожмут нас — примутся за остальной Карабах. А что будет с Арменией без Нагорного Карабаха? А с Россией? Союз-то шатается. Вот-вот рухнет.

Нам, шаумяновцам, первым пришлось доказывать, что мы умеем воевать. И воюем мы не только за свой, карабахский край.

Если вам доверяет Зорий Балаян, то вы наверняка представляете себе особое значение армянского Карабаха для России. Жаль, что сегодняшние руководители страны не понимают этого. Мой Гюлистан никогда не предавая Россию. Я знаю цену каждой пяди нашей земли. Она обильно полита кровью русских солдат. И мой народ всегда помнит про это, чтит, память о русских героях. Вы увидите, как обходятся варвары с нашими общими памятниками. Баку, в общем-то, легко ликвидировал армянские села внутри Азербайджана. С нами такой номер не пройдет. Мы обязаны отстоять Шаумяновск.

Я слушал Шатена, и мне становилось не по себе. Одно дело жалобы на беспредел при проверках паспортного режима, и даже в ходе операции «Кольцо», ошибочность которой со временем почувствовали, осознали в Москве. Их последствия еще можно как-то попробовать исправить. Стоило бы центру серьезно надавить на Баку, на Муталибова, дать новые установки Поляничко, поставить новые задачи внутренним войскам, и в считанные дни все может измениться. Готовится же посредническая миссия в Карабах Президента России Бориса Ельцина и Председателя Верховного Совета Казахской ССР Нурсултана Назарбаева. Но здесь начались уже масштабные боевые действия. Значит, верховная власть Советского Союза не в состоянии защитить карабахских армян от беззакония, не может предотвратить насильственную депортацию, гибель сотен и тысяч ни в чем не повинных людей. Значит, реализуется тот самый план депортации, о котором я знал еще с декабря прошлого года? Случись на деле депортация жителей Шаумяновского района, то получится, что Азербайджан приступил к откровенному насильственному захвату, а точнее аннексии армянских земель. Неужели поздно, нельзя разрушить варварский замысел, предотвратить трагедию двух народов?

Шатен перечислял многочисленные жертвы межнационального террора. Люди погибали не только от пуль и ножей азербайджанских омоновцев, но и в результате блокады армянских сел, отсутствия горючего, топлива, лекарств, продовольствия… Была разрушена связь с внешним миром. Вертолетные рейсы крайне редки. Они не безопасны. Полеты-то выполняются на малой высоте над азербайджанскими районами.

— Нас, — говорил он, — азербайджанцы собирались выселить еще раньше, как только расформировали районные структуры. Им мешали внутренние войска, расквартированные в армянских населенных пунктах, а после того, как их вывели, в каждом из сел оставались наши верные друзья — российские миротворцы, группа народных депутатов СССР и РСФСР,

«КРИКовцы». Они вместе с нами вели переговоры, возвращали заложников, угнанный скот, забирали на той стороне погибших. И теперь они тут, — уж который месяц под пулями и снарядами» Выступлениями на депутатских съездах, телеграммами, газетными статьями прорывают они информационную блокаду. Вы сами знаете, что своими действиями здесь и в Москве они десятки раз приостанавливали азербайджанские атаки. Мы им очень благодарны. Вот и в организации ближайшего приезда в Карабах Ельцина и Назарбаева они сыграли немалую роль. Хочется надеяться на серьезный политический результат этой миссии.

Как живет наш район в этих условиях? Вполне организованно. Все необходимые органы управления продолжают функционировать. Все подчинено задаче — выстоять. Идет уборка урожая. Создаем продовольственные запасы. Впрочем, все это вы увидите завтра. А сейчас прошу к столу. И хотя торопить гостя у нас не принято, должен предупредить: в Шаумяновск надо вернуться до начала артобстрела. Об этом позаботится Роман Арустамян, мой первый заместитель, который будет вас сопровождать. Встретимся завтра, перед отлетом в Ереван.

За хлебосольный стол нас пригласил Зинавор, сынишка Шатена, симпатичный мальчик лет шести. Шатен был радушным и веселым хозяином. Звучали традиционные тосты. Больше всего — за здоровье гостей и особенно москвичей, число которых было на удивление весьма значительным для конкретной исторической ситуации. Но все они, похоже, были давними друзьями Шатена и его семьи.

За столом с гордостью вспоминали, что именно в Гюлистане была завершена первая русско-персидская война 1804–1813 годов. И если бы не бокалы, поднимаемые за недавнюю победу при освобождении родных сел, в память о погибших в последних боях и замученных в азербайджанских застенках; за здоровье тех, кто сейчас находится на боевом посту, то вечерний стол в доме Шатена можно было бы отнести к обычному дружескому армянскому застолью.

Особый район чрезвычайного положения

Официально Шаумяновский район, как самостоятельная административно-территориальная единица, уже почти два года как перестал существовать. Его территория по решению Президиума Верховного Совета республики объединена с соседним Ханларским районом. Решение было принято единогласно, возражать было некому, так как к этому времени представительства армян в составе этого законодательного органа не было. Мнение самих же шаумяновцев на этот счет законодателей не интересовало. Около двадцати тысяч армян растворились в многочисленном азербайджанском населении во вновь образованном Геранбойском районе.

Однако вопреки решениям Баку шаумяновцы сохранили функционирование всех звеньев районного управления, строго соблюдали административно-правовые нормы и правила. Для сумевших добраться до бывшего Шаумяновского района, на первый взгляд, жизнь в райцентре и армянских селах ничем не отличалась от других мест нашей великой страны. Даже прием посетителей велся в соответствии с графиками, указанными на вывесках зданий официальных учреждений и организаций. Удивительно, но в условиях фактического военного положения не вводились ограничения на внутренних границах, у приезжающих в эти края никто не спрашивал никаких виз и разрешений. Чрезвычайное положение, военные комендатуры, комендантский час — это только для внутреннего пользования.

Длительное время с начала карабахских событий в районе без перебоев работали гипсовый рудник, винодельческий завод, опытно-экспериментальный пищекомбинат и другие хозяйственные структуры. При неформальном сохранении государственных и партийных структур в районе действовал новый высший орган управления — штаб самообороны. Несмотря на скудность материально-технических ресурсов, отсутствие средств вооруженной защиты, Шатену Мегряну вместе с соратниками по сопротивлению удалось обеспечить меры безопасности и жизнедеятельности населения. В свое время Шатен был энергичным первым секретарем райкома комсомола, умелым хозяйственником, партийным и советским руководителем, а в это трагическое время — оказался толковым политиком, военным стратегом и тактиком.

Если присмотреться, нельзя было не заметить, что в районе никто и ничего не покупает и не продает. Здесь нет хождения денег, так как финансовые операции должны осуществляться в

Ханларе. Ну, а кто из армян поедет в азербайджанский райцентр? Пришлось создать свою систему материального обеспечения населения. Заместитель председателя райисполкома по финансово-экономическим вопросам, депутат самопровозглашенной Наторно-Карабахской Республики, куда присоединился Шаумяновский район, Самсон Восканян и его жена Белла, работавшая заместителем управляющего районным отделением банка, рассказали мне о ней. В декабре 1989 года, как раз накануне расформирования района, по поручению Шатена Мегряна, который предвидел надвигающиеся трудности, им удалось получить на район из Баку денежный кредит в размере двух миллионов рублей. Эта солидная сумма была приплюсована к деньгам, находящимся в обращении в районе. Денег хватило практически на весь 1990 год. Население получало зарплату, пенсии и пособия. Конечно же, постепенно денежной массы становилось все меньше и меньше, какая то часть людей тратила их при неотложных поездках в Ереван или другие города СССР. Пришлось платить людям, как теперь принято говорить, в объеме прожиточного минимума на каждого жителя. Помогало то, что какие-то деньги поступали из Армении, от родственников. Позже перешли на раздачу гуманитарной помощи присылаемой в район благотворительными организациями. Медицинские учреждения работали в усиленном режиме, было много раненых. Не хватало врачей-специалистов. Тогда стали приглашать земляков-медиков, которые на время приезжали для работы в больнице. Лекарственное обеспечение велось из Еревана и Степанакерта,

В районном отделе внутренних дел, который для МВД СССР официально не существовал с января 1990 года, я получил исчерпывающую информацию об оперативной обстановке. Милиция, оказывается, работает в штатном режиме. Хотя в ночь с 13 на 14 января 1990 года подполковник милиции Юрчак, прибывший из МВД республики с группой омоновцев, объявил, что отдела милиции более не существует. Под дулами автоматов омоновцев изъял автоматы из оружейной комнаты, отобрал табельные пистолеты у присутствующих сотрудников, забрал печать, штампы, документы, бланки, архив. Милиционеров, находящихся в нарядах, собирать не стал, так как торопился, а, скорее, побоялся неподчинения. Начальник районной милиции майор Бабурян и его заместитель майор Арзуманян доложили, что все преступления совершаются на границах района азербайджанцами против армянских жителей. По местной классификации они считались боевыми потерями. Проходя мимо камеры предварительного заключения, я заметил, что за решеткой сидел мужчина средних лет, а вот дверь камеры была

приоткрыта. Заметив мой вопросительный взгляд, майор Бабурян пояснил:

— Это Спартак Марянян. В ревностном гневе он убил женщину, с которой сердечно дружил. Провели следствие, вина доказана, суд вынес решение, с отсрочкой наказания до лучших времен. А как иначе? Не отправишь же его в азербайджанскую тюрьму? Дверь камеры открыта потому, что он сам после суда пришел сюда, чтобы отсиживать срок. Ему охрана не нужна. Он сам себе и арестант и охранника На ночь уходит домой, а рано утром он уже в камере. Черновую работу по уборке помещения отдела взял на себя. Других преступников и правонарушителей нет.

Личный состав, — продолжал начальник отдела милиции, — это двадцать пять сотрудников, шесть офицеров побывали в заложниках у азербайджанцев. После расформирования района милиционеры составляли костяк сил самообороны. Теперь такие отряды имеются в каждом селе. Двух сотрудников на пенсию надо отправлять, а где их оформишь, если все документы отдела в Баку, Гражданам СССР, которым исполнилось шестнадцать лет, паспортное отделение выдает лишь справки.

О силах самообороны Шаумяновска мне рассказал Авак Вельян, председатель его поселкового Совета и один из заместителей Шагена Мегряна.

— С весны 1988 года у каждого села появился собственный отряд зашиты от азербайджанских бандитов. Мужское население посменно несет круглосуточное дежурство на более чем пятидесяти пунктах самообороны по всему периметру границ района. Налажено обеспечение бойцов питанием, водой, медицинскими аптечками, сигаретами. Когда мы находимся на боевых постах, то друг друга называем ополченцами. На первых порах на пост приходилось по одному-два гладкоствольных охотничьих ружья. Но со временем мы сумели обзавестись более серьезными боевыми средствами. Большая часть автоматов, пистолетов» гранатометов, конечно же, трофейная, отобрана у азербайджанских милиционеров и омоновцев. Когда мы убедились, что отданы Москвой на растерзание азербайджанцам, стали добывать оружие целенаправленно и даже наладили небольшое подпольное производство самодельных автоматов. Несколько дней назад силы самообороны освободили наши села от азербайджанцев и захватили очень нужные для нас трофеи: запасы горючего, продовольствия, медикаментов, много техники, огнестрельного оружия, гранатометы, боеприпасы. Теперь у нас есть даже несколько пушек-гаубиц.

Ну, а что нам делать? Не сопротивляться? Мы не лезем на

территории азербайджанских сел, не разбойничаем. Мы, карабахцы, народ привычный защищать свою землю. Это всегда делали наши предки. У нас нет надежды на чью-то помощь и защиту. Мы надеемся только на себя, на честный бой, в котором можем и не победить, но докажем, что без боя не сдадимся.

Знакомясь с обстановкой в Шаумяновске, я все больше укреплялся во мнении, что району в межнациональном конфликте выпала роль испытательного полигона, где Советский Азербайджан беззастенчиво испытывал свои террористические методы против армян Карабаха: массовые убийства армянского этнического населения, артобстрелы и поджоги сел, подрывы и блокады дорог, депортации… С февраля 1988 года десятки жителей района были убиты» сотни армянских мужчин во время полевых работ были насильственно схвачены, и без суда и следствия томились в камерах предварительного заключения и тюрьмах. Об их судьбе ничего не известно. Заложниками в азербайджанских застенках побывали многие руководители района, среди них официально действующие в то время и первый секретарь райкома партии Владимир Агаджанян, и Шатен Мегрян, он тогда был заместителем председателя райисполкома, и начальник милиции, и другие. Во второй половине апреля 1991 года, намного раньше, чем в других районах Карабаха, здесь началась массовая насильственная депортация местных армян. Известно, что Сталин при депортации давал людям несколько часов на сборы, право взять с собой продукты и какие-то вещи. Здесь же женщин, детей, стариков под дулами танков, БТРов и автоматов выгоняли из родных домой без вещей первой необходимости, без денег и продуктов.

По собранным мной данным можно утверждать, что Шаумяновск превращен в военно-политический центр сопротивления азербайджанскому насилию, а его жители обладают высоким уровнем самомобилизации, дисциплины, стойкости и мужества. Знали ли в Москве о строптивости двадцати тысяч армян гюлистанского края, которых Горбачев одним росчерком пера упразднил, распустил, а, по сути, предал? Встречаясь тогда с властями, убеждался многократно — знали! Безнаказанность за этнические чистки в Сумгаите, Баку и в других районах, развал межнационального мира в республики позволяла ее руководителям смело переносить антиармянский террор теперь на территорию Шаумянского района и Нагорно-Карабахской автономной области. Я утверждался во мнении, что ни о какой нормализации межнациональных отношений со стороны Азербайджана речи быть не может. Смена руководителей республики показала, что с приходом нового лица напоет первого

секретаря ЦК Компартии, в отношении к армянскому народу ничего не менялось. Очевидно, что только полная депортация армян из Карабаха для Азербайджана является стратегической целью. На первых порах люди ждали, что Азербайджан понесет за содеянное наказание из Кремля. Однако ничего похожего не происходило. И шаумяновцы поняли, что они сами должны противостоять азербайджанскому террору и экспансии, сопротивляться, бороться, и даже стараться победить. Становилось все очевиднее, что сроки и размеры трагедии Нагорного Карабаха на фоне политического хаоса и развала Советского Союза, во многом будут зависеть от силы сопротивления жителей этого особого района Нагорного Карабаха.

Шаумяновцы

Все восемнадцать километров нашего с Романом Арустамяном пути, от Гюлистанского дома Шатена Мегряна до Шаумяновска, сопровождались артиллерийской канонадой. Над нашей машиной со свистом пролетали снаряды, выпущенные азербайджанцами в сторону Шаумяновска. Поначалу я втягивал голову в плечи и приостанавливал разговор. Роман и его водитель вели себя очень спокойно, и я, глядя на них, постепенно пообвыкся.

— Ночной обстрел, — рассказывал Роман, — ведется по Шаумяновску, и другим армянским селам бесцельно, с расчетом больше на психологический эффект — держать в страхе всех жителей района одновременно. Кто его знает — минует твой дом очередной выстрел или нет. Привыкнуть к страху, прежде всего, за близких — детей, стариков, невозможна. Только представьте, как в собственном доме, под вой и разрывы снарядов, вы слушаете по московскому радио об очередном выдающемся политическом шаге Президента СССР в разрядке напряженности в Европе. А с Веришенских высот наши села подвергаются артобстрелам с лета 1990 года не только в ночное, нередко и в дневное время.

По селам Карачинар, Манасиншен и центру Шаумяновска 3 января этого года был прицельный обстрел из системы «Град». Погибли 10 человек, среди них 7 детей. В Шаумяновске от прямого попадания снаряда была разрушена и сожжена детская спортивная школа, лишь случайно там в это время никого не было. А вот на центральной улице во дворе Бориса Бабаджаняна погибла его дочь, одна из лучших учениц 10 класса, красавица Диана. Вторую дочь Марину, ученицу 7 класса врачам спасти удалось, но она лишилась обеих рук. По кладбищу во время похорон, видя скопление народа, азербайджанцы снова стреляли из «Града». А ведь применять эту систему залпового огня можно лишь по приказу из Москвы. Кто взял смелость отдать приказ стрелять из фронтовых орудий по гражданскому населению?

Утром в доме Романа Арустамяна за завтраком с блинчиками, творогом, свежим кизиловым вареньем и чаем с чабрецом, я обратил внимание, что у мамы Романа необычные для армянской женщины не только имя и отчество — Феня Григорьевна, но что особенно — это ее глаза. Они были явно не армянскими. Армян среди кавказских народов достаточно легко выделить по их национальному своеобразию — глазам. В армянских глазах всегда присутствует скорбная печальность.

Бытует мнение, что у армян такой физической естественностью отражается национальная память о многочисленных жертвах древнего народа во имя свободы и христианской веры. Недаром это врожденное качество армянских глаз воспето многими поэтами.

Сильва Капутикян, например, в стихотворении «Армянские глаза» пишет:

Отразившие древних времен маету,
Сквозь беду и бесправье, сквозь боль вековую…

Мой ростовский друг юности, потомок карабахских священников, а ныне известный российский поэт Аршак Тер-Маркарьян подарил мне сборник своих стихов, в котором читаю:

О печальные, скорбные очи народа!
(Боль, наверное, имеет и свой календарь)
Боль армянскую мама смогла через годы
Донести, чтобы сыну я мог передать…

Глаза у Фени Григорьевны были светло голубыми, с высоко поднятыми соломенного цвета бровями. В остальном, она ничем не отличалась от других армянских женщин. Тот же традиционный черный платок на голове, такого же цвета платье, темный обветренный загар рук. С домочадцами говорила по-армянски, при мне — на русском, правда, с характерным местным акцентом. Роман видимо привык пояснять гостям этот семейный феномен, упреждая мой вопрос, стал рассказывать, что его мама по национальности белоруска. А вообще-то она по матери наполовину русская. Его же отец — Беглар Петросович был здесь активным комсомольцем и коммунистом, организатором и председателем колхоза. Перед войной с немецкими фашистами служил офицером в Красной Армии в белорусском городке Молодечно, там и женился на красавице Фене. В начале войны он вместе с женой командующего Западного фронта, будущего маршала Советского Союза Г. К. Жукова, эвакуировал ее в Саратовскую область. После войны в Шаумяновске в их семье родилось шестеро детей. Две дочери живут теперь в Воронежской области, один сын в Белоруссии. Роман неоднократно предлагал матери переехать к сыну или дочерям, подальше от шаумяновчжих тягот, да›и ему было бы спокойней за нее. Но мать твердо заявила, что никуда она из ее родных мест, от могил мужа и старшего сына не поедет, ее место здесь, рядом с ними.

Пока Роза — жена Романа — накрывала стол для завтрака, Феня Григорьевна показала мне прекрасно ухоженный сад-огород. Видно было, что это ее рук дело. Деревья ломились от тяжести яблок, груш, персиков, слив. На кустах свисали, невиданные мной ранее, крупные продолговатые гранатового цвета, сочные и мясистые ягоды кизила. Я уже знал, что весной она чуть было не осталась одна с внуком Олегом. Роман с женой Розой и дочерью Ингой 28 марта 1990 года летел вертолетом из Еревана. Вместе с ними домой возвращались пятьдесят местных жителей. В зоне азербайджанского села Сары-Су по вертолету был открыт огонь из карабина. У вертолета были пробиты двигатель и лопасти. Пилот постарался дотянуть до Шаумяновска, но при посадке лопасти стали ломаться. С высоты 12 метров вертолет рухнул вниз, зацепив высоковольтную линию электропередач. Многие пассажиры были травмированы. Розе наложили 28 швов, внучка получила сотрясение мозга. Но самые тяжелые и многочисленные травмы, практически несовместимые с жизнью, получил Роман. Семь суток был без сознания. Десятки жителей поселка посменно дежурили под окнами операционной, отдавая ему свою кровь и моля бога за жизнь уважаемого имя человека.

Феня Григорьевна, тревожно посмотрела на меня и спросила:

— Неужели азеры на нас пойдут войной, будут выселять с этих мест? Да как же так? Ведь здесь испокон веков жили армяне. Как же я брошу могилу моего Беглара, era, а значит, и моих родных? Сколько горя пришлось повидать в годы войны с фашистами? Там, у нас в Белоруссии, тогда погибли почти все мои родственники. Неужто все повторится?

Но ведь еще недавно жили дружно. Куда все это делось? Разве можно соседу на соседа идти с ружьем, зверствовать. А они убивают наших женщин, детей, глумятся над мертвыми. Мужчины вместо того, чтобы работать на полях, фабриках, бессменно сидят в окопах. Сколько убито, ранено, находится в плену. И такая жизнь вот уже почти два года. Урожай в саду уродился богатый, а для чего? Зачем они хотят отнять у армян Карабах. Разве им своей земли мало? В наш дом часто приходят хорошие люди из Москвы, командиры военных частей у нас квартируют. Они все не согласны с тем, что у нас происходит. Вы, вижу, тоже. Я вас прошу, соберитесь вместе, пойдите к Горбачеву, расскажите ему обо всем, Пусть остановит войну. Помогите нашему народу. Тут она низко поклонилась мне, а потом вдруг засмущалась своей длинной речи перед гостем, годившимся ей в сыновья, поспешила пригласить к завтраку.

Помню, как поначалу в общении с шаумяновцами я чувствовал их внутреннюю настороженность, нежелание

включаться в откровенный разговор. Видимо, им было непривычно видеть представителя Москвы в чине подполковника в омоновской форме, который не командует, не проверяет документы, а расспрашивает и многое записывает в свой блокнот.

С февраля 1988 года военных здесь повидали немало. Появления 23 мотострелковой дивизии, например, сразу не предвещало ничего хорошего. Нередко бывало, что они на глазах превращались в грубых исполнителей воли Баку, насильников и грабителей. Неудивительно, ведь эта дивизия более чем наполовину комплектовалась из азербайджанских призывников. С офицерами и солдатами внутренних войск, наоборот, быстро устанавливались хорошие взаимоотношения. Их невольно сравнивали с русскими солдатами-освободителями Нагорного Карабаха от персов и турков с их приспешниками — кавказскими татарами (так тогда называли нынешних азербайджанцев) в начале 19 века. Рассказы о русских братьях-освободителях, нередко превращенные благодарным народом в легенды, живы в каждом армянском доме.

Москва шаумяновцами тоже воспринималась, как бы в разных измерениях. Одно дело власть — Кремль, Горбачев, Бакатин, Крючков, Язов. Эта Москва несправедлива и глуха к чаяниям и страданиям армян Карабаха. Другое дело — «КРИКовцы», представители общества «Мемориал», правозащитники, народные депутаты СССР и. РСФСР Анатолий Шабад, Виктор Шейнис, Валентина Линькова, Владимир, Смирнов, журналисты Иннеса Буркова, Кирилл Алексеевский и другие. О них говорят как о самых близких людях, без которых была бы невозможна жизнь шаумяновцев в тяжелые месяцы осады. Эти москвичи жили здесь неделями, месяцами, сменяя друг друга. Вместе с армянскими ополченцами несли вахты на опорных пунктах самообороны.

Их никто официально сюда не направлял, не гарантировал им не только житейских удобств, но и личную безопасность. И, не дай бог, случись что-нибудь с кем-то из них… Но, они об этом даже не думали. Они слились с шаумяновцами, переложили на себя часть их тяжелой и горькой судьбы. Обладая гражданской смелостью, большим общественным авторитетом, они бесстрашно включились в борьбу с беззаконием и националистическим терроризмом. Много раз срывали атаки развернувшихся в цепь азербайджанских омоновцев, становились преградой между противоборствующими вооруженными отрядами, предотвращали ракетные удары военной авиации, артиллерийские расстрелы армянских селений, участвовали в переговорах конфликтующих сторон, выступали парламентерами, судьями, вызволяли заложников, обменивали раненых и убитых…

Их голоса правды о Карабахе прорывались сквозь жестокую блокаду, становились достоянием соотечественников, мировой общественности, заставляли и, не один раз, московских и бакинских властителей приостанавливать молох геноцида и депортации армян из Нагорного Карабаха. Депутатскими запросами, громкими журналистскими и писательскими разоблачениями, заявлениями протеста, организацией многочисленных «круглых столов», конференций и митингов формировали в общественном мнении объективную оценку карабахским событиям, будоражили кабинеты власти. Не будь москвичей в Шаумяновском районе, азербайджанцы давно бы разделались с армянскими жителями…

Тема недавнего освобождения от азербайджанцев трех армянских сен Манашид, Бузлух и Эркедж была самой животрепещущей, на устах каждого шаумяновца. Первая боевая и масштабная победа над врагом была действительно невероятной. Это была не просто стычка вооруженных групп местных мужчин против очередной азербайджанской банды, каких было сотни, а грамотно спланированная и хорошо исполненная боевая задача отмобилизованных шаумяновских сил самообороны. Немудрено, что азербайджанцы до сих пор пребывают в шоковом состоянии. Но особо шаумяновцы восхищались группам самообороны, состоящих, в основном из выходцев из этих мест и приехавших сюда из других городов и районов Союза, чтобы защитить своих родителей, братьев и сестер, а некоторые лишь могилы родных и близких. Соблюдая конспирацию, героев называли только по именам. Чаще других в рассказах о победе звучали имена Арабо, Карота, Манвела, Смбата и отряд имени Тиграна Великого.

На моих глазах происходило народное осмысление события, которое стало не только достоянием шаумяновцев и Карабаха, но и всех армян, всех людей здравого смысла и доброй воли. Шаумяновцы понимали, что эту победу им не простят ни в Баку, ни, видимо, в горбачевской Москве, но она окрылила, пополнила силы людей, веру в себя, в свою правоту. Любой разговор с шаумяновцами обязательно касался предстоящего визита в Степанакерт Бориса Ельцина и Нурсултана Назарбаева и возможным новым поворотом в судьбе Карабаха. Тут уже каждый мои собеседник становился политическим аналитиком, непременно подчеркивая многовековую российскую ориентацию армян,

— Мы добровольно присоединились к России, — говорили мне шаумяновцы, — когда азербайджанской государственности тут и духу не было. А теперь Советская Армия служит у турков-азербайджанцев в наемниках, отнимает у нас кровные земли,

освобожденные русскими войсками 180 лет назад. Не может же быть, чтобы Ельцин этого не понимал и не прекратил оккупацию земель армянского Карабаха.

Бузлух

В недавно освобожденное от азербайджанцев село Бузлух мы с Романом Арустамяном приехали золотым солнечным утром. Осень в том году наступила рано, и на полях крестьяне уже вовсю убирали картофель. Но в ближайших окрестностях фронтовых сел людей было почти не видно, а неубранные поля смотрелись сиротливо. Роман с горечью заметил, что убирать урожай стало некому. Большинство жителей депортировано еще в мае — июле, а тех, кто остался в Шаумяновске или других селах района, единицы.

Старинное армянское село Бузлух появилось на склоне пологой горы. Сразу же за мостком над высохшим ручьем, мы увидели обгоревший остов грузового автомобиля. На улице, по которой мы ехали, тянулись разрушенные взрывами и сожженные дома. А то, что уцелело, зияло пустыми окнами и дверными проемами, стены же были щедро испещрены пулями, осколками снарядов и гранат. На опаленных яблоневых и грушевых деревьях еще держались кое-где сочные плоды. Улицы пустынны. Ни живой души, ни живности. В начале крутого подъема мы остановились. Здесь в одном из сохранившихся домов разместился штаб отряда самообороны.

К нашей машине сразу вышло с десяток вооруженных мужчин в камуфляжной одежде без знаков различия. Все были бородаты, у некоторых на голове — повязки. Глаза воспалены, видимо, от усталости и бессонницы. Они радостно приветствовали Романа, некоторые даже обняли его. Он представил меня, передал привет от Шатена. Все как-то сразу подтянулись, посуровели. Заговорили по-армянски. Роман тут же сказал, что невежливо говорить в присутствии русского гостя на языке, которого он не знает. В ответ на замечание один из стоявших рядом со мной заявил:

— Ничего себе гость, да тут же целый подполковник милиции! Не разведчик ли часом?

Роман с укором пояснил, что Шатен не мог прислать к ним чужого человека. Опять заулыбались. Стали спрашивать, когда Шатен приедет, а то, мол, соскучились. Роман взял за руку самого высокого и широкоплечего, отвел в сторону, коротко что-то сказал. Тот согласно кивнул головой. Как позже выяснилось, это был командир отряда. По-армянски прозвучала короткая команда. Разговор сразу прервался. Рядом с командиром осталось два бойца, остальные пошли выполнять его поручение. Фамилии командира, как, впрочем, и других бойцов самообороны, у меня в дневнике нет. Не потому, что не запивал. Хотел. Намеревался. Но

командир вежливо сказал, что достаточно того, что знает, как меня зовут, и где я служу. Живыми будем, может, встретимся, тогда, товарищ подполковник, по «Сей форме представлюсь. Л ведь мог своим именем гордиться. По рассказам Романа, парень — герой, один из талантливых сподвижников Шатена. За плечами был не один бой и впечатляющие победы, освобожденные от азербайджанцев армянские села. Но время было очень уж суровое. Так и остался у меня командир без фамилии.

Мне показали село и боевые укрепления вокруг него, скупо, но обстоятельно рассказали о последних событиях. На каждом доме остались следы недавнего боя. И не только боя — недоброй рукой хозяйничали здесь захватчики. Дома внутри разграблены, разрушены. В центре села старинный, вросший в землю одноэтажный кирпичный дом. Вырванная входная дверь лежала невдалеке, окна разбиты. Но самое впечатляющее: книги! Они свалены и разбросаны вокруг. Большинство обгорелые, облитые какой-то желтой жидкостью, засыпаны аммиачной селитрой. В дальнем углу устроено отхожее место. Поднимаю с земли одну из растерзанных книг. Надо же! Аркадий Гайдар. «Тимур и его команда». Другая — на армянском языке, от нее осталась треть обугленных страниц. Отчетливо виден год: 1928. Книги на армянском, русском, азербайджанском, фарси, английском. Всё! Библиотеки нет!

Десятки, а может, и больше лет в этом маленьком горном селе скрупулезно собирались богатства человеческой мысли, а восторжествовала в одночасье — разрушительная тупость конца XX века. И где? В одной из самых просвещенных и читающих стран мира. Кто сделал это? Чей приказ? Где воспитывались и учились эти люди? Неужели с кем-то из них мы встречались, обменивались дружескими словами, делили хлеб-соль? Невозможно представить!

Почему же невозможно? В моей памяти январь 1986 года и десятидневная война в Адене — столице Йеменской Народно-Демократической республики? Там за моим новогодним столом сидели лидеры социалистической молодежной организации молодые офицеры-политработники армейских и правоохранительных структур вместе со своими многодетными семьями. В праздничном порыве они клялись друг другу в вечной дружбе, призывая в свидетели самого Аллаха. Но через тринадцать дней в разгоревшейся войне за власть родоплеменная принадлежность и клановость развели их по разные стороны баррикад. Недавние друзья в отношении друг к другу отличались животной жестокостью, изощренностью в пытках и надругательствах над ранеными и погибшими, вандализмом к

культурным ценностям. Как же все похоже.

Идем дальше вдоль добротной ограды. За ней — воронка от снаряда и большой дом без крыши. Снесло взрывной волной. А на металлических воротах зеленой краской крупная надпись: «Абдурахманов Мамед. Дом продан, просьба не входить!» Надпись практически каллиграфическая, даже со знаками препинания.

Чуть выше домов вправо уходит дорога на кладбище. Взгляд упирается в сплошные развалины. Большинство погребений разорено, свежие могилы вскрыты и обобраны, вокруг — обломки от гробов, гробницы разбиты, надгробных плит нет. Всюду следы надругательства и вандализма. Сердце буквально леденеет при виде этой картины. Останавливаемся у подножья горы, пьем родниковую воду. Вкусная, благодатная, бодрит. Говорят, она очищает. Вспоминается вода из трех кранов в Степанакерте. Очень похожее состояние. Командир ведет в боевые порядки. На небольшом плато у горного обрыва здание сельской школы с большим садом. Половины крыши нет, снесена артснарядом. Идем по окопам, отрытым в скальном грунте в полный рост. Бойцы при виде нас молча встают, мы жмем им руки. Настоящая передовая. Огневые точки. Командир просит меня снять очки. Я снимаю, протираю платком и вновь водружаю их на свое место.

— Да вы что, товарищ подполковник, не поняли меня, — с укором говорит командир, — здесь же стреляют.

— При чем тут мои очки, командир, сейчас-то не стреляют? — удивляюсь я.

За спиной слышу смешок бойцов самообороны.

— Да снайпер азеровский на соседней сопке. Можно, командир, покажу подполковнику эксперимент? — спросил молодой боец лет не более восемнадцати.

— Давай, показывай, — согласился командир.

Парень легко выпрыгнул на внутреннюю сторону окопа, быстро нашел яблоневый сук с привязанным к нему бутылочным стеклышком, вернулся в окоп. Командир усмехнулся: домашняя заготовка. А еще безусый парень, чувствовалось, подражая кому-то, стал отдавать нам распоряжения. Приказал отойти в правую часть окопа, пригнуть от греха подальше головы, следить за стеклышком на палке. Сам прошел несколько метров влево, чуть присев, поднял над окопом палку со стеклышком. На солнце стеклышко стало давать блики. Не успел юноша сделать второго движения, как мы услышали негромкий треск стекла и увидели осколки, посыпавшиеся на плечи экспериментатора, который с довольным видом, пригнувшись, подошел к нам.

— А можно азеровскую батарею разбудить? — парень с

искренней готовностью посмотрел на командира, а на меня с надеждой на поддержку.

Тут уж я не выдержал и стал возражать. Сказал, что не стоит рисковать. То, что на сопредельной сопке стоит орудие азербайджанцев, я не сомневался. А как звучат артиллерийские разрывы, досыта наслушался во время ночного артобстрела Шаумяновска. Командир задумчиво переводил взгляд с меня на своего бойца. В нем, очевидно, боролось два чувства. Одно-не потворствовать мальчишеской лихости. Другое — показать московскому подполковнику, что здесь настоящая передовая. И если сейчас нет обстрела, то это не значит, что его не будет в любой момент. В то же время ему, конечно, хотелось продемонстрировать, что он командует бывалыми, обстрелянными бойцами, готовыми защищать свою землю. Впрочем, он быстро справился с соблазнами и лишь поощрительно похлопал молодого соратника по плечу.

Мы вновь вернулись к роднику. Селя рядом на отполированных бревнах. Все внимание было обращено на командира. Я задавал вопросы, он спокойно отвечал. Чувствовалась хорошая армейская закалка. Как командир он ничего не просил. В его словах не было ни безысходности, ни излишней самоуверенности. Село Бузлух, как и Эркедж, и Манашид теперь первая линия обороны Шаумяновска и всех армянских сел района. Только линия обороны. Есть удовлетворение, что вернули свои села. И теплится надежда, что эта победа, наконец, привлечет внимание руководителей государства, и они наведут порядок, дадут людям спокойно жить и работать на своей земле.

Незаметно истекло время пребывания на шаумяновской земле. Площадка, где ожидает меня вертолет, находилась на небольшой плоской террасе, над развалинами старинной армянской крепости, которая до сих пор величаво стоит над рекой Инджа напротив высокой горы Мров. Я вновь вспоминаю, что именно здесь 180 лет назад исполнилась мечта армян Карабаха о воссоединении с Россией.

Ловлю себя на мысли, что один вопрос я в Шаумяновске так ни кому не задал, хотя он много раз готов был слететь с моих уст:

«А стоит ли таких мук и лишений это смертельное противостояние? Надо ли держаться карабахским армянам за свой клочок гористой земли? Наше государство велико и немало примеров, когда прозорливые сограждане, заблаговременно и удачно продав жилье и имущество, благополучно перебрались в тихие и мирные города и села великого Советского Союза. Благодаря врожденному трудолюбию и другим талантами они и

сейчас преуспевают. Но есть и другой печальный пример. Вынужденно и практически бескровно армяне покинули родные дома в Нахичевани…

Не повернулся у меня язык задать этот вопрос и правильно сделал!

Как только наш УАЗик поднялся к месту, куда я вчера приземлялся, стало ясно, что к отлету вертолета мы явно запаздываем, лопасти машины набирали обороты. Правда, люк еще не был закрыт. Вертолет атаковала многочисленная толпа желающих улететь в Ереван. Два-три человека, держась за что-то внутри, пытались втиснуться в его чрево. Их буквально утрамбовывал прикладом автомата АКМ-74 мужчина громадного роста, с плечами на всю ширь вертолетного люка. Неподалеку возбужденно прохаживался и поглядывал в нашу сторону Шатен Мегрян. Роман занервничал. Он отвечал за мой своевременный отлет в Ереван. А ведь мы с Шатеном еще должны были обменяться впечатлениями. Но тут видно не до протокола. Вылетев пулей из УАЗика, я оказался в руках Шагена:

— Быстрее в вертолет. Он прибыл раньше, чем ожидали, хотя хорошо, что вообще прилетел. Думали уже отправлять его без вас. Разговоры потом. Роман мне все перескажет. Желаю удачного полета. Буду ждать от вас хороших вестей. До новых встреч.

С этими словами Шаген крепко обнял, взял меня в охапку и стал проталкивать через толпу к люку вертолета. Шаген крикнул громадному охраннику:

— Забирай, дождались!

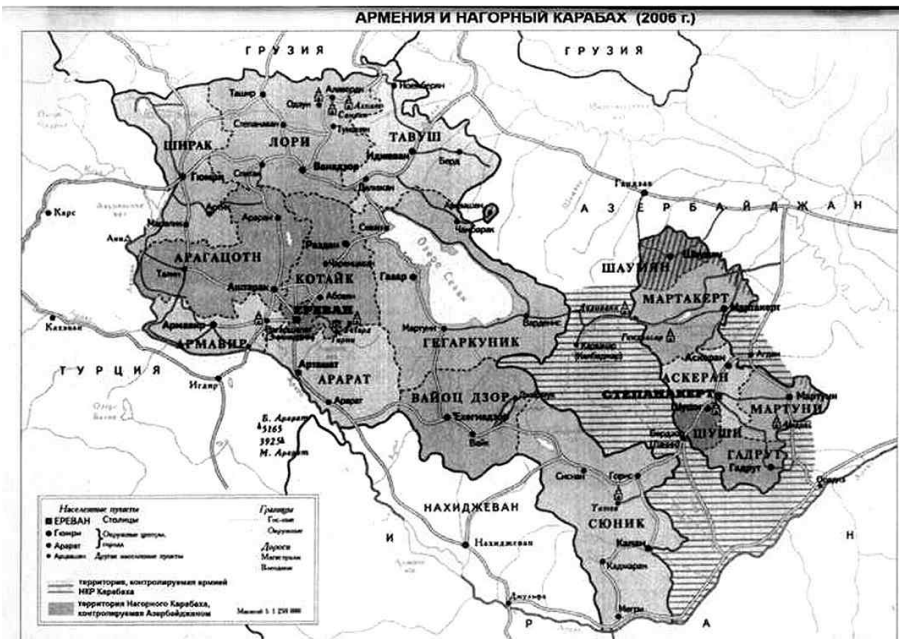
Тот схватил меня под мышки, легко приподнял над головой, приставил к спинам мужчин в камуфляже, все еще пытавшихся силой втиснуться в вертолет, уперся в меня ногой и, как мощным прессом, вжал вместе с ними в салон, тут же придавив дверью. За спиной проскрипела задвижка. Я оказался между человеческими телами и стенной борта, буквально сплюснутым, даже ногами не касался пола, завис и не мог видеть, сколько пассажиров в вертолете. Главной задачей было, попытаться хотя бы чуть-чуть пошевелить рукой, ногой, головой, а лучше — туловищем. По опыту я знал, потом в воздухе будет легче. Свистящие звуки вертолетного винта стали громче. Перегруженная машина тяжело, будто переваливаясь с бока на бок, двинулась вперед. Словно самолет, вертолет разбежался и сначала практически соскользнул с края террасы вниз, к реке Инджа, навстречу вечно заснеженной вершине горы Мров, но потом постепенно стал выбираться наверх. Стало чуть свободнее, мои ноги почувствовали опору. Я понимал, что из-за перегрузки маневры у летчиков явно ограничены, миновать ущельями азербайджанскую

территорию не удастся. Полет, видимо, будет проходить по прямой линии, над центром азербайджанского районного городка Кельбаджар. Это самая широкая северная часть коридора, отделяющего Карабах от Армении. И она, вроде, безопаснее, зенитные установки стоят лишь по периферии границ азербайджанского района. Через какое-то время по вертолету пронесся общий вздох облегчения! Пронесло! Значит мы уже над территорией Армении. Впереди Ереванский аэропорт «Эребуни» — воздушные ворота жизни Карабаха и ждущая меня сутулая фигура Зория Балаяна.

Из моих архивных папок

Заканчивая свои документальные записи, я подумал, что книга «Мятежный Карабах» будет неполной, если я не представлю читателю хотя бы одну из моих «архивных папок». В начале книги я рассказал об их содержимом. В папке с надписью «Карабах» хранятся листовки, приказы, письма, доподлинные документы, вырезки с острыми газетными и журнальными статьями соседствуют с энциклопедическими материалами, которые позволяют и теперь зримо представить ушедшее время. Я и теперь перечитываю эти материалы со щемящим волнением и неослабевающим интересом.

Думаю, они помогут читателю почувствовать атмосферу, настроение тех дней и месяцев. Именно там, в Карабахе. Что-то объяснят, а что-то и дополнят в моих «Записках». Передадут документально то трагичное, страшное, несправедливое время, которое мы переживали! И то, сколько в нем было мужества, верности, веры, готовности насмерть стоять за свои принципы, свою Родину, свой народ.



Краткая историческая справка о Нагорном Карабахе

I. Карабах с древних времен до присоединения к России

Первые сведения в политической истории о Нагорном Карабахе (традиционное древнеармянское название «Арцах») содержатся в клинописных памятниках Ванского или Араратского царства VIII века до нашей эры. Арцах с обширными прилегающими к нему равнинами был частью исторической Армении — династий Ервандидов (IV–II вв. до н. э.), Арташесидов (II в. до н. э. — I в. н. э.), Аршакидов (I–IV вв. н. э.). В 301 году нашей эры, за 12 лет до Византии, усилиями первосвященника Григора Просветителя армянский народ первым в мире принял христианство в качестве государственной религии. Арцах стал одним из крупных очагов распространения идей христианства, значение которого неизмеримо возросло с основанием в IV в. самим создателем армянского алфавита Месропом Маштоцом в одной из раннехристианских церквей — церкви Амарас первой армянской школы. В IX веке Армения распалась на три царства, одним из которых стала армянская область Сюник.

В X–XIII веках наибольшей популярностью у Арцаха пользовалось название Хачен (от армянского-крест). Это наименование присутствует в многочисленных памятниках эпиграфики. В византийских и персидских источниках Арцах назывался Хаченом именно потому, что в нем проживали армяне. В мире христианского православия (Византия, Грузия, Россия) армян называли «хачецарами» от соответствующего производного армянского слова.

В 1242 году Арцах (Хачен), как и вся Армения, был разорен татаро-монгольскими полчищами. Во второй половине XIV века Арцах завоевывается Тамерланом. Следующие два века Арцах страдает от разорения тюркскими кочевыми племенами, которые постепенно заселяют и захватывают его равнинную часть. Именно в этот период в Нагорной части Арцаха армянам удается сохранить относительную самостоятельность и независимость с названием Нагорный Карабах. Новое название тюркского происхождения и означает Черный сад. В Карабахе устанавливается своеобразное административно-политическое правление, которое в исторической науке называлось мелик-

ством. Армянские меликства — полунезависимые княжества, признаваемые некоторыми державами самостоятельными государствами, вели непрерывные войны против персидских и турецких завоевателей. С конца XV века вся Армения становится персидской провинцией. В 1639 году западную часть Армении завоевал турецкий султан, а восточная часть вместе с Карабахом — осталась по-прежнему за шахской Персией.

На политическую ситуацию Нагорного Карабаха неармянские этнические народности стали влиять лишь с начала XVIII века. Как свидетельствуют данные XVI века, двадцать четыре курдских рода и кочевой тюркский племенной союз «отуз-ики» (тюрк., «тридцать два») заселяли район Карабахской низменности. В середине XVIII века тюркское племя дживаншир во главе с предводителем Сарынджалы Панах при поддержке Персии вторглось в предгорные и горные районы Карабаха, захватили Шошскую (Шуши) крепость и утвердились в нем в качестве правителей (ханов). Карабахское ханство просуществовало вплоть до присоединения Карабахского края к России.

В это время карабахские армяне первыми в Закавказье в целях борьбы за свободу и гарантии национальной независимости обращаются за помощью к «христианским» державам Европы и особенно к России. Народ Армении, окруженный с востока, юга и запада, угнетаемый и истребляемый мусульманским миром, естественно, осознавал, что ему необходимо объединиться с сильным христианским народом. На помощь с севера от православной Иверии (Грузия) рассчитывать не приходилось. Она сама изнемогала от непосильной борьбы с теми же мусульманскими странами. И только за Кавказским хребтом возникало сильное православное государство, одолевшее татаро-монгольское иго, распространившее свои владычества до устьев великой реки Волги и берегов Каспия.

Несмотря на то, что сношения армян с московским государством путем торговли начались с давних времен и росли с каждым столетием, их прорусские устремления стали устойчиво воплощаться лишь в XVII веке. При царе Алексее Михайловиче нравственная и материальная связь армянского и русского народов стала скрепляться царскими указами. Петр Первый в ответ на несколько депутаций карабахских меликов (князей), просивших его заступничества, впервые определил отношения двух христианских народов с политической точки зрения, предвидя перспективные роли России в судьбах Армении. Карабахские мелики заключили с Петром Великим военный союз, заверив, что «будут твердо стоять на страже самых южных российских границ». Однако русский поход в Закавказье

завершился лишь взятием Петром Первым Дербента. Овладение северными провинциями Персии тогда не состоялось, у империи на него не было достаточных сил. Но политическая связь армян с Россией возрастает. Петр Первый поощрял переселение армян в российские пределы. В указе 1723 года, призывающем армян на жительство в Россию, обещалось: «Честный армянский народ содержать в особливой милости…Мы не только их купечество защищать повелели, но еще для вящей прибыли и пользы некоторыми особливыми привилегиями снабдевать и всемилостивейше жаловать будем». Существует обширная дипломатическая переписка карабахских меликов и армянских католикосов (высших священнослужителей армянской церкви) с императрицами Екатериной I и Екатериной II, князем Г. А. Потемкиным, императорами Павлом I и Александром I.

Екатерина II писала князю Потемкину: «Мы даем дозволение выходцам из-за Кавказских гор селиться и признаем за полезное основать города для армян». С тех пор существуют районы компактного проживания армян в Краснодарском и Ставропольском краях, в Астраханской, Волгоградской, Ростовской и других областях России, в Николаевской, Херсонской, Одесской областях Украины. В 1921 году, например, большой составной частью в город Ростов-на-Дону влился бывший армянский город Новый Нахичевань, образованный в 1778 году на правом берегу реки Дон по Указу Екатерины II, и где армяне — вторая по численности «городская» нация. В нескольких километрах на юго-западе от города Ростова-на-Дону расположен сельский Мясниковский район, населенный армянами.

С 1804 по 1813 год Россия при поддержке большинства армянского населения вела войну за освобождение от власти Персии Нагорного Карабаха и ряда других восточных армянских земель. Примечательно, что даже в самые трагические периоды Отечественной войны с Наполеоном в 1812–1814 годы, император Александр I не стал отвлекать с русско-персидского фронта ни одного солдата.

12 октября 1813 года в Гюлистанской крепости (село Полистан Шаумяновского района Азербайджана) между Российской империей и шахской Персией был подписан Трактат о завершении русско-персидской войны 1804–1813 гг. По этому договору к России вместе с Карабахскими меликствами перешли шесть других восточно-армянских провинций, а также Гянджинское ханство с мусульманским населением. Чуть позднее российскими провинциями стали Бакинское, Шакинское, Ширванское и Талишское мусульманские ханства.

10 февраля 1928 года, по Туркменчайскому договору, завершившему вторую русско-персидскую кампанию (1926–1928 гг.), к России перешли восточные земли Армении в составе Ереванского и Нахичеванского ханств и Ордубадского уезда. Присоединение к России всех восточно-армянских земель было завершено.

II. Нагорный Карабах в составе Российской империи. Геноцид армян

В начале XIX века население Нагорного Карабаха, как и всей Восточной Армении, добровольно вошедшее в состав России, получило возможность для национальной консолидации, подъема экономики, культуры, единения с прогрессивными силами русского народа. В российских социально-политических сферах различий между гражданами русской и армянской национальностей не было. Все это приносило свои плоды. Многие представители армянского народа входили в элиту Российской империи. Они были в составе царского правительства, высшего командования российской армии, творческой интеллигенции, просветителей, знаменитых меценатов.

В Нагорном Карабахе, например, к 1914 году было 224 армянских селений, Карабахская епархия имела 206 768 прихожан, 222 действующие армянские церкви, 188 священнослужителей. По данным 1917 года, только в административном центре Нагорного Карабаха городе Шуши издавалось двадцать армянских газет, десять журналом и свыше 150 наименований книг, действовали театр, музыкальная школа, спортивный зал с искусственным катком, пять армянских и одна русская церкви. Храм Христа Спасителя, один из шедевров мировой храмовой архитектуры, построенный в 1887 году, был самым большим в Армянском нагорье.

Трагичнее сложилась судьба Западной Армении, находившейся в султанской Турции. Громадная по территории Османская империя под давлением нарастающей волны освободительного движения порабощенных народов усиливала режим террора, разжигала религиозный фанатизм, междоусобицу, непрерывно провоцировала погромы и резни, особенно, иноверного армянского народа.

Более тридцати лет геноцид армян был политикой Турции. Начался он в городе Баязете, в котором было убито 1400 армян. В 1879 году из 122 деревень Алашкертской равнины 111 были полностью разрушены, а мужчины, женщины и дети были убиты

самым жестоким образов. В 1894 г. в Сасуне — под турецкие пули и ножи пошли головы 12 тысяч армян, в 1895 г. в Западной Армении — 300 000, в 1896 г. в Константинополе — 9570, в районе Вана — 8000, в 1904 г. вновь в Сасуне — 5640, в 1909 г. в Адане — 30 000 армян.

Конечно, самым жестоким и кровавым был 1915 год. Тогда Турецкое правительство, воспользовавшись нестабильной обстановкой на фронтах Первой мировой войны, осуществило геноцид жителей западной Армении, объявив всех их «русскими агентами», «врагами империи». В ходе резни, начатой 24 апреля 1915 года, было уничтожено более 1 500 000 человек мирного армянского населения, в том числе детей, женщин, стариков. Некоторой части армян удалось бежать в разные страны, в том числе и в Россию. Из трех миллионного армянского населения в Турции осталось несколько десятков тысяч.

В годы иностранной интервенции в Закавказье (1918–1921 гг.) Турция, с целью окончательно завоевать Армению, пыталась перенести свои террористические акции на Восточную Армению, входившую в состав России. В декабре 1917 — январе 1918 годов Турция, воспользовавшись выводом с Кавказского фронта в Россию 500 тысячной русской армии из-за разразившихся в ней Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революций, а затем Гражданской войны, вновь попыталась завоевать Нагорный Карабах и Восточную Армению. Военный министр Турции Энвер в своей секретной инструкции от 27 февраля 1918 года от имени Султана отдавал предписание командирам турецких воинских частей: «Нынче благодаря счастливому стечению обстоятельств Его Императорское Величество приказало истребить всю армянскую нацию». В мае 1918 года на Батумской конференции с закавказским сеймом, командующий турецкими войсками на Кавказском фронте Вехиб-паша заявлял: «Вы сами видите, судьба толкает Турцию с Запада на Восток. Мы ушли с Балкан, уйдем также из Африки, но мы должны покорить Восток, ибо именно здесь мы находим своих единственных братьев, свою религию и язык. Таково наше многовековое тяготение. В Баку, Дагестане, Туркмении и Азербайджане (имелась в виду соответствующая провинция в Иране) живут наши братья. Мы должны проложить свободную дорогу в эти страны…»

И геноцид армян продолжился. В 1918 году в Карсе, Ардагане и в районе Александрополя было ликвидировано 100 000 армян, в 1919 г. в Киликии — 50 000. В 1922 году в Смирне вместе с армянами были убиты греки и евреи. Всего около 200 000 тысяч человек.

Методы геноцида армян осуществлялись в годы интервенции во всей Восточной Армении, в том числе и в Нагорном Карабахе. При поддержке Турции местными мусульманами, находящимися под влиянием протурецкой националистической партии «Мусавват», пришедшей к власти в бывших российских Бакинской и Елизаветпольской губерниях, образовавшей на этих территориях новое закавказское государство — Азербайджанскую Демократическую Республику, было уничтожено около 200 тысяч армян, в том числе 30 тысяч в Баку. Войска азербайджанских националистов 23 марта 1920 года заняли Карабахскую столицу город Шуши. За три дня и три ночи азербайджанцами было вырезано свыше двадцати тысяч армян, а 7000 армянских домов, библиотеки, церкви, кладбища, пантеоны были превращены в руины. После этого в Шуши из тридцати пяти тысяч армян не осталось ни одного. Об этой трагедии видный деятель большевистской партии Серго Орджоникидзе писал: «…с ужасом вспоминаю те картины, которые мы видели в мае 1920 года в Шуши». А известный русский поэт Осип Мандельштам свои впечатления об этой трагедии отразил в стихотворении «Фаэтонщик»:

…Так в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше,
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.
Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон,
И труда бездушный кокон
На горах похоронен.
И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

III. Нагорный Карабах — автономная область Азербайджанской ССР

Впервые вопрос об отделении Нагорного Карабаха, состоящего на девяносто пять процентов из армянского населения, от остальной Армении возник в 1918 году. Новообразованное после распада Российской империи государство Азербайджан, пользуясь покровительством турецкого

оккупационного режима в Закавказье, предъявил свои права на Нагорный Карабах и ряд других армянских территорий, чтобы не только расширить свою территорию, но, прежде всего, установить широкие прямые границы с Турцией.

Следует иметь в виду, что слово «Азербайджан» в отношении территорий, вошедших в последствии в состав Азербайджанской Советской Социалистической Республики, стало применяться только в момент провозглашения «Азербайджанской демократической Республики» в 1918–1920 годах. До этого истории был известен лишь один Азербайджан — древняя иранская провинция Атропатена — Адрбадаган, трансформировавшаяся в средние века в тюркском звучании в Азербайджан. С IX века провинция, издавна населенная ираноязычными и другими народами, пережила, так же как и Карабах, нашествие кочевых тюркских племен, которые позже частично осели в ней и в значительной мере ассимилировали местное ираноязычное население. Большая часть жителей этой провинции, хотя и говорит теперь на тюркских диалектах, однако сохранила в целом национальные иранские корни и самосознание.

Мусульманское население нынешнего Азербайджана до XIX века и во времена Российской империи называлось татарами. Лидер русского Белого движения генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» по поводу нового протурецкого государственного образования писал: «Все в Азербайджанской республике было искусственным, «не настоящим», начиная с названия, взятого взаимообразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарские Бакинскую и Елизаветпольскую губернии и русскую Мугань, и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма и панисламизма на Кавказе». В. И. Ленин во вех своих трудах спорный этнос всегда называл «кавказские татары». За последние годы появилось еще одно современное название азербайджанскому народу. Многие его представители называют себя турками-азерами или турками. Этот факт озвучивается официальными лицами современного Азербайджана. 23 июня 2000 года в российской «Независимой газете» государственный советник по внешнеполитическим вопросам Гейдара Алиева, президента Азербайджана, Вафа Гулузаде, выступая с предложением объединения своей страны с Турцией, пишет: «Понятие азербайджанец — это пережиток советского времени. Наш язык — турецкий, и по национальности мы — турки».

А тогда, 28 апреля 1920 года мя новой Союзной

Социалистической республики Закавказья на территории недавней про-турецкой Азербайджанской Демократической республики, самостоятельно просуществовавшей на карте мира два года, в целях развития идей мировой социалистической революции в сторону «натурального» персидского Азербайджана было сохранено. Авторитетный историк академик В. В. Бартольд указывает, что «…термин Азербайджан избран потому, что когда устанавливалась Азербайджанская Советская Социалистическая республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое…». Однако развитие идей мировой революции в этом регионе мира тогда остановилось практически на границах бывшей Российской империи.

30 ноября 1920 года, после установления в Армении советской власти, Советский Азербайджан отказался от претензий на Нагорный Карабах. Председатель Ревкома Азербайджана и народный комиссар по иностранным делам М. Гусейнов в приветственной телеграмме по случаю победы советской власти в Армении сообщал, что «с сегодняшнего дня прежние границы между Арменией и Азербайджаном аннулируются. Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичеван признаются составной частью Армянской Советской Социалистической Республики».

Однако 16 марта 1921 года между Советским правительством и младотурками был заключен Московский договор, по которому вопреки реализации Сервского мирного договора, подписанного западными державами, США и Российской империей с правительством султанской Турции, ей были безосновательно отданы все западные армянские территории, а также Карская область и Сурмалинский уезд, принадлежащие непосредственно России. Договор в Москве в целях продвижения социалистической революции на Ближний Восток был заключен без участия представителей уже тогда существовавшей Социалистической Республики Армении. Турки, как известно, идеи социализма реализовывать ни у себя, ни в других странах не стали, но за счет Московского договора не только спасли Султанскую империю от раздела, оставили за собой Западную Армению и безвозмездно получили новые значительные российские территории, но и добились раздробления Восточной Армении на три части. Так Нагорный Карабах утратил территориальную связь с Арменией и стал внутренней автономией Азербайджана, а Нахичевань, наделенная правами автономной республики, превращалась в автономный анклав Азербайджана, территорию, не имеющую общих границ со своим государственным образованием.

5 июля 1921 года Кавбюро ЦК РКП (б) под руководством И. В. Сталина своим решением закрепило требования Турции,

включило Карабах в состав Азербайджана, «предоставив ему широкую областную автономию». По историко-научным данным, решение И. В. Сталина обосновывалось не только личной позицией. Оно было в рамках общих установок Советского правительства с учетом международного положения революционной России, которое не чувствовало тогда себя в нефтяном Азербайджане достаточно прочно.

Нарком иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин 29 июня 1920 года в своем письме В. И. Ленину подчеркивает: «Бакинское Советское Правительство, внутренняя политика которого привела к резкому столкновению со значительной частью мусульманских масс, хочет создать компенсацию и подкупить националистически настроенные элементы путем приобретения для Азербайджана тех местностей, которые оно объявляет спорными». Правда, тогда в Советской России не слишком серьезно относились к внутренним границам. Совсем неважно было, где на тот момент проводить границы, когда вот-вот и все нации сольются воедино. Тогдашний лидер Турции Мустафа Кемаль тоже воспринимался как ближайший союзник СССР в борьбе с мировым империализмом. Ради этого армянские земли, очевидно, стали разменной монетой.

Лауреат Нобелевской премии, писатель Александр Солженицын в трактате «Как нам обустроить Россию» (июль 1990 года.) указывает: «В те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить, — еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну… Так поступили и с Карабахом. Отрезали Азербайджану, какая разница — куда. В тот момент надо было угодить временному политическому союзнику Советов — Турции».

В определенной степени Карабах стал, своего рода, и заложником проблемы города Шуши, который с времен обоснования в нем резиденции Карабахских ханов, был разделен на две части, так называемые армянские и турецкие кварталы. С марта 1920 года после резни армян и сожжения их жилых кварталов в городе остались только азербайджанцы. Не случайно столица автономии была образована не в Шуши, а в крохотном поселке Вараракн, переименованном вначале в Ханкенды, а затем, в том же 1923 году, — в Степанакерт.

В соответствии с решением Центрального испольнительного комитета Азербайджанской ССР от 7 июля 1923 года территория Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджанской ССР составила лишь 4400 квадратных километров. Это не вся территория Нагорного Карабаха. По

поручению Москвы внутренние границы армянской автономии определял Азербайджан, который воспользовался предоставленной возможностью по своему усмотрению. С тех пор административно-территориальная карта НКАО представлена без учета исторических реалий и земель многовекового обитания армян. Границы автономии не совпадают с прежним периметром Нагорного Карабаха. На северо-востоке за пределы области была выведена значительная часть армянских сел бывшего Гюликстанского меликства (княжества), составивших не только Шаумяновский, но и вошедшие в Ханларский и ряд других районов Азербайджана. На западе область утратила непосредственное соприкосновение с Арменией. Разделительной полосой в отдельных местах всего до 7 киллометров служила образованная практически одновременно с НКАО автономия курдского народа, так называемый «Красный Курдистан». В 1929 году она была расформирована и растворена в ряде обычных азербайджанских районных территорий.

То, что не удавалось веками достичь в войнах ни Персии, ни Османской империи, в 1921 году под давлением Турции армянский Нагорный Карабах оказался автономной областью в составе Азербайджанской ССР. Взамен остались лишь особая памятливость карабахских армян, хорошо знающих, кто, где жил и в каком селе, на каком кладбище покоятся их предки, да церковные храмы и рукотворные гранитные и туфовые творения — хачкары, ярчайшие свидетельства армянской принадлежности карабахских земель.

IV. Попытки решения карабахской проблемы в советское время

Советская история свидетельствует, что армяне-карабахцы с предложениями решить проблему о своем воссоединении с Арменией выходили в советское руководство неоднократно: в 40-е, 60-е, 70-е годы. Свои обращения они обосновывали тем, что армянское населением Карабаха подвергается дискриминации во всех сферах социальной жизни, попранию его прав и национального достоинства. Указывалось на не пропорциональное представительство армян во властных органах автономии, несмотря на подавляющее большинство населения области (1926 год. — 89,14 %, 1979 год. — 75,89 %), на лишение их возможности участвовать в формировании внутренней политики Нагорного Карабаха и развитии его производительных сил, на уничтожение исторических памятников, являющихся достоянием мировой культуры, переписывание (фальсификацию)

карабахской истории, целенаправленное гонение на «инакомыслящих» из числа армянской интеллигенции, применение административных и других мер для вытеснения армян из автономии и заселения их территории азербайджанцами.

Сразу после Великой Отечественной войны в ноябре 1945 года первый секретарь ЦК Компартии Армении Г. Арутюнов направил письмо на имя И. В. Сталина. В нем выражалось обоюдное желание армянских народов Армении и Нагорного Карабаха к объединению. Сталин, доподлинно зная суть карабахской проблемы, не принял сразу по этому письму единоличного решения, но и не отверг предложение армян.

В письме приводились факты о вкладе армянского населения этой небольшой автономной области в недавнюю Победу Советского народа над фашистской Германией. Перед самой войной по данным всесоюзной переписи населения 1939 года армян в НКАО проживало 158 838 человек. — 90 процентов. За годы войны было призвано 45 000 армян или 30 процентов армянского населения. По Советскому Союзу на фронтах Великой Отечественной воевало 11 миллионов из 194 миллионов советских жителей, то есть 6 процентов. В процентном соотношении из НКАО на фронт было мобилизовано в 5 раз больше, чем по всей стране. На войне погибло 22 000 человек или 15 процентов карабахских армян, тогда как общая потеря вооруженных сил СССР составила 3 процента. Столь высокий процент призыва на фронт в определенной степени оказался результатом проявления армянами гражданской потребности в защите социалистического строя. Но, с другой стороны, эти цифры, видимо, отражали как тогдашним руководством Азербайджана за счет общего выполнения планов призыва на фронт мужского населения республики осуществлялась в скрытой форме политика сокращения численности армян в Карабахе.

За доблесть и героизм в годы Великой Отечественной войны орденами и медалями СССР были награждены 15 тысяч карабахских воинов-армян, 27 — удостоены почетного звания Героя Советского Союза, кроме того, двое — удостоены этого звания дважды. Среди них легендарный летчик-штурмовик Нельсон Георгиевич Степанян и прославленный полководец Великой Отечественной войны Иван Христофорович Баграмян. Небольшая автономная область дала Вооруженным силам СССР сотни кадровых офицеров, более ста генералов, трех маршалов: маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза И. Х. Баграмяна, Главного маршала бронетанковых войск, Героя Советского Союза Амазаспа Хачатуровича Бабаджаняна, маршала

авиации Сергея Александровича Худякова (Ханферянца), а также адмирала флота Советского Союза, Героя Советского Союза Ивана Степановича Исакова.

Работать с письмом по Карабаху Сталин поручил второму лицу в партии, секретарю ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкову, который, выполняя его поручение, запросил мнение первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М. Багирова. Тот в своем письменном ответе выразил «согласие на включение Нагорного Карабаха в состав Армянской Советской Социалистической Республики, при условии передачи Азербайджану из Армении трех примыкающих к нему районов». Однако карабахский вопрос застрял в сталинских кабинетах.

После разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС в 1956 году, выступления армянского населения Карабаха за воссоединение с Арменией возрастают. В 1965 году из Нагорного Карабаха в ЦК КПСС направляется обращение трудящихся автономной области (45 тысяч подписей) о нарушениях национальной политики руководством Азербайджана, о сдерживании социально-экономического и культурного развития региона.

30 сентября 1966 года в ЦК КПСС и Совет Министров СССР от партийного и государственного руководства Армении также поступило письмо. В нем говорилось: «Передача Нагорного Карабаха Армении покончит с тем неестественным положением, когда малочисленный армянский народ в условиях Советского Союза имеет две государственности: одна — союзная республика, и рядом — автономная национальная область, но уже в составе другой союзной республики. На основе вышеизложенного… считаем крайне необходимым обсуждение вопросов возвращения Армении Нахичевани и Нагорного Карабаха». Секретариат ЦК КПСС по предложению армянских товарищей принял специальное решение. Были даны поручения ЦК Компартии Армении и ЦК Компартии Азербайджана совместно подготовить вопрос по Нагорному Карабаху. Однако благоприятное начало подготовки политического решения карабахского вопроса было сорвано, в основном, по двум причинам.

Во-первых, в ЦК КПСС неожиданно поступило предложение Татарского обкома партии об объединении Татарстана и Башкирии с целью создания Татаро-Башкирской Советской Социалистической республики в составе СССР. В письме из Казани объяснялось, что тюркские народы желают объединиться так же, как армяне Нагорного Карабаха и Армении. Непредвиденное предложение татарских товарищей озадачило руководство СССР, затормозило деятельность рабочей группы над

армянским вариантом.

Во-вторых, практически по времени параллельно с политическим рассмотрением карабахского вопроса в Москве, в селе Курапаткино Мартунинского района НКАО разразилась дикая трагедия, переполнившая на годы горькую чашу проблем азербайджано-армянских отношений. Директор местной сельской школы, азербайджанец по национальности, А. Д. Мамедов вместе со своими родственниками А. Х. Мамедовым и З. С. Маме-довым организовал убийство с особой жестокостью восьмилетнего армянского мальчика Нельсона Мовсесяна. Ребенку выкололи глаза, а в голову вбили гвозди.

С 12 июня по 3 июля 1967 года в городе Степанакерте состоялся открытый показательный суд. Логика осуществления правосудия в подобных ситуациях требовала от судебных органов Азербайджана особой организации судебного процесса. Заседание суда должно было проходить в закрытом порядке. Аршада Мамедова суд приговорил к 15 годам лишения свобода, одного родственника А. Х. Мамедова — к расстрелу, а второго родственника З. С. Мамедова — оправдал. Решение суда о мере наказания в отношение Аашада Мамедова вызвало бурю негодования армянской общественности, присутствующей на судебном заседании. Разум уступил психозу толпы. Во время попытки вывести осужденных из зала суда толпа отбила их у охраны, перевернула милицейскую машину и учинила самосуд. Большинство участников стихийной расправы над Маме-довыми были арестованы, осуждены или депортированы из Карабаха. Этот межнациональный конфликт позволил вновь «закрыть» карабахский вопрос.

В 1977 году во время обсуждения проекта новой Конституции СССР поступили многочисленные предложения по Карабаху. Но они рассматривались уже после ее утверждения. 23 ноября 1977 года в протоколе № 61,11–4133 Президиума Совета Министров СССР записано: «Вследствие ряда исторических обстоятельств несколько десятилетий назад Нагорный Карабах искусственно был присоединен к Азербайджану. При этом не были учтены историческое прошлое области, ее национальный состав, желания народа и экономические интересы. Прошли десятилетия, а вопрос о Карабахе продолжает склоняться, вызывать беспокойства в моменты недоброжелательности между двумя соседними народами, связанными вековой дружбой. Надо воссоединить Нагорный Карабах с Армянской ССР. Тогда встанет все на свои законные места». Однако тогда вновь все остановилось на уровне рассуждений типа — «сложно», «трудно», «таких проблем много», «не время».

Как видно, наличие карабахской проблемы признавалось партийным и государственным руководством Советского Союза практически всегда, но ее разрешение под давлением руководителей Азербайджана всякий раз откладывалось на неопределенное время. Перестройка, объявленная в 1985 году М. С. Горбачевым, породила у карабахских армян новые надежды.

Стратегия жить

Открытое письмо Зория Балаяна Председателю Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцину

Многоуважаемый Борис Николаевич!

К Вам обращаюсь я не всуе. Нынче ведь не очень модно (точнее, очень не модно) открыто выражать беспокойство за будущее России, а тем более связывать его с судьбой, так называемой, «малой родины». В этом отношении я фатальный консерватор, и не только потому, что осязаемо воспринимаю народное предупреждение: «если в прошлое стрелять из пистолета, то будущее ответит в тебя выстрелом из пушки», а потому, что до боли острой осознаю: судьбу Карабаха наши предки связали с Российским государством, никак не предполагая, что спустя века великую державу, раскроив большевистскими ножницами до уровня некоего «субъекта федерации», назвав его нелепой аббревиатурой РСФСР, сначала уничтожат генофонд народа, а затем под видом борьбы с империей зла объявят бой самой стране.

Именно сейчас, когда Россия стоит перед выбором пути к реальному спасению, христианский Карабах, верный принципам и заветам предков, опираясь на долготерпение армянского народа и предвидя политическую генерализованную катастрофу, которая может всю страну превратить в руины, будет продолжать борьбу за свое выживание как части исторической Армении, вошедшей в состав России как надежного форпоста.

Ни один русский солдат не погиб в Карабахе от руки армянина, однако из-за целенаправленной дезинформации, приведшей к антиармянской истерии в стране, создалось общественное мнение, которое вольно или невольно ставит на одну доску жертву и палача. Общественному мнению неведомо, что с трибуны недавней сессии Верховного Совета Азербайджана Г. Алиев взахлеб хвастался тем, что при нем число армян резко сократилось, что он сделал все, чтобы отрезать армянскую автономную область от армянской союзной республики. Второй секретарь ЦК компартии Азербайджана В. Поляничко хвастался тем, что он за год сумел увеличить число вооруженных банд, с помощью которых изменил демографическую ситуацию в пользу азеров. Этот русский человек потребовал еще больше увеличить число азербайджанских банд в армянской области с тем, чтобы раз и навсегда покончить с армянами. Министр внутренних дел

Асадов не скрывал того, что уже сегодня армянская автономия окружена десятитысячной омоновской армией, вооруженной до зубов, добавил, что, «дело уничтожения армян — это дело техники».

Все это не мешает, конечно, приветствовать подписание договора с Россией, в составе которой находился Карабах, еще до того, как на географической карте появилось название «Азербайджан».

Спекулируя суверенитетом, руководство Азербайджана сегодня, когда в НКАО льется кровь, приняло решение о том, что Центру запрещается заниматься судьбой Карабаха, полагая, что ею должны заниматься организаторы «Сумгаита» и «баку».

Посылая письмо «Стратегия жить», в котором пытаюсь раскрыть тему стратегии России и Армении, связанной с геополитикой Карабаха, выражаю надежду на понимание и осознание Вами лично важности проблемы, требующий безотлагательного разрешения.

В Нагорном Карабахе (Арцахе), исторической области Армении, впервые зародилась русская ориентация армянского народа. Вначале сам Карабах, а впоследствии и Восточная Армения были присоединены к России. Опустим тот факт, что сегодня они почему-то(?!) не только оказались за пределами России, но даже не имеют с ней общей границы. Один только этот исторический казус говорит о том, что РСФСР — это вовсе еще не Россия. И стоило Арцаху, поверившему в перестройку, во весь голос заявить миру об этом политическом и даже географическом нонсенсе, как обвинили его в экстремизме и национализме. И ни слова о том, что речь идет о некогда заключенном обоюдовыгодном политическом союзе между армянским и русским народами, о том, что не за красивые глаза армянский этот край самим Петром Первым был принят в «особливую императорскую милость и протекцию».

Так что если глубоко призадуматься, то нетрудно понять, что нет карабахского вопроса как такового. Он давно решен и скреплен кровью русских и армян. Скорее, есть вопрос Азербайджана, который был искусственно образован на заре Октября как буферное тюркоязычное административное деление якобы для осуществления экспорта революции на Восток. Обманув большевиков, турки преследовали далеко идущие цели: создать на территории Российского государства турецкую республику в качестве троянского коня.

Они прекрасно знали, что придет время; и, совершив демографический взлет, Азербайджан будет воинственно спекулировать таким мощным оружием, как «суверенитет».

В горячей «карабахской точке» главными являются ни религиозные, ни межэтнические, ни, тем более, социально-экономические вопросы. И чтобы разобраться в самой проблеме, необходимо прежде всего разобраться в сути и смысле стратегии региона. Дело не в национальной амбиции той или иной республики. Дело в том, кому выгоден в стратегическом отношении Карабах армянский, а кому — Карабах туркоазерский.

Нет необходимости вдаваться в подробности истории края, богатого неповторимыми памятниками древней армянской языческой и христианской культуры. Цель настоящих заметок другая — речь о судьбе страны в целом. Скорее, о ее будущем. О формуле «стратегия жить», которую мы не учитывали все семьдесят лет, тщетно пытаясь решить пятилетками одни лишь тактические задачи. При этом всякий раз забывая об уроках истории. Сегодня страна, весь мир широко обсуждают печально известный пакт Риббентропа — Молотова. Документ этот вызывает разные толки. Не решаясь давать историческую оценку пакту от 23 августа 1939 г., хотелось бы заметить лишь то, что СССР, подписывая его, кроме всего прочего, надеялся на выгодную перспективу для себя. Однако история показала, что Сталин вовлек в трагическую авантюру нашу страну, которой удалось спастись ценой неимоверных потерь — двадцати семи миллионов жизней соотечественников. Полное разорение государства.

Я не всуе начал эти заметки с пресловутого пакта Риббентропа — Молотова. Дело в том, что антистратегический договор этот имел своих, я бы сказал, предшественников, среди которых следует отметить Московский договор с Турцией 16 марта 1921 года. Тогда Турция практически диктовала России свои захватнические условия, на которые Сталин (опять Сталин!) не просто соглашался без сопротивления, но и сам лил воду на турецкую мельницу. Он не только согласился на то, чтобы, скажем, Нахичеванский регион включить в состав Азербайджана без права передачи третьей стороне, но и рекомендовал Московским договором обязать представителей трех закавказских республик проводить в армянском городе Карсе конференцию совместно с Турцией.

Так и было сделано. В октябре того же года в Карсе под эгидой и тенью Сталина был подписан договор, в результате чего Армения, или, скажем точнее, бывшее Российское государство лишилось даже того, что принадлежало ей до революции. Сталину было наплевать на то, что русские стратеги переворачиваются в гробу. Шутка ли, Карс — это древняя

армянская крепость, укрепленная в XIX веке русской стратегической мыслью. Карс — это две русские церкви, русская школа, русское периодическое издание «Карс». Это, наконец, столица большой, экономически богатой области. И вся она передана Турции с подачи Сталина, который давал указания не оставлять армянам ни пяди земли. И Турция, которая перед конференцией готова была хотя бы «приличия ради» отдать армянам развалины их древней столицы Ани, отказалась и от этого «одолжения», узнав о пожелании Сталина, которого они лукаво и иронично называли «йолдаш Джугаев».

В школе мы проходили, что великий русский поэт А. С. Пушкин не был за границей. Но вряд ли поэт мог знать, что через восемьдесят лет после его смерти в его биографию будут внесены коррекции. Он совершал путешествие в армянский город Эрзрум по армянской территории входящей в состав Российского государства. Сегодня Эрзрум — это уже заграница. Это — Турция. Это НАТО. Это — военные базы на земле исторической Армении, которая ценой крови вошла в состав России и теперь стала территорией, как принято говорить, вражеской.

Наверное, никто не обратил внимания на выступление на I съезде народных депутатов СССР академика Виктора Амбарцумяна, требовавшего обсудить вопрос об аннулировании Карского договора, провокационно и насильственно навязанного Сталиным (в сговоре с Ататюрком) армянскому народу в 1921 году. Напомним, кроме прочего, и о том, что согласно тому договору, не только отошли армянские (к тому времени уже советские земли самой Турции, но и закрепилась армянская область Нахичеван за только что созданным турецким социалистическим образованием, получившим провизорно название Азербайджан, где азербайджанцы, ассимилировавшие всех курдов, талышей, татов, лезгинов, аварцев, сегодня нередко называют себя турками.

Таким образом, турко-азеры в самый разгар перестройки добились того, что семьдесят лет назад считалось мечтой их отцов и дедов. Давайте взглянем на карту региона. Нахичеванская АССР является практически продолжением Турции, вклиненным в СССР. Думается, о Нахичеване нужно говорить особо. Дело в том, что пока советский народ, и особенно русский народ, не поймет, не осмыслит, что в конце концов стряслось в этом районе, стратегическая проблема Карабаха в свою очередь не будет до конца понятна и осмысленна.

Не будем останавливаться на нюансах антирусской и антиармянской программы пантюркизма. О ней хорошо знают историки и военные специалисты. Вернемся лишь к событиям

двадцать первого года. Два сталинских договора с Турцией. И оба привели к тому, что начисто была перекроена карта южных границ бывшего Российского государства. А сегодня лихо говорят о том, что перестройка — это не перекройка границ. Что же тогда перестройка, если не перекройка перекроенных сталинских границ? Впервые Российское государство отдавало свои земли, но почему-то земли армянские, лишив их армян. Следует напомнить, что в перспективе будет продолжена реализация пантюркистской идеи «мирового захвата» приграничных земель. Для этого нужно только использовать бьющее без промаха надежное оружие — «фундаменталистскую демографию». Такая политика дала возможность уже сегодня по обе стороны границы иметь «своих» воинов.

С одной стороны реки Аракс — армянская область Карс (входившая, как уже говорилось, в состав России и переданная после Октября Турции), с другой стороны — Армянская автономная республика Нахичеван (переданная Азербайджану). И там, и тут теперь живут только турки. И там, и тут уже «свои» воины-аскеры. В армянской Карсской области сегодня расположены натовские военные базы. В армянской Нахичеванской республике уже демонтирована государственная граница СССР. Сама же территория официально объявлена уже не автономной, а по сути — турецкой в составе Азербайджана.

Как бы русские чувствовали себя, если бы, скажем, Япония без единого выстрела, одним только коварством не просто захватила бы Приморье, но и установила бы там десятки военных баз, нацеленных в сердце России? А каково армянам смотреть на армянский железнодорожный узел Карс и при этом знать, что там установлены стволы, направленные на Ереван и Ленинакан? Смотреть на библейский Арарат и ловить себя на мысли, что там на его вершине установлены телескопы, «простреливающие» территорию страны до Закаспия? К тревожной этой чисто стратегической картине следует добавить и то, что весь регион в обозримом будущем ожидает поистине демографический взрыв, как это случилось в Нахичеване.

Необходимо немедленно взяться за обсуждение вопроса Нахичевана, который сегодня Москвой воспринимается всего лишь как результат политики свершившегося факта. Мол, ничего не поделаешь, совершили уже «тихий» «белый» геноцид, депортировали коренных жителей и тем самым решили саму проблему. Мол, все это случилось до перестройки, при кровавом режиме, который мы осуждаем. Так ведь, особенно если учесть разные демографические показатели у азербайджанского и армянского народов, можно со временем оправдать все

преступления. В этой связи хотелось бы напомнить формулу геноцида, разработанную Декларацией ООН: геноцид — это не только физическое уничтожение народа или его части, но и создание тех невыносимых условий, при которых коренные жители вынуждены оставлять родные места.

Необходимо возбудить уголовное дело против тех, кто депортировал армянское и русское население из Нахичеванской автономии. Судебное разбирательство покажет, что за время Советской власти, под сенью советского флага, провозглашая советские лозунги, но на практике выполняя программу пантюркизма, турки-азеры депортировали всех аборигенов, уничтожили более ста уникальных христианских храмов и церквей, несколько тысяч неповторимых хачкаров — каменных крестов.

Учитывая также то, что Нахичеванская АССР является политическим и административным нонсенсом, и то, что на ее территории не осталось аборигенного населения, необходимо ликвидировать ее как административное деление.

С помощью НАТО Турция сегодня стала одной из самых могущественных в милитаристском отношении стран. Полмиллиарда ежегодных субсидий, около двухсот миллионов западногерманских. Добавим и то, что СССР, продолжая наивно верить турецкой «мягкой подушке», помогает потенциальному противнику, кроме всего прочего, стратегическим сырьем.

История злопамятна и мстительна. Наши деды слово «стратегия» переводили как «дар предвидения». Если человек не обладает этим самым даром, он не может быть стратегом. Если мы сегодня, глядя на карту Карабаха, увидим только «остров», с замысловатыми очертаниями берегов, то, значит, мы ничего не видим.

Только осознавая тревогу за будущее детей своих, можно реально обладать даром предвидения. Как известно, дороги являются стратегическими объектами. Еще со времен Сталина и Берии, Нариманова и Багирова было сделано так, чтобы Армянская ССР не имела бы связи с внешним миром. Такое условие Сталину было поставлено Турцией, которая еще во время Карсских переговоров в довершение ко всему хотела оставить за собой еще и Батум. И вот в наши дни Алиев, обманув всех к вся, бойко используя возможности, которые давала ему должность первого заместителя Предсовмина, курирующего транспорт и связь, начал строить за счет обороны дорогу через армянский район Мегри вдоль реки Аракс по иранской границе.

Таким образом, Нахичеванская АССР, оторванная от

Азербайджанской ССР, но имеющая границу с Турцией, по «алиевс-кой дороге» и турецкому стратегическому плану связалась бы с Баку. То есть дорога строилась от Анкары до Баку. Дорога НАТО. Вот какие цели преследовали алиевы и продолжают преследовать его подручные и наследники. Достаточно с позиции геополитики и принципа выживания взглянуть на карту автономной области, чтобы убедиться в том, что Арцах имел моральное и стратегическое право на революционное выступление. Не только до самого Карабаха невозможно добраться, минуя территорию Азербайджана, но и в самой автономной области практически невозможно попасть из одного района в другой. Чтобы из армянского Гадрутского района попасть в областной центр, нужно проехать по двум-трем районам Азербайджанской ССР. Чтобы попасть из Степанакерта в Мартунинский район, нужно проехать через азербайджанский город Агдам.

Многие считают, что окончательное решение карабахского вопроса сводится лишь к воссоединению армянской автономной области с Республикой Армения. Окончательное решение вопроса-это общенародный суд над организаторами геноцида армян в Нахичеванской армянской автономной республике. Суд во имя того, чтобы преступление не повторилось нигде в нашей стране, чтобы Карабах не ожидала участь Нахичевана. И чтобы коренные жители Нахичевана вернулись в родные места. Это в первую очередь нужно для реализации традиционной стратегии, без которой нет ни России, ни Армении.

Следует знать, какие тактические задачи пытаются сегодня решить турки-азеры. Зная о том, что центр Карабаха Степанакерт практически окружен азеронаселенными пунктами (Кркжан, Косалар, Малибейли, Джамулу, Шуша, Ходжалу), руководство республики усиленно вооружает жителей этих сел, регулярно снабжает их продуктами впрок. И что самое главное, платя бешеные деньги, размещает в них так называемых беженцев, не говоря уже о том, что под видом омоновцев командирует к своим сородичам вооруженных милиционеров только и только азербайджанской национальности. Еще несколько лет назад в этих селах почти не было азербайджанцев. Такая же картина в Мартунинском районе, где специально район окружили азербайджанизированными населенными пунктами Куропаткино, Ходжаванд, Амиралер, Карадаглы (до войны в них проживали лишь пришельцы-пастухи азербайджанцы). И теперь регулярно они получают все для своего не только социального, но и, так сказать, милитаристского развития.

Традиционным является тот факт, что руководство

Азербайджана для достижения своих целей использует лиц русской национальности, активность которых достойна лучшего применения, особенно если учесть, что после того, что произошло в Баку по отношению к самим русским и другим «русскоязычным», надо быть просто начисто лишенным человеческой чести и национального достоинства, чтобы вместо естественного воздаяния за зло пойти на услужение ему. Ведь достаточно хотя бы тезисно ознакомиться с докладами министра обороны Д. Т. Язова, председателя КГБ В. Ю. Крючкова, бывшего министра внутренних дел В. В. Бакатина, сделанными 19 февраля 1990 года, на закрытом заседании Верховного Совета СССР, чтобы понять, что преступления, совершенные в Сумгаите, Кировабаде, Нахичеване и Баку (массовые убийства, погромы, сжигание заживо людей, выбрасывание с высоких этажей живых людей, изнасилование, депортация армян, русских, евреев и других русскоязычных), — это не банальная уголовщина, а государственная политика пантюркизма, которую довольно легко, оказывается, можно осуществлять на фоне хаоса и кризиса, в разгар перестройки, так сказать, под шумок. При этом организаторы массовых преступлений тотчас же ловко используют амнезию общества, ибо из своего богатого опыта хорошо знают: при кризисе и хаосе, особенно когда в дверь стучится голод, холод, люди довольно спокойно относятся к тому, что «пирующий палач… предает жертвы злословию». Так что нетрудно догадаться, кому сегодня выгодны голод, холод, хаос и паралич власти.

Жизнь показала, что инициаторы перестройки, будут они хоть семи пядей во лбу, не смогли бы учесть всех нюансов накопившихся исподволь проблем, которые уже привели страну к деформации, особенно в национальном и религиозном отношениях. То, что происходит сейчас в нашем государстве, непременно проявилось бы и без всякой перестройки где-то на рубеже двухтысячного года. Но тогда решение основных вопросов по спасению страны от гибели было бы практически невозможным. Ибо к тому времени мы сталкивались бы уже со многими необратимыми процессами, в частности с теми, которые непременно произойдут в армии.

Одна из главнейших целей объединения республик в Союзе заключается в обеспечении безопасности страны. Вооруженные силы формируются на многонациональной основе, подчеркивалось во многих ответственных документах, нацеленных, казалось бы, на перспективу. Но в них ничего не говорилось о тех демографических переменах, которые

приводили к структурным изменениям в обществе, и особенно армии. Ничего не говорилось о прогнозах демографического дисбаланса, который сегодня стал одной из главных причин экономического, политического, религиозного, межнационального обострений. Тому примеров тьма. И среди них Нагорный Карабах, проблему которого тщетно пытаются свести к банальным этническим осложнениям. Арцах — это зеркало, в котором отражается драма всей нашей страны, и прежде всего — России. Для воинствующих пантюркистов Карабах — это не просто камень, лежащий на пути к Турану, а огненная и огневая точка. Само существование Арцаха как элемента армянской государственности — это уже провал программы пантюркизма, в которой говорится: «Существование армянской государственности стало бы могильным камнем нашей программы пантюркизма, что означало бы смерть пантюркизму». А руководство Азербайджана прекрасно знает, что Нагорный Карабах — это не просто тривиальная автономия. Это не просто часть территории исторической Армении. Это сегодня вместе с Республикой Армения и есть существование армянской государственности.

Поражает то, что до сих пор ни наша идеология, ни, скажем прямо, генеральный штаб не пытались открыто разоблачить планы фундаменталистов и пантюркистов. Куда больше об этом пишут советологи, называя эти самые планы то «третьей исламской революцией», то «бомбой замедленного действия», то «генерализованной катастрофой», имея в виду в демографическом отношении процесс перехода количества в качество.

Должен быть действительно оскорбительным для всех мусульманских народов Средней Азии самый факт наличия программы пантюркизма, в которой говорится: «На азиатской земле в сторону Востока имеются беспредельные просторы, и там мы получим возможность для нашего расширения и развития. Наши предки прибыли из Турана (Средняя Азия), и сегодня как в Закавказье, так и за Каспийским морем на востоке, на просторных землях сплошным населением живут тюркоязыч-ные племена, увы, находящиеся под ярмом нашего великого врага — России. Только в этом направлении открыты наши политические горизонты. И нам остается выполнить наш священный долг. Осуществить объединение тюркских племен от Средиземного до Аральского моря».

Народы Средней Азии очень хорошо знают, что именно армянская государственность, то есть именно Республика Армения и Карабах закрывают дорогу зловещему туркоазерскому

пантюркизму к так называемому Великому Турану.

Нельзя все валить в одну кучу. Ислам так же неоднороден, как и христианство. Исламский фундаментализм, как и православное христианство, когда, как это было в 1933 году, не преграждают им путь, приводят к одному и тому же — фашизму. Пантюркизм — это тот же фашизм. Христианский армянский народ, пережив геноцид в Османской исламской Турции, нашел кров и спасение в исламском арабском мире. Христианский армянский народ, пережив геноцид в Азербайджане уже после Октября, нашел кров, и спасение в исламской Средней Азии, особенно в Узбекистане. Народы страдают там, где действует человеконенавистническая идеология, а не религия.

Сегодня в Баку, где для привлечения к себе внимания всего исламского мира развеваются зеленые флаги, турко-азеры призывают обеспечить выход Азербайджанской ССР из состава нашего Союза. А пока для устрашения центра так называемый «азербайджанский фактор» («Сумгаит», «баку», «нахичеван») переименовывают в фактор мусульманский (?) с целью опять же привлечь на свою сторону тюркоязычные народы. И центр, конечно, знает об этих призывах. Знает, но ничего не предпринимает, с одной стороны, полагая, что тешатся экстремисты наивными идеями, с другой стороны — мол, им помешает Карабах, который привязан, как камень к ноге.

В эпоху перестройки сам ее инициатор и по логике вещей, вольно или невольно, сам центр будут переживать острый кризис. Легко требовать, чтобы в стратегической кухне страны царствовали лишь демократия и гласность. Любая революция носит в себе саморазрушительный заряд. Уже октябрьский переворот организованно ослабил, если не сказать разрушил экономические составляющие Российского государства. Деидеологизировал русскую национальную идею как определяющую базисную основу государства. О том, к чему все это привело, мы сегодня хорошо знаем.

Нынешняя революция при всей своей прогрессивности (особенно в глазах мировой общественности) обладает такой потенциально разрушительной силой, что, если не управлять ею, беды не миновать. Тщетно пытаться решить единовременно прорву приоритетных вопросов, мы пока не замечаем, как турки, ловко используя Азербайджан как свой непотопляемый авианосец, добиваются, так сказать, ливанской модели. Сначала в Закавказье, а затем и в стране. СССР действительно ожидает модель Ливана, ливанской трагедии. Первые, если можно так выразиться, межрелигиозные выстрелы там прозвучали в 1973

году, когда выяснилось, что мусульманское население страны по численности уже сравнялось с христианским. Именно этот «демографический фактор» (как повод для провокации, как идеологический вариант «выстрела в Сараево») использовали одновременно и даже совместно как исламские фундаменталисты, так и правохристианские экстремисты. И уже через два года началась война, которой нет конца.

Разрушительную политику турок-азеров по отношению к Карабаху нетрудно ассоциировать с проводимой на практике политикой в Ливане. Этого, увы, не очень осознает центр, который спускает строгую установку о пресловутой паритетности: проводить политику «и нашим, и вашим», забывая при этом, что «Сумгаит» и «баку» не только являются символами зла, но и фактом и фактором разъединения.

Попытаемся представить, что ожидает в стратегическом аспекте страну, если Кремль не возьмется за немедленное решение карабахского вопроса так, как того требуют законы геополитики региона и сама историческая справедливость.

При всей симпатии Запада к нашей перестройке западные военные будут вести свое дело, как это положено вести военным. Турция пока еще остается, как признавали президенты США, самой восточной границей Америки. Администрация США добилась того, что Турция сегодня уже сама производит истребители Ф-18. Специалисты хорошо знают, что это за стратегическая единица в современных условиях. Истребитель этот чуть ли не безнаказанно может бомбить атомные станции и другие, так сказать, опасные объекты. Невольно вспоминается Карибский кризис, начавшийся из-за того, что Джон Кеннеди потребовал от Никиты Хрущева вывести советские ракеты с Кубы. Американцы мотивировали свое требование тем, что Куба находится под носом у США. Мы вывели базы с Кубы, не потребовав взамен вывода десятков натовских баз из Турции. Может, Турция не находится под носом у СССР? Или Армения и Грузия не есть составная часть СССР? Напомним, что Турция располагает вооруженной да зубов семисот тысячной сухопутной армией — второй по величине среди стран НАТО. Так что, как бы Запад ни поддерживал перестройку, особенно в восточноевропейском регионе, он, судя по всему, пока не откажется от реализации давнишней идеи вывести турок через Закавказье в Среднюю Азию, чтобы доводить территориальную и демографическую их значимость до величин, конкурирующих с Россией, чтобы усилить роль фундаменталистского троянского коня.

Только истинная перестройка (а не спекуляция

«суверенитетом») может привести к спасительной идеологической и эт-нополитической стабилизации в России. С другой стороны, без идеологической и этнополитической стабилизации в России перестройка сама погибнет. Такой вот заколдованный круг, который способен разорвать только тот, кто действительно решит карабахскую проблему. Иначе не упредить горячие точки, перерастающие в пожар и наносящие смертельный удар прежде всего по идеологической и этнополитической стабилизации в стране, и особенно в России.

Самой болевой и самой горячей точкой по-прежнему остается Карабах, который меньше всего нуждается в филантропии, в утешении ради утешения, в сомнительном принципе «победителей в этом вопросе не должно быть». Вопрос этот не территориальный, не межнациональный и даже, как убедились, не религиозный, а, как уже было сказано, стратегический.

Обманутые пресловутыми формулами «коммунистического единения» и «новой общности советский народ», мы жили пятилетками, презрев чувство беспокойства за будущее, презрев политическую, демографическую, структурную и даже, если хотите, географическую перспективу страны. Понятие «новое мышление» нынче приобретает характер стратегический. Сегодня перед страной поставлена задача, которую можно назвать «стратегия жить». И решение задачи выживания, хотим мы того или нет, придется начать с Карабаха, с судьбой которого связывали стратегическую судьбу региона все великие умы Российского государства.

В целях осуществления реальной защиты и обеспечения гарантии безопасности «островной» автономной области необходимо:

1) Как временную меру, немедленно вывести НКАО, Шаумяновский район и Геташенский подрайон из политического, административного, экономического подчинения Азербайджанской республики, придав армянской автономии Арцах статус союзной территории.

2) Обороноспособность края должна находиться непосредственно под эгидой Генерального штаба Вооруженных Сил страны.

3) Необходимо также учитывать, что азербайджанское население вооружено, в том числе и оружием, переброшенным через демонтированную нахичеванскую границу.

4) Одной из самых первоочередных задач является восстановление нарушенной за последние два года демографической ситуации, немедленная ликвидация всех вооруженных банд, указанных под видом азербайджанских

омоновцев.

5) Для реального снятия блокады нужно дорожную полосу между Республикой Армения и НКАО согласно 119-й статье Конституции СССР временно объявить территорией особой формы управления, подчинив ее центру.

«Стратегию жить» в Арцахе, в котором, как в капле воды, отражается будущее всей страны, можно осуществить только решительными мерами, выражая чувство беспокойства за судьбу внуков, за торжество справедливости. Ибо сказано верно: «Несправедливость в одном месте земного шара угроза справедливости во всем мире». И чтобы упредить такую фатальную угрозу в нашей стране, нужно менять лишенную жизненной логики формулу перестройки «сильная республика-сильный центр» на спасительный здравый смысл: «равные народы — сильный Союз»

Зорий Балаян

Газета «Советская Россия», 16 февраля 1991 г.

О чем молчит Карабах

Омоновцы — это не смешно!

Три часа провела наша группа апрелевцев под арестом в степанакертском аэропорту. Грустное, казалось бы, это событие содержало немало и комического. Ну разве не потешно, когда капитан Гаджиев, недавно выпущенный досрочно из тюрьмы (где он должен отсидеть 10 лет за вымогательство взяток), толкует о святости законов? Ну а когда не столь уж быстрых на ногу писателей ведут в туалет под конвоем автоматчиков, то смешнее этого уже и вообразить ничего невозможно.

Но мы не смеялись. И сейчас, вспоминая тот фарс, не смеемся. Не получается. Ибо перед глазами все время стоит мертво молчащая толпа армянских мужчин, стариков, женщин, детей, застывших с двух сторон кордона азербайджанских омоновцев — со стороны Степанакерта и со стороны летного поля, где только что приземлился небольшой пассажирский самолет из Еревана. Самолетики эти — единственная маленькая форточка во внешний мир из полностью заблокированного Карабаха. Форточка эта в полном распоряжении Гаджиева и других столь же упоенных властью боевиков в милицейской форме. Хотят — приоткрывают, хотят — захлопывают. Вылетающие и прилетающие — в их власти. Омоновцы решают: кому лететь, кому не лететь, кого выпустить, кого отправить обратно, они роются в чемоданах, ощупывают одежду (на женщинах с особым удовольствием), конфискуют все, что понравилось…

Страшное все же зрелище — эта толпа, застывшая возле дверей аэропорта (некоторые месяцами ждут своей очереди вылететь), в ней почему-то даже дети не плачут.

Тысячелетняя усталость.

Не сразу и поймешь, чем каменистые почвы Армении настолько уж соблазняли соседей, но никакой народ в мире, пожалуй, столько раз не подвергался не просто нашествию и закабалению, но и менно попыткам изгнать, истребить, вырезать… Что вспоминается армянам, когда они оглядываются в прошлое? Многократные нашествия и попытки их истребления со стороны Персии… «всеобщая резня» жителей Хачена…

переселение в Лори, Шамшадин и Кахети… массовые убийства семидесятых годов прошлого века в Западной Армении… 300 тысяч соплеменников, вырезанных в 1875 году… волны кровавых антиармянских погромов 1903–1906 годов… потрясший весь цивилизованный мир турецкий геноцид 1915 года (только из Стамбула было вывезено в пустыню и хладнокровно умерщвлено 200 тысяч беззащитных людей, всего же в Западной Армении тогда было убито полтора миллиона армян)…

Но… это ведь все было до утверждения Советской власти, в те мрачные времена, когда, по словам Ленина, «подонки правящих классов» соединялись «с подонками народа», а «татарам была предоставлена полная свобода убивать, насильничать, грабить», чтобы не дать революции «собраться с силами» («Пролетарий», 20.09.1905).

Увы, Армению, столетия уже искавшую в дружбе с великой Россией хоть какой-то защищенности, большевики тотчас после своей победы превратили в разменную монету мировой революции. Ленин без особых переживаний отрезал солидный кусок ее (Карс, Арджан, Сурмалу) к Ататюрку, чтобы поощрить революционный процесс на Востоке. Что ж, ради столь высокой цели Владимир Ильич без колебаний подарил бы Турции не только Арарат, но и Воробьевы горы. Сталин, однако, подходил к разделу Армении с более житейских позиций. Соединив Азербайджан с Турцией за счет армянской Нахичевани и подарив Карабах (вопреки принятому уже решению) Азербайджану, он, во-первых, следовал древней мудрости — «Разделяй и властвуй!», а во-вторых, рассчитывал, что с большевиками за это расплатятся бакинским керосином.

Керосин молодая советская республика получила, а из подаренных областей армян начали выживать старыми, но безотказными способами, то есть путем всяческого ущемления национального достоинства и создания невыносимых условий жизни. Не будем тратить время на методы (они тривиальны), перейдем сразу к результатам, они говорят сами за себя.

Если в Нахичевани в 1917 году проживало 53,9 тысячи армян (40 % населения), то в 1979-м их осталось немногим более тысячи (1,4 %). Из 44 армянских селений тут сохранилось лишь два!

В 1923 году доля армян в Нагорном Карабахе составляла 94,4 %, в 1979 году процент сократился до 75,9. За эти годы в области ликвидировано несколько десятков армянских деревень. Что это, если не «тихий» геноцид? Но темпы тихого выживания «чужого» народа, о котором с гордостью за проделанную работу говорил на недавней сессии Верховного Совета республики А.

Алиев, показались кому-то недостаточными, и тогда…

Сумгаитское предупреждение

Сумгаитская резня не была стихийным всплеском народного возмущения в ответ на высказанное вслух желание карабахцев присоединиться к исторической своей родине, случайным рецидивом одичания. И одичание, и всплеск эти хладнокровно спланированы и умело организованы. Заранее была произведена перепись армянского населения (с передачей адресов погромщикам); загодя было подготовлено отключение телефонов армянских квартир, подвезены емкости с бензином, груды камней, спланирована система провокационных слухов, возбуждающей дезинформации; доставлены из разных мест группы уголовников, продуманы меры быстрого «заметания следов» и т. д.

Сумгаитская резня не была и актом ликвидации конкретных армян конкретного города Сумгаита. Это была акция устранения армян во всех уголках республики (прежде всего армян Нагорного Карабаха).

Из свидетельств очевидцев:

> «На троллейбусной остановке я увидела убитую молодую женщину, а ее ребенку — грудному ребенку — завязали веревку на шее и тащили за собой…»
>
> «Подойдя к своим ребятам, я заметил… как из подъезда этого дома вытащили женщину. Она была совершенно голая. Несколько человек взяли ее за руки и за ноги, оторвали от земли, стали растягивать… К этим ребятам подошел Назаров Адолет, у которого в руках откуда-то оказалась совковая лопата, и он концом черенка лопаты стал тыкать этой женщине между ног…»

Труп другой забитой насмерть женщины обнаружили в подвале с шампуром в заднем проходе…

Садисты, как известно, получают удовольствие от своих злодейств. Особенно им нравится терзать женские тела. Но ввязываться в дела, чреватые «вышкой», профессиональные уголовники (явно задававшие тон в Сумгаите) на глазах свидетелей весьма не любят. Здесь же словно нарочно самые мерзкие преступления выносились на улицы, на публику. Для чего? Я уже сказал, для чего.

А тем армянам, до которых намеки доходят туго, были организованы еще и «события в Баку» (не считая огромного числа

более локальных «намеков»). Дошло до всех, кроме упрямцев, сконцентрировавшихся (заняв круговую оборону) в Нагорном Карабахе. И до русских многих дошло, и до грузин, и до евреев. Но это уже получились номера «сверх программы», дополнительное удовольствие за те же деньги. Для упрямцев же заготовлен целый ряд сюрпризов. Полная блокада Карабаха, завершившаяся оккупацией омоновцами аэропорта и практическим перекрытием всех каналов жизнеобеспечения, административные атаки.

Пример: ВС Азербайджана принял решение о ликвидации Шаумяновского района, где проживает двадцать тысяч людей (82 % — армяне), и «слиянии» его с Касум-Исмайловским районом, где проживает почти 50 тысяч азербайджанцев. Тонко продумано, не правда ли? Что последует дальше, нетрудно предположить. Между прочим, в понятие «геноцид» входит и создание условий, делающих невозможным проживание на той или иной территории какой-то национальной, расовой или религиозной группы.

Ну а что же наша центральная власть, которая все последние годы ночей не спит, заботясь, как бы где-нибудь кто-нибудь не посмел обидеть национальное меньшинство?

Что делает «русская армия» в Азербайджане

Что она делала, штурмуя город Баку несколько дней спустя после того, как там вырезали армян, мы знаем: она защищала Азербайджанскую коммунистическую партию от азербайджанского народа. А чем занималась она в другое время? Похоже, тем же самым.

> «Когда на рассвете следующего дня нас привезли на бронетранспортере в горком партии, я был удивлен, как много войск вокруг здания: десантники, курсанты, моряки и военная техника. А внутри кварталов убивали людей…»
>
> «Когда его убивали, проходили БТР. Люди бежали к солдатам, но они говорили, что им не приказано вмешиваться…»

Это снова из судебного протокола, снова про Сумгаит.

Ответьте по совести, дорогой читатель: можете ли вы представить себе, чтобы старая русская армия в 1915 году спокойно наблюдала, как турки в двух шагах от них умерщвляют безоружных женщин, стариков, детей?.. Я не могу. Но

современную армию — могу. И даже в более постыдной роли.

> «К нам в дом ворвалось сразу сорок или даже больше солдат. Они стреляли в стены. Женщины и дети кричали, просили о пощаде… Мы спрашиваем: «За что? Что мы сделали?» «Такой мы получили приказ», — отвечают. Солдаты перевернули весь дом. Они искали не оружие, а деньги, украшения; с меня сорвали серьги, кольцо, крестик… Потом всех парней собрали вместе и увезли. Детей они избили дубинками…»

В ходе таких вот «боевых» операций по «разоружению незаконных формирований» отбирают не только деньги и крестики, но и минимальные средства самозащиты (в частности охотничьи ружья). А вокруг армянских сел концентрируются в это время тысячи азербайджанских боевиков, названных омоновцами и вооруженных автоматами новейшей марки. Как это надо понимать, чем это можно оправдать?

Чрезвычайное положение в Карабахе объявлено центральной властью в частности и для того, чтобы развести враждующие стороны, но наши союзные внутренние войска практически переданы в распоряжение одной из этих враждующих сторон. Может быть, более миролюбивой и готовой к компромиссу?

Выступая на только что состоявшейся сессии ВС Азербайджана, второй секретарь ЦК компартии республики, председатель самочинно созданного Оргкомитета В. Поляничко сказал: «1991 год объявлен годом Карабаха. Этот год будет последним годом в трудностях Азербайджана. Земля Карабаха — наша земля, и мы должны занять ее для наших детей. Аэропорт уже наш. Но необходимо увеличить количество омоновцев…» Глава МВД республики Асадов пообещал, что состав омоновцев скоро будет доведен до 600 человек. А в районах вокруг Нагорного Карабаха имеется уже десятитысячная армия! «Так что войти в Карабах и взять его — дело техники».

Что будет делать наша армия, если руководство республики начнет решать армянский вопрос по-сталински (помните знаменитое: есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы)? То же, что и в Сумгаите, — то есть защищать себя и организаторов геноцида из партийных комитетов?

На «стороне» совести

Когда мы рассказывали по армянскому телевидению о своих злоключениях в Степанакерте, одна из зрительниц начала

обзванивать своих знакомых: «Включите скорее телевизор! Там русские говорят… Они за нас!..»

Да, я «за них», если позволительно односложно определять позицию по столь сложной и запутанной исторической коллизии. Потому что у меня в Армении много друзей? Но в Азербайджане у меня тоже немало друзей и приятелей. Я в данном случае «за» армян потому, что они — жертвы, жертвы геноцида. Вставать же на сторону жертвы — не вершина нравственности, а элементарное правило для любого цивилизованного человека. Если бы геноцид развязывала армянская сторона, я был бы «за» азербайджанцев, и не стали бы для меня при этом помехой ни их мусульманство, ни меньшее количество друзей.

Три года мы, русские интеллигенты, «демократическая общественность», убеждали себя и других, что речь идет о «межнациональном конфликте», где главное — не «напортить», не «подлить масла в огонь». И что? Помогли наши прекраснодушные призывы пожать друг другу руки? Погас огонь? Ослаб накал страстей? Увы, своими попытками быть одинаково добро желательными к обеим сторонам в конфликте между топором и шеей мы только добавляли наглости тем, кто стоял за «межнациональным конфликтом», кто преступно играл судьбами двух народов, уверовав в свою полную безнаказанность.

Среди писем от читателей я получил как-то и вот такое:

«Я армянка. В 18 лет переехала из Степанакерта в Ереван, а год назад по семейным обстоятельствам — в Ярославль. В требовании карабахцев включения Карабаха в состав Армении я не вижу никакого криминала. Но этих настроений могло бы не быть, если б не разлагающая политика партийно-государственного аппарата. На протяжении многих лет со стороны руководства вольно или невольно делалось все, чтобы вызвать ненависть простых людей друг к другу: во многих конфликтных ситуациях, например, предпочтение отдавалось азербайджанцу, даже если виновен был он. То же самое — в уголовных делах… То, что произошло в Сумгаите, чудовищно. Я больше чем уверена, что там лютовала хорошо подготовленная банда убийц, потому что нормальные люди, даже ослепленные яростью, не смогли бы творить такие зверства: выбрасывать детей из окон, садистски убивать женщин и стариков…

Я знаю многих азербайджанцев, прекрасных людей. Это были наши соседи в Степанакерте; это был завуч нашей школы; это ребята — фельдшеры, с которыми я работала на «скорой» в Ереване; это, наконец, муж: моей двоюродной сестры, с которым они живут душа в душу. И мне очень больно и страшно представить, что ненависть многих армян может

распространиться на весь азербайджанский народ. Мне хочется крикнуть: «Люди, остановитесь! Спросите себя: кому выгодна наша вражда?!» Лично мне уже ясно, кому. А потому надо к подстрекателям и тем, кто стоит за ними, принимать самые крутые меры. Если опять выжидать, то неизвестно, что они сделают завтра».

Письмо было написано С. Геворкян в марте 1988 года. С тех пор «они» уже много «сделали», и ясно, что готовы сделать еще больше. При этом в адрес «подстрекателей» прозвучало бесчисленное множество громогласных обвинений. О тех же, кто стоит за ними, мы по-прежнему не знаем почти ничего. Но уже догадываемся, что именно эти анонимы и внушают нам: не лезьте в конфликты, не занимайте определенные позиции, не вините народы («плохих народов не бывает!»), не разжигайте пожар! Все бы ничего, если бы под-текстно при этом еще не звучало: не говорите, что думаете! Не пишите правду!

Народов плохих действительно не бывает. Но бывают народы, совершающие (по своей воле или в итоге «преступного промывания мозгов») агрессию, и народы, подвергающиеся агрессий и поэтому имеющие моральное право на активную защиту. Каждый народ, как говорится, достоин своего правительства, и каждый народ в ответе за развязанный от его имени геноцид.

И вот что еще тревожит. В обличениях «подстрекателей» и «деструктивных сил» как-то незаметно в общественном сознании оказались подмененными объекты обличения. Проявление сплоченности, организованности, готовности на жертвы в отстаивании достоинства нации, ее культуры, права самим определять свою судьбу в печати и выступлениях начали у нас осуждаться и клеймиться куда с большим негодованием, чем осуждались (загадочно сдержанно) кровавые выступления погромщиков. Так не гасят пожары. Так их раздувают.

И, можно сказать, раздули. Кровь в Закавказье уже льется ручьями. Вот-вот может хлынуть реками. Под гул наших тостов о дружбе народов.

Андрей Нуйкин

Еженедельник Мегаполис-Экспресс, 28.02.91.

P.S. Данная статья стала первой развернутой публикацией в российской прессе после поездки группы московских писателей: Андрея и Галины Нуйкиных, Тимура Гайдара, Валентина Оскоцкого и Юрия Черниченко в осажденный Карабах. Именно по их инициативе 20 марта 1991 года в Московском доме

литераторов состоялось учредительное собрание Комитета российской интеллигенции «Карабах».

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР

«Об объявлении Чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах»

Президиум Верховного Совета СССР отмечает, что несмотря на принятые меры, обстановка в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР и вокруг него не только не нормализуется, но и продолжает ухудшаться. Значительно активизировались действия различных националистических и сепаратистских объединений, которые ведут подстрекательскую работу. Втягивая в противоборства все более широкие слои населения. Экстремистски настроенные группировки организуют массовые беспорядки, провоцируют забастовки, разжигают национальную рознь и вражду. Ими осуществляются дерзкие преступные акции, минируются дороги и мосты, проводятся обстрелы населенных пунктов, захват заложников. В мирное время растет число беженцев, лишенных нормальных условий жизни, работы, имеются человеческие жертвы. Это вызывает тревогу и глубокое возмущение советских людей, всего нашего общества.

В этой сложной обстановке республиканские органы Азербайджана и Армении, руководство республик действовали недостаточно твердо и последовательно, не использовали всех возможностей для того, чтобы переломить создавшуюся ситуацию, в ряде случаев шли на поводу у экстремистски, националистически настроенных элементов. В результате этого блокируются выполнение решений Верховного Совета СССР, продолжается эскалация напряженности на почве межнациональных отношений. Этому способствовали не соответствующие Конституции СССР акты по Нагорному Карабаху принятые Верховным Советом Армянской ССР.

В настоящее время особенно обострилась обстановка в городах Баку, Гяндже и ряде других населенных пунктах. Дело доходит до убийств, грабежей, попыток вооруженного свержения Советской власти, насильственного изменения закрепленного Конституции СССР государственного и общественного строя.

В связи с изложенным и учитывая Обращения Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР, руководствуясь

пунктом 14 статьи 119 конституции СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Объявить чрезвычайное положение на территории Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР, Горисского района Армянской ССР, а также в пограничной зоне вдоль государственной границы СССР на территории Азербайджанской ССР.

2. Предоставить органам государственной власти и управления, иным уполномоченным на то государственным органам и должностным лицам в названных в статье 1 настоящего Указа местностях право применять следующие меры:

• запрещать проведение собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, а также театрально-зрелищных, спортивных и иных массовых мероприятий, контролировать средства массовой информации;

• приостанавливать противоречащую закону деятельность организаций и самодеятельных объединений или распускать их;

• привлекать граждан для работы на предприятиях, в учреждениях и организациях, а также для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств;

• запрещать забастовки;

• вводить комендантский час;

• ограничивать въезд и выезд граждан, временно выселять граждан из районов, опасных для проживания, с предоставления им других жилых помещений; обязывать граждан, не являющихся жителями данной местности, покинуть ее;

• ограничивать движение транспортных средств, регулировать и осуществлять их досмотр;

• вводить проверку документов, а в необходимых случаях, при достаточных данных о наличии у граждан оружия и отказе добровольно предъявить его, — и личный досмотр граждан, досмотр вещей;

• осуществлять временное изъятие у граждан, а в необходимых случаях — у предприятий, учреждений и организаций огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и материалов, сильнодействующих химических и ядовитых веществ;

• ограничивать или запрещать использования множительной техники, а также радио- и телепередающей аппаратуры, вводить особые правила пользования связью.

3. Гражданам во время комендантского часа не разрешается находиться на улицах или иных общественных местах без

специально выданных пропусков и документов, удостоверяющих личность, либо пребывать вне своего жилища без документов, удостоверяющих личность.

4. Для ликвидации последствий чрезвычайных обстоятельств, защиты прав граждан, охраны общественного порядка и безопасности, объектов жизнедеятельности населения привлекаются в соответствии с законом внутренние войска Министерства внутренних дел СССР. Для защиты граждан, объектов жизнедеятельности привлекаются также воинские части Советской Армии, Военно-Морского Флота и Комитета государственной безопасности СССР. Внутренние войска МВД СССР и привлеченные воинские части Советской Армии и Военно-Морского Флота и Комитета государственной безопасности СССР, руководствуясь законами, уставами и настоящим Указом.

5. Лица, провоцирующие нарушения общественного порядка, распространяющие провокационные слухи либо активно препятствующие осуществлению гражданами и должностными лицами их законных прав и обязанностей, нарушающие режим чрезвычайного положения, могут быть задержаны в административном порядке или уголовной ответственностью в соответствии с Законом.

6. Для обеспечения бесперебойной работы транспорта ввести охрану железных дорог и других коммуникаций привлечением сил внутренних войск Министерства внутренних дел СССР, Советской Армии и Комитета государственной безопасности СССР.

7. Предложить Президиуму Верховного Совета Азербайджанской ССР принять все необходимые меры, включая введение комендантского часа в городах Баку, Гяндже и других населенных пунктах для обеспечения безопасности населения, предприятий, учреждений и организаций, для привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении требований действующего законодательства, в том числе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1988 года «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР» (Ведомости Верховного Совета СССР. 1988 г., № 47, ст.712).

Потребовать от Президиума Верховного Совета Армянской ССР предпринять самые решительные шаги по пресечению подстрекательских действий с территории этой республики,

разжигающих межнациональные страсти и национальную вражду между двумя народами.

Считать необходимым, чтобы Президиумы Верховных советов и Советы Министров Азербайджанской и Армянской ССР незамедлительно рассмотрели на своих заседаниях практические мероприятия по выполнению настоящего Указа и преодолению сложившейся обстановки.

Правоохранительным и другим государственным органам СССР оказать республиканским органам необходимую помощь в осуществлении указанных мероприятий.

8. Статьи 1–7 настоящего Указа вступают в силу с 23 часов местного времени 15 января 1990 года и действуют до отмены чрезвычайного положения.

9. Министерству иностранных дел СССР продолжить и завершить в ближайшее время переговоры по режиму государственной границы и связанные с этим вопросами отношений между СССР и Ираном, а также информировать о настоящем Указе соответствующие государственные и международные организации.

10. Признать необходимым ускорить рассмотрение в Верховном Совете СССР разработанного Советом Министров СССР по поручению Верховного Совета СССР проекта Закона о правовом режиме чрезвычайного положения.

11. Подготовленный группой ученых и специалистов проект Закона об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР передать на рассмотрение Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, имея ввиду в ближайшее время внести данный законопроект на обсуждение Верховного Совета СССР.

Председатель Верховного Совета СССР

М. Горбачев

Москва, Кремль. 15 января 1990 г.

Перечень

нарушений Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения, за которые граждане подвергаются административному или уголовному наказанию»

1. Штрафу в размере 1000 рублей или аресту до 15 суток за:

— нарушение режима въезда и выезда в районе чрезвычайного положения;

— невыполнение запрещения покидать на установленный срок определенную местность или свою квартиру, дом;

— невыполнение требования лицами, не являющимися жителями данной местности и нарушающими общественный порядок, покинуть район чрезвычайного положения или убыть к месту своего постоянного проживания;

— участие в проведении несанкционированных митингов, собраний, уличных шествий, а также зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий;

— участие в забастовках;

— торговлю оружием, сильнодействующими химическими и ядовитыми веществами, а также спиртными напитками и спирто содержащими веществами;

— нарушения в проведении санитарно-противоэпидемических мероприятий;

— использование без соответствующего разрешения множительной техники, а также радио- и телепередающей аппаратуры, аудио- и видеозаписывающей техники;

— нарушение особых правил пользования связью;

— невыполнение требований об ограничении движения транспортных средств и уклонение от их досмотра;

— нарушение комендантского часа.

2. Штрафу в размере 1000 рублей или аресту до 30 суток за:

— распространение провокационных слухов;

— действия, провоцирующие нарушения общественного порядка и разжигание национальной розни;

— активное воспрепятствование осуществлению гражданами и должностными лицами их законных прав и обязанностей;

— злостное неповиновение законному распоряжению сотрудника органов внутренних дел, военнослужащего, народ

ного дружинника или иных лиц, выполняющих служебные обязанности или общественный долг по охране общественного

порядка либо другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан;

— нарушение правил административного надзора.

3. Штрафу в размере 10 000 рублей или исправительным работам на срок до 2 лет или лишению свободы до 3 лет:

— за руководство запрещенной забастовкой и воспрепятствие работе предприятий, организаций, учреждений.

Из сообщения коменданта Района Чрезвычайного Положения

За истекший период с 28 декабря 1990 года обстановка в НКАО и прилегающих районах Азербайджанской ССР существенно не менялась, она находится под контролем подразделений и частей внутренних войск и правоохранительных органов.

Производится обстрел населенных пунктов, сельскохозяйственных объектов. Так, 29 декабря 1990 года, ночью, вблизи населенного пункта Гюльятаг Мардакертского района обстреляна ферма, раненых и убитых нет.

29 декабря 1990 года в 18 часов при перегоне скота с пастбища со стороны молочно-товарной фермы села Фарамик неизвестными лицами были обстреляны пастухи с. Ашаги Гушнулар Шушинского района. В результате обстрела гр. Наджафов М. получил ранение в область правого предплечья. Расследование проводит Следственно-оперативная группа МВД СССР.

30 декабря с. г. в 11.00 старший оперуполномоченный КГБ майор С. Н. Хабло и находившиеся вместе с ним в автомобиле «Москвич»-412 сотрудник КГБ капитан Тамбулатов и водитель машины рядовой Попов подверглись нападению и избиению со стороны жителей города Агдам вблизи городского рынка. Проводится расследование. Данный инцидент был спровоцирован сотрудниками агдамской милиции.

В 17.30 30 декабря 1990 года неизвестные лица из населенного пункта Шотлангу Агдамского района, вооруженные пистолетами и ружьями, напали на пастуха с. Ярымжа Мардакертского района, избили его и угнали 70 голов овец.

31 декабря, ночью, предпринята попытка нападения на животноводческую ферму населенного пункта Чайлы Мардакертского района с целью угона скота. Пострадавших нет. По всем фактам проводится расследование Оперативно-следственной группой МВД СССР.

Вызывают тревогу у военной комендатуры непрекращающиеся случаи нападения на личный состав войсковых нарядов.

31 декабря, ночью, со стороны Горисского района по заставе Юхары-Джибикли Кубатлинского района была проведена стрельба из автоматического оружия трассирующими пулями. Застава ответила огнем. Пострадавших от обстрела нет.

В 22.40 этого дня велся обстрел застав населенных пунктов Верхние и Нижние Джиджимли Лачинского района, открыт ответный огонь.

1 января 1991 года подверглась обстрелу застава у села Аликулиушаги Кубатлинского района. Пострадавших нет.

2 января 1991 г. В 22.30 населенный пункт Шотланг Агдамского района был обстрелян из автоматического оружия. Жертв и пострадавших нет.

Уважаемые товарищи!

До каких пор можно испытывать терпение и стойкость наших солдат? Напоминаем вам, что нападающие могут получить соответствующий отпор. Поэтому не испытывайте судьбу и не подвергайте свои жизни опасности.

Предприятия и учреждения НКАО работали в нормальном режиме. Продолжается доставка в областной центр народнохозяйственных грузов. За истекшую неделю на станцию города Степанакерта прибыло 4 состава из 55 вагонов, отправлено 4 состава из 28 вагонов.

Аэропорт города Степанакерта принял и отправил 76 авиарейсов. Перевезено 1989 пассажиров.

За нарушение паспортного режима задержано 39 человек.

Комендант района чрезвычайного положения

полковник В. А. Шевелев

4 января 1991 года

Заявление

Начальнику ГОВД г. Степанакерта
майору милиции
тов. Агасаряну А. Г.

Довожу до Вашего сведения, что 31 декабря 1990 года около 19 часов обнаружена кража следующих моих личных вещей из номера 412 гостиницы «Карабах», где проживаю, находясь в служебной командировке:

1. Сумка-баул с ручкой и ремнем для ношения через плечо с тремя отделениями на замках-молниях стального цвета;

2. Три связки ключей, находящиеся в сумке:

— от квартиры — 2, рабочего кабинета — 2, сейфа — 1;

— от рабочего кабинета по линии общественной работы — 1, шкафа — 1;

— от 2-х кейсов-дипломатов — 2.

3. Личный жетон офицера за номером М-387823. Находился на связке ключей от квартиры и рабочего кабинета.

4. Ботинки черные, размер 41, с высокими голенищами на шнурках, от формы ОМОНа.

5. Свитер шерстяной, крупной вязки, цвет бежевый, производство индийской фирмы.

6. Фонарь карманный, цилиндрический, хромированный, для двух батареек элемента 373, японского производства.

7. Дезодоранты для тела: 1 — производства ГДР, 1 — «Яна», 2 — «Октава».

Кража, по моему мнению, могла быть совершена между 16 и 18 часами.

Принятые мной меры по розыску вещей должных результатов не дали.

Прошу Вашего содействия.

Начальник штаба

Следственно-оперативной группы МВД СССР

подполковник милиции В. В. Кривопусков

НКАО
ОТДЕЛ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИСПОЛКОМА
СТЕПАНАКЕРТСКОГО ГОРОДСКОГО
СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ НКАО,

г. Степанакерт 374 430, пр. Кирова, 40, тел. 4–07–02
от 10 января 1991 года
гр. Кривопускову Виктору Владимировичу
Гостиница «КАРАБАХ» № 412

Сообщаем, что Ваше заявление о краже Вашего имущества 31 декабря 1990 года в частности: жетон с личным номером, ключи от сейфа, от кабинета, от квартиры, ботинки, свитер и дезодорант, зарегистрировано в КУП-1 Степанакертского ГОВД за № 12 от 5.01.1991 г. О результатах сообщим Вам дополнительно.

Начальник Степанакертского ГОВД

майор милиции А. Г. Агасарян

«5» января» 1991 г.

Опомнитесь, люди

Человек привыкает ко всему: и к удобствам, и к неудобствам, и к богатству, и к жизни за чертой бедности, и к спокойному, безмятежному существованию, и к постоянному ощущению опасности и тревоги.

Вот уже больше месяца я исполняю обязанности дежурного помощника коменданта района чрезвычайного положения НКАО. Вначале было неимоверно трудно, но затем втянулся, привык. И только к одному не могу привыкнуть. Это, когда я скупыми словами «сводки оперативной обстановки в НКАО и прилегающих районах Азербайджана за сутки» пишу: с молочнотоварной фермы такого-то района угнано столько-то голов скота, сторож фермы, гражданин такой-то национальности — убит. Или в результате обстрела неизвестными лицами из автоматического оружия (а иногда и из гранатометов, огнеметов и ракет) такого-то населенного пункта убито столько-то граждан такой-то национальности. Умышленно не указываю ни дат, ни цифр, ни национальности. И не потому, что это «сверхсекретно», а потому, чтобы меня не сочли ни «проармянским», ни «проазербайджанским», что очень часто можно услышать в адрес человека, обронившего неосторожное слово. Поверьте, жертвы и с той, и с другой стороны. Но я все же о другом.

Убиты. Скупое короткое слово сводки, которое я не могу, да и наверное, не смогу привыкнуть писать спокойно. Ведь за этим словом не только безвременно ушедшие из жизни люди, но и десятки искалеченных судеб.

Это и слезы матерей, отцов, братьев и сестер, и овдовевшие жены, и осиротевшие дети и многое, многое другое, от чего мне всегда становится страшно. Я рано похоронил отца, и знаю, как больно потерять близкого и любимого человека. Но он умер не насильственной смертью. Какими же мерками измерить боль тех, чьи близкие ушли из жизни от рук «экстремистов», «боевиков», называйте их как хотите (я нахожу им одно слово — убийцы)? Существует ли пусть самый наисовершеннейший прибор, способный измерить боль в сердце матери, отца, жены, дочери или сына, когда они узнают, что в перестрелке с неизвестными убит рядовой, сержант, прапорщик, майор, подполковник такой-то? Кто попытается оценить тот моральный, психологический надлом в душе офицеров, прапорщиков, солдат, доставивших «по бывшему месту проживания» леденящий кровь «ГРУЗ-200»?

И поэтому, когда я пишу слово «убит», мне хочется громко, громко крикнуть: «Люди! Что вы делаете? Опомнитесь!

Остановитесь!» Крикнуть так громко, чтобы меня услышали везде: в армянских и азербайджанских селах, в Баку и Ереване, в Цхинвали и Тбилиси, особенно в огромных залах с микрофонами в Москве. Пусть меня услышат и те, кого я назвал «убийцами». Ведь мы все люди, все вскормлены материнской грудью и имеем одну огромную, добрую и кормящую мать, которая называется Земля. Так давайте же будем благоразумными. Давайте же сменим самую короткую автоматную очередь на пусть даже самую длинную и малозначительную речь. В спорах рождается истина. В спорах, но не в перестрелках. Давайте подумаем о детях. В чем виноваты они? Неужели у нас мало обездоленных, несчастных детей в результате землетрясений, аварий и прочего? Зачем пополнять их ряды осиротевшими детьми на земле НКАО?

Я никогда в своей жизни не обращался к средствам массовой информации. Но это единственный способ, чтобы мой «крик души» был услышан.

И еще. Я не упомянул слово, которое тоже часто встречается в сводках. Это слово — «ранены». Не упомянул потому, что слово «ранены» оставляет хоть какую-то надежду. Слово же «убиты» — надежд не оставляет никому. Очень богат и колоритен русский язык. Но я многое отдал бы за то, чтобы он обеднел на такие слова, как: «противостояние», «вражда», «месть», «ненависть», ну и, конечно же «ранен», «убит». А чтобы эти слова исчезли сами по себе, за ненадобностью их применения, я прошу вас, ЛЮДИ, — ОПОМНИТЕСЬ!

Майор А. Наказненко

г. Степанакерт Газета «Советский Карабах»

12 апреля 1991 г.

Спасибо тебе, Карабах! Лирико-геополитическое послесловие

Айсберг русско-армянской дружбы

«Айсберг» — это не про холод, а про пропорции. Устойчивость ледяных гигантов в том, что на виду у них всего лишь одна восьмая всей массы. Семь восьмых армяно-русской дружбы скрыты от посторонних взглядов — в глубинах общей истории, кровном родстве религий, сплаве культур и взаимной духовной симпатии. Любоваться переливами красок семи восьмых океанского айсберга доводится только тому, кто умеет проникать в подводные глубины. Тонущим подводные красоты лишь горечи добавляют! Членам нашего КРИКа (Комитета российской интеллигенции «Карабах») довелось в полной мере и горечи нахлебаться, и красотой насладиться.

После первых поездок в Карабах действительно КРИКом хотелось кричать об увиденном в этом райском уголке планеты. То, что творилось в Карабахе, вызывало порой и холодную ярость. То, как азербайджанским омоновцам помогали творить геноцид имперские прокураторы, добавляло чувство тоскливой безнадежности. Было очевидно: маленький армянский анклав не в силах противостоять обрушившему на него всю свою мощь семимиллионному Азербайджану, на сторону которого к тому же встала слепая сила «несокрушимой и легендарной» с кучей угодливых Сафоновых, поляничек и лейтенантов деминых.

То, что среди наших военных были и другие люди, без шума, но твердо противодействовавшие этой преступной политике, мы, отправляясь в Карабах, представления не имели. И буквально до последнего времени не знали, что одним из организаторов нашей поездки был автор этой книги. Знать не знали, однако чью-то незримую, но надежную руку, прикрывавшую от оголтелого недружелюбия азербайджанского ОМОНа, ощущали.

Это было тем более необходимо, что мы, пребывая в негодовании от увиденного, сами о своей безопасности не очень-то заботились. Наши пресс-конференции и коллективные заявления, выступления по телевидению и в печати той поры — и в Армении, и в Москве, и за рубежом — были пронизаны не только горечью, но и гневом. Пришло осознание, что российскую

интеллигенцию в связи с событиями в Карабахе чуть не три года водили за нос, внушая, что раз речь идет о «межнациональном конфликте», то нужно свято соблюдать «паритет», то есть в разгар схватки отойти в сторонку, бормоча что-нибудь о «дружбе народов», «интернационализме» и «социалистическом гуманизме». А иначе ты будешь «подливать масло в огонь». Так полагалось делать всегда, даже если речь шла о «конфликте» между палачом и жертвой, шеей и топором. Понять, что за этим прячется потворство палачу, можно было, оказавшись на месте событий и своими глазами посмотрев на происходящее. Мы так и сделали.

И сразу стало очевидным, что под покровом информационной блокады творилось такое, что не мудрено было впасть и в бессильную ярость, и в горькую апатию… Кто избирал второе, долго в КРИКе не задерживался. Ну а оставшиеся быстро переставали танцевать «паритетную кадриль» и обрушивали на творцов и покровителей геноцида горечь и отчаяние. Приведу из сохранившихся в архивных коробках документов и вырезок несколько образцов, способных проиллюстрировать и то, и другое, и третье.

«Осуществление кровавой трагедии Карабаха навсегда ляжет позорным пятном на Ваше имя!..» (Из телеграммы президенту Горбачеву, 25 апреля 1991 г. Подписи: Нуйкин, Илюшен-ко, Мальгин, Нуйкина, Буркова, Бестaвашвили, Дашкевич).

А вот один из слабых криков, с трудом прорвавшийся к нам в Москву:

телеграмма

степанакерт нка 302 142 3/5 1901 =
уведомление телеграфом москва 107 076

вот уже четвертый день оголтелые банды азербайджанского омона при попустительстве руководства СССР и пособничестве внутренних войск осуществляют политику насильственной депортации армян проливают невинную кровь коренных жителей шаумяновского района сел геташен мартунашен заблокированы все подходы этим селам методично уничтожают детей женщин немощных стариков нет возможности вывозить раненых дотла сожжено село марту-нашен

призываем всех людей доброй воли русскую

интеллигенцию общественность москвы поднять свои голоса протеста пресечь все попытки попрания человеческих прав потребовать от президента советского правительства принять неотложные меры по прекращению убийств безвинных граждан

политика государственного терроризма в отношении армянского народа переросла в человеконенавистническую политику против малых народов нашей страны

мы матери древнего арцаха кричим сос

люди доброй воли помните каждую минуту гибнет ребенок женщина старик =

председатель фонда материнства нкао микаелян асмик мамиконовна

03.05.91

А вот незамедлительный отклик нашего КРИКа:

«…С 30 апреля войска Советской Армии, МВД СССР и азербайджанского ОМОНа предприняли боевые действия против армянских сел Геташен и Мартунашен. Села блокированы танками и бронетранспортерами, обстреляны из крупнокалиберных пулеметов, минометов и танковых орудий. Село Мартунашен почти полностью разрушено и сожжено. Оставшиеся в живых скрываются в окрестных лесах. В Геташене убиты и ранены десятки людей. Попытки оказать сопротивление подавляются орудийным огнем. Азербайджанские омоновцы берут заложниками стариков, женщин и детей, ломают людям руки, ноги, ребра, колют ножами, снимают скальпы. Убитые валяются на улице. Тяжело раненных не разрешают вывезти из села. Одновременно с территории Азербайджана ведется орудийный обстрел Армении. В Ереван на вертолетах доставлены десантники Советской Армии.

Террор против мирных жителей становится государственной политикой.

Командование Министерства обороны и руководство МВД СССР санкционировали насилие, ближайшая цель которого — полная депортация армян из Азербайджана.

Ответственность за новое чудовищное преступление против армянского народа несет государственное руководство СССР во главе с президентом Горбачевым.

Мы хотим напомнить, что по решению Нюрнбергского трибунала ни вдохновители, ни исполнители преступлений против человечества не освобождаются от персональной

уголовной ответственности.

Мы выражаем протест против кровавого насилия над армянским населением.

Мы призываем мировую общественность потребовать от руководства СССР прекращения террора против армянского народа.

Мир неделим. Сегодня — Армения, завтра — Россия, послезавтра — Европа. Еще не поздно. Мы можем и должны остановить агрессию.

Из обращения «К мировой общественности» Комитета российской интеллигенции «Карабах».

(Подписи: А. Адамович, И. Бабанов, А. Бестaвашвили, О. Богомолов, В. Бураковский, И. Буркова, К. Воеводский, Т. Гайдар, Л. Гозман, В. Голубчиков, А. Гребнев, В. Дашкевич, В. Илюшенко, В. Лакшин, В. Леонович, А. Лоханкин, Е. Лунина, А. Мальгин, А. Нуйкин, Г. Нуйкина, В. Оскоцкий, С. Пистрякова, В. Селюнин, В. Смирнов, Ю. Черниченко, Н. Шмелев).

05.05.91

«Андрей Дмитриевич Сахаров назвал Карабах «пробным камнем перестройки». Проверки этой не выдержали ни перестройка, ни Горбачев, ни мы с вами. Карабах на несколько лет был превращен в полигон репрессивных и карательных акций. Мы и это стерпели. И вот, похоже, на этом же полигоне отрабатываются приемы террора против целых народов, производятся селекция и обучение кадров краснозвездных гестаповцев и эсэсовцев… Не пора ли нам перестать позволять наследникам Сталина и Берии безнаказанно грабить нас, как это сделал недавно наш премьер-министр Павлов, и безнаказанно убивать нас, как это делают в Карабахе Пуго, Язов, Крючков и Президент СССР — лауреат Нобелевской премии мира, главнокомандующий самой большой и самой голодной армии в мире, которую не без успеха стараются сейчас превратить в армию карателей и мародеров, в оккупантов собственной страны…»(Из моего выступления на митинге в Академии наук СССР. Опубликовано: Демократическая Россия, 31.05.91).

Так вот высказывались мы после своих первых поездок в Карабах на митингах и в печати. А вот до каких степеней отчаяния и возмущения доходили, комментируя мольбы о спасении, прорывавшиеся к нам в Москву сквозь многослойные заслоны информационной блокады из обливавшегося кровью

Карабаха: «Господи! До чего же безнадежно стало жить в нашей Богом проклятой Великой Державе!.. Люди мира! Где вы? Неужели все еще не поняли, какую цену вам придется заплатить за ваше пассивное соучастие в творимом на ваших глазах геноциде?..» (Из выступления на митинге на Манежной площади. Опубликовано: Мегаполис-экспресс, 9.05.91).

Увы, было бы большим преувеличением утверждать, что «людей мира» крики КРИКа взволновали больше, чем наших собственных политиков и обывателей. Помню, как в дни кинофестиваля, проходившего в Бостоне, я пробовал рассказать журналистам разных стран о том, что творится в Закавказье. «Властители умов» с холодной вежливостью выслушивали страстные монологи о реках крови мирных людей, льющихся (в это самое время!) в Карабахе, и тут же с воодушевлением переключались на обсуждение кетчупа, который ручьями проливался в «шедеврах» конкурсной программы.

И слава Богу, что кроме хаотичных «партизанских» вылазок (типа криковских) поддержку героических усилий кара-бахцев, как мы убедились, читая эту книгу, обеспечивали силы, способные прямо влиять на действия государственных структур империи… А то нам, сгоравшим в пылу публицистических схваток, очень часто казалось, что в официальных сферах и органах страны просто уже не осталось политиков, понимавших всю серьезность и стратегическую важность для судеб мира и России происходившего в Закавказье, не говоря уже о способности просто по-человечески реагировать на жестокость и вандализм творцов геноцида. Именно о «структурах» речь, ибо с отдельными-то нормальными людьми мы постоянно встречались и взаимодействовали. Вспомним хотя бы боевого генерала Лебедя, добрейшего маршала Шапошникова, мудрого Георгия Арбатова, влиятельного Егора Гайдара, бесценного по своим служебным возможностям Андрея Кокошина и т. д, и т. п.

Но то, что даже внутри руководящих органов таких «про-азербайджанских», по нашим впечатлениям, организаций, как МВД, имелись наши незримые, но влиятельные союзники и «тайные» кураторы, я, например, до чтения рукописи «Карабахских записок» попросту не подозревал. Что поделаешь! Тем радостнее и поучительнее было, читая эту книгу, о них узнать. И что еще хочется подчеркнуть особо: годы борьбы за независимость Карабаха стали для многих из нас, «криковцев», одновременно и годами высокого духовного подъема, наградили нас счастьем приобщенности к событиям, величие и трагическая красота которых безусловны и непреходящи. В связи с чем хочется еще раз вспомнить прекрасные слова американского

философа Бэрроуза Данэма: «Я смело берусь утверждать, что нет такой радости жизни — радости ли славы, победы или удовлетворенного желания, — которую можно было бы сравнить с радостным чувством товарищества в достижении возвышенной цели… И каждый, кто испытал эту радость товарищества, знает, как она прекрасна» (Герои и еретики. М.: Прогресс, 1967. С. 102).

Спасибо Карабаху, членам КРИКа дано было испытать эту высокую радость. И тем большее за это спасибо, что в конечном итоге всех наших демократических восхождений только она оказалась не опошленной, не скомпрометированной и не дискредитированной дальнейшим ходом событий. А ведь за годы демократических преобразований нам довелось участвовать в немалом числе многообещающих процессов, вставая «плечом к плечу» с немалым числом «верных соратников и единомышленников». При твердом убеждении, что делаем это во имя целей воистину возвышенных и благородных.

Спору нет, сделать за прошедшее время можно было гораздо больше. В частности, если бы усилия нашего волонтерского отряда хоть немного координировали и снабжали необходимой для работы информацией российское посольство в Ереване и армянское посольство в Москве. Впрочем, в такой «партизанщине» была и своя положительная сторона — азербайджанские наши оппоненты при всем своем желании не могут нас сегодня упрекнуть в том, что мы были «куплены», «ангажированы» или «приручены». Все шло только от бескорыстной жажды справедливости.

Тем не менее, кое-что нам все-таки сделать удалось. Учета, как у истинных партизан, у нас, конечно, не велось, но… Как-то я попробовал подсчитать хотя бы собственные публикации в газетах и журналах в защиту Карабаха (устные выступления, увы, учету не поддаются). Набралось добрых полсотни. Наверное, большая часть их особой «погоды» в политике не сделала, да и в самой Армении осталась незамеченной. Но, как говорят, капля и камень точит! Ведь и остальные члены КРИКа в меру сил и возможностей каждого «капали» и «капали» без устали на тот камень… Думаю, в какой-то степени нам все-таки удалось тогда расшевелить общественное мнение России, объяснить подлинные интересы страны в этом регионе и вызвать сочувствие к тем, кто вел неравную схватку за свои (и наши!) жизненные интересы. И еще, надеюсь, что нам удалось своими «криками» пусть чуть-чуть, но поднять настроение у карабахцев, преодолеть чувство покинутости, забытости «всем миром».

Впрочем, о «жизненных интересах» и их осознании, думается, следует поговорить особо. Это только кажется, что и людям, и

народам они всегда очевидны, что «мимо собственного рта никто еще ложку не проносил». Еще как ее, эту ложку, проносить люди ухитряются. Особенно если речь идет об интересах не сиюминутных и не примитивно потребительских. А о глубинных, долгосрочных, как говорится-геополитических! То, что члены КРИКа полезли в драку воистину планетарного масштаба, оставаясь поначалу просто прекраснодушными интеллигентами, политическими дилетантами, — не удивительно. От великой истории дореволюционной России нас всех прочно отгородили школьные программы, от реальных процессов текущей политики — газеты, радио, потом и телевидение. Печально? Но все равно от нас в вопросах геополитики мало что зависело. Но вот то, что и наши политические вожди, вершители мировых процессов принимали свои судьбоносные решения на основе той же самой школярской интеллектуальной подготовки, вели шахматные турниры, умея рассчитывать игру на полхода вперед, — это уже становилось для нас и для мира поистине геополитическим бедствием!

В воспоминаниях Виктора Кривопускова весьма впечатляюще воспроизведены эпизоды его приездов из фронтовых командировок в столицу империи, в которой политические деятели, определявшие судьбы огромных регионов и народов, зачастую не имели ни малейшего представления о том, что происходит «во вверенной им» стране.

В том секрет, что коллеги по комсомолу не увидели своими глазами крови и разрушений, озверения одних и униженности других граждан Великой родины? Но Полянички-то и Сафоновы не только «видели» все это, они своими руками разжигали гражданскую войну и подготавливали распад страны! Надо признать, не только за одни щедрые сребреники, но и из твердого убеждения, что только беспрекословное подчинение их приказам соответствует интересам сохранения СССР и коммунистической идеологии.

Так что, оказывается, мало просто присутствовать и видеть «своими глазами». Надо, чтобы к глазам были приложены совесть, ум, государственное мышление, ответственность перед страной и народом. И только при наличии всего этого глаза увидят то, что надо, совесть подскажет: кто прав, кто виноват, а ум объяснит, почему такое творится, чем оно грозит и что надо делать.

Вдвойне, втройне все эти качества требовались от высшего руководства страны. Увы. На глазах Президента СССР и Политбюро всевластной партии целый регион их империи оказался намертво изолированным от страны и мира. А

фактически — оккупированным в полном смысле этого слова. Даже советские органы власти были расформированы и партийное руководство (святая святых большевистской государственности!) — ликвидировано. Прямо как на оккупированных немцами в годы войны территориях!

Такие исторические нелепости и даже преступления в нашей стране традиционно принято объяснять тем, что-де «царя свита обманула»! Не знал он, батюшка, как его опричники изгаляются над его верными подданными! Что ж, сделаем вид, что поверили в это, однако…

«При попустительстве, а по сути с молчаливого согласия азербайджанских властей разрушилась техническая система охраны границы между СССР и Турцией в пределах всей Нахичеванской республики», — сухо констатирует в своем дневнике В. Кривопусков. О чем речь? Уже даже не о попытке превратить в концлагерь какую-то отдельно взятую область (для большевиков это дело довольно привычное!). Речь об открытом разрушении системы обороны всей страны от врага внешнего! И что? А ничего. И эту пилюлю Горбачев проглотил безропотно. Но в данном-то вопросе даже самый наивный из всех самых глупых не поверит, что президент «не знал» о происходящем. Если же глава государства глотает молча такое, то, право же, он становится опасным для собственной страны!

Так что не бегство в Форос перед лицом открыто готовившегося путча стало главной, роковой его ошибкой, как принято думать. Ошибкой, за которую мы поплатились полным развалом страны и приходом к власти (в отличие, например, от Китая) откровенных мародеров. Крах горбачевской политики начался раньше-когда президент «побоялся» понять, что происходит в Закавказье и каким поворотом событий чревато это «что-то».

Есть такое выражение: все начиналось с Карабаха! Наше политическое взросление — тоже. Ситуация, с которой мы, члены КРИКа, столкнулись в Карабахе, кровавый драматизм происходившего, цинизм целей, которые преследовали там втянутые в противоборство политические силы, — все обнажилось перед нами настолько, что вынуждало делать определенный личный выбор, окончательно хоронивший нашу совковость с ее неизбежным очень комфортным политическим (и историческим) инфантилизмом.

Так вот и получилось, что, встав в конфликте твердо на сторону жертвы, мы не только проявили нравственную чуткость, но, оказалось, избрали и самую правильную гражданскую

позицию. Как, судя по всему, рассуждало высшее руководство страны, откровенно подыгрывая в конфликте азербайджанской стороне? Надо любой ценой удержать Баку от переориентации на Турцию и Запад! А армяне… Армяне никуда не денутся. Им при их-то окружении деваться некуда! И «удерживали». Ценой слез и крови самого своего верного друга, самого ценного стратегического союзника. К тому же в регионе, где, если разобраться трезво, решалась судьба не только будущего России, но, пожалуй, и судьба по крайней мере двух континентов: Европы и Азии — со всеми вытекающими для оставшихся континентов последствиями.

Не требовалось быть мудрецом, чтобы понять: никакими уступками, никакими предательствами своих проверенных столетиями друзей удержать Азербайджан в складывающейся при развале СССР ситуации было невозможно, а вот стратегических союзников в важнейшей для России точке земного шара потерять можно было в два счета. К тому и шло.

Член КРИКа Андрей Мальгин еще до нашего общего десантирования в Карабах с горестью констатировал: «Теперь я знаю: внутренние войска МВД СССР, присланные сюда нашим Верховным Советом с миротворческой миссией, выполняют здесь иные — карательные функции!.. Зверь, испробовавший человеческой крови, становится людоедом… Не раз в Карабахе я слышал, что растет первое поколение, у которого ненависть к русским будет заложена в крови. Их отцы и деды не знали этого чувства…» (Что делает наша армия в Нагорном Карабахе? М: Столица, 1991. № 1).

Книга Виктора Кривопускова вполне убедительно отвечает на вопрос: почему этого бедствия (и для Армении, и для России) не произошло. Если бы не такие русские офицеры, как автор книги, его сослуживцы по следственно-оперативной группе МВД СССР, как полковники Гудков, Шевелев, Ткач, Кузнецов, генералы Ковалев, Воронов, Некрылов, Стариков и многие другие настоящие патриоты России, не растратившие ни ума, ни чести, ни умения сострадать жертве и при этом способные трезво анализировать динамику событий, то идиотская самоуверенность («Куда им, армянам, деваться?» или: «На брюхе приползут!») вполне могла бы навсегда развести дороги Армении и России. Вполне! Чем это было чревато и для той, и для другой?.. Ну а почему, собственно говоря, только для них? Думается: для всего мира.

Волчья пасть и лисий хвост

После того как чеченские террористы взяли в заложники в восьми километрах от московского Кремля чуть не тысячу зрителей развлекательного шоу, до нашего общества (хотя и с трудом) что-то начало доходить.

«Речь идет о еще одном сражении в мировой террористической войне. А западный мир никак не желает признать, что он находится в состоянии войны», — пишет публицист Леонид Радзиховский в статье, которая так и называется — «Мировая война». И с каким-то загадочным удовлетворением предрекает западному миру (вместе с Россией) в этой войне «поражение довольно скорое, вполне позорное и, скорее всего, исключительно кровавое» («НГ», 25.10.02).

Обратите внимание на число. Чем закончится захват, еще никто не знает. На 90 % вероятности — или позорной капитуляцией страны типа буденновской, или гибелью тысяч человек (с учетом омоновцев, родных заложников, зевак и части жителей окружающих строений). И капитуляция (а именно к ней призывали радостно вылезшие на экраны кучи «гуманистов», правозащитников и всякого рода доморощенных «аналитиков»), и гибель огромного числа людей обернулись бы для России катастрофой. Как говорится, «мы вновь оказались бы в другой стране». Стране с разрушенным авторитетом президента, с неконтролируемой волной стихийного национального гнева, обострившимися межнациональными конфликтами на грани (и за гранью) гражданской войны…

Слава Богу, как констатирует «ЛГ», Путина и политический строй России спасли спецслужбы: «В этот раз силовики разрешили почти неразрешимое уравнение. Несколько секунд промедления — и число жертв изменилось бы в десятки раз. В руках чекистов была Россия. Они ее не потеряли. Они спасли президента, спасли страну» («ЛГ», 2002, № 44).

Экзальтация, столь часто случающаяся после пережитой опасности? Дай Бог, чтобы понимание того, на краю какой бездонной пропасти в очередной раз оказалась некогда Великая Держава, закрепилось и продержалось хотя бы на полгода в общественном сознании. Да что-то не очень верится. А ведь в следующий (третий, четвертый или еще какой-то) раз кто-то из спецназовцев может промедлить роковые «несколько секунд». Что тогда? А неукротимые наши правдолюбцы и правозащитники со следами жирной западной сметаны на губах словно только и ждут этого, подобно членам Временного правительства в поэме Маяковского, при первом выстреле под окнами начинавших визжать: «Сдаваться! Сдаваться!»

Карабахцы же выстояли потому, что поняли: этому врагу

сдаваться нельзя! Он наступает даже не для того, чтобы покорить. Его цель — истребить! Когда же эта истина дойдет, наконец, до мозгов российских «интеллектуалов» и плаксивых европейских борцов за «гражданские права» наших нынешних и их завтрашних палачей? Когда в Копенгагене или в Варшаве взорвут несколько театров со зрителями?.. Увы, в США «взорвали» здания покрупнее театрального комплекса, и что?

Как это «что»? Разве не развернули в ответ янки по всему миру беспощадную борьбу с террористами?! Странная это борьба, однако. Вернее — странные у США критерии терроризма. Правда, очень четкие: кто США не слушается — тот террорист, и его надо бомбить. А кто слушается — тому надо выделять деньги. На строительство аэродромов. Для военных самолетов США, разумеется. Не похоже, что национальная катастрофа 11 сентября всерьез объяснила очередным претендентам на роль хозяина планеты, что именно в мире происходит и чем именно происходящее миру грозит. Слишком уж термин «терроризм» им ко времени пришелся! СССР в развалинах, «лагерь социализма» исчез бесследно. А силушка-то по жилушкам-то переливается! Ох, как хочется поскакать галопом по мировым прериям, приторачивая страну за страной к своему ковбойскому седлу! Да вот беда — чтобы силу использовать, повод какойникакой нужен, иначе неприлично как-то. И вот вам такой подарок — враг обнаружился. Опасный и коварный. А главное удобство — в любой точке планеты его без труда отыскать можно, было бы желание. А если террористов там даже и не окажется, их можно нанять (нынче это не дорого стоит), организовать, вооружить, на соседей натравить. Даже и на сами США — в случае особой необходимости и для пущей убедительности.

Одно неудобство, терроризм — враг особый. От него мощью военных армад и неприступными линиями обороны не защитишься. Он как смертельный вирус, от которого лекарство еще не отыскано. Выпустишь из пробирки в надежде науськать на врага, а он к тебе же со встречным ветерком и вернется! Кто породил и вооружил Усаму бен Ладена, миру ведь хорошо известно. А «процесс пошел», как любил выражаться первый и последний президент СССР. За спиной Ладена вот-вот замаячит мутант пострашнее и понеуязвимее его. Придется, ох, придется США осознать, что не в победные вояжи по планете в порядке «контртеррористических операций» они втянуты, а в изнурительную и беспощадную мировую войну. С врагом, который стремительно накапливает опыт, наливается силой и в борьбе с которым благодушие — величайшая глупость, а каждый утерянный день — преступление против своего народа и

человечества в целом.

Тем более что на его (человечества) разум сегодня надежда плохая. Прошло 11 сентября, забудутся и наши 23–26 октября — и снова оно с азартом ринется в пустые склоки и еще более пустые развлечения. Но серьезным-то политикам (хочется верить, что эта порода людей еще не перевелась в западном мире) не пора ли осознать, что на вверенной им планете происходит на самом-то деле? Куда она, планета, под их надзором катится?..

Ведь, право слово, не требуется чересчур много мозгов, чтобы понять и это «что», и это «куда». Начнем со «что». Поразительно, но при всех своих гигантских научных и технических взлетах человечество в последнее время трагически поглупело. Почему — сказать не берусь, но для чего — отгадать можно. Как известно, Бог отбирает у людей разум, когда собирается их наказать. Видно, есть за что нынешнее человечество наказывать, если на этот раз Бог начал наказывать нас столь жестоко.

Граждане США (и их руководство) никак не выйдут из шока — не в силах понять, почему это их фантастическая военная мощь, помноженная на мощь Европы, оказались не способными защитить их даже от жалкой кучки людей, вооруженных — смешно сказать! — копеечными пластмассовыми ножами. «Не ожидали атаки!» — говорят. Но когда взрывали жилые дома в России, они в шок не впадали. А когда им пробовали объяснить при этом, что «колокол» звонит и по ним тоже, лишь двусмысленно улыбались. Помнится, еще в апреле 1997 года мне в составе группы из десяти генералов и одного маршала довелось принять участие в семинаре, проходившем в Брюсселе, в штаб-квартире НАТО. Боже, как высокомерно объясняли нашей делегации натовские спецы и то, сколь скромно России надо себя вести в сегодняшних условиях, и насколько почтительно полагается относиться к «бойцам Чеченской Освободительной Армии»! Пришлось от лица российской делегации попытаться вернуть наших наставников к сегодняшним реалиям. Слушали с мягкой, снисходительной улыбкой на устах. Генералы, как известно, всегда готовятся к предыдущей войне. И натовские, отдадим им должное, к ней, вчерашней, готовы поистине блестяще. В то время как на планете нашей уже вовсю идет война совсем иная, война XXI века (хотя и началась она в веке XX)! Об этом я, помнится, и попробовал повести разговор в своем нервном монологе. О чем шла речь? О том, что натовские генералы последние десятилетия были заняты сколачиванием все более мощных военных блоков, превращением границ во все более неприступные крепости, накапливанием танковых, авиационных и морских армад, разработкой все более разрушительных или

коварных видов оружия и накапливанием его арсеналов в разных точках земного шара… Увы, все это являлось убедительным аргументом в войнах вчерашней и позавчерашней (которые, безусловно, далеко не везде закончились). «Но Третья мировая война, которая уже началась и набирает обороты, — вещал я, — ни на какую из прошлых войн совершенно не похожа! Для нее теряют смысл танковые дивизии и флотилии дредноутов. И государственные границы становятся для нее понятием эфемерным, и даже мощь военно-промышленного комплекса перестает быть решающим фактором. А вы к ней, господа, настолько не готовы, что даже не заметили, что она уже началась и вот-вот выплеснется из Карабаха, Чечни, Афганистана (и в других разогреваемых вами же «горячих точках») на мировые просторы. И убогость нашего с вами воображения может сегодня обойтись человечеству куда дороже, чем она обходилась в ходе Второй мировой! Нынешняя война ведется самыми «рентабельными» — террористическими — методами! У нее нет ни фронтов, ни тыла, и у нее вся планета — театр военных действий, а все человечество — ее заложники…»

Слушавшие это натовские спецы вежливо и снисходительно улыбались. До авиационной атаки на здания Международного торгового центра и Пентагона оставалось 4 года, 5 месяцев и 5 дней. И все эти годы, месяцы и дни ушли на активное наращивание новых полчищ танков и кораблей, на укрепление всяких Шенгенских и иных зон, на подготовку войны в космосе. О запрете ввоза пластмассовых ножей на территорию США ни один пламенный трибун в конгрессе вопроса не поставил! Шутка. Но, думается, настало время о сегодняшней ситуации на планете поразмышлять всерьез.

Впрочем, и нам самим пора критически переосмыслить свой во многом горький исторический опыт. Тем более что Третья мировая началась отнюдь не в Америке 11 сентября 2001 года и даже не 14 июня 1995 года в Буденновске. Воистину у того народа нет будущего, который забывает свое прошлое. Думается, если мы хотим получить ответ на сакраментальный вопрос «Что с нами происходит?», нам необходимо заглянуть в свое прошлое чуть поглубже.

Нынешняя террористическая война как-то слишком уж бесструктурна и обезличена, чтобы более-менее отчетливо осознать, кто же именно и за что же именно в ней воюет. Чтобы утвердить ислам во всем мире? Столь идеологизированные мотивы вызывают в памяти разве что мифы о причинах некоторых средневековых походов. Например, о тех, что совершали рыцари Круглого стола (очень, ну просто позарез! нужно было им

отыскать Святой Грааль!), или тех, согласно которым крестоносцы отвоевывали у арабов Ближний Восток для того, чтобы полюбоваться на Гроб Господень. Ну а если не ходить за примерами столь далеко, то можно напомнить официально провозглашаемые причины готовящегося крестового похода США на Ирак. Их там, видите ли, тоже не нефть интересует, а исключительно борьба за высшую справедливость и спокойный сон малышей во всем мире!

За мировыми войнами, какими бы методами они ни велись, всегда стоят реальные прагматические интересы каких-то государств или групп государств, а не благородные фантазии Рыцарей печального или еще какого-нибудь образа. Не думаю, что, когда человечество наконец опомнится и сумеет разобраться в движущих силах разворачивающейся на наших глазах столь необычной, столь демонизированной Третьей мировой, эта формула окажется опровергнутой. Идеологический туман нынешней войны столь густ, методы ее ведения столь старательно маскируют и истинных ее организаторов, и истинные ее цели, а денег у них для подкупа четвертых, пятых и каких угодно еще «колонн» во всех странах мира такая пропасть, что быстро человечеству из состояния глубокой ошарашенности не выкарабкаться (если современные виды оружия вообще позволят успеть это сделать).

И вот для прояснения того, что привело мир еще к одной мировой войне и в чьих интересах она столь яростно разжигается, очень полезно было бы обозреть и осмыслить ее начальные этапы, когда туман был еще не столь густ, направление главных атак и их истинные цели не столь тщательно замаскированы, а все разрастающийся список стран, делегирующих отряды террористов на фронты Третьей мировой, не разрастался еще столь стремительно и бессистемно.

Право слово, не требуется сверхчеловеческих интеллектуальных усилий, чтобы понять, кем, где и во имя чего в наше время был взят терроризм в качестве основного стратегического оружия. Но не дай Бог нам при этом начать путать причины с поводами. Эпоха мировых войн началась, как вы помните, с мелкого факта убийства никому не нужного австрийского эрцгерцога в Сараеве, совершенного в знак протеста против оккупации Сербии Австро-Венгрией. Ясное дело, не несколько пуль из студенческого револьвера вызвали цунами войн, революций, террора и прочих бед, прокатившихся по миру вслед за столь незначительным событием.

Эпоха нынешней мировой войны началась, как мне кажется, с события менее шумного и совершенно бескровного. С визита

группки армянских интеллигентов, ведомых Сильвой Капутикян и Зорием Балаяном, в кабинет Горбачева. Они всего-навсего попробовали объяснить главе государства очевидную вещь — то, что Карабах имеет конституционное право воссоединиться со своей исторической родиной. Какая цепочка событий последовала за этим мирным визитом, хорошо известно.

Но не преувеличиваю ли я роль карабахских событий в мировой истории (а тем самым и скромное участие нашего «Карабаха» в ней)? Что поделаешь, если волею судьбы КРИК в 1991 году оказался в той географической точке, где зарождались политические ураганы, формировавшие погоду планеты на многие годы вперед! Мы-то об этом не догадывались, как, наверное, и сами Сильва с Зорием, хотевшие лишь попытаться восстановить элементарную справедливость на крохотном кусочке планеты, являвшемся их родиной.

Мы, думается, ничего не поймем в современной истории, если происшедшее в Сумгаите, Баку и Карабахе начнем подгонять под стандартные формулы, вроде той, что любые попытки территориальных переделов ведут к большой крови и т. д. Разве, отдавая Карабах, Нахичеван и Зангезур азерам, Сталин не занимался «переделом»? А когда он же дарил часть исконно казачьих земель Казахстану? Или когда он же спьяну или сдуру подарил литовцам целый Мемельский район (часть российской Калининградской области), за счет чего территория республики оказалась в полтора раза больше ее территории времен «независимости»? А когда Хрущев счел возможным подарить Украине российский Крым со славой русского оружия — Севастополем?.. Стало быть, «передел»-не обязательно война, и не просто о «попытках изменения границ» речь приходится вести, говоря о причинах «карабахского кризиса», а о чем-то несопоставимо большем! О чем же?

Дело в том, что, не выходя за пределы границ СССР, мы не сможем правильно оценить суть и движущие силы «азербайджано-армянского конфликта». Наверное, сегодня кому-то увязывание с этим конфликтом закордонных сил может показаться «притягиванием за уши». К тому же вроде бы и сам конфликт сегодня уже утратил свою трагическую остроту. А побыстрее забыть о смертях и разрушениях так хочется!.. Что ж, заснувшие на посту не всегда просыпаются на гауптвахте, порой они, так и не проснувшись, оказываются в морге.

Третья мировая, разгоравшаяся вполне открыто уже в конце 80-х во имя очередного радикального передела мира (в связи с распадом СССР и всего «лагеря социализма»), в начале 90-х внешне поутихла, изменила формы на более скрытные и

коварные, но ни на миг не прекращалась, не становилась менее кровавой и опасной для человечества. Но правильно разобраться в целях и движущих силах ее, не соединив в анализе первый (более открытый и циничный) ее этап с нынешним (опирающимся на диверсии и террор) просто невозможно. И хотя бы поэтому необходимо вновь и вновь возвращаться к трагедии и подвигу Карабаха.

И когда преодолеваешь в себе благодушие, навеянное «почти мирной» ситуацией на этом кусочке планеты, и начинаешь заново осмысливать причины, побудившие хотя бы и тех же членов КРИКа схватиться: кого — за перо, а кое-кого (Кирилла Алексеевского, например) — даже и за автомат, становится страшно — настолько близко Россия подходила тогда к черте, за которой начинается распад государства и общества. Мы, впав в экстаз псевдодемократических иллюзий, этого не осознавали. Турки же, столетия не спускавшие глаз с того, что происходит у северного соседа, и терпеливо дожидавшиеся своего часа, быстро поняли: или сейчас, или никогда! И тотчас, как кролик из шляпы фокусника, была извлечена подзабытая, казалось, идея «Великого Турана». В печати замелькали карты уже как бы выходящей на мировую арену новой сверхдержавы, объединившей все «тюркоязычные» регионы планеты.

Ярким коричневым (снова коричневым!) цветом на этих картах, кроме самой Турции, окрашены территории Крыма, Северного Кавказа, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, Казахстана, Якутии, огромного куска Сибири с обозначением «сибирские татары»… Комментаторы плюс к тому многозначительно напоминали, что тюркские народы составляют значительную часть населения и многих других регионов, якобы ложно считающихся русскими. Таких, как Тюменская, Кемеровская, Челябинская, Оренбургская, Саратовская, Астраханская области, как Алтайский край и т. д. Россия же на карте без этих позеленевших территорий стала напоминать хорошо выдержанный сыр, у которого дыр куда больше, чем сыра.

Так что у горячих идеологов пантюркизма — Джангужина и Мурсалиева, воспевавших Большой Туран как супергосударство, которое из огня начавшегося передела мира очень скоро возродится, подобно Фениксу, и «во многом будет определять будущее политического и экономического пространства не только в Евразии, но и в мире», — были основания проявлять пренебрежение к России, которая неизбежно вольется в Большой Туран и безболезненно в нем раствориться! Впрочем, не все «большие туранцы» были столь снисходительны к своей извечной «поработительнице». Вот как прогнозировал будущее русского

народа один из деятелей Народного фронта Азербайджана Гамид Херищи: «Они (русские. — А. Н.) сотворили ад из наших земель. Предприятия плохие, условия вредные. А посмотрите на заводы в Иванове: чистота, порядок, путевки профсоюзные на отдых, женщины в халатиках. На нашей шее сидят, на узбекском хлопке работают. Но однажды мы возьмем их за горло: «Что, хорошую жизнь себе устроили?..»

О взбесившихся шовинистах-одиночках речь идет? Если бы! «Все чаще в нашей печати мелькают сегодня (т. е. в 1990–1991 годах, годах, которым как раз и посвящена книга Виктора Кривопускова! — А. Н.) такие вот заглавия и фразы: «Узбекистан просит Турцию представлять его интересы за рубежом», «Чем обернется бездействие Москвы (к югу от российских границ создается «новый Ливан»)», «Новый геополитический блок на Кавказе? (азербайджано-чеченское согласие как «двигатель» панкавказской идеи)», «Грядет исламский передел»… В последней статье читаем: «Не исключается и возможность создания панисламского (вероятно, теократического) супергосударства — Великий Туран». Такие суждения высказывались, в частности, на Ассамблее тюркских народов (декабрь 1991, Алма-Ата), а также на курултае мусульман Средней Азии и Казахстана (февраль 1992 г. — Ташкент)…» (Нуйкин А. Плюс исламизация всей страны? — Собеседник. 1992. № 38).

Вот вам и «взбесившиеся одиночки»! Нет, все было куда более серьезно. Достаточно вспомнить заявления тогдашнего премьер-министра Турции, демонстративно подтянувшей свои (натовские!) дивизии к бывшим нашим границам — «для помощи своим северным братьям»: «Турция готова взять на себя политическую ответственность за положение дел в регионе от Адриатического моря до границ с Китаем» (Известия. 1992. 17 июля.)

Обнаглели наши бывшие соперники? Забыли, как их учили скромности три наших графа: Миних, Румянцев и Суворов (не случайно один из них к титулу прибавил звание Задунайского, а другой — Рымникского!), один «Светлейший» князь — Кутузов и два «простых» флотоводца: Ушаков с Нахимовым?

Такие уроки не забываются, да вот беда — даже если и были бы у России в начале 90-х годов столь гениальные полководцы, где бы они взяли достойную их славы армию? Вот как пришлось мне горько иронизировать в одной из статей цикла «Нужна ли России общенациональная идея?» (Вечерняя Москва. 1997.26 марта.№№ 1,5, 15, 19.) в связи с обострившейся тогда угрозой Великой России со стороны кучки афганских талибов: «От афганской границы до Волги Россия располагает лишь двумя

относительно боеспособными дивизиями… Правда, на этом пространстве наступающим талибам могут встретиться несколько десятков бетонных и кирпичных генеральских дач, но на скорость продвижения они повлияют мало. Военные эксперты всерьез утверждают, что при развитии событий в таком направлении остановить талибов можно будет только с помощью ядерного оружия»…

Слава Богу, до этого не дошло — талибы отвоевывать у Москвы Казанское и Астраханское ханства не захотели, но ведь Турция-то, до зубов вооруженная и профинансированная НАТО, явно была не прочь это сделать, чтобы взять, наконец, реванш за обиды, учиненные нашими Минихами и Ушаковыми. А использовав против НАТО ядерное оружие, удовольствия от окончательной победы над старым соперником испытать не успеешь! Впрочем, к странам НАТО это тоже относится в полной мере.

Что же спасло Россию с ее «двумя относительно боеспособными дивизиями» при наличии огромного количества очень прочных генеральских дач? Помните, с каким нетерпением в ходе Второй мировой генералы Японии и Турции ожидали падения Сталинграда? Только после этого знакового события их армады должны были ринуться на истекающую кровью Россию! Не вышло. Устоял Сталинград, хотя… Что там осталось от Сталинграда в итоге этого подвига? Кучки обгоревших кирпичей и земля, на два метра пропитанная кровью.

В начале 90-х до открытия сразу нескольких фронтов против России тоже дело не дошло. И снова благодаря тому, что враги ее споткнулись о неприступную крепость на своем пути. Вспомните, какие российские регионы, подлежащие их «защите» и покровительству, перечислял турецкий премьер? Почти все, что лежат между Крымом и Камчаткой! И явно ведь готовы были турецкие армады ринуться по «тропам Чингисхана». Землю копытом рыли от нетерпения-когда же, наконец… Ну а что им помешало, обо что они споткнулись? Какого знакового события не дождались?

А как упорно, даже нагло добивались «стратегические союзники» Турции — американцы, чтобы передали армяне Азербайджану крохотный клочок своей земли в Мегрийском районе Зангезура? Даже значительную часть Карабаха обещали признать армянской территорией взамен! Блокаду снять сулили и вечную дружбу с Турцией! Не захотели ни Армения, ни Кара

бах клюнуть на эту отравленную приманку, ибо знали: не просто последнюю форточку во внешний мир хотят им захлопнуть, отрезав от границ с Ираном, но и так изменить всю

геополитическую ситуацию в Закавказье, что России уж точно не до защиты армян стало бы. Дай Бог самой до объемов Московского княжества не съежиться!

Реализуйся план Гобла — и не просто Турция с Азербайджаном соединились бы территориально, но и ко всем среднеазиатским тюркоязычным республикам, ко всем поволжским тюркоязычным регионам, ко всем тюркоязычным зауральским регионам (по Якутию включительно) получила бы она прямой выход! И вряд ли случайно на всех этих пространствах у тюркоязычных народов от панисламистских, пантюркистских, большетуранских идей головы в те годы вдруг дружно закружились. Вряд ли случайно то один из них, то другой вдруг от русского алфавита отрекаться начали (а это ведь означает выведение из культурного оборота почти всех накопленных до того письменных богатств!), русских чиновников от должностей отстранять заторопились, а простых работяг — за пределы автономий выдавливать. Кстати сказать, процесс этот до сих пор втихую, но успешно (не для русских людей, конечно) продолжается.

Кто же и каким образом «сбил дыхание» этому стремительно набиравшему силу процессу? Смею утверждать: именно Нагорный Карабах! Он встал непреодолимым Сталинградом на пути магистрального стратегически значимого наступления «больших туранцев», сорвал турецкий блицкриг, их давно ожидаемый «дранг нах норд-остен». Ведь сдайся этот форпост — и вряд ли Армения сохранила бы дух и силы для дальнейшего сопротивления слишком превосходящим армадам противника (в том числе и по поводу Мегрийского коридора). Сдайся Армения (Азербайджану, Турции, НАТО, Соединенным Штатам) — и считайте, что все Закавказье для России навсегда оказалось бы потерянным. Уйди Россия из Закавказья — и Северного Кавказа ей не удержать. А дальше экспансия тотчас устремилась бы по Волге, за Урал, на Алтай, к северным тюркским народам… Ну а что случилось бы в Средней Азии, весьма определенно просматривалось на вышеупомянутых ассамблеях и курултаях.

Не позволила бы Россия? Это с двумя-то «относительно боеспособными дивизиями» и вконец разложившейся при разворовывании «социалистической собственности» правящей элитой? Вспомним, как безропотно позволила Россия в итоге Беловежского сговора партийных бонз украсть у нее и Крым, и Приднестровье, и Абхазию, и многие другие российские территории, переданные когда-то в порядке загадочной щедрости всего лишь в «административное (!) управление» Украине, Казахстану, Литве… Вполне вероятно, что и с аннексией всех ее

тюркоязычных территорий впавшая в прострацию, утратившая полноценных лидеров и национальную идею Россия примирилась бы столь же безропотно.

Вспомните, как в «Дневнике» Виктора Кривопускова рассказывается о поведении высших московских чиновников? Как, например, «тянул резину» Горбачев с подписанием указа о предоставлении Карабаху автономии… До тех пор тянул, пока его вроде бы вынудили отказаться от уже принятого решения! Как рисуемый автором вообще-то с полной симпатией вице-президент Янаев, имея (пусть и временно) всю полноту власти в стране, «вдруг» изменил повестку заседания Совета безопасности, исключив из нее вопрос о Карабахе, жизненную важность и неотложность которого вроде бы так хорошо понимал. То есть и этот (последний!) шанс повлиять на ход исторических событий оказался упущенным!

В том, думается, и объяснение стремительности краха СССР, что высшее руководство страны не осознавало стратегической значимости вопроса. Для этих людей Карабах был лишь одним из многих регионов, мешавшим им жить спокойно и руководить по старинке, регионом, в котором желательно любой ценой поскорее «навести порядок», «снять напряжение», отыскать пресловутый «консенсус»…

Так что у меня почти нет сомнений: прояви карабахцы послушание власти — не получилось бы никакого консенсуса, утопили бы Карабах в крови, да еще и с помощью российских солдат! А Турция слилась бы в единую территорию с Азербайджаном! Ну а далее — прямой путь через Каспийское море и вверх по Волге на слияние со всеми тюркоязычными своими единоверцами, для объединения в нечто огромное и грозное — в этот самый Великий Туран! Но чего ради пошли бы на это бывшие секретари ЦК союзных республик, ставшие неожиданно для них самих президентами и шейхами независимых государств? Они бы, конечно, посопротивлялись, но… А для чего и создавались экстремистские исламские организации, для чего тренировали в горных лагерях по всему российскому «мягкому подбрюшью» тысячи боевиков? Вожди из бывших партработников получились… так себе. «Независимые государства» — не очень жизнеспособные. Нет, не устоять им было против напора Великого Турана! И все уже готово было покатиться по этим хорошо продуманным маршрутам с хорошо от-финансированными программами, если бы…

Тут проницательный читатель, надо полагать, недоуменно поднимет брови и спросит: «А зачем, собственно говоря, в послесловии к событиям, проходившим в Азербайджане в 1990-

91 годах, вы, господин Нуйкин, с таким пафосом обрушиваетесь на не имеющих к тем событиям никакого отношения чеченских борцов за свободу? Где имение, а где наводнение? Да и по поводу былых, давно забытых фантазий пантюркистов стоит ли сегодня столь горячиться? Все это, господин Нуйкин, научно выражаясь, сплошной плюсквамперфект! А Турция — страна светская, член цивилизованного европейско-американского альянса, а не лидер исламского экстремизма, как у вас невольно получается. Так что…»

Что ж, давайте разбираться. Между событиями, происходившими в Сумгаите — Баку — Карабахе, и теми, что развернулись в Чечне, какой-то временной зазор вроде бы есть. Но, увы, явно недостаточный, чтобы ярко вспыхнувшие в чьих-то головах мечты о непобедимом Туране успели вдруг почему-то враз выветриться. А шумная пропаганда этих мечтаний оборвалась как-то уж слишком резко — словно по команде тех, кто решил: об этом пока помолчим, испробуем другую стратегию! Дудаева тоже вряд ли стоит рассматривать как агента турецкой разведки. Чеченские сепаратисты (поначалу их еще можно было так называть), надо полагать, вполне самостоятельно решили воспользоваться благоприятным моментом, но очень быстро в Анкаре поняли, что в их лице появился редкостный союзник в деле полного развала России, без чего, как они поняли, мечтам о Туране будет не суждено осуществиться.

— Да, но турецкие мечтания для гордых вайнахов — не закон! Волк на их знаменах — зверь одинокий и очень гордый, ни в чью клетку поселяться не согласный!

Так-то оно так, но на пантюркистском флаге, по моим представлениям, кроме волчьей пасти должен быть изображен еще и лисий хвост. А такой коктейль покрепче будет! Когда есть возможность, турки предпочитают воевать чужими руками. В том числе и руками очень гордых и очень независимых волков. С 1328 по 1826 гг. главной ударной силой в их армии были янычары, только постоянная часть этого войска состояла из 40 000 клинков! А помните, в чьи руки вкладывались эти клинки? В руки детей завоеванных стран (прежде всего — христианских).

Турки в союзе с азербайджанцами («кавказскими татарами» до сталинского переименования), как нам все время внушают, воюют сами по себе, а чеченцы сами по себе? В 1996 году я попробовал сделать из опубликованных в газетах статей небольшую выборку. Приведу некоторые фрагменты. «На аэродром Кала неподалеку от Баку каждый день садятся тяжелые военно-транспортные самолеты из Турции и Пакистана с «мусульманской помощью»: оружием, медикаментами,

консервами… «Товар» перекладывается в грузовики с азербайджанскими военными номерами и по трассе Баку — Ростов беспрепятственно выезжает в приграничный Кусарский район. Оттуда подкупом или горными тропами (известно 14 таких троп) отправляется в Гудермес или Грозный. Второй маршрут: Баку — Шеки — Закаталы. Далее на повозках через дагестанское высокогорье в Ножай-Юрт и Ведено. Третий — по воде через дагестанские порты Каспийск, Махачкала»…

«Есть под Баку аэродром в районе Насосной. Сюда поступает военная техника и оборудование, в том числе самолеты и вертолеты советского производства. Дудаевцы имеют свободный доступ на авиабазу. На аэродроме в Забрате-2 базируются несколько вертолетов МИ-8 без опознавательных знаков. Эти вертолеты также используются для переброски оружия и боевиков. Используются и транспортные самолеты Ан-24 и Ан-26, которые через неконтролируемые коридоры на небольшой высоте из Азербайджана через территорию Дагестана пролетают в Чечню»…

«С весны 1995 года действует воздушный мост из Северного (турецкого) Кипра и Турции в Чечню»…

«Абхазский путь» — морем из Турции в Сухуми, затем до вертолетной площадки на Новом Афоне. С нее по воздуху над территорией Кабардино-Балкарии к Джайрахскому ущелью»…

«Первые чеченские боевики отправились постигать воинско-диверсионную премудрость в Турцию в марте 1991 года (50 человек, среди них и Шамиль Басаев)… Дудаевские боевики готовились и готовятся в Пакистане при финансовой поддерж

ке Саудовской Аравии. В крупном учебном центре возле поселка Гюздек (Азербайджан) этой зимой по программе спецназа проходило обучение порядка двух тысяч человек. Большая часть из них участвовала в недавних событиях в Грозном Частым гостем в лагере был Шамиль Басаев»…

«Финансирование курдских и других формирующихся в Азербайджане отрядов производится непосредственно в Баку. Бойцы этих отрядов имеют неплохие премиальные: 200 долларов за одного убитого русского солдата, 1000 долларов — за офицера»…

«Специалисты утверждают, что Баку и Грозный — крупнейшие в кавказском регионе перевалочные пункты наркобизнеса. По проторенным тропам обратно в Азербайджан перемещаются группы дудаевцев — на отдых и лечение»…

«В Азербайджане дудаевцы пользуются в больницах Гянджи, Тауза, Акстафы, Джалилабада. Для поправки здоровья подключены и крымские здравницы»… «Представители чеченской

диаспоры в Северной Америке и Иордании в многочисленных интервью подчеркивают, что без содействия Турции сопротивление дудаевцев было бы давно сломлено»… (Нуйкин. А. С кем мы воюем в Чечне? Наш выбор. 1996.27 апреля-3 мая).

Хватит? Или еще добавить цифр и адресов? Адреса эти поразительно перекликаются с теми, которые фигурируют сегодня в сводках с фронтов Третьей мировой войны! Да и даты не очень расходятся с теми, что упоминаются в дневниках Виктора Кри-вопускова. А вы говорите: где имение, а где наводнение?

Плюсквамперфект? Вот факты с пылу с жару, фигурировавшие в комментариях к московской вылазке международных террористов: «Представительства «Республики Ичкерии» открыто работают в Турции (Стамбул и Анкара)… На деньги, полученные от преступных группировок, продающих афганский героин в Польше, Прибалтике, Венгрии и Чехии, закупается современное оружие, которое потом отправляется через Турцию в Грузию и далее в Чечню… В Турции у чеченских сепаратистов еще в июне появились противовоздушные ракеты «Стингер» и американские штурмовые винтовки М-16»…

Но зато (внимание!): «После кровавых событий в Москве был закрыт всего лишь один чеченский «культурный центр» — в Азербайджане — по личному указанию Гейдара Алиева» (АИФ. 2002. № 44). Не ожидали? И правильно делали. В «Коммерсанте» на другой день последовало опровержение: «Представительство Чечни в Азербайджане продолжает нормально (?!) функционировать» 2002.28 октября.

Вот вам и «светская» Турция, вот вам и «присмиревший» ее младший брат, мирно торгующий турецкими помидорами на всех базарах Москвы!

— Но разве только они помогают террористам? Десятки стран это делают! Притом кроме истово исламских (Саудовская Аравия, Арабские Эмираты и Пакистан) и истово христианские: прибалтийские республики, Польша, Грузия, Украина, Дания вон отличилась, Голландия, Англия… Да и в США еще чертова прорва организаций, собирающих огромные суммы на стингеры и взрывчатку для террористов «Свободной Ичкерии». Чего же вы все грехи только на Турцию с Азербайджаном сваливаете? Терроризм, как недавно умные люди определили, «национального лица не имеет». Он сегодня ни к какой конкретной стране не привязан, он…

— Очень удобный для организаторов Третьей мировой войны тезис! Воюйте, господа, предлагают нам, — с неким чисто идеологическим фантомом, если сумеете его отловить сачком для

бабочек. Враг ваш везде и нигде, он есть, но его как бы и нет, он с эфиром перелетает через границы и может прятаться под любой кроватью. Чрезвычайно хочется идеологам этой мировой войны, чтобы мы на собственную кровать ложиться боялись и от каждого брюнета шарахались!

Нет уж, господа, увольте! Я материалист и в козни нечистой силы, привидения и прочие фантомы не верю. Коммунисты тоже ведь не столь давно чуть было не завоевали мир, задурманивая головы болтовней о свободе, равенстве, братстве и «диктатуре пролетариата». Но вряд ли эта болтовня взорвала бы мир, если бы к ней не добавлялись немереные деньги, кучи оружия и экономическая мощь огромной державы!

А немецкие фашисты? Уж не ради ли только их звучных лозунгов и маршей столь преданными их союзниками стали Япония, Италия и та же наша неугомонная Турция? У каждой из них, разумеется, были свои особые идеологические завихрения (способствующие оболваниванию только их населения), но главное — у каждой были свои особые геополитические цели, свой особый (весьма материальный!) интерес.

Большая война требует большого психоза. Мировая война требует психоза планетарного размаха. Поэтому перед каждым масштабным переделом мира из таинственных глубин космоса на мозги народов снисходит какая-нибудь очень важная для людей, очень возбуждающая их идеологическая пандемия. И тут неважно, где именно обещают разместить рай очередной популяции доверчивых гуманоидов! Коммунисты обещали рай на земле, радикальные исламисты обещают его на небе. Главное — чтобы рай был столь красивый и влекущий, что ради его обретения не жалко было перерезать горло любому количеству женщин, стариков и детей. Удастся придумать такой — считайте, полдела уже сделано, и разжечь глобальную резню — задача чисто технического свойства. И к сотворенному фантому сразу потянутся кучи «единомышленников» и союзников. Тут уж не всегда разберешь, кто коренник, а кто — пристяжная. А докапываться до этого надо, чтобы помешать мистифицированию и демонизации побудительных мотивов к всемирной резне. Исходные-то мотивы почти всегда откровенно прагматичны и труднее всего поддаются возвышенной поэтизации, что мы и видим, когда начинаем докапываться до корней и истоков нынешней террористической войны.

Задайте себе простой вопрос: а во имя чего, собственно говоря, уже столько лет гибнут тысячи ни в чем не повинных людей, взрываются дома, вскипает ненависть? Какие цели адекватны угрозе разжечь термоядерный армагедон? Чтобы

прославить величие аллаха и наказать всех, кто в него смеет не верить? Смешно. И грустно.

Но чтобы стало просто грустно, а не смешно, давайте прикинем: на какой именно территории, на каких конкретно землях надлежит раскинуться во славу аллаха Всемирному халифату или Великому Турану? На объединенной территории перечисленных выше европейских болельщиков за чеченских убийц: прибалтийских республик, Польши, Дании, Голландии? А может, их странная «влюбленность» в террористов — не что иное, как проявление Стокгольмского синдрома? Если так, то многие несуразности в поведении Европы становятся медицински объяснимыми. Если вхождение этих стран в Халифат и планируется, то наверняка только в качестве послушных вассалов. Население этих стран, конечно, о подобном не очень мечтает, но ведь и под властью фашистской Германии они оказаться не мечтали! Однако пришлось. Ну а на каких исламских территориях можно разместить в таком случае сам по себе Халифат?

Может быть, на просторах Саудовской Аравии, где, как только высосут нефть, ничего, кроме песка, не останется? В Арабских Эмиратах? Но они мало чем в этом смысле отличаются. На земле Турции? Но зачем тогда развязывать мировую войну? Хочется — стройте себе на здоровье хоть Туран, хоть Халифат — никто худого слова сказать будет не вправе. Так что вполне при таком варианте можно обойтись без всемирной резни. Значит, какие-то другие страны собираются в Халифат загонять? Какие, интересно? Похоже, не избежать нам того, чтобы вглядеться еще раз в карту Великого Турана. Видите коричневый цвет, разлившийся от Албании до Камчатки? Вот оно — гипотетическое пространство Великого исламского халифата! Для «Великого», право слово, больше нигде на планете подходящего места просто не осталось! А уж к этому, действительно Великому пространству — после! — можно присоединять кого угодно. Хотя бы и какую-нибудь Латвию или Данию. Эти нигде погоды не сделают, а сильному всегда подпоют. Поглядите, как поджала сегодня хвост наша гордая Европа! Одного террорис-тика боятся выдать правосудию, вопреки всем своим гимнам во славу Диктатуры Закона. Из высоких гуманистических принципов? Увы! Из элементарного животного страха перед террористами. Перед наступающим Исламским халифатом и его беспощадными янычарами.

А насчет турецкой «светскости» и преданности западным ценностям… Как только тень Большого Турана напутает вслед за Европой еще и США (а мы видели, как быстро и дружно там

умеют пугаться) — в Турции произойдет то, что произошло не столь уж давно в Иране. Тоже ведь очень проамериканская и почти светская была страна.

У Турции тоже все для этого заготовлено — религиозные фанатики декоративно «не у власти», но сочувствующих им при этом в стране большинство. Дадут армии приказ — не мешать волеизъявлению народа, и всё! «Демократия» восторжествует! Пока это не требуется, пока это не выгодно — очень уж щедро выделяют Турции из натовских закромов субсидии и оружие, оказывая во всех начинаниях мощную политическую поддержку. Что-что, а доить соседей и союзников Турция всегда умела превосходно. Вспомним, какие щедрые дары отвалили ей большевики, вообразившие по исторической своей безграмотности, что обретают в ней верного союзника в революционном преображении угнетенных народов Востока. Вот хохоту-то было по всему Востоку! Нет у Турции ни вечных друзей, ни вечных врагов. Есть только вечные интересы и мечта создать Великую пантюркистскую империю с государственным флагом, где золотом были бы вышиты волчья пасть и лисий хвост. И не важно, как эта империя будет называться — Исламским ли халифатом, Большим ли Тураном, Великим ли Туркестаном или как-нибудь иначе…

Хотите верьте, хотите нет, но эти абзацы я написал ровно за день до того, как из Турции пришло сообщение о полной победе на парламентских выборах партии радикальных исламистов. Впрочем, этого факта пока пугаться не обязательно. И сегодня еще не пришло для Турции время разрубать «дружбу на вечные времена» с США и НАТО, заявляя претензии на особые, отдельные от них геостратегические замыслы. Экономика еще подводит, в финансовой подпитке нужда еще слишком велика. Еще не время кусать грудь кормилицы. Да и ужас от исламистского террора еще не дошел у «прогнившего Запада» до пяток. Но дело к тому идет, можно и подождать.

И если пантюркистам не удалось на первой волне хаотичного развала СССР вычленить из него необъятные просторы Великого Турана, то беру на себя смелость утверждать: только потому, что, подобно грекам в Фермопильском ущелье или русским под Сталинградом, на их пути насмерть встали воины Карабаха. Встали и выстояли — при дикой диспропорции сил, при невосполнимых потерях и предельном перенапряжении сил. Захлебнулась первая (прямая еще, неприкрытая еще!) атака новых претендентов на завоевание мира. Заблокирован прорыв на немереные просторы слабо заселенной и почти беззащитной, как казалось пантюркистам, России. Сбили исламистам дыхание в

самом первом раунде Третьей мировой войны. Пришлось выбрасывать на ринг полотенце, чтобы, отдышавшись и сделав примочки на разбитый нос, устремиться к заветной цели другими — более окольными! — маршрутами. Но эти события уже выходят за пределы заметок Виктора Криво-пускова, к разговору о которых мы имеем удовольствие вернуться.

Момент истины

Особая ценность «Дневника» Виктора Кривопускова в том и состоит, что он не сочинялся задним числом с корректировкой фактов и оценок в соответствии с последующим ходом истории, а фиксировал происходящее и отношение к нему непосредственно в момент, когда события происходили. И эта документальность особую цену имеет именно по отношению к первому (подпольному) этапу борьбы карабахского народа за свою независимость. Подпольщики не любят доверять свои тайны ни лишним свидетелям, ни бумаге, сильно затрудняя тем задачи будущим историкам. Спустя десятилетия, когда интерес к судьбоносным событиям вспыхивает с особой силой, число непосредственных их участников обычно печально сокращается, зато число тех, кому хочется «распушить усы» на фоне героических реликвий прошлого, возрастает катастрофически.

Так обычно и оказывается, что бревно Ленину помогали нести на субботнике чуть ли не сотни энтузиастов бесплатного труда. Музейные же работники, как всегда, терпеливо выжидают, когда же, наконец, поумирают реальные участники событий, чтобы после этого начать преодолевать гигантские трудности в отыскании свидетельств героического прошлого, множа слухи, мифы и лжесвидетельства.

Дневниковые записи русского офицера, конечно, не в состоянии дать исчерпывающей картины самого драматического периода в истории Карабаха. Руководители подполья, естественно, не обременяли его излишней информацией обо всех членах, структуре и связях своих организаций. Даже сегодня Жанна Галстян, как вы видели, убеждена, что время рассказывать всю правду о тех событиях еще не настало. Ну а когда такие времена настают, то обычно или рассказывать эту самую «всю правду» уже некому, или подтвердить, что «вся правда» — это именно правда, уже нечем. Так мифы становятся историей, а правда — сомнительными байками уходящей натуры.

Хорошо, что автору этой книги удалось пробиться сквозь немоту карабахского лихолетья и оставить пусть немногие, но

достоверные и честные свидетельства о том, возле каких именно сел, какими омоновцами, какими способами, при попустительстве каких советских должностных лиц и под чьим патронажем со стороны азербайджанских властей начиналась на нашей планете Третья мировая война.

Более того, время и место описываемых событий, а также их экстремальный характер позволили зафиксировать зарождение многих других исторических процессов, чуть позже обретших стремительный как разрушительный, так и созидательный характер.

В Карабахе Виктор Кривопусков провел около года. На фоне его достаточно насыщенной событиями, сменой должностей, командировками в бесконечные «горячие точки» в «горячие времена» (Южный Йемен, Южная Осетия, Абхазия, Душанбе…) жизни пребывание в Карабахе, казалось бы, представляет собой лишь недолгий эпизод, но посмотрите, сколь значимым этот «эпизод» стал в его жизни! Прилетает в Карабах 15 октября 1990 года, одним человеком (мирный, во многом наивный государственный служащий, комсомольский аппаратчик, гордящийся связями с другими аппаратчиками, более преуспевшими по службе, дисциплинированный, послушный приказам офицер), а улетает оппозиционером, почти бунтовщиком, ведущим какую-то полуподпольную борьбу с теми, кому ранее безропотно подчинялся, сочувствующим и активно помогающим чуть ли не «врагам государства» и народа.

Такое уж это тогда было место, такие уж на этом месте происходили события, и такое уж тогда началось время! Время, когда все вторичное, показное, случайное обсыпалось, и подлинная цена каждого становилась видной всем. Наступил, как говорится, «момент истины»!

А истина оказывается порой и неприятной, и обременительной, требуя принятия нелегких, порой — опасных решений. Отнюдь не всегда ведь приходится выбирать только между плохим и хорошим, бывает, что и между плохим и кошмарным. И именно в этом случае ошибки в выборе особенно дорого обходятся обществу, людям… Помните капитана Маврена Григоряна? Сколько этот человек спас людей от смерти или хотя бы крупных неприятностей! Хорошо еще, что кто-то из спасенных не пустил ему пули в затылок, поскольку подпольщику этому, прямо как в приключенческом фильме, приходилось по поручению организации играть роль вражеского приспешника.

Да и российским офицерам (вместе с автором) не просто было совмещать служебный долг с велениями совести. Увы, не

всегда между ними была возможность достигнуть гармонии. Армейская дисциплина ведь дилемму эту однозначно разрешает не в пользу совести. Тем больше заслуга тех (а их, как мы видим из текста, было не так уж мало), кому удавалось все же, формально не нарушая служебного долга, следовать по возможности именно велениям совести. Что можно сказать по этому поводу? Несчастна та страна, которая ставит офицерский корпус перед таким «неуставным» выбором! Но вдвойне несчастно то государство, у офицеров которого в условиях развала государства и армии конфликта между преступным приказом и совестью, честью не возникает, так что они всегда делают выбор не в пользу двух последних.

К счастью (для будущего нашей страны, для сохранения боеспособности армии в период общего «раздрая», для армяно-русских отношений и для предотвращения развития событий по сценарию идеологов Великого Турана), отдававших предпочтение все-таки совести среди российских офицеров оказалось не так уж мало. Сохраняя воинскую дисциплину и все полагающиеся ритуалы, они упорно противостояли той гибельной для страны и преступной по сути политике, которую проводили в Закавказье такие люди, как генерал Сафонов или Председатель Оргкомитета НКАО Поляничко и целый ряд «начальников» среднего звена, озабоченных в годы народного бедствия только собственными обогащением и карьерой.

Не удержусь еще раз назвать имена полковников Гудкова, Шевелева, Ткача, Кузнецова, генералов Ковалева, Воронова, Некрылова, Старикова, офицеров следственно-оперативной группы и сослуживцев автора по МВД СССР… Если бы не они, если бы не такие, как они, тогда уже приводившаяся фраза Андрея Мальгина о том, что в Карабахе «растет новое поколение, у которого ненависть к русским будет заложена в крови», оказалась бы провидческой. И Карабах был бы для предавшей его России навсегда потерян. Ну а что это повлекло бы за собой, даже подумать страшно.

Но самое главное: он, Карабах, был бы потерян и для России, и для Армении, если бы среди карабахцев не нашлось в критической ситуации людей, способных из рядовых газетчиков, комсомольских работников, «совслужащих» превратиться, когда это стало необходимо их Родине, в талантливых организаторов, неуловимых подпольщиков, пламенных ораторов, хладнокровных государственных деятелей и талантливых командиров. Слава Богу, нашлись.

Мы, члены КРИКа, хорошо, как нам казалось, знали по многочисленным поездкам в Карабах и Аркадия Гукасяна, и

Роберта Кочаряна, и Сержа Саркисяна, и, конечно, Зория Балаяна. Видели, какая тяжесть забот и ответственности лежит на их плечах и с каким спокойным достоинством они несут эту тяжесть. Но «Дневник офицера» и нам немало раскрыл в образе лидеров нового типа, которых не начальство назначало на руководящие посты за их послушание, а жизнь сделала вождями, народ уполномочил страну возглавить в самый трагический момент ее жизни.

Думается, без столь хорошо организованного, умело законспирированного и неразрывно связанного с народом подполья Карабаху в те трудные месяцы было бы не устоять. А Карабах — не Россия, на просторах которой перед напором превосходящих сил противника можно отступать тысячи километров, а потом отвоевать все назад. Карабахцам отступать было некуда. Танковой атакой из Агдама его можно проутюжить насквозь за пару часов стремительного «дранга».

Мы не раз «всей семьей» во время своих фронтовых командировок ночевали еще у одного героя книги — доктора Валерия Марутяна. Почти каждый вечер этот спокойный мужественный человек после напряженнейшего дежурства в госпитале брал винтовку и шел с сыном Артуром еще на одно дежурство — ночное, боевое. Так вот — единым лагерем, под незаметным постороннему глазу, но очень четким и умным руководством — жил в дни жестокой блокады день за днем, месяц за месяцем Нагорный Карабах. Чуть позже у него сформировалась компактная, но самая боеспособная во всем СНГ (и, думается, не только в нем) армия, сотворившая чудо, над которым до сих пор ломают головы военные специалисты всего мира. Турецкие — с особым старанием.

Что ж, им будет тоже полезно прочитать эту книгу. Особенно советую приглядеться к главам, в которых рассказывается, например, про партизанку «Назик и ее земляков-аршалуйсцев» или про красавицу актрису Жанну Галустян… Впрочем, в целом над всей книгой стоит задуматься. Мирный народ, берущийся не по своей воле за оружие не для того, чтобы убивать «неверных» и тем заработать себе место в раю, а для того, чтобы отстоять Родину, спасти детей, культуру, само право ходить по земле и дышать воздухом, истребить можно. Победить нельзя.

Карабах выстоял. И это была победа. Но такие победы, над таким противником, которые выпали на долю граждан Карабаха, даются нелегко. Народ в этом райском уголке Земли устал от войны, разрухи, блокады. Он совершил подвиг, который будет воспет историками всего мира, когда они наконец поумнеют и смогут понять, что именно сделали эти люди для человечества. А

не поумнеют — тем хуже для них, но уж российским-то летописцам не понять этого — грех непозволительный, смертный.

Тем важнее осознать России, кто и какой ценой отбил самую первую бешеную атаку на нее, в нынешней ситуации, когда ей почти открыто объявлена полномасштабная война. Понять, что террористическая акция в Москве — не последняя и что в разворачивающейся Третьей мировой каждый верный друг для нас на вес золота! И что настало время, когда не Россию кто-то должен спасать и защищать, а ей самой полагается взять на себя миссию главного щита от наступающих орд дикарей. И отбить их атаки, какими бы подлыми средствами атилы XXI века ни пробовали поставить мир на колени!

Андрей НУЙКИН